

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

**Зарубежный
остросюжетный
детектив**

ДЖЕЙМС ХЭДЛИ ЧЕЙЗ

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

1

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

**Зарубежный
остросюжетный
детектив**

**ДЖЕЙМС
ХЭДЛИ
ЧЕЙЗ**

ТАЛЛИНН "БИБЛИОТЕКА "ЛООМИНГ" 1990

Титулы оригиналов:
"THE FLESH OF THE ORCHID"
1948
"TIGER BY THE TAIL"
Robert Hale LTD. 1954

Составитель А. Саяпин
Художественное оформление А. Лоевский

Чейз Д. Х.

Ч 36 "Библиотека зарубежного криминалистического и приключенческого романа". Выпуск 1. Перевод с английского. Составитель А. Саяпин.— Таллинн "Библиотека "Лооминг", 1990—336 с.

ISBN 5-7979-0412-8

"Библиотека "Лооминг" начинает выпуск серии книг "Библиотека зарубежного криминалистического и приключенческого романа". В первом сборнике Вашему вниманию предлагаются два наиболее увлекательных романа мастера детектива Д. Х. Чейза: "Смерть шла вместе с ними" и "Поймать тигра за хвост", а также рассказ П. Макгер "Все остается победителю".

В первом романе данного сборника снова появляются герои уже знакомые Вам по книге "Нет орхидей для мисс Блэндиш". Второй роман также насыщен увлекательными приключениями, погонями, перестрелками и всем тем, чтобы удерживать читателя в постоянном напряжении.

4703010100 — 044

ч

904(15) — 90

ISBN 5-7979-0412-8

© Перевод на русский язык.
"Библиотека "Лооминг", 1990

СМЕРТЬ ШЛА ВМЕСТЕ С НИМИ

БЕГСТВО И ПРИКЛЮЧЕНИЕ ОПАСНОЙ БОЛЬНОЙ

Где-то в доме, перекрывая шум грозы, которая заставляла дрожать все двери и окна здания, сквозь капитальные стены раздался пронзительный женский вопль. Нечеловеческий крик, который не был криком боли и страха, а крик идиотки или ненормальной... Он повышался, усиливался, чтобы замереть потом в жалобном стоне. Жалоба сумасшедшей о своей судьбе.

В конце узкого коридора, пересекающего все здание по его длине, появилась молодая и привлекательная сиделка. Она несла на подносе ужин и оставила его на белом эмалированном столике перед одной из дверей.

В этот момент из-за угла коридора появился темноволосый, коренастый мужчина, челюсть которого украшали два золотых зуба.

Он широко и немного цинично улыбнулся при виде сиделки, но эта улыбка скоро перешла в недовольную гримасу: вновь заволновала сумасшедшая на верхнем этаже.

— Она действует мне на нервы своими воплями, — говоря это, он приближался, слегка волоча ноги. — Если бы я держал ее, она кричала бы не без причины, — добавил он, останавливаясь возле сиделки.

— О, это ведь номер десять! — возразила сиделка, поправляя локон, падающий из-под чепчика на ее красивое лицо. — Во время грозы она всегда такая. Было бы неплохо поместить ее в комнату с обитыми тканью стенами.

Ей нужно делать уколы, — заявил коренастый. — Она вызывает у меня содрогание. Если бы я знал, что здесь будет такое, то никогда бы не согласился на подобную работу.

— Не будьте таким несдержанным, Джоз, — промолвила сиделка, не выказывая к нему ни капли сочувствия. — А что вы ожидали встретить в доме для сумасшедших?

— Только не это, — качнул головой Джоз. — Мои нервы совершенно не выдерживают. А эта ведьма из пятнадцатого, так она пыталась сегодня утром вырвать у меня глаза! Вы в курсе?

— Об этом знают все, усмехнулась молодая девушка, — и, кажется, вы дрожали там, как осиновый листок.

— Мне даже не удалось вырвать хотя бы рюмку коньяка у

доктора Траверса, — сказал Джоз с легкой grimасой. — Этот подонок сунул мне под нос соль! — немного помолчав, подавляя свою злобу, он продолжил: — Послушайте этот ветер. Тут и так достаточно мрачно и без этого ветра, завывающего подобно погибшей душе!

— Вы прочитали об этом в книге, — заявила сиделка. — А я люблю ветер.

— Тогда я вас покидаю, — уныло произнес Джоз.

Вопли сумасшедшей неожиданно сменились диким смехом — смехом прозительным, безрадостным, без эмоций и жизни. Это вызывало дрожь, и особенности на фоне разыгравшейся грозы.

— А ее милый смех, он вам тоже нравится? — спросил Джоз. У него пересохло в горле и беспокойно забегали глаза.

— Мы привыкли к этому, — хладнокровно ответила сиделка. — Сумасшедшие, как дети: они просто пытаются объясниться.

— Ей это великолепно удается. Она может гордиться этим. Наступило молчание, потом сиделка спросила:

— Вы уже свободны?

Джоз задумчиво взглянул на нее с видом наполовину насмешливым, наполовину дружеским.

— Это приглашение? — приблизился он к ней.

Сиделка рассмеялась.

— Боюсь, что нет, Джоз, — с сожалением промолвила она. — Мне еще надо подать восемь обедов. Раньше чем через час я не кончу.

Джоз принялся, устремив взгляд на поднос.

— Скажите, пожалуйста, как их хорошо кормят! — удивился он, взяв с одного из блюд стебелек сельдерея. — До того, как я попал сюда, я воображал, что их кормят сырым мясом через железные решетки! — он откусил кусочек сельдерея и стал прожевывать его, одновременно подмигивая девушке.

— Не трогайте обеда больного! — возмутилась сиделка. — Что за манера! Такие вещи здесь не делаются.

— Что сделано, то сделано, — спокойно возразил Джоз, — однако, это вкусно. К тому же, к чему говорить о стебельке сельдерея, когда у нее такое огромное наследство!

— Вот как! Вы, я вижу, в курсе дела.

Джоз бросил на нее косой взгляд.

— Понимаете, от меня мало что ускользает. Я прижимал ухо к телефону, пока доктор Траверс разговаривал по параллельному аппарату. Кое-что я подслушал через замочную скважину. Шесть миллионов долларов! Это то, что оставил ей Блэндинш, не так ли? — губы Джоз сложились в трубочку. — Подумать только... шесть миллионов долларов!

— Мне пора работать. Значит, я вас увижу сегодня вечером, — она лукаво посмотрела на Джоз. — Вы на самом деле решили потерять вечер, лежа в постели?

Джоз окинул ее раздевающим взглядом.

— О'кэй! Итак, в восемь часов, но не заставляйте меня ждать. Мы встретимся в автомобиле в гараже. Кроме других интересных вещей, я могу научить вас водить машину, — он лукаво подмигнул ей и удалился, немного волоча ноги, занятый только своей персоной и безразличный к своей предполагаемой победе.

Сиделка посмотрела ему вслед, вздохнула и взяла ключ, висевший на тонкой цепочке на ее талии.

На втором этаже снова завопила женщина. Казалось, она обрела новые силы, и ее крики перекрыли шум дождя, хлеставшего по стенам дома. Чуть ослабевший ветер стонал в дымовой трубе. Где-то в здании резко хлопнула дверь.

Сиделка открыла дверь и вошла в комнату: железный стол у окна, кресло напротив двери — оба вделанные в пол. На потолке горела лампочка без абажура, окруженная проволочным колпаком. Светло-голубые стены комнаты были обиты толстыми, мягкими матами. Вдоль стены, далеко от двери, располагалась кровать, в которой находилась неясная женская фигура, видимо, уснувшая.

Сиделка, все еще с мыслями о Джоэ, поставила поднос на стол и приблизилась к кровати.

— Проснитесь! — резким тоном приказала она. — Вы не должны спать в это время. Ну, вставайте, я принесла вам обед.

Фигура под покрывалом не шевелилась. И тут, без всякой на то причины, растерявшаяся сиделка почувствовала какое-то беспокойство.

— Ну, проснитесь же! — повторила она более жестким тоном, ткнув пальцем в неподвижную фигуру, но встретила лишь мягкую подушку и сразу поняла... Дрожь ужаса пробежала по ее телу, когда она сорвала покрывало. Едва она обнаружила исчезновение больной, как железные пальцы, высунувшиеся из-под кровати, ухватили ее за лодыжку, с силой дернули и заставили опрокинуться назад.

Ужас заглушил крик, который поднимался к ее губам в то время, как она падала. В мгновения, показавшиеся ей вечностью, она судорожно вырывалась, стараясь сохранить равновесие, потом все-таки упала, ударившись головой об пол и потеряв сознание. Несколько секунд она оставалась неподвижной, ошеломленной и без мыслей. Потом сознание ее пробудилось, и мысль остаться наедине с опасной сумасшедшей пробудила в ней мужество отчаяния, и она попыталась встать. Ей смутно показалось, что на нее навалилась какая-то фигура, и жалкий стон вырвался из ее уст, когда она убедилась, что мышцы отказываются ей повиноваться. Внезапно на ее лицо обрушился удар подноса со всем содержимым.

Сумасшедшая со второго этажа вновь стала смеяться смехом таким же тупым и зловещим, как смех гниены.

Джоэ, втянув голову в плечи, как будто ожидая получить удар по затылку, прошел по длинному темному коридору и спу-

тился по лестнице в подвальный этаж. Он успокоился, только оказавшись в комнате, которую он занимал вместе с Сэмом Гарландом, шофером доктора Траверса. Сэм лежал под покрывалом на своей походной кровати. Его широкое лицо было повернуто к потолку, глаза закрыты.

— Какая ночь!— воскликнул он, когда вошел Джоэ.— Я не помню, чтобы когда-нибудь видел подобное!

— И такая мрачная...— добавил Джоэ, подойдя к лечке и упав в кресло.— Там, наверху, есть добрая женщина, которая вопит и хохочет так, что у тебя появляется гусиная кожа. Это действует мне на нервы.

— Я ее тоже слышал. Скажи, а если она вырвется и попадет к нам, когда мы будем спать?— Гарланд выдавил из себя улыбку.— Ты никогда не думал об этом, Джоэ? Она может появиться здесь в темноте с ножом в руке и перерезать нам глотки. Тогда сй будет над чем смеяться, а?

Но Джоэ уже не слушал его: наклонившись вперед, он пристально уставился на дверь.

— Что случилось?— изумился Гарланд.

— Там, за дверью, кто-то есть!— прошептал Джоэ.

— Вероятно, это Борис Карлов,— предположил Гарланд, но улыбка его погасла.— Ты не можешь встать, Джоэ, и взглянуть, что там такое?

— Вставай сам!— шепнул Джоэ.— Я не собираюсь этого делать и за сто долларов.

Некоторое время мужчины оставались неподвижными. Чья-то рука шарила по их двери, и опять скрипнула половица... Неожиданный шум шагов в коридоре сразу заставил их вскочить. Гарланд откинул покрывало, Джоэ опрокинул стул. Прошло еще несколько секунд, затем хлопнула дверь черного хода, и в коридор ворвался поток холодного воздуха.

— Кто же это был?— дрожащим голосом спросил Джоэ, возвращаясь к креслу.

— Просто кто-то вышел, дурацкая твоя башка!— проворчал Гарланд, вновь растягиваясь на кровати.— Что у тебя за дрянные нервы! Ты кончишь тем, что испортишь мне печень, если будешь продолжать в том же духе.

Джоэ провел рукой по волосам.

— Ах, я и сам ничего не понимаю. Что-то я плохо себя сегодня чувствую,— признался он.

— Это потому, что ты наслушался криков этой дуры, и из-за проклятой грозы.

Джоэ продолжал прислушиваться, устремив взгляд на дверь.

— Кончай взвинчивать себе нервы!— насмешливо проговорил Гарланд.— Вскоре тебя придется запереть, если ты не перестанешь обращать внимание на всякую чепуху.

— Слушай,— шепнул Джоэ.— Теперь ты слышишь? Это пес, послушай его.

Где-то в саду заунывно выл пес. Ветер разносил его жалобу.

— Почему бы псу не поплакать, если ему этого хочется? — нехотя произнес Гарланд.

— Но не так же! — у Джоз вытянулось от страха лицо. — Пес кричит так только тогда, когда ему страшно. Что же его так напугало?

Они внимательно прислушались к мрачному вою пса, и неожиданно Гарланд тоже задрожал.

— Ну вот, теперь и меня проняло! — разозлился он, встал и пошел к окну, всматриваясь в темноту. — Ничего не видно. Давай выйдем?

— Ни за что! — решительно заявил Джоз. — В эту проклятую темноту — ни за какие блага в мире!

Новый шум — пронзительный звонок — поднял их на ноги.

— Это сигнал тревоги! — закричал Гарланд, быстро натягивая пижжак. — Рвапули, Джоз, нужно торопиться!

— Тревога? — тупо повторил Джоз и почувствовал, как ледяная дрожь пробежала у него по спине и дошла до корней волос. — Какая тревога?

— Да, сумасшедшая сбежала! — завопил Гарланд, отталкивая Джоз, чтобы пройти к двери. — Нравится тебе это или нет, но теперь тебе придется выйти!

— Вот что мы слышали... Вот почему выл пес. — шептал под нос Джоз, направляясь к двери.

Но Гарланд уже бежал по коридору, и Джоз, ужаснувшись мысли, что придется остаться одному, попытался догнать Сэма.

Среди порывов ветра и дождя снова завыл пес.

Шериф Кэмп быстрым жестом выплеснул воду, скопившуюся на полях его шляпы, и последовал за сиделкой в кабинет доктора Траверса.

— Итак, что у вас происходит, доктор? — спросил он, пожимая руку высокому угловатому мужчине, вышедшему ему навстречу. — Один из ваших больных вырвался на свободу?

Траверс подтвердил этот факт кивком головы. Его глубоко посаженные глаза с тревогой смотрели на шерифа.

— Мои люди сразу же кинулись ее разыскивать, — сообщил он, — но мы нуждаемся в помощи полиции. Это весьма ответственная задача: сбежала опасная пациентка.

Шериф потянул себя за усы, пожелтевшие от сока жевательного табака. Его светлые глаза выразили удивление.

— Это настолько серьезно? — спросил он.

— Я нахожусь перед невероятно трудной задачей, — продолжал Траверс. — Если эта история попадет в газеты, я буду разорен. Это как раз та единственная больная, которой я не должен был позволить убежать.

— Я помогу вам всем, чем смогу, доктор, — усаживаясь, заявил Кэмп. — Можете рассчитывать на меня.

— Знаю, — Траверс продолжал рассказывать из одного угла комнаты в другой. Наконец он резко проговорил: — Эта больная — наследница Джона Блэндиша. Это имя вам что-нибудь говорит?

Кэмп нахмурил брови.

— Джон Блэндиш — это имя мне знакомо. Вы имсете в виду того миллионера, дочь которого была похищена примерно двадцать лет назад?

— Совершенно верно. И нам необходимо поймать ее прежде, чем кто-нибудь узнает, что она убежала. Вспомните о шумихе в газетах, которую вызвала в прошлом году смерть Блэндиша. Если же это происшествие будет предано огласке, все возобновится снова, и мне придется закрыть свое дело.

— Успокойтесь, доктор, — спокойно проговорил Кэмп, — мы ее найдем. — Он потянул себя за ус и продолжил: — Вы говорите, что она наследница старого Блэндиша? Почему же ему понадобилось оставлять свои деньги сумасшедшей? Мне это не кажется разумным поступком.

— Она его внучка... незаконная, — пробормотал Траверс, понижая голос. — Сообщаю вам это совершенно конфиденциально.

— Что вы говорите! — выпрямляясь, воскликнул Кэмп.

— Дочь Блэндиша была похищена одним дегенератом, врожденным убийцей, — после минутного колебания добавил Траверс. — Она находилась у него в руках в течение нескольких месяцев, прежде чем ее разыскали. Вы помните, что она покончила с собой? Бросилась из окна как раз перед прибытием отца... Она умерла от ран.

— Да, все это я знаю, — нетерпеливо заметил Кэмп.

— Но есть то, чего вы не знаете. Перед тем как умереть, она родила ребенка — дочь. И отец этого ребенка был похититель Гриссон!

Кэмп невольно свистнул:

— И ваша больная это тот ребенок, который вырос?

Траверс утвердительно кивнул.

— Еще ребенком Кэрол была страшно похожа на мать, и Блэндиш не мог выносить ее присутствия. Кэрол воспитывалась приемными родителями. Блэндиш никогда не навещал ее, но сделал так, чтобы у нее было все нужное. Тот факт, что ее отец был опасный маньяк, заставлял его с презрением относиться к Кэрол, но в течение первых восьми лет жизни никакие признаки не указывали, что она унаследовала преступные склонности ее отца. Но она постоянно находилась под наблюдением. Когда ей стало десять лет, она перестала контактировать с другими детьми, стала угрюмой, у нее появились вспышки гнева. Блэндиша сразу предупредили, и он принял меры. Была нанята специальная сиделка, чтобы охранять ее. Взрывы ее необузданного гнева

становились все чаще и все сильнее. И вскоре стало ясно, что ее нельзя оставлять одну в окружении людей более слабых, чем она сама. Когда ей исполнилось девятнадцать, ее пришлось запереть. С тех пор вот уже три года ею занимаюсь я.

— Вы сказали, что она опасна. Что вы хотели этим сказать?

— Это очень трудно объяснить. Она жила под наблюдением специалистов, которые всегда были настороже. Я не хочу, чтобы вы вообразили, что она постоянно злобная и опасная. Ничего похожего! Фактически большую часть времени — это очаровательная молодая девушка. В течение нескольких месяцев она вела себя совершенно нормально, причем настолько нормально, что казалось жестоким держать ее за решеткой. А потом, внезапно, она набрасывалась на кого-нибудь, находящегося возле нее. Это страшная форма сумасшествия — шизофрения.

Видя, что Кэмп сидит с открытым ртом, доктор продолжал:

— Вроде двойного существования, как у Джакилли и Хэйда. Как будто какой-то железный заслон опускался в ее голову без предупреждения и делал из нее опасную сумасшедшую, склонную к убийству. Самое неприятное, как я вам уже сказал, это то, что не существует никаких признаков приближающегося кризиса. Если она заболевает, то может наброситься на любого с необыкновенной силой и злобой. Когда у нее приступ, она в состоянии победить любого мужчину.

— Она уже кого-то убила? — спросил Кэмп, продолжая дергать себя за ус.

— Нет, но были два достаточно отвратительных инцидента, которые послужили причиной ее заключения за решетку. Один случай произошел, когда она увидела, как бьют собаку. Кэрл очень любит животных, и прежде чем служащий успел шевельнуть рукой, она кинулась на него и испарала ему лицо. У нее страшной силы руки. И этот тип в этой схватке потерял глаз. Служащий и прохожие с трудом оторвали Кэрл от ее жертвы. Она, безусловно, убила бы его. Было возбуждено дело, и ее заперли. Правда, это дело быстро замяли. Это стоило Блэдишу кругленькой суммы... — Траверс провел рукой по волосам и покачал головой. — А теперь, когда она свободна и может идти, куда ей вздумается, все, кто с ней повстречаются, не зная, с кем имеют дело, могут оказаться в серьезной опасности.

— Приятная перспектива! — воскликнул Кэмп. — И к тому же, ниши ее во время этой дьявольской грозы! Все это никак не облегчает дела!

— Необходимо, чтобы ее отыскивали быстро и без болтовни, — заявил Траверс. — Вы должны знать, что завещание Блэдиша только что утверждено и что забота о ее состоянии должна быть доверена попечителям. Это состояние превышает шесть миллионов долларов. Но если они прошахают, что Кэрл удрала и блуждает где-то в этих местах, то первый попавшийся ей навстречу

бездельник постарается заарканить ее и наложить лапу на ее миллионы.

— Да, но если ее состояние охраняется попечителями, то мне кажется, что деньги находятся в надежном месте.

— Не совсем так. Действующее законодательство этого штата особое: если сумасшедший убежит из клиники и проведет на свободе пятнадцать дней, нужно будет созывать новый консилиум врачей, прежде чем появится возможность вернуть больного в лечебницу. Более того, благодаря условиям завешания Блэндиша, если его внучка покинет клинику и не будет водворена обратно, она тем самым получит право пользоваться своим состоянием, и попечители будут отстранены. Видите ли, мистер Блэндиш никогда не верил в то, что ребенок неизлечим. Вот почему он составил такое завешание. Я полагаю, он жалел о том, что так мало интересовался малышкой, и пытался оправдать себя этим поступком.

— Следовательно, если в течение пятнадцати дней ее не найдут, вы потом не сможете вернуть ее сюда?

— Только после того, как трибунал выскажется в пользу ее задержания... и эта декларация должна сопровождаться ранее существующими документами! Кэрол должна доказать им, что нуждается в изоляции из-за психического расстройства, но это может стать невозможным, если она попадет в другой штат.

— Действительно, надо, кажется, срочно наложить на нее руку закона, — заявил Кэмп. — А деньги у нее есть?

— Нет, насколько мне известно. Во всяком случае, не думаю, чтобы они у нее были.

— У вас имеется ее фото?

— Нет.

— Тогда опишите мне ее, — попросил Кэмп, вытаскивая из кармана потрепанную записную книжку.

Траверс беспокойно заерзал.

— Ее не так легко описать, если хотите отдать ей должное. Слушайте: ее рост приблизительно метр шестьдесят пять, рыжие волосы, зеленые глаза. Она необыкновенно красива, с гармонично развитыми формами тела, очень изящна. Иногда она смотрит на вас довольно странным образом, из-под наполовину опущенных век, что придает ей довольно неискренний и неприятный вид. Единственный наружный признак неустойчивости ее психики — нервный тик с правой стороны возле губ.

Кэмп что-то проворчал, записывая все это в книжку, потом поинтересовался:

— А наружные физические отличительные признаки?

— Звездообразный шрам на запястье правой руки, нет, ошибаюсь, этот шрам на левой руке. Приехав сюда, она пыталась вскрыть себе вены во время нервного кризиса. Но что у нее особенно замечательно, так это волосы! Самые рыжие волосы из всех, которые я когда-либо видел, по-настоящему рыжие, не какая-

нибудь подделка. Они очень красивы и совершенно особого оттенка.

— Как она была одета, когда сбежала?

— Не хватает шерстяного платья темно-синего цвета и толстых уличных туфель. Кроме того, мой шофер сообщил, что его плащ, висевший в коридоре около его двери, исчез. Отсюда можно сделать вывод — плащ взяла Кэрл.

— О'кэй. Теперь можно отправляться на розыски. Я попрошу полицию наблюдать за всеми окрестными дорогами, пока мы будем искать ее по ближайшей округе. Не волнуйтесь, доктор, мы обязательно ее найдем.

Но в то время, как машина шерифа удалялась по аллее, у доктора Траверса появилось ощущение, что он ее не найдет.

Фургон замедлил ход и остановился перед скромным заведением под названием «У Энди». Ник Вурд с трудом слез со своего сиденья и пошел, спотыкаясь, по лужам, наклонив голову, чтобы избежать порывов ветра в лицо. Толкнув дверь, он стал наощупь пробираться по помещению, заполненному табачным дымом. Было очень жарко поэтому он направился к столу, находившемуся подальше от печки. Энди, хозяин заведения, приветствовал его радостными возгласами.

— Добрый вечер, Ник! Рад снова видеть тебя. У тебя измученный вид, парень! Ты останешься у меня этой ночью? Большинство твоих коллег остаются здесь. Есть местечко и для тебя.

— Мне жаль, но я вынужден ехать дальше, — лицо Ника осунулось от усталости, веки почти смыкались.

— Дай мне только чашечку кофе, Энди, и самого горячего... Завтра я должен быть в Саквилле...

— Ты просто сумасшедший! — возмутился Энди.

Он на мгновение исчез, и опять появился, но уже с кофе.

— Вы, фургонщики, просто ненормальная банда! Почему бы тебе хоть немного не поспать? Держу пари, что ты не ложился в постель не меньше трех недель!

— Ты угадал, — вставая, признался Ник. — Этот дождь совсем извел меня. Нет, ты только послушай!

— Он зарядил на всю ночь. Будь осторожен, мой мальчик!

— Спасибо. До свидания, Энди! В следующий раз, если мне повезет, получишь груз.

После тяжелой жары в придорожном кафе в маленькой кабине было холодно, и это разбудило Ника. Он отъехал от кафе, прибавил газ, и его фургон с оглушительным ревом устремился в темноту и дождь.

Неожиданно Ник наклонился, сверля взглядом темноту через окно. Фары выхватили из темноты фигуру молодой девушки, стоящей на краю дороги. Она казалась безразличной к дождю, кото-

рый хлестал по ней. Девушка даже не пошевелилась при виде приближающегося фургона.

Ник инстинктивно остановился возле молодой девушки, нажав на педаль тормоза. Теперь она находилась вне освещенной фарами зоны, и он смутно различал ее, но все же достаточно, чтобы заметить, что она была с непокрытой головой и мокрыми от дождя волосами. Ник был заинтригован и немало удивлен.

— Хотите сесть?— заорал он, чтобы перекрыть шум ветра, и открыл дверцу.

Девушка не сделала ни малейшего движения.

Он едва различал ее в темноте, но у него была уверенность, что невидимые глаза внимательно рассматривают и изучают его.

— Хотите войти?— повторил он.— Что вы тут делаете? Разве вы не видите, что идет сильный дождь?

— Да, я влезу,— наконец проговорила девушка безжизненным и ровным голосом.

Он нагнулся, взял ее за руку и втянул на сиденье рядом с собой.

— Сейчас сыро, просто дьявольски сыро!

Он перегнулся через нее и рывком закрыл дверь машины. При слабом свете приборного щитка он увидел, что на лезначомке был надет мужской плащ.

— Да, отвратительная вечная ночь!— согласилась она.

— Да, да, верно!— повторил Ник, по-прежнему весьма заинтригованный.

Он завел мотор и переключил скорость. И вновь перед ним стала расстилаться совершенно мокрая дорога. Неожиданно ему показалось, что он услышал вдалеке слабый звон колокола.

— Что это такое?— прислушиваясь, спросил он.— Можно подумать, что это колокол.

— Это сигнал тревоги из сумасшедшего дома,— ответила девушка.— Я хочу сказать, что кому-то повезло удрать оттуда!

И она рассмеялась легким металлическим смехом, почему-то отрицательно подействовавшим на нервы Ника.

Похоронный звон колокола, летящий по ветру, преследовал машину.

— Вы хотите сказать, что одному из ненормальных удалось удрать?— заинтересованно спросил Ник.

Он внимательно всматривался в темноту, почти рассчитывая увидеть вопящего и дергающегося человека, выпрыгивающего из кустов, окаймляющих дорогу.

— Держу пари, что вы были рады увидеть мой фургон и меня. Куда вы едете?

— Никуда!— ответила девушка. Она, в свою очередь, нагнулась, пытаясь разглядеть что-то через мокрое от дождя стекло. Свет от приборного щитка упал на ее тонкие руки, и Ник заметил на ее запястье тонкий, бледный шрам.

«Около артерий»,— подумал он.— Она, вероятно, здорово напугалась, когда это с ней случилось».

— Никуда?— со смехом повторил он.— Но это ведь невероятно далеко!

— Я появилась ниоткуда, еду в никуда, и я никто!— произнесла девушка со странной, необычной горечью в голосе.

«Это просто один из способов дать мне понять, чтобы я занимался своим делом»,— подумал Ник, а вслух продолжил:

— Я спрашиваю не из любопытства. Я направляюсь в Саквилл, если вам это интересно.

— Подойдет,— безразлично заметила она и замолкла.

Теперь начался тяжелый подъем в гору, и мотор нагрелся, наполняя кабину удушливой жарой. Ник продолжал движение. И чем выше в гору он забирался, тем больше ему хотелось спать. Он чувствовал, что сонливость охватывает его, подобно человеку, сидящему у огня. Навалилась дремота, стали путаться мысли. Он продолжал ехать, как автомат, забыв про молодую девушку, которую рытвины на дороге подкидывали, подобно тряпичной кукле.

За четыре последних дня у него было всего лишь шесть часов сна, и он дошел до предела своей выносливости. Его глаза беспрестанно закрывались, но он пытался держать голову прямо, смотря через полуопущенные веки вперед. Внезапно он повалился головой на руль, но сразу же проснулся, выпрямился и выругался про себя. Казалось, навстречу ему бежит край дороги. Он ухватился за руль, фургон заскользил, тормоза визжали... правые колеса проехали по краю обочины прежде чем снова выехали на асфальт. Груз из ящиков с грейпфрутами под брезентовой крышей сдвинулся с места и начал опасно раскачиваться. Одно мгновение ему показалось, что сейчас все рухнет. Это было кошмарным зрелищем. Ник подумал, что сейчас фургон опрокинется. Но груз в фургоне вновь обрел равновесие, и машина продолжала путь по мокрому, скользкому асфальту...

— Боже мой, простите меня!— ужаснулся он.— Видимо, я немного вздремнул.

Он бросил взгляд на девушку, ожидая увидеть ее помертвевшее от страха лицо, но она продолжала смотреть в окно так спокойно, как будто ничего не случилось.

— Вам не было страшно?— немного раздраженно поинтересовался он, видя ее такой спокойной.— Мы же чуть не свалились!

— И нас бы убило, не так ли?— тихо проговорила незнакомка. Он едва услышал ее из-за порывов ветра, бьющих по машине.— Вы боитесь умереть?

Ник скорчил гримасу.

— Никогда не надо разговаривать об этом в машине, это приносит несчастье. Фургон это наш дом,— произнес он, дотрагиваясь до приборного щитка.

Они ехали по горной дороге, и на крутом повороте ему пришлось снизить скорость.

— Отсюда дорога пойдет на подъем, — сообщил он, поудобнее устраиваясь на сиденье, чтобы крепче держать руль в руках. — Посмотрите, эта проклятая дорога стоит того.

Справа от них находилась гранитная стена, а слева пропасть. Ник переключил скорость, и фургон начал подъем, натужно гудя мотором.

— Наверху ветер еще сильнее! — заорал Ник, поворачиваясь к девушке.

Они слышали, как где-то впереди них сталкивались тяжелые обломки скал и падали в пропасть со страшным шумом. У Ника, казалось, прибавилось сил.

— Ветер дует с равнины и ударяет по горе. Я уже проделал этот путь в прошлом году при таком же ветре и потерпел аварию. Девушка промолчала, она даже не повернула к нему голову.

«Какая странная девушка, — подумал он, — мне бы очень хотелось получше ее разглядеть. Кажется, она хороша, как картинка».

Он зевнул и еще крепче ухватился за руль.

«Я пришла ниоткуда и я никто...»

Странное заявление. Может быть, она попала в скверную ситуацию? Или удрала из дома? Он покачал головой: пассажирка беспокоила его.

Но на следующем повороте он забыл про все, что не касалось непосредственно фургона.

Неожиданно на них набросился ветер и с такой силой, что мотор заглох. Фургон затрясся и отказался двигаться вперед. Можно было подумать, что они бросились очертя голову на глухую стену, так как они ехали навстречу ветру, обрушившему на них всю силу своих порывов. Потоки дождя залили стекла. Было совершенно невозможно что-либо увидеть через этот поток воды, с неистовой силой падающей на фургон.

Ник включил первую передачу. Фургон дернулся, вибрируя всем корпусом, и стал угрожающе раскачиваться. Целый ряд ящиков, закрытых брезентом, хляпающим по ветру, с глухим шумом рассыпался по дороге.

— Сто чертей! — заорал Ник. — Груз вываливается!

Ящики продолжали сыпаться на дорогу. Он перешел на задний ход, осторожно возвращаясь назад по крутому склону, чтобы укрыться за поворотом горы, но фургон плохо слушался руля. Ник всеми фибрами души почувствовал, как задние колеса отрываются от земли.

«Мы свалимся в пропасть», — подумал он, парализованный страхом. Он хотел открыть дверцу и спрыгнуть, чтобы спасти свою шкуру, но никак не мог решиться бросить фургон с грузом.

Машина потихоньку сползала на край дороги. Безуспешно пытаясь противостоять скольжению, Ник до отказа нажал на педаль:

колеса забуксовали, фургон дернулся назад, проехав по виражу на трех колесах, четвертое вращалось в воздухе — и добрался до укрытия за горой. Тут он затормозил, выключил зажигание, не смея поверить своему счастью, что они остались живы, и с пересохшей глоткой упал на сиденье со все еще напряженными мышцами.

— Вот это да! — буркнул он, сдвинув фуражку назад и вытирая мокрый лоб обшлагом рукава. — Боже мой! Еще немного — и все было бы кончено!

— А что вы теперь собираетесь делать? — поинтересовалась девушка так же спокойно, как и до этого момента.

У Ника не было сил разговаривать: выпрыгнув из машины под дождь, он кинулся осматривать потери.

При свете фар он увидел на дороге ящики, повсюду валявшиеся на дороге. Некоторые из них при падении раскрылись, и желтые шары фруктов блестели под дождем.

— Придется дожидаться утра, — пробормотал он себе под нос, слишком измученный, чтобы разозлиться. Он снова потерпел аварию на этой горе, причем точно так же, как и в прошлом году.

Девушка возникла из темноты как привидение и заставила его вздрогнуть.

— Мы потерпели аварию, — обратился он к ней. — Возвращайтесь в кабину, а мне необходимо подобрать рассыпавшиеся ящики.

— Мы что, не поедem дальше? — спросила она, приблизившись к нему вплотную, чтобы он смог ее услышать сквозь ветер.

— Нет! — заорал он с неожиданной яростью. — Боже мой, возвращайтесь в фургон и оставьте меня в покое!

Слишком огорченный несчастьем, чтобы заниматься ею, он отвернулся от нее и зажег бенгальские огни. Их белое пламя под дождем и ветром со свистом и шипением освещало дорогу и валявшиеся ящики. Ник с диким усердием, действуя как в кошмаре, принялся освобождать дорогу от ящиков. Промокший до костей и измученный, он с трудом забрался в кабину. Девушка заняла его место за рулем, но он был совершенно обессилен, чтобы сказать ей, чтобы она подвинулась. Он завалился в противоположный угол и закрыл глаза.

И прежде чем он успел подумать, что надо будет сделать утром, и даже до того, как он осознал всю тяжесть своей участи, он заснул, уткнувшись подбородком в грудь. Его веки не выдержали собственной тяжести и сомкнулись.

Ник у спалось, что он вел фургон, солнце весело сверкало в небе, тихонько дул теплый ветерок и машина осторожно шла на поворотах. Было замечательно вести машину. Он больше не ощущал усталости, напротив, никогда еще он не чувствовал себя лучше. Равномерно урчал мотор, стрелка спидометра показывала сто десять километров в час. Его жена Конни и малыш сидели рядом. Они улыбались и любовались мастерством, с которым он

вел машину. Мальчик кричал ему, чтобы он ехал еще быстрее, и фургон, казалось, стал парить над дорогой с грацией и скоростью ласточки. Внезапно сон превратился в кошмар. Руль в его руке сломался, как будто был сделан из бумаги. Машина неожиданно свернула в сторону, заехала за край дороги и стала скользить, все быстрее устремляясь вниз...

Ник очнулся от ужаса. Вопли Конни все еще звучали в его ушах.

Одно мгновение ему казалось, что фургон продолжает свое падение, так как машину сильно трясло... Затем он понял, что фургон с сумасшедшей скоростью спускается с горы: лучи фар стремительно перемешались в темноте. Наполовину парализованный страхом и сном, он инстинктивно стал шарить в поисках ручного тормоза. Нога Ника опустилась на педаль. Он судорожно двигал ногой, но ничего не обнаружил... Только тогда до него дошло, что это не он вел машину, а незнакомка, сидящая за рулем. Прежде чем его отяжелевший мозг успел сообразить все это, другой шум достиг его ушей: завывание полицейской сирены позади них. Теперь Ник окончательно проснулся и был полон гнева и беспокойства.

— Что же вы делаете? Вы что, больны?— заорал он.— Остановите машину! Остановите машину! Тормозите! Боже мой!

Девушка неподвижно сидела за рулем, не обращая на него ни малейшего внимания. Она все сильнее и сильнее жала на педаль газа, заставляя мотор вибрировать от перегрузок. Ящики в кузове перекатывались и колотились о брезент.

— Вы сошли с ума!— вопил Ник, не смея дотронуться до нее из-за боязни, что она может свернуть с дороги.— Вы хотите отплатить нас на тот свет? Остановитесь, недоделанная идиотка!

Но она оставалась глухой к его стенаниям. Фургон все так же лихорадочно трясся, пожирая мило за милей сквозь дождь и ветер.

Позади них завывала сирена. Ник высунулся в окно, пытаясь разглядеть что-либо в темноте, в то время как дождь хлестал его по лицу. Сзади виднелась одна фара, и Ник догадался, что их преследует флик на мотоцикле. Повернувшись к девушке, он отчаянно закричал:

— Нас преследует флик за нарушение скорости движения. Остановитесь! Не может быть и речи, чтобы убежать от него. Остановитесь, вы меня слышите?!

— Меня он не поймает!— проговорила девушка высоким и ясным голосом, перекрывающим шум мотора и свист ветра. Она рассмеялась тем механическим смехом, который раздражал его раньше.

— Не будьте идиоткой!— продолжал он, придвинувшись к ней вплотную.— Мы кончим тем, что врежемся в скалу или в дерево. Вы не сможете убежать на этом фургоне от флика! Остановите машину!

Дорога перед ними резко расширилась.

— Вот теперь все произойдет! Флик обгонит нас и загородит путь! — закричал Ник, а про себя подумал: «Тем хуже для нее. Это она будет отвечать, а я тут ни при чем. Какая дурная молodka!»

Все вышло так, как он и предвидел. Резкий звук мотора мотоцикла, ослепительный блеск фары — и флик обогнал их: коренастая фигура в черном плаще, голова наклонена к рулю.

— Необходимо, чтобы вы остановились! — заорал Ник. — Сейчас он станет посреди дороги. Если вы не остановитесь, то убьете его. Остановитесь!

— Ну и что, тогда я его раздавлю, — спокойно заявила незнакомка.

Ник взглянул на нее и понял, что она сделает именно так, как сказала.

— А вы немножко не того... — начал он и умолк. Сердце в его груди внезапно заколотилось.

Гленвилл... колокол... кому-то удалось убежать... этот странный металлический смех... «Я никто, я пришла ниоткуда...»

Ведь она сумасшедшая! Да! Да! Она ненормальная, а флик преследовал ее, чтобы вернуть в Гленвилл!

Ник отпрянул от нее с глазами, выпученными от страха. Он не может оставаться спокойным, ничего не предпринимая. В противном случае, она задавит флика, убьет его и себя! Что же делать? Если бы только он смог вырубить зажигание, но посмеет ли он? Если она увидит это, то может перевернуть машину. Он, задыхаясь, смотрел в окно. Снова начался подъем. По левую сторону находился деревянный барьер, покрашенный в белый цвет, служащий ограждением и указывающий на извилины дороги. Если она будет придерживаться левой стороны, они пропали, но, если они повернут направо, у них останется шанс, правда, очень маленький, что они успеют выскочить из машины прежде, чем загорится резервуар.

Флик делал им знаки остановиться. Позади мотоцикла слабо светился сигнал: «Полиция! Стоп!»

— Нужно остановиться, малышка! — в отчаянии закричал он. — Это не вас он преследует, а меня! Вам нечего беспокоиться!

Девушка снова рассмеялась, а когда прочла светящийся сигнал, то направила фургон прямо на мотоцикл. Ник заметил, что полицейский уменьшил скорость, и теперь фургон мчался прямо на него, и фары упирались флику в спину.

«Дурак! — думал Ник. — Ведь он должен знать, что она ненормальная и запросто наедет на него».

Ник высунулся из окна и закричал согнувшейся над рулем фигуре полицейского:

— Убирайтесь с дороги! Она вас раздавит, болван! Убирайтесь с пути!

Ветер унес его крик. Шум фургона и ветра не дал возможности флику услышать его отчаянный вопль. Флик еще больше снизил скорость, держась ровно посреди дороги. Капот фургона был уже не более чем в двадцати шагах от мотоцикла.

Охваченный паникой, Ник повернулся, чтобы выключить зажигание, но скрюченные пальцы впились в его лицо, острые ногти вонзились в его щеки, а голова его резко ударилась о железную стенку кабины в то время, как фургон, заехавший задними колесами на траву, вильнул и тяжело выехал на дорогу. Оцепенев от ужаса и боли, Ник спрятал лицо в руках. Между его пальцев струилась кровь.

Подняв голову, он увидел, как это случилось. Флик, бросив взгляд назад, почувствовал опасность. Ник заметил мелькнувшее перед ним лицо в толстых очках, забрызганное грязью и с широко раскрытым ртом, что-то кричащим. Мгновение оба водителя находились на прежнем расстоянии. Мотоциклист пытался ускользнуть, а девушка за рулем — настичь и раздавить. Мощным рывком фургон ударил по мотоциклу и небрежно подкинул его в воздух. Среди завывания ветра Ник слышал крик ужаса полицейского, треск мотоцикла, ударившегося о скалу, и увидел темную массу, освещенную фарами, которая тяжело поднималась на дороге перед машиной.

— Осторожней! — закричал он, закрывая лицо руками.

Полицейский пытался подняться в тот момент, когда фургон настиг его. Машину тряхнуло, и правое колесо забуксовало. Что-то брызнуло на ветровое стекло, оказавшееся красным пятном, но сразу же смытое дождем. Заднее колесо также пробуксовало и проехало по чему-то мягкому. Затем перед ними открылась молчаливая и пустынная дорога.

— Вы его убили, мерзкая тварь! — завопил Ник.

Не раздумывая, он бросился к ключам зажигания, пытаясь одновременно защититься от скрюченных пальцев. Ему удалось это сделать и завладеть рулем. Он пытался вывести машину на правую сторону, чтобы приблизиться к горе, но девушка оказалась сильнее. Машина страшно петляла по дороге, в то время как они боролись за обладание рулем.

Лицо Ника было совсем близко от лица незнакомки. Он видел ее глаза, блестящие, как две лампочки за зелеными стеклами. Он грязно выругался и хотел ударить ее, но резкий поворот машины изменил направление его удара. Девушка бросила руль и сама кинулась на него.

Ее ногти вонзились в его глаза, раздирая веки и ослепляя его. Он почувствовал, как горячая кровь потекла по его лицу, и, завопив от боли, откинулся назад, шаря вокруг руками и ничего не видя.

Сумасшедшая девушка бросила руль и кинулась на него. Ее руки схватили его за горло, а длинные пальцы вонзились в кожу.

Раздавив белый барьер ограждения, фургон достиг края дороги. Его фары осветили зиявшую под ними пустоту. Камни ударили по крыльям автомобиля, колеса скользили по сломанному барьеру. Одну секунду барьер, казалось, висел между небом и землей, потом все затрещало, и он обрушился в темноту.

Большой «бьюик», превращенный в ликап, капот которого сверкал на солнце, без труда преодолевал крутой подъем горной дороги.

За рулем находился Стив Ларсон. Рядом с ним развалился его брат Рой. Ничто не указывало на родство обоих мужчин. Стив, высокий, мускулистый блондин со смеющимися глазами голубого цвета и загорелой кожей человека, живущего на воздухе под солнцем, казался моложе своих тридцати двух лет. На нем были надеты бархатные брюки и ковбойская рубашка, засученные рукава которой позволяли видеть мускулистые загорелые руки.

Рой был старшим. У него были тонкие поджатые губы и маленькие агатовые глаза. Он был темноволосым и на голову ниже брата. Его резкие движения и жесты наводили на мысль, что у этого человека не в порядке с нервами. Элегантная одежда Роя казалась нелепой в этой стране гор.

Стив бросил свой питомник лисиц на вершине Синих гор, чтобы отправиться на вокзал встречать Роя, который прибывал из Нью-Йорка. Братья не виделись в течение долгих лет, и Стива заинтересовала причина неожиданного появления Роя. Если бы по крайней мере они были бы хоть немножко привязаны друг к другу... Их ледяная встреча на вокзале не удивила Стива, и на протяжении первых двух миль езды братья не обменялись ни единым словом. Рой явно нервничал и постоянно глядел в заднее стекло, как бы стараясь удостовериться, что за ним никто не следит. Это порядочно раздражало Стива, но, отлично зная вспыльчивый нрав своего брата, он не спрашивал его, по какой причине он это делает.

— Ты неплохо выглядишь, — проронил Стив, пытаясь завязать разговор. — Как твои дела в Нью-Йорке? Я рад тебя видеть после стольких лет отсутствия, — продолжал Стив, не очень уверенный в своей искренности. — Что послужило поводом твоего внезапного появления?

Если Рой скрывал что-то, а Стив был уверен, что он что-то скрывает, то это было попыткой вызвать доверие.

Но Рой ответил уклончиво:

— Я подумал, что мне пойдет на пользу небольшая перемена места и климата. Во всяком случае, сейчас в Нью-Йорке очень жарко.

Он угрюмо взглянул на высокие горные вершины, вырисовывавшиеся на горизонте. В какую сторону тут ни взглянешь, по-

всюду виднелись вершины гор, одни острые, другие закругленные, а их покрытые снегом вершины представляли собой замечательное зрелище при солнечном свете.

— Это немного зловещее место, — буркнул он, невольно потрясенный.

— Восхитительная местность! — воскликнул Стив. — После Нью-Йорка тебе тут будет очень спокойно. Мой домик находится на расстоянии двенадцати миль от ближайшего жилища, и иногда проходят недели, прежде чем я кого-нибудь встречу.

— Это меня устраивает, — сказал Рой. — Мне необходимо отдохнуть. — Он снова заерзал на месте, чтобы взглянуть в окно. Вид пустынного шоссе, извивающегося позади, был ему приятен. — Да, мне тут понравится. Но я не собираюсь проводить здесь всю жизнь. Как ты тут можешь все время быть один? Это тебе не надоедает?

— Я великолепно себя чувствую в такой обстановке, — возразил Стив. — Разумеется, иногда ощущаешь себя немного одиноким, но у меня полно дел. На моем попечении более сотни лисиц, и я справляюсь с ними один.

Рой бросил на него странный взгляд и поинтересовался:

— А что ты делаешь, когда тебе захочется женщину?

— Обхожусь, — сурово ответил Стив, устремив взгляд на дорогу. Он знал, каков был Рой с женщинами.

— Ты всегда был настоящим несмышлеником с женщинами. В твоих жилах течет не кровь, а водица, — заявил Рой, сдвинув плечу на затылок. — Ты утверждаешь, что находился здесь в течение нескольких лет, совершенно не видя и не зная женщин?

— Я здесь всего лишь год, и у меня не было времени подумать об этом, — коротко ответил Стив.

— Мне надо было привезти с собой какую-нибудь потаскушку, — с сожалением проговорил Рой. — Я полагал, что у тебя тут их большой выбор.

Они подъехали к развилке.

— Смотри, кажется, там валяется опрокинутый фургон, — неожиданно проговорил Рой, указывая вдаль пальцем.

Глаза Стива проследили за направлением пальца, и он тотчас затормозил и остановил «бьюик». Затем он высунулся в окно, чтобы рассмотреть крутой горный спуск, который немного выше переходил на дорогу в Саквилл.

Это действительно был опрокинутый фургон. Он лежал на боку, зажатый между двумя соснами.

— Зачем ты остановился? — недовольно спросил Рой. — Ты что, никогда не видел опрокинутого фургона?

— Конечно, видел, — ответил Стив, открывая дверцу и спрыгивая на землю. — Я видел их слишком много, поэтому-то я и хочу бросить взгляд на этот. Возможно, там находится какой-нибудь несчастный. После вчерашней грозы это вполне возможно. Его могли не заметить, а тут редко кто проезжает.

— Солидарность горных жителей! — рассмеялся Рой. — О кэй, иду с тобой. У меня затекли ноги.

Пробравшись сквозь густую траву, обломки скал и деревья, они с трудом добрались до фургона. Стив забрался на него и принялся рассматривать его внутренности через разбитое стекло, в то время как Рой, привалившись к дверце, пытался отдышаться. Подъем оказался для него слишком крутым.

— Давай быстро ко мне! — закричал Стив. — Здесь шофер и молоденькая девушка. Они, кажется, мертвы, но необходимо в этом убедиться. — Он проник внутрь машины, взял руку мужчины и снова выпустил ее. Рука была тверда и холодна.

— Что я тебе говорил, — недовольно пробурчал Рой. — Теперь давай вернемся к своей машине. — С того места, где они находились, дорога была видна на несколько километров и на ней не наблюдалось никакого движения. Впервые за несколько недель Рой почувствовал себя в безопасности.

Стив дотронулся до девушки, лежащей возле шофера: ее рука была чуть теплой.

— Эй, Рой, она жива! Не уходи! Помоги мне вытащить ее отсюда.

Ворча себе под нос, Рой тоже влез на машину и стал смотреть на девушку из-за плеча Стива.

— Ну, давай, — произнес он, кинув взгляд на пустынную дорогу. — Ведь не оставаться же нам здесь целую вечность.

Стив осторожно приподнял девушку и передал ее через дверцу Рюю. В то время, как он укладывал ее на борт машины, он заметил лицо шофера.

— Боже милостивый! — с ужасом воскликнул он. — Взгляни-ка на этого типа. Можно подумать, что он дрался с диким котом, бедняжка, — Стив торопливо вылез из фургона.

Рой взял руку девушки и приподнял ее.

— Вот он, твой кот, — проронил он. — Под ее ногтями еще осталась кровь и кожа. Знаешь, что я думаю? Шофер захотел, вероятно, поиграть с нею, а она расцарапала ему лицо и таким образом они свалились вниз. — Он еще раз взглянул на девушку. — Скажи, пожалуйста, какая у нее мордашка! Держу пари, что этот рохля подобрал ее по дороге. Настоящая красотка! Я не осуждаю покойника за то, что он хотел переспать с нею. А ты?

— Подними ее, — сухо проговорил Стив. — Осторожней. — Они подняли девушку и уложили ее на траву. Стив опустился возле нее на колени, а Рой продолжал смотреть на нее сверху. — Она здорово поранила затылок, — заметил Стив. — Необходимо срочно вызвать ей врача.

— Это ты брось! — с неожиданной злобой произнес Рой. — Оставь ее здесь, она прекрасно выкрутится. Девка, которая путешествует по автостопу, отлично справится с этим и сама. К тому же, ты ведь не собираешься обзаводиться женщинами. Может, ее найдет какой-нибудь тип, и это доставит ему удовольствие.

Стив молча уставился на него.

— Не может быть и речи о том, чтобы оставить ее здесь, — решительно заявил он. — Девушка серьезно ранена.

— Тогда положи ее на дорогу и оставим там. Наверняка кто-то должен проехать, — буркнул Рой с бледным лицом, дергающимся от нервного тика. — Не имею ни малейшего желания быть замешанным в эту историю.

— Нужно немедленно оказать ей помощь, — настойчиво продолжал Стив. — Тут поблизости нет ни одного места, куда бы я мог ее отвезти. Значит, я отвезу ее в свой дом, а потом съезжу за доктором Флемингом. Что ты имеешь против этого варианта?

Лицо Роя было перекошено от злости и бессильной ярости.

— Иди, иди, я уже все вижу наперед! — воскликнул он. — Ты как все эти простаки, которые проводят жизнь в горах. Первая юбка, которая им попадет на глаза, превращает их в ненормальных! Иди ищи доктора! Ты обалдел от этой курочки, признайся! Я не сомневаюсь, что ты мне все время рассказывал сказки про свои отношения с женщинами. Ты не теряешь зря времени, когда тебе в руки попадает любая женщина!

Стив резко выпрямился. Одно мгновение казалось, что он вот-вот ударит брата, но ему удалось сдержаться, и он лишь презрительно проговорил:

— Ты совсем не изменился! Но меня ты не разозлишь! Ты никогда не изменишься, потому что ты многого не понимаешь — у тебя недоразвитый ум. — Он отвернулся и наклонился к молодой девушке, проверяя ее руки и ноги, чтобы выяснить, нет ли переломов.

— Почему бы тебе не раздеть ее, — насмеялся Рой, — вместо того, чтобы щупать?

Стив сделал вид, что не слышит, но затылок его покраснел. Он пощупал пульс девушки и ощутил его биение. У нее, без сомнения, был жар.

— Самое лучшее, что ты можешь сделать, так это оставить ее в покое, — продолжал Рой. — Иначе ты пожалеешь потом об этом, когда заразишься от нее...

— Э... закройся! — воскликнул Стив, поднимая девушку на руки.

— О'кэй, но не говори потом, что я тебя не предупреждал, — пожал плечами Рой с безразличным видом. — Что-то подсказывает мне, что она доставит нам множество неприятностей. Но мне, в сущности, наплевать, ведь пока страдают только твои ноги.

Стив начал медленно спускаться вниз, осторожно ступая со своей ношей.

Сивестр Фокс располагался в долине, в самом сердце массива Синих гор, более чем в двух тысячах метрах над уровнем моря. Туда вела горная дорога, отходившая от основной дороги и пет-

лявшая на продолжении четырех-пяти миль среди диких скал и сосновых лесов, чтобы добраться до деревянного шале Стива Ларсона. Дом возвышался на берегу озера, в котором в изобилии водилась горная форель.

Год назад Стив решил покончить с работой страхового агента и заняться разведением лисиц. У него было скоплено немного денег и когда он обнаружил, что Синие горы — предел его мечтаний, то сделал покупку и приехал сюда. Разведение лисиц находилось еще в начальной стадии, но Стив надеялся, что вскоре у него появится возможность нанять служащих. Единственным минусом этого места была его полная изолированность: день за днем не иметь возможности ни с кем разговаривать, кроме своего пса.

Появление Роя могло разрешить проблему, но Стив сразу же понял, что брат будет для него скорее источником неприятностей, чем приятным компаньоном. Он даже пожалел о его приезде.

Рой с ходу пропел мимо шале и отправился на берег озера, предоставляя Стиву право одному отнести в дом девушку, все еще находящуюся без сознания.

Но как только Стив исчез из виду, Рой быстро развернулся и побежал к «бьюику». Бросая в сторону дома настороженный взгляд, он поднял капот, разъединил контакты, оторвал провода, сунул в карман свечу зажигания, опустил капот и направился к широкой веранде, на которой и расположился, слушая, как его брат передвигается внутри дома.

Затем Рой проник в большую гостиную, быстро осмотрелся по сторонам и пошел прямо к стойке с оружием. Он запер ружья на замок и сунул ключ в карман. Секундой позже он вошел в комнату.

— Ты уже уложил свою девочку? — усмехнулся он.

— С меня хватит, слышишь! — бросил Стив резким голосом. — Мне не нравится твоя манера разговаривать! Придержи язык, я не люблю трепачей!

Стив направился к машине, за ним последовал Рой и стоял, наблюдая, как брат пытается безуспешно завести ее. Стив в гневе подбежал по лестнице и остановился перед Роем.

— Это ты испоганил машину! — закричал он.

— Разумеется, я. Ну и что же?

Стив попытался сдержаться.

— Ты забрал свечу. Советую немедленно возвратить ее, Рой.

— Я оставляю ее себе, ведь я предупредил тебя, чтобы ты оставил эту сучку на шоссе. Пока я нахожусь здесь, никто не придет сюда и не тронется отсюда без моего разрешения.

Стив сжал кулаки.

— Послушай, Рой, я не знаю, что там у тебя в голове, но не позволю распоряжаться у себя в доме. Отдай свечу или я возьму ее силой! Я не хотел быть с тобой грубым, но не желаю больше выносить твоих чудачеств, если не сказать больше.

— Ах так! — сказал Рой, отступая на шаг. — А что ты на это

скажешь? — в его руке неожиданно появился револьвер. — Ты по-прежнему настаиваешь на своем? — ухмыльнулся он, наставляя оружие на брата. — Настало время ввести тебя в курс дела, — глухо продолжал Рой. — Выслушай меня внимательно. Я влеплю тебе в лоб пулю и не посмотрю, брат ты мне или не брат! Для меня ты просто неудачник. Попробуй только шевельнуться, и ты увидишь мое мастерство во владении оружием. — Он сделал шаг назад и уселся на перила, небрежно держа револьвер в руке. — Я попал в очень скверное положение, вот почему я здесь. Синие горы замечательное убежище — никто не станет искать меня тут! И не будет никакого доктора Флеминга, который станет рассказывать своим паршивым больным, что видел меня у тебя. Нравится тебе это или нет, но так будет. Малышка будет оставаться здесь до тех пор, пока я не покину твою виллу. И не пытайся быть хитрым. Моя пушка здорово стреляет. Многие хитрецы уже обожглись на этом, и сейчас кормят могильных червей!

Стив немного пришел в себя. Он еще никак не мог поверить, что его брат говорит серьезно.

— Послушай, но ведь это безумие, Рой. Мне просто необходим доктор для девушки. Отдай мне свечу и дай спокойно уехать.

— Дубовая башка! — засмеялся Рой. — Послушай, я работаю вместе с Барри-банкиром. Это тебе о чем-нибудь говорит?

Стив читал о Барри-банкире или, вернее, о Джоне Дилингере.

— Ты что, больной? Ведь Барри-банкир убийца! Его разыскивает полиция.

Рой перестал смеяться.

— В прошлом году я грабил банки и собрал немного денег. Я был правой рукой Барри. Да, это оплачивается весьма неплохо.

— Так вот оно что, — презрительно буркнул Стив. — Я не должен удивляться тому, что ты снохался с гангстерами. Ты всегда был бесхарактерным типом, Рой.

Рой сунул револьвер в кобуру подмышкой.

— Я хорошо вел свое дело, — проронил он. — Сейчас у меня неприятности, но это продлится недолго, и вскоре я смогу тратить добычу, которую припрятал. Я не такой, как ты, бедный простачок, чтобы похоронить себя в медвежьем углу в компании вонючих лисиц. Я умею жить!

Стив приблизился к брату.

— Лучше отдай мне револьвер, — сказал он.

Рой криво усмехнулся, его рука метнулась к кобуре, раздался выстрел, разбудивший эхо по другую сторону озера. Что-то слегка задело ухо Стива.

— Слушай, я запросто всажу пулю в твою черепушку, — предупредил Рой. — Если ты будешь валять дурака, я не промахнусь. Теперь ты предупрежден... — он развернулся на каблуках и вошел в гостиную, где удобно устроился в кресле.

Стив в раздумье прошелся по террасе. На этот раз он понял: Рой не будет шутить, и его не остановит пролитие братской кро-

ви. Теперь надо думать не о нем, а о молодой девушке, в беспмятстве лежавшей на его кровати. Раз сюда нельзя привезти доктора Флеминга, придется заняться ею самому. Счастье не изменило Стиву — у него имелась аптечка со всеми необходимыми лекарствами, и он умел накладывать повязки.

Когда он проходил через гостиную, Рой насмешливо проговорил:

— Я запер твои ружья. Стрелять в твоем имении буду только я и никто иной.

Не обращая внимания на его слова, Стив прошел в спальню, подошел к кровати и осмотрел рану девушки. Затем он сходил за всем необходимым для перевязки.

Он уже заканчивал перевязку и закалывал последнюю булавку, когда девушка вздрогнула и открыла глаза.

— Ну вот, — улыбнулся он. — Теперь вам лучше?

— У меня болит голова. Что случилось? Где я? — она взглянула на него своими большими красивыми глазами и поднесла руку к голове.

— Я нашел вас на дороге у горы. Вы перевернулись вместе с фургоном. У вас рана на голове, но не огорчайтесь, это не очень опасно.

— Фургон? — прошептала она. — Какой фургон? Я ничего не помню... — Неожиданно она попыталась встать, но Стив не позволил ей этого. — Я ничего не помню и не могу думать. Что-то случилось с моей головой.

— Не волнуйтесь, — ласково произнес Стив. — Память вернется. Попробуйте заснуть, и потом вам станет намного легче.

— Но я не знаю, что со мной случилось! — воскликнула девушка, отстраняя руку Стива. — Я боюсь! Я даже не знаю, кто я такая!

— Вам нужно уснуть, это вас вылечит быстрее всяких лекарств. Когда вы проснетесь, к вам вернется память и все будет хорошо.

— Вы очень добры, — прошептала она и закрыла глаза. — Прощу вас, оставайтесь возле меня, не хочу оставаться одной.

Через некоторое время она впала в беспмятство.

Развалившись в кресле, Рой лениво размышлял. Если бы не было этой девушки, он смог бы оставаться здесь, ничего не сообщая брату. Но теперь ему придется быть постоянно настороже. Стив был не очень-то труслив, и если ему удастся застигнуть Роя врасплох, то все будет кончено. Около двери что-то зашевелилось. Рой вскочил на ноги с револьвером в руке. В комнату, виляя хвостом, вошел большой пес-дворяня.

— Мерзкое животное! — нервно рассмеялся Рой. — Ты нагнал на меня страху... — Он оттолкнул пса ногой и наблюдал, как тот направился на поиски своего хозяина.

Теперь Стив стоял перед новой проблемой. Девушке было неудобно лежать в кровати одетой, и он колебался, раздевать

ее или нет. Раздеть мог только он. Ближайшая женщина находилась к нему на расстоянии тридцати миль по другую сторону горы. К тому же, у него не было возможности обратиться к ней за помощью.

Вошедший в комнату пес немного развеял его дурное настроение.

— Салют, Спот,— обратился он к собаке.— Ты вовремя пришел.

Но пес с жалобным, испуганным ворчанием отступил к двери: шерсть его поднялась дыбом.

— Что с тобой, скотинка?— изумился Стив.

Не спуская глаз с девушки, пес медленно пятился назад, после чего с диким воем выбежал в коридор и выскочил из дома.

— Честное слово, в этом доме все становятся сумасшедшими,— проворчал Стив.

Решив найти для девушки что-нибудь из одежды, Стив стал рыться в ящиках комода. Он нашел свою красную пижаму из шелка, укоротил рукава и то же самое продсделал с брюками. Затем прикинул на глаз длину девушки и решил, что ей это в самый раз.

«Ну, начнем».— подумал он, надеясь в душе, что она не очнется в этот момент. Он начал расстегивать ее платье. В одном рукаве он обнаружил вышитый посовый платок с надписью: «Кэрол». Он недоуменно повертел его в пальцах. Кэрол, Кэрол. Кто она такая? Откуда она взялась? Действительно ли она потеряла память? Он уставился на нее, распростертую на кровати: она была восхитительна. Совсем не тот тип девушек, который пользуется автостопом. Здесь какая-то тайна...

ГЛАВА 2

СМЕРТЬ ШЛА ПО ЕГО СЛЕДАМ

Миновала неделя.

Очень тяжелая неделя для Стива, вынужденного делать все необходимое на ферме, заниматься кухней и ухаживать за Кэрол.

Рой даже не делал попыток помочь ему. Большую часть своего времени он проводил на скале, откуда мог наблюдать за дорогой, и он оставался там часами, устремив взгляд в пустынную долину.

Стив догадался, что что-то беспокоило брата. Боязнь чего-то и приводила Роя в такое нервное состояние. Из-за этого он и находился в таком злом настроении. Стив не ошибался, так как по прошествии трех дней, прошедших спокойно, Рой немного отошел, стал менее нервным и уже не так пристально наблюдал за дорогой. А в конце недели тон его разговоров стал почти дружеским, насколько цинизм и его эгоизм позволяли ему это.

Но Рой по-прежнему был полон решимости запретить покидать Стиву Синие горы, пока он сам находится здесь. И Стиву пришлось мириться с этим.

Кэрол занимала комнату Стива, а братьям пришлось разделять другую комнату. Стив убедился в сумасшедшей первозности своего брата. Рой почти не спал, всю ночь ворочался с боку на бок и, задремав, вскакивал при малейшем шуме.

Кэрол тем временем быстро поправлялась. В первые дни пребывания на ферме ей было очень плохо, и Стив все время находился возле нее. Но как только спала температура, рана стала затягиваться, и девушка стала быстро поправляться. Она по-прежнему ничего не помнила. У нее не сохранилось в памяти никакого воспоминания о Гленвилле и о собственной персоне. Она ощущала безграничное доверие к Стиву. И по мере того как проходили дни, обычный этикет и взаимоотношения между мужчиной и женщиной были совершенно нарушены. Кэрол была абсолютно неспособна заниматься собой, благодаря чему между ними установились странные фамильярные отношения, которые будоражили Стива, пробуждая к Кэрол глубокую привязанность, которая вскоре превратилась в любовь.

Стив никогда не отличался смелостью по отношению к женщинам. А поскольку Кэрол была больна и почти в бессознательном состоянии, то он испытывал к ней чувство, которое испытывал бы к сестре, если бы она у него была. И он, отдавая ей все свое внимание и заботу, не испытывал ничего, кроме замешательства. Кэрол, как только к ней вернулось сознание, совершенно откровенно дала ему понять, что тоже полюбила его. Стив не знал, что ему предпринять. Как только она стала вставать, то ни на шаг не отходила от Стива. Кэрол была счастлива, только находясь с ним, без него она ощущала себя телом без души. Он стал стержнем ее жизни, вокруг которого она вращалась.

Не зная о психических недостатках Кэрол, Стив решил, что ранение головы не только явилось причиной ее забывчивости, но и необъяснимым образом лишило ее взрослости, вернув ей непосредственность ребенка. Учитывая ее состояние, он не посмел ответить на предложенную ему любовь. Он накладывал тугую узду на свои чувства, считая, что такая любовь могла быть только следствием помрачения рассудка. Стив полагал, что любовь исчезнет, как только девушка поправится.

С другой стороны, Рой быстро понял, что Кэрол может оказаться легкой добычей, и много раздумывал над этим. Но Кэрол не обращала на него никакого внимания, ее внимание было целиком устремлено на Стива.

Это совсем не беспокоило Роя. Он был уверен, что если ему предоставится случай оказаться с ней наедине, то она его не отвергнет.

Однажды утром, когда он сидел на берегу озера, он увидел Кэрол, направляющуюся по тропинке по направлению к соснам.

Рой преградил ей путь, он решил побыть с ней наедине. Стив чем-то занимался в шале и ничего не видел.

— Добрый вечер,— сказал он, разглядывая ее. Она была ослепительно хороша под ярким солнцем. Ее необыкновенная красота возбудила в нем горячее желание. — Где вы были?

— Ходила кормить лисиц, — ответила она безжизненным голосом. — Я хочу найти Стива, пропустите меня.

— Но я хочу с вами поговорить,— заявил Рой, подходя к ней еще ближе. — Настало время познакомиться с вами поближе.

— Я хочу видеть Стива,— повторила она, пытаясь проскользнуть мимо, но он задержал ее.

— Оставим Стива там, где он есть. Ну, будьте же благодарны. Вы мне нравитесь, малышка, я влюблен в вас. Клянусь своей мамой.

Он схватил ее, притягивая к себе. Она позволила ему действовать, не оказывая ни малейшего сопротивления, ни интереса. Он ощутил нежность ее волос на своем лице. У него создалось впечатление, что он держит в руках манекен из большого магазина сексуальных принадлежностей, но не отдавал еще полностью себе отчет в апатии Кэрол. Три недели без женщин — это было слишком много для его бурной натуры. Он не сомневался, что ни одна женщина не останется пассивной в момент, когда он будет обнимать и ласкать ее...

— Пустите меня, прошу вас. Мне некогда, и я хочу найти Стива,— спокойно промолвила Кэрол.

— Потом мы вместе найдем Стива,— буркнул Рой, грубо сжимая ее руками. Он внимательно всмотрелся в ее огромные пустые глаза, прежде чем впился поцелуем в губы Кэрол. Руки девушки инертно висели вдоль тела, а ее губы совершенно не отвечали на страстные поцелуи Роя. Она никак не реагировала и не сопротивлялась.

Кровь забулдила в жилах Роя, когда он нервно провел рукой по телу Кэрол. И еще крепче сжав ее, он попытался завалить ее на землю.

Неожиданно его резко оторвали от девушки и толкнули назад. С проклятием выпустив из рук Кэрол, он увидел искаженное гневом лицо брата. Прежде чем Рой успел вытащить свой пистолет, тяжелый кулак Стива прошелся по его челюсти, и он грузно свалился на ковер из сосновых иголок.

— Только попытайся сделать это еще, и я сверну тебе шею,— спокойно заявил Стив и, взяв Кэрол под руку, удалился с ней в сторону шале.

— Почему вы его так ударили?— спросила Кэрол, полная счастья от того, что рядом с ней идет Стив. — Мне это было совсем безразлично.

— Я не желаю, чтобы он пугал вас,— возразил Стив, бросив на нее быстрый и изумленный взгляд.

— Вы слишком грубо обошлись с ним. Мне не было страшно,

просто я не люблю его. Если вы не хотите, чтобы он снова так стал вести со мной, я не позволю ему это делать. Я ведь не знала, что вы этого не хотели.

— Я не хочу, чтобы он повторил это, — вздохнул Стив, которого ее рассуждения заставили задуматься.

Рой медленно поднялся с земли и посмотрел в сторону удаляющейся парочки. Он был настолько восхищен тем, что не встретил у Кэрол сопротивления, что почти забыл про удар, полученный им от Стива. Он целовал Кэрол! Это было то же самое, как если бы он украл конфету у ребенка. Если бы не Стив... все было бы уже проделано!

Ночь выдалась спокойной и тихой. Легкий бриз колыхал верхушки деревьев, и вода тихо шелестела у пристани.

Рой все время думал о Кэрол. Он мысленно прикидывал, сможет ли он выйти из комнаты, не разбудив брата. Если ему удастся достигнуть комнаты Кэрол, остальное будет легким и приятным делом. Он был уверен в этом. Одна мысль, что он вновь будет обнимать ее прекрасное тело, приводила его в полный восторг. Он приподнялся и взглянул на Стива. В этот же миг ему показалось, что снаружи что-то шевелится. Желание сразу покинуло его, и он уселся на кровать с сильно бьющимся от испуга сердцем. Чья-то тень прошла мимо открытого окна, быстрая и молчаливая. Эта тень появилась и исчезла быстрее, чем он успел убедиться в ее существовании. На него напал страх, и он сидел, пораженный ужасом, уставившись в окно.

Затем он услышал легкие шаги на веранде. Половицы затрещали, шаги приближались. Потрясенный Рой схватил Стива за руку и сильно потряс его. Стив мгновенно проснулся и сел, в то время, как пальцы Роя конвульсивно сжимали ему руку. Увидев позеленевшее лицо брата, Стив сразу догадался, что случилось что-то необычное.

— В чем дело? — прошептал он.

— Кто-то ходит снаружи, — дрожащим голосом сообщил Рой, — ты только послушай.

Внизу, возле озера, дико завыл Спот. Стив вскочил с кровати и замер, заметив возле окна чью-то тень. Пересилив себя, Стив выглянул из окна.

— Это Кэрол, идиот, — сообщил он. — Приди в себя, и не вздумай обделать постель.

Рой едва мог дышать, дыхание со свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы.

— Кэрол? Не может быть! Ты уверен в этом?

— Я ее вижу, — буркнул Стив, выскочив из окна.

После минутного колебания к нему присоединился Рой. Кэрол вышагивала по веранде из одного конца в другой. На ней была надета пижама Стива, ноги были голые.

— Маленькая ведьма, — шепнул Рой. — Натерпелся же я из-за нее страха. Что она делает?

— Молчи!— приказал Стив.— Может, она лунатик.

Рой замер с вновь закипевшей кровью. Теперь ему было уже не страшно видеть Кэрол в белой шелковой пижаме с рыжими волосами, раскинувшимися по плечам, и с обнаженными длинными ногами.

— Прелестная картинка!— проговорил он вслух.— Как она сложена!

Стив сделал предупреждающий жест. Он беспокоился, не понимая, почему эта девушка ходит взад-вперед.

Внезапно Кэрол остановилась и взглянула в их сторону, как будто пыталась разглядеть братьев. Луна полностью осветила ее лицо, и братья заметили, к своему большому удивлению, что выражение ее лица совершенно изменилось: оно было перекошено, и изменившиеся черты придавали ему вид дикого, животного выражения. Нервный тик пульсировал возле губ, глаза же смотрели на них совершенно безучастно. Стив с трудом узнал ее.

Отчаянно завыл Спот на другом конце двора. Кэрол повернулась в том направлении.

Во всем ее облике было что-то хищное, легкие кошачьи движения выглядели угрожающе... Спот прямо-таки разрывался от воя. Через некоторое время Кэрол влезла в окно комнаты.

— Ну, черт побери, что ты на это скажешь?— испуганным голосом спросил Рой.— Ты видел ее лицо? А глаза?

— Да,— задумчиво ответил Стив.— Будет лучше, если я пойду, и взгляну, что она там делает.

— Осторожнее, смотри, чтобы она не выцарапала тебе глаза,— с деланным смехом выдавил из себя Рой.

Стив надел халат, взял фонарик и направился в комнату Кэрол. Потом он осторожно открыл дверь.

Кэрол лежала на кровати с закрытыми глазами. Она казалась такой же красивой и спокойной, как обычно.

Некоторое время он смотрел на нее, затем закрыл дверь, возвратился в свою комнату и лег спать.

Эта ночь прошла для него так же плохо, как и для Роя.

Сэм Гарланд и Джоэ приводили в порядок санитарную машину в большом гараже убежища в Гленвилле.

— Не смотри в ту сторону!— сказал Сэм, протирая крылья машины.— Еще один проклятый журналист появился.

Джоэ обнажил свои искусственные зубы.

— Он мне нравится, этот тип! В его рассуждениях есть логика! Как ты думаешь, мы сможем вытянуть из него немного денег?

— Я за это,— отступил от машины Сэм, чтобы полюбоваться сверкающими хромированными фарами.

Фил Магарт, высокий и тонкий, спокойно подходил к ним с немного небрежным видом. Всю неделю он вертелся в окрестно-

стях, пытаясь получить сведения о больной, убежавшей из Гленвилла. Но за исключением короткого сообщения доктора Траверса, из которого ничего нельзя вытянуть, кроме лаконичного «оставьте меня в покое», он ничего не смог узнать.

Магарт был местным репортером и корреспондентом специальных газет Юго-Запада. Он обладал удивительной настойчивостью в добывании необходимых сведений и сенсационных информаций. Он чувствовал, что за этим исчезновением кроется интересная история... И ее необходимо было раскопать. После того, как он безрезультатно пытался выяснить что-нибудь у персонала, он решил попытаться счастья у Гарланда и Джоэ.

— Салют, парни!— воскликнул он, неожиданно возникая из-за капота машины.— Ну как, нашли свою ненормальную?

— Нас бесполезно расспрашивать,— проговорил Гарланд, продолжая полировку.— Мы обыкновенные рабочие, вот и все. Правда, Джоэ?

— Чистая правда! Могу поклясться в этом на библии,— подмигнул Джоэ Магарту.

— Мне кажется, что вы кое-что знаете,— Магарт выразительно звякнул в кармане монетами.— Имя женщины, например. У меня есть неизрасходованные деньги, если вас это интересует.

Безразличный вид Джоэ и Гарланда сразу испарился.

— Пожалуй, можно подумать. А о какой сумме идет речь?— осторожно осведомился Гарланд.

— О довольно большой. Так что если вы что-нибудь знаете, то наступило время истины. Нам пора договориться, мои овечки.

— Мы не против,— Гарланд вопрошающе посмотрел на Джоэ.— Ради ста долларов мы раскроемся, а, Джоэ?

— Согласен!— Джоэ плотоядно потер руки.

Магарт вытащил из кармана пачку банкнот, из которой отсчитал четыре по двадцать пять.

— Я не дам себя провести, так что будем взаимно честны в этом деле. Итак, я вас слушаю.

— Это наследница Джона Блэндиша,— сообщил Сэм, забирая у корреспондента деньги.— Что вы на это скажете?

Магарт непроизвольно сделал шаг вперед.

— Что вы такое мелете?— хрипло воскликнул он.

— То, что я вам только что сообщил,— абсолютная правда,— заявил Сэм, протягивая Джоэ пятьдесят долларов.— Вы, конечно, слышали разговоры о Блэндише, Джоне Блэндише? Так вот, этот тип имел дочь, которую похитили...

Стив и Кэрол завтракали на следующее утро одни. Рой поднялся пораньше и отправился удить форель.

— Вы хорошо спали ночью?— дрогнувшим голосом спросил Стив, наливая кофе.

— Я видела сны. Я всегда вижу сны.

— А вы вставали сегодня ночью?— улыбнулся Стив девушке.— Мне показалось, что кто-то расхаживал по дому.

— О нет! — возразила она, дотрагиваясь тонкими пальчиками до своих висков.— Но, видимо, что-то случилось... Я никак не могу вспомнить! Я ничего не могу вспомнить, и это меня пугает!— она протянула через стол руку, чтобы дотронуться до Стива.— Если бы не вы, я не знаю, что бы со мной было! Только возле вас я чувствую себя в безопасности!..

Стив погладил ее по руке и смущенно улыбнулся.

— Все будет хорошо. Что же вы видели во сне, Кэрол?

— В точности я не помню. У меня создалось впечатление, что я все время вижу один и тот же сон. В нем всегда присутствует сиделка. Я не знаю, что она делает, но это всегда одна и та же женщина. Когда она наклоняется ко мне, у нее в глазах появляется ужас. Во сне мне всегда очень страшно, я просыпаюсь испуганная, с сильно бьющимся сердцем, а темнота наводит на меня еще больший страх.

Весь день Стив продолжал размышлять о Кэрол.

К ночи вернулся Рой. Он был необычно молчаливым и напряженным, пока не отправился спать. За ужином он не спускал глаз с девушки.

Он уже лежал в постели, когда в комнату вошел Стив, который выключил свет и лег спать. Рой притворился спящим. Стив посмотрел на брата и качнул головой. Ему не нравилась манера Роя вести себя, и он хотел, чтобы брат скорее покинул его шале.

Среди ночи Рой сел в постели и вполголоса позвал брата. Убедившись, что тот спит, Рой сбросил с себя покрывало. Он весь дрожал от желания. Целый день он, не переставая, думал о Кэрол, дурманя себе голову, и решил, что как только заснет брат, сразу направится к девушке. Он вспомнил, что Кэрол позволила целовать и обнимать себя без всякого сопротивления. Если ему удастся выйти из комнаты и не разбудить брата, то все остальное получится само собой. Рой осторожно вылез из кровати. Стив шевельнулся. Рой замер, готовый нырнуть под одеяло, но Стив не проснулся. Рой осторожно покинул комнату и притворил за собой дверь.

Комната Кэрол располагалась в конце коридора. Не было слышно никакого шума, за исключением свиста ветра в ветвях деревьев и несильных ударов воды о пристань.

Рой проскользнул по коридору, остановился у комнаты Кэрол, прислушался. Ничего не услышав, он повернул ручку двери и вошел, стараясь не шуметь. Кэрол лежала в постели с обнаженными руками. Волосы вокруг ее головы были похожи на ореол. Она была очень красива. Лицо Кэрол освещала луна. Сейчас она лежала с открытыми глазами и не казалась испуганной. Ее большие красивые глаза имели кроткое выражение.

— Добрый вечер, малютка!— прошептал Рой. Он не мог подыскать нужных слов, его тело горело неугасимым огнем сладо-

страстия к Кэрол. — Я пришел, чтобы составить тебе компанию. Кэрол ничего не ответила. Она молча наблюдала, как он пересекал комнату.

— Надеюсь, вы меня не боитесь? — ее красота вызывала в нем дрожь.

— О нет, — тихо ответила она. — Я знала, что вы придете, я грезила о вас.

Рой подскочил на месте от неожиданных слов.

— Вы хотели меня видеть? — спросил он, не веря своим ушам. Он сел на кровать рядом с девушкой, которая серьезно уставилась на него.

— Я ощущала на себе ваш взгляд весь вечер и была уверена, что вы придете.

Рой довольно улыбнулся.

— Да, я думал о вас целый день, — признался он, кладя свою горячую руку на вялую руку Кэрол, которую она, однако, не отняла.

— Я хотел снова поцеловать вас.

— Стив этого не хочет.

— Он ничего не узнает, потому что спит. А вам это нравится?

Он приблизил свое лицо совсем близко к лицу девушки и положил руки на ее грудь. Она не пошевелилась и смотрела на него, как бы не видя.

— Снимите это, — попросил он, показывая на пижаму. — Ну, Кэрол, ну же! Я не причиню вам зла!

К его огромному удивлению, Кэрол механически расстегнула пижаму, и он увидел ее обнаженное тело.

— Вы прекрасны, малютка! — произнес он, сам не понимая, что говорит. — Вы восхитительны! — и Рой стал нежно гладить руками грудь Кэрол.

Пристальный взгляд девушки затуманился. Она, казалось, не слышала его слов.

Он просунул руку под ее спину и приподнял ее. Неожиданно из уст Кэрол вырвался металлический смех, удививший Роя.

— Что же тут смешного? — рассердился он и грубо впился в губы девушки страстным поцелуем.

Короткое мгновение она осталась недвижима, крепко прижатая к его груди. Потом ее руки неожиданно напряглись и стали железными. Они скользнули на затылок Роя и резко вцепились в его шею и плечи, в то время как зубы вцепились в губы Роя.

В другой комнате вскочил, проснувшись, Стив. Еще секунду назад он был погружен в глубокий сон, а теперь сидел на постели с вытаращенными глазами.

«Что могло разбудить меня?» — спросил он себя, бросив взгляд на кровать Роя, расположенную в более темном углу комнаты. Ему показалось, что он различил на ней неясные очертания фигуры своего брата. Он посмотрел в окно. Может быть, Кэрол снова встала? Стив поднялся и подошел к окну: на веранде

никого не было. Внизу он увидел Спота, смотрящего на дом, но оставшегося молчаливым.

Стив покачал головой, зевнул и решил снова отправиться в постель. «Мне что-то приснилось», — подумал он, но что-то его подтолкнуло и он еще раз взглянул на кровать брата: она была пуста.

Одна мысль возникла в его голове: «Кэрол!», и он устремился к двери.

В тот же миг в доме раздались ужасающие стоны боли. Потом, после непродолжительной тишины, рыдающий, захлебывающийся голос простонал:

— Стив! Скорей! На помощь!

На голове Стива зашевелились волосы: он услышал голос Роя. Совершенно очумелый, он бросился в коридор. Рой шел навстречу ему, согнувшись пополам и закрыв лицо руками. Через его пальцы струилась кровь, падая крупными каплями на пол.

— Что случилось? — пролепетал Стив, оцепенев от удивления и ужаса.

— Мои глаза! — рыдал Рой. — Она ослепила меня! На помощь, скорей, Стив! Ради господ Бога, сделай что-нибудь!

Стив оттолкнул его с дороги.

— А что ты сделал с ней? — кричал он. Он побежал в комнату Кэрол, но нашел ее пустой. Бросившись на веранду, он резко остановился изумленный. Кэрол, стоявшая на последней ступеньке веранды, смотрела в его направлении. Ее глаза блестели, как у кошки, а сама она была совершенно обнаженной.

Стив замер на месте. Никогда в жизни он не видел такой совершенно дикой ярости и красоты... Волосы Кэрол отливали медью, а ее кожа при бледном свете луны имела оттенок сверкающего белого шелка на темном фоне стен дома. Она стояла с поднятыми и вытянутыми вперед руками, с пальцами, похожими на когти, и сама походила на первобытное дикое животное. Это необыкновенное зрелище ошеломило его и привело в какое-то странное состояние, похожее на восторг.

Затем Кэрол развернулась, спустилась по лестнице и побежала через двор.

— Кэрол! — кричал Стив, повернувшись в ее сторону. — Кэрол! Вернись!

Но девушка с невероятной быстротой исчезла в сосновом лесу. Не зная, что предпринять, Стив застыл на месте, размышляя. Но стоны брата возвратили его к жизни, и он направился в коридор.

— Слушай, возьми себя в руки! — раздраженно проговорил он. — Тебе не может быть так плохо!

— Разве я тебе не сказал, что она выцарапала мне глаза! Боже мой! — завопил Рой и отнял руки от лица.

Почувствовав приступ тошноты, Стив в страхе отступил.

Глаза Роя были все в крови. Длинные глубокие следы ногтей

пересекали его лоб, щеки и брови. Ему было очень плохо, он прислонился к стене, дрожа всем телом и тихонько подвывая.

— Спаси мои глаза! — умолял он. — Не дай мне стать слепым! Не покидай меня, Стив! Она вернется, боже... она сумасшедшая... Она преступница! Посмотри, что она со мной сделала!

Мигом очнувшись от ужаса, Стив взял брата за руки и наполовину неся, наполовину волоча, уложил его на кровать.

— Успокойся! — резко приказал он рыдающему несчастному брату. — Я перевяжу тебя, но постарайся успокоиться.

Он отправился за аптечкой и заодно поставил на огонь ведро воды.

— Не уходи от меня! — стонал Рой. — Я больше ничего не вижу! Она может вернуться!

— Ладно, ладно! — закричал Стив из кухни, тоже очень нервничая. Вскоре он возвратился в комнату. — Я уже здесь. Сейчас промою тебе глаза. Они немного кровоточат, поэтому ты ничего не видишь.

— Я ослеп, я прекрасно знаю, что ослеп! — стонал Рой. — Не покидай меня, Стив. Они меня ищут... и убьют меня, если найдут... И теперь... я беззащитен... Меня убьют!

— Кто тебя преследует? — жестко спросил Стив, наливая в тазик теплую воду.

— Суливаны! — признался Рой, в то время как его рука тщетно шарилась в поисках руки брата. — Это ничего тебе не говорит? Никто их не знает! Они работают втихую... это убийцы и гангстеры! Их нанял Барри-банкир, чтобы они прикончили меня!

— Сюда они не придут, — успокоил его Стив. — У меня ты в безопасности... Сейчас я промою тебе глаза. Тебе будет немного больно, но ты потерпи.

— Не трогай меня! — отодвигаясь, закричал Рой. — Я не выношу малейшей боли!

— А что ты сделал с Кэрл? — поинтересовался Стив, когда Рой немного успокоился.

— Ничего. Она сама хотела, чтобы я пришел к ней. Она сказала мне об этом! Кэрл позволила себя поцеловать, а потом я не мог оторвать ее от себя. Боже мой, какая сила! Она держала меня за шею и укусила за губу! Это было ужасно... ее глаза сверкали! Я стал вырываться, и в этот момент, когда я почти вырвался от нее, она вцепилась мне в лицо ногтями! Можно было подумать, что это когти тигра. Это сумасшедшая... настоящая дикая тварь!

— Она испугалась, — проговорил Стив. — Я ведь тебя предупреждал, чтобы ты не вертелся возле нее!

— Теперь, если Суливаны явятся... что я буду делать? Стив! Ты не позволишь им убить меня? Скажи?

Рой сел и стал лихорадочно шарить под подушкой.

— Вот, возьми мой револьвер. Стреляй немедленно! Ты их сразу узнаешь.

— Успокойся, — нетерпеливо сказал Стив. — Хочешь верь, хочешь нет, но здесь тебе нечего опасаться.

— Ты их не знаешь! Это убийцы, убийцы по профессии! Они никогда не упускают человека, которого должны убить! Барри им хорошо заплатил. Они меня найдут! Я прекрасно знаю, что они обязательно меня найдут!

— Но почему же? По какой причине они должны убить тебя?

Рой поймал брата за полу пиджака.

— Деньги. Барри и я ограбили большой банк. Я удрал со всеми деньгами. Барри много раз надувал меня, и я решил, что должен с ним рассчитаться той же монетой. Двадцать тысяч долларов! Я мог отправить их налево, но Барри панял Суливанов покончить со мной. Он отлично знает, что они получают мою шкуру!

Два ворона...

Это описание отлично подходило к Суливанам в их черных пальто, черных ботинках и брюках, со слоновыми ногами и в черных фетровых шляпах. Они представляли собой довольно зловещную пару. Вокруг толстой шен и тот и другой носили шелковые шарфы.

Несколько лет назад они исполняли главный номер аттракциона в маленьком цирке, в котором они выступали под именем знаменитых братьев Суливан. Но они не были братьями. На самом деле это были Макс Реза и Франк Курт. Это были профессиональные метатели ножей, великолепные стрелки и иллюзионисты первого класса. Гвоздем их номера было метание ножей в светящийся контур женщины, стоящей прислоненной к щиту, обтянутому черным бархатом. Сцена погружалась во мрак, и публика могла видеть, что ножи один за другим вонзались в щит на расстоянии одного пальца от дрожащей партнерши. Это был сенсационный аттракцион, который Суливаны могли бы демонстрировать в течение многих лет, если бы не расстались с цирком, благодаря своей партнерше.

Она была довольно смазливой куколкой, достаточно услужливой, но, к несчастью, не могла понять образа жизни Суливанов после работы. К тому же она еще и увлеклась клоуном и вскоре их покинула.

Суливаны попытались найти другую партнершу, но за то вознаграждение, которое они предлагали, они не смогли найти женщину, которая согласилась бы не только рисковать жизнью во время работы, но еще и удовлетворять их желания после работы в постели сразу с двумя партнерами. Тогда они заявили владельцу цирка, что с них достаточно, и они хотят уехать. Но хозяин отказался прерывать с ними контракт.

— Ваш номер, — сказал он, — составляет главный аттракцион программы...

И это было совершеннейшей правдой...

В один прекрасный вечер Макс нашел выход из затруднительного положения: он очень небрежно бросил нож, и вибрирующее оружие пригвоздило женщину к шиту, пронзив ей глотку... Таким образом закончился их номер, партнерша и контракт... Макс потом долго удивлялся, как это такая простая мысль не пришла в его голову раньше.

И Макс пришел к выводу, что стоит заделаться «убийцами гангстеров». Смерть уже стала представлять для него интересное зрелище. Отнять жизнь у живого существа стало для него наслаждением, и он охотно предавался этому занятию. К тому же он жаждал получить приличный куш, чего бы он не мог отхватить, работая в цирке.

Существует множество людей, мужчин и женщин, которые просто жаждут освободиться от кого-нибудь, — рассуждал он. Убийца по профессии будет весьма желательным элементом для такого общества. Так как будет совершенно невозможно определить причину совершения убийства, то убийца будет находиться в относительной безопасности, его даже не станут подозревать. Кроме того, хорошо спланировав все заранее, чтобы экзекуция прошла гладко, они не будут ничем рисковать.

Франк немедленно поддержал этот проект. Он не был силен по части идей, но это был энтузиаст. Макс понимал, что он никогда не найдет лучшего компаньона, и они оба стали распространять слух, что берутся уничтожить кого угодно за сумму в три тысячи долларов плюс сотню долларов в неделю на расходы. Даже сами Суливаны были удивлены тем успехом, который выпал на их долю в определенной среде общества. Их сразу же завалили необычайно выгодными заказами.

Они пересекали страну из одного конца в другой в модном черном «паккарде». На самом деле они были двумя зловещими воронами, приносящими с собой смерть, молча и таинственно.

Их никогда не обнаруживали. Полиция не знала про них, потому что в большинстве случаев их будущие жертвы не смели обращаться к защите закона. Иногда намеченная жертва хорошо пряталась, но это вовсе не смущало Суливанов: преследовать и тратить время на поиски, остановиться перед жилищем жертвы и прикончить человека на его пороге — для них это было совершенно безразлично. Все, что им требовалось: это фотография, имя и последний адрес приговоренного клиента. Его обнаружение было частью их работы. У них не было особенных затрат, и сотня в неделю их вполне устраивала. Они никогда не тратили трех тысяч, оставляя их в определенном месте на то время, когда они уйдут от дел.

Макс так же, как и Франк, имел пристрастие к птицам, и оба строили проекты на то время, когда они накопят нужную сумму, чтобы организовать питомник птиц по последнему слову науки и техники.

Барри-банкир связался с ними в тот же день, когда Рой надул его при дележе после ограбления банка. Суливаны согласились прикончить Роя за сумму в пять тысяч долларов. Они объяснили это тем, что раз Барри, в распоряжении которого было множество наемных убийц, обратился к ним, значит, это дело потребует много времени и будет сложным.

Конечно, основная трудность заключалась в поисках Роя. Его предупредили, что за ним охотятся Суливаны, и он тотчас исчез из тех мест, которые обычно посещал.

Было выяснено, что Нью-Йорк он покинул, его путь был прослежен до Пенсильванского вокзала. Дальнейшие розыски представлялись очень трудным делом. Но для Суливанов, экспертов по выслеживанию людей, это не было проблемой.

Путь привел их в один из баров. Сев за столик и заказав закуску, они услышали разговор за соседним столиком, который сводился к тому, что на дороге в горах был найден фургон и в нем мертвый водитель. Предполагают, что в этом замешана та сумасшедшая, которая сбежала из Гленвилла.

— А она? Ее нашли? — поинтересовался Франк, допивая кофе и вытирая губы рукой в перчатке.

— Не думаю. Ее по-прежнему ищут, — сообщил один из посетителей. — Сегодня утром у нас были флики. Я еще никогда не видел их в таком количестве.

— А как могло оказаться, что у ненормальной столько денег? — подмигнул ему Макс.

— Они перешли к ней от Джона Блэндиша, короля мяса. Вы, может быть, помните про дело Блэндиша? Так вот — это внучка того типа!

— Вспоминаю, — прищурился Франк. — Это было лет двадцать назад.

— Совершенно верно! Его дочь была похищена... Девочка была от того парня... В общем, если ее не найдут в течение четырнадцати дней, ее нельзя будет вновь поместить в Гленвилл. Таков закон штата. И тогда она унаследует весь капитал, и никто ничего не сможет сделать. Вот почему поднялось так много шума.

Суливаны покончили с закуской.

— Она действительно сумасшедшая? Опасная? — спросил Макс.

Бармен энергично качнул головой.

— И еще как... она убивает!

— Если мы случайно нападём на ее след, как она выглядит?

— Кажется, она рыжая и настоящая красотка. На левом запястье у нее шрам.

— По таким данным мы ее запросто узнаем, — произнес Франк и кинул на стойку доллар. — У вас случайно нет ли в окрестностях питомника лисиц? — небрежно спросил он.

Бармен дал ему сдачу.

— Ну да, Сивестр Фокс ферм. Питомник Стива Ларсона, это почти на вершине Синей горы.

— Далеко отсюда?

— Около двадцати миль.

Макс взглянул на часы: половина десятого вечера.

— Мы интересуемся лисьими шкурами, — осторожно проговорил он. — А что, хозяин их продает?

— Надо думать! — удивился бармен.

Эти двое не были похожи на торговцев. Они кивнули ему головой и повернулись к стойке.

— А он, что, один там управляется, этот тип? — тихо осведомился Макс.

— Вы спрашиваете, один ли он ведет свое хозяйство? Да, по сей час там еще один тип. Я видел, как они проезжали дней восемь назад.

Суливаны сохранили безучастные выражения лиц.

— Пока! — попрощался Франк, и они вернулись к «паккарду».

За ними внимательно наблюдал Фил Магарт, прислонившись к стене. Он задумчиво потянул себя за нос, сдвинул шляпу на затылок и вошел в бар, который только что покинули эти мужчины.

— Как дела, Том? — усевшись на табурет, спросил Магарт. — У тебя еще не перевелось виски? Я хочу опорожнить твой погреб.

— Хэлло, мистер Магарт! — приветливо улыбнулся бармен. — Какие новости о ненормальной?

— Ничего нового, — ответил Магарт, наливая из черной бутылки, поставленной перед ним барменом.

— Я только что рассказал вашу историю двум типам, которые только что вышли отсюда. Вы видели их? Оба в черном.

— Да...

Бармен колебался, почесывая бородку:

— Мерзкие типы... заявили, что они меховщики.

— Ах, так? — Магарт с заинтересованным видом приподнял голову. — Они такие же меховщики, как я сыродел... Я уже видел их как-то. В сущности, я встречался с ними три раза за два года, и каждый раз какой-нибудь тип умирал насильственной смертью. Это вам ничего не говорит?

Бармен уставился на него круглыми глазами:

— Что вы хотите этим сказать, мистер Магарт?

— Точно не знаю, но такие типы не сразу забываются. Вы никогда ничего не слышали о братьях Суливанах?

— Кажется, нет.

— Может, их и не существует, но ходят слухи, что Суливаны профессиональные убийцы. Они навещают вдвоем какого-нибудь человека — и тот готов! Интересно было бы знать, не Суливаны ли это? — спросил он больше самого себя, чем бармена. — Что они хотели выяснить?

— Они интересовались Стивом Ларсоном, — озабоченно сообщил бармен. — Спросили, живет ли он один.

— Это он разводит лисиц наверху в Синих горах?

— Совершенно верно! Славный парень! Он берет у меня виски и приезжает ко мне приблизительно раз в месяц. Я видел его на прошлой неделе, но он не вошел, так как проезжал в компании с каким-то типом.

— В самом деле? О нем тоже спрашивали?

Бармен сделал утвердительный жест.

— Вы не думаете...

— Я никогда не думаю, — буркнул Магарт. — Я только пытаюсь догадаться и найти «горшок с розами». И когда я его нахожу, то усаживаюсь перед машинкой и печатаю все свои фантазии, которые вы заглываете во время вашего первого завтрака. Такова наша собачья жизнь.

Он решительно направился к двери, но остановился, чтобы добавить:

— Может быть, и хорошо, что вы мало читаете. Оставьте все это при себе. Рот на замок! — предупредил он и ушел.

Веки Роя до такой степени распухли, что Стив не мог понять, действительно ли повреждены его глаза. Ему удалось остановить кровь. В общем, он сделал для своего брата все, что мог.

— А теперь я отправлюсь на поиски Кэрл, — сказал он брату, когда покончил с его ранами. — Я не могу...

— Нет! — закричал Рой, вытягиваясь на кровати. — Ты не должен оставлять меня одного! Она наверняка спряталась где-нибудь возле дома, ожидая твоего ухода. Она мечтает прикончить меня!

— Закрой пасть! — гневно воскликнул Стив. — Как я решил, так и сделаю, и ты хорошо сделаешь, если возьмешь себя в руки.

— Не будь идиотом, Стив! — Рой беспомощно пошарил вокруг себя. — Это опасная тварь! Она прикончит тебя... Она выцарапает тебе глаза!

Стив поглядел на яркую луну. Ему не очень-то хотелось идти в темный лес, но он не мог позволить себе оставить Кэрл без защиты. Он вспомнил глаза фургонщика и о том выражении ярости на лице Кэрл, чисто животном выражении. Он поглядел на брата, и его пробрала дрожь. А что если Кэрл и на самом деле так опасна? Что если она действительно сумасшедшая? А что если все это последствия удара, вызвавшего у нее первобытные инстинкты? Нет, это невозможно! Сумасшествие -- это наследственное зло. Удара по голове недостаточно, чтобы превратить вас в убийцу. Страх довел ее до сумасшествия... В этом было объяснение ее жестокости. Сперва фургонщик, пытавшийся ее изнасиловать, затем Рой с теми же намерениями! В сущности, они получили по заслугам! Ему же она не сделает ничего подобного,

ведь он никогда до нее не дотрагивался. И все будет хорошо.
— Я уйду, Рой! — заявил он, сунув револьвер в руку брата. — Вот, возьми это. Если она вернется, стреляй в потолок, и я сразу же примчусь.

Он стал быстро одеваться, глухой к протестам Роя.

— Ты не вернешься! — истерически вопил он. — Уверен, что ты не вернешься! Она спряталась и ждет твоего ухода. Боже мой! Ты не представляешь, какая у нее сила! Она прикончит тебя и что тогда будет со мной! Ведь я совсем беспомощный и ничего не вижу! — он стал кричать еще пронзительней, усевшись на кровать. — Я слепой, Стив! Останься со мной! Останься!

— Ты замолчишь?! — Стиву самому было не по себе. — Ты сам искал ее и хотел изнасиловать. Так что перестань ныть.

Он взял фонарик и вышел во двор. Все казалось спокойным. Над вершинами сосен сверкала луна, и на землю ложились глубокие тени.

Спот куда-то исчез, и Стив почувствовал одиночество. Он спустился к озеру, постоял возле воды и прислушался, пытаясь различить гнетущие шорохи леса.

«Она спряталась в лесу, — подумал он, — она была расстроена. Сторожит ли она меня, спрятавшись где-то за деревом?»

Он направился по тропинке вдоль озера. Неожиданно на ближайшем дереве послышался шум. У Стива замерло сердце. С ветки дерева слетела большая птица и спланировала к озеру. Стив облегченно перевел дыхание. Он понял, что его нервы совсем растались.

Теперь тропинка отходила от озера и, петляя, углублялась в лес. Было темно, и Стив остановился, раздумывая, входить ли ему в темноту.

— Кэрл! — закричал он во весь голос. — Это Стив! Где вы, Кэрл?

С другой стороны озера ему отозвалось слабое эхо: «Где вы, Кэрл?». Голос искаженный, как будто в насмешку.

Он пошел вперед, и темнота сомкнула над ним свои крылья. Теперь он ничего не видел и вынужден был включить фонарик. Сильный луч света осветил тропинку. Ветки деревьев над ним угрожающе смыкались, как бы препятствуя ему. Стив тем не менее продолжал движение вперед, иногда останавливаясь, чтобы прислушаться. Внезапно он ощутил, что он не один, что за ним следят. Он осветил фонариком вокруг себя, но ничего не заметил.

— Вы здесь, Кэрл? — позвал он немного дрожащим голосом. — Это я, Стив. Я ищу вас, Кэрл.

Сзади, из-за кустов, бесшумно поднялась тень и скользнула к нему. Неожиданно хрустнула сухая ветка. Он мгновенно направил в то место луч фонаря и замер: в ярком свете стоял одетый в черное мужчина, и в руке у него был большой револьвер.

— Руки вверх, Ларсон, — тихо приказал Макс.

Две руки сзади обшарили его карманы. Бросив взгляд из-за плеча, он почувствовал, как по его телу пробежала ледяная дрожь. Сзади него находился еще один тип, одетый в черное. Это был Франк.

«Два черных ворона... Это Суливаны...» — подумал Стив. Его горло сразу пересохло.

— Кто вы такие? — спросил он как можно более спокойным тоном.

— Молчи, хорек! — приказал Макс, прижимая револьвер к боку Стива. — Сейчас спрашивать будем мы. Кто такая Кэрол? И что ты тут делаешь?

— Это моя подруга. Она живет у меня, — коротко ответил Стив. — Я ищу ее.

Макс и Франк переглянулись.

— Рой у тебя там, наверху?

Стив колебался — ложь ни к чему не приведет. Стоит им только подняться, и они убедятся в этом.

— Да, — буркнул Стив.

— Посторожи парня, Франк, — сказал Макс, — а я займусь Роем.

— А девушка?

— Если она не покажется, не имеет значения, а если появится, то мы ею займемся.

Макс быстрыми шагами направился к веранде. Франк подтолкнул Стива дулом револьвера.

— Двигайся, — проронил он сквозь зубы, — и без глупостей. Не думай кричать, приближаясь к дому, если не хочешь уйти на тот свет раньше времени.

Стив двигался позади Макса. Он был уверен, что после убийства Роя они пристрелят и его. Но он мало беспокоился о себе. Он думал о Кэрол. Что будет с девушкой? При одной мысли об этом сердце его сжалось в комочек. Что бы ни произошло, решил он, она не должна попасть в руки этих дьяволов.

— Вы не можете оставить нас в покое? — спросил он. — Мы же не сделали вам ничего дурного.

— Заткнись и не разевай рта! Не о тебе речь. Нам нужен Рой.

— Но что он такого сделал? Если вам нужны деньги, я дам вам их. Не стоит ради этого убивать человека.

— Нам за это заплатили, — возразил Франк. — А раз заплатили, мы должны отработать эти деньги! Так, по крайней мере, я понимаю наши дела. Честь фирмы превыше всего!

Что-то в его тусклом голосе было такое, что Стив понял, что никакие мольбы не спасут его брата. Он продолжал движение почти в бессознательном состоянии. Ему казалось, что он переживает какой-то страшный кошмар.

Наверху, на дороге к шале, он заметил большой «паккард», повернутый носом в сторону долины.

«Если бы я только мог запрыгнуть в него, — подумал он, —

я смог бы ускользнуть от них, но все равно я ничего не смогу сделать для брата».

Макс смотрел через открытое окно на Роя, лежавшего на кровати с револьвером намертво зажатом в руке. Он поднялся по ступеням с легкостью тени. Ботинки Макса на резиновой подошве совершенно беззвучно передвигались по полу.

Рой напряженно прислушивался. Нервы у него были на пределе, его горло от страха конвульсивно сжалось. Он так прислушивался, что у него шумело в голове. Каждую секунду он ожидал, что вот-вот из ночи возникнет Кэрол и бросится на него с растопыренными пальцами, чтобы доконать. Он больше не думал о Суливанах, так как был уверен, что сумел ускользнуть от этих безжалостных убийц. Раз они его не настигли до сих пор, значит потеряли его след.

Долгое отсутствие Стива удивляло Роя. Вернется ли он? Глаза у Роя почти совсем не болели, но голова была тяжелой и бодела. Он чувствовал себя совершенно разбитым от страха и жалости к себе.

Макс бесшумно проскользнул в комнату и зловеще улыбнулся. Он приблизился к кровати, и теперь ничего не стоило свести счеты с жертвой. Даже слишком легко! Макс не любил, чтобы умирали так просто.

Рой что-то пробормотал про себя, выронил револьвер и схватился за голову... Макс подобрал оружие, сунул его в карман и стал ждать, устремив взгляд на раненого, ожидая его реакции на исчезновение револьвера.

Через несколько секунд Рой положил руку на то место, где должен лежать револьвер. Его пальцы стали лихорадочно шарить по кровати. Он что-то ворчал себе под нос и упорно искал оружие. Сперва он сохранял контроль над своими движениями, решив, что револьвер мог скользнуть под одеяло, но по мере того, как его пальцы тщательно обшарили все кругом, встречая лишь смятые простыни, он начал нервно дергаться во все стороны и в конце концов уселся на кровати, взмокнувший от пота.

Макс очень осторожно взял стул, поставил его возле кровати и по-прежнему беззвучно устроился на нем. Наблюдать, как растет паника Роя, находиться так близко от жертвы, которая и не подозревала о его присутствии, все это Макс находил весьма забавным.

— Наверное, он свалился на пол, — пробормотал Рой, наклонившись с кровати и шаря рукой по полу.

Макс сидел скрестив руки на груди и уткнув подбородок в свой черный костюм. Он даже не шелохнулся, с любопытством глядя на Роя.

Пальцы Роя, по-прежнему шарившие по полу, коснулись кончика ботинка Макса, замерли и очень медленно поползли назад. Потом он вновь коснулся ботинка, протянул руку чуть дальше и дотронулся до низа брюк... Тут он страшно задрожал, и из его

крепко сжатых брезгливых губ со свистом вырвалось дыхание.

Кто-то сидел возле его кровати.

Рой резко отдернул руку и оперся ею о стенку, чтобы помочь себе приподняться.

— Кто здесь? — прохрипел он.

— Суливаны... — прошипел Макс.

Длительное время Рой оставался неподвижным, прислонившись к стене, с трудом переводя дыхание и с позеленевшим лицом. Пот ручьем стекал на повязку на его глазах.

Затем он неожиданно завопил:

— Стив! Скорей, Стив! На помощь!

— Не надрывайся, мальчик, он не сможет тебе помочь, — заявил Макс, — закидывая нога на ногу. — Его держит Франк. Мы присхали сюда специально для свидания с тобой.

— Ведь не станете же вы убивать слепого человека? — простонал Рой. — Я ослеп! Взгляните на меня. Я пропал... Разве вы не видите, что я ни на что не гожусь? Я пропал...

Макс принялся разглядывать повязку Роя.

— Сними-ка эти тряпки! — приказал он. — Что-то не верю я в эту историю со слепотой!

— Но это правда! — воскликнул Рой, судорожно колотя руками по постели. — Я не могу это снять... опять пойдет кровь.

Макс рассмеялся, протянул руку, просунул ее под повязку и сдернул ее с головы.

— Ну что ж, пусть капает помаленьку.

Рой застонал.

— Хватит забавляться! — раздался с веранды голос Франка.

Макс ошеломленно уставился на лицо Роя.

— Нет, ты только взгляни, Франк, посмотри на этого подонка! У него вырвали глаза.

— Браво... — равнодушно отозвался Франк.

— Ты должен взглянуть на него! — настаивал Макс. — Это зрелище стоит того, — и он стал смеяться.

— Не желаю двигаться! — буркнул Франк. — Мы тут с дружкой комфортабельно устроились.

— Так вот, у тебя великолепная физиономия, — хлопнув Роя по плечу, произнес Макс. — Как это с тобой случилось, старина?

Рой попытался ухватить Макса за руку в перчатке, но тот быстро отдернул ее.

— Это она... сумасшедшая... она просто ненормальная!

— О ком ты? — осведомился Макс. В его взгляде появились проблески жизни.

— Эта девушка, Кэрол... Мы нашли ее наверху, на дороге... Там свалился какой-то фургон... Стив ухаживал за ней... и она набросилась на меня.

Макс наклонился к нему.

— Она наверняка хотела тебя изнасиловать, но ты сопротивлялся. Как она выглядит?

— Она рыжая!— выкрикнул Рой. Его лицо было залито кровью и походило на ужасную маску, в которой не было ничего человеческого. У него был полон рот крови и когда он говорил, то плевал кровью в лицо Максу.

Макс слегка выдохнул воздух, вытер тыльной стороной руки лицо и вышел на веранду.

— Что-то ты долго копаешься!— возмущился Франк.

— Сумасшедшая с шестью миллионами долларов!— произнес Макс голосом, полным благоговения.— Это про нее рассказал нам бармен, и она тут!

Франк охнул.

— Нам действительно везет,— обрадовался он, ткнув дулом револьвера Стива.— Скажи нам, малыш, ты отдаешь себе отчет в нашей удаче? Где она? Скажи, где ты ее прячешь?

— Я ничего не понимаю, о чем вы говорите?— удивился Стив.

— В самом деле? Рыжая... ее зовут Кэрол, не так ли? Где эта девочка?

— Она убежала. Когда вы появились, я как раз искал ее.

— И все это проделала она?— кивнул Макс в сторону Роя. Стив утвердительно кивнул.

— Но она не сумасшедшая... просто ей было страшно...

— Ладно, ладно... она не сумасшедшая!— подмигнул Макс Франку.— Но необходимо ее срочно отыскать.— Он посмотрел на озеро, потом на горы, находящиеся чуть в отдалении.— Неразумно позволять бродить шести миллионам долларов по горам в такой темноте.

— Ты прав,— поддержал его Франк,— но сперва у нас предстоит маленькое дельце. Что мы сделаем с тем голубчиком?

— Барри настаивал, чтобы он умирал потихоньку. Он требовал от нас приличной работы.

— Нет, надо утопить его в озере.

Макс покачал головой.

— Ты только и видишь это! Во-первых, когда кого-нибудь топишь, приходится мочить одежду. Какой ты несмысленный! Ты помнишь ту курочку, которую мы застучали в ванной? Это была твоя идея. Мы устроили наводнение в этой проклятой ванной и испортили красивый потолок. К тому же, я схватил насморк, от которого не мог избавиться целую неделю. Нет, утопление — это для меня слишком мало!

— Извини, я забыл,— проговорил Франк.— А если мы вскрыем ему вены?

— Это слишком хорошая смерть, а потом мы можем испачкаться. У меня была мысль, что, когда мы разделимся с этими двумя, пожить тут несколько дней. Мне понравились эти величественные окрестности. Нам не стоит уничтожать этот дом.

— И продержим рыжую до той поры, пока пройдут четырнадцать дней? Ты это хочешь сказать?— спросил Франк.

— Совершенно верно. А потом мы будем наблюдать за ней и за миллионами.

Франк все еще придумывал способы смерти Роя.

— А что если сунуть его голову в ведро с патокой? Он станет потихоньку задыхаться... это будет великолепная длительная агония. — произнес он наконец и обратился к Стиву: — У тебя есть патока, дружок?

Стив покачал головой. Краем глаза он заметил, что Рой пробирается вдоль веранды.

— Почему вы обязательно хотите прикончить его?! — патетически спросил он. — Что он сделал вам лично?

Рой замер, прижавшись к стене дома. Суливаны находились к нему спиной, но он не видел этого.

— Можно сжечь его потихоньку, — предложил Макс, — тогда не придется зарывать его вонючее тело.

В этот момент Рой попытался использовать свой единственный шанс: решительно пробравшись через веранду, он перелез через перила, спрыгнул и побежал, как ошпаренный.

Суливаны заметили его бегство.

— Держись левой стороны, Рой! — заорал Стив, видя, что его брат направляется к озеру.

Рой сделал поворот и побежал к сосновому лесу.

— На что он надеется? — ухмыльнулся Макс и вытащил револьвер.

Стив дернулся, но ему в бок уперся револьвер Франка.

Раздался сухой звук выстрела, и Рой врезался в землю лицом. Несколько секунд он лежал недвижимо, потом встал и захромал, с трудом волоча левую ногу.

— Сейчас я разделаюсь с ним окончательно, — Макс спустился по ступенькам, прошел через двор и, поймав Роя, несколько раз сильно ударил его ногой по лицу, после чего направился к «паккарду».

— Сейчас ты кое-что увидишь, — обратился Франк к Стиву. — У этого парня есть класс! И сейчас ты в этом убедишься.

Рой попытался отползти в сторону озера, оставляя позади себя на песке полосу крови.

Макс достал из «паккарда» канистру бензина и вернулся к Рою. Тот, услышав его приближение, стал кричать, попытался бежать, но вскоре свалился на песок.

— Не трогайте меня! — застонал он, когда Макс подошел к нему вплотную. — Оставьте меня... ради господ Бога... оставьте меня...

— Барри хочет, чтобы ты отправился в ад! — загоготал Макс, выливая бензин на дрожащее тело Роя.

— Нет!!! — Рой дико завопил, когда бензин попал ему на лицо. — Вы не сделаете этого! Стив! На помощь! Нет! Нет! Нет!

Макс пошарил в кармане, нашел спички и небрежно чиркнул одной из них о подошву.

— До встречи, старина! — расхохотался он.

— Ты никогда не видел, как полыхают людишки? — обратился Франк к Стиву. — Даже мертвые они продолжают крутиться и подпрыгивать... как курица, которой оторвали голову. Мы сожгли одного дней пятнадцать назад. Он подпрыгнул, побежал и вбежал в дом, в котором заодно сгорели также женщины и дети. — Франк покачал головой. — Взгляни на это великолепное зрелище, — восхищенно продолжал он. — Это то, что я называю поцелуем смерти! Он отлично поджаривается, не правда ли? Нет, да взгляни же на него, он собирается бежать... Такие всегда пытаются бежать!!! Вот, я тебе говорю об этом... посмотри же...

Стив закрыл глаза и заткнул себе уши, чтобы не слышать нечеловеческого воя сгорающего брата.

Внутри головы Кэрол что-то шелкнуло — и сразу в ее мозгу появилась четкая картина окружающего мира. И сразу весь мир, наполненный ранее тенями, в котором она жила до настоящего момента, тенями с определенными контурами неопределенного цвета, снова стал определенным, окрашенным, со звуками, как будто все проявилось и стало на свои места. Кэрол казалось, что она вышла на свежий воздух после длительного пребывания в молчании и неопределенности.

Она думала, что грезит и находится как будто в сосновом лесу, но тут же обнаружила, что действительно находится там. Она удивилась, что такое ощущение сделало ее спокойной, и стала отыскивать тропинку для возвращения в домик. Сквозь деревья она заметила сверкающий лунным светом водоем и поспешила в ту сторону.

Шагая к озеру, она пыталась вспомнить свой сон. У нее было смутное ощущение, что во сне она видела, как к ней в комнату вошел Рой. Но это было лишь ощущение... Когда Рой вошел в комнату, в ее голове что-то щелкнуло. Вполне возможно, что потом что-то произошло... Такое уже бывало в прошлом. Но когда это было, она никак не могла вспомнить. Каждый раз, когда она пыталась это вспомнить, ей грезилась комната с капитальными стенами голубого цвета, электролампочка в проволочном колпаке, подвешенная очень высоко. Это тоже, вероятно, принадлежало к снам, так как там всегда фигурировала сиделка. Эта сиделка с жестким взглядом ничего не говорила, ничего не делала, она только молча смотрела на нее, уставив на нее палец. Кэрол знала, что ей очень часто снились подобные сны, но все лица, комнаты и окружающая обстановка всегда были мутными.

Кэрол не понимала, как попала в этот лес. Неожиданно она обнаружила, что почти голая. Ей захотелось узнать, заметил ли Стив ее отсутствие и не искал ли он ее. Ей хотелось поскорее достигнуть своей комнаты и надеть пижаму, которая таинственным образом слетела с нее.

Она испытывала чувство смущения: странное сочетание нежности и стыдливости при мысли, что он может увидеть ее в таком виде. Она жаждала поговорить с ним об этом шуме в голове. Он беспокоил ее. Может быть, Стив сумеет объяснить этот факт. И заодно объяснит, что же все-таки произошло. Может быть, он сможет объяснить «все»!

Когда Кэрол приблизилась к озеру, то увидела Суливанов, стоящих на самом берегу. Они о чем-то спорили и не видели ее. При свете луны она не могла как следует разглядеть их зловещные фигуры, но и того, что она увидела, было для нее достаточно.

Кэрол не имела ни малейшего представления, кто они, но эти зловещные фигуры напугали бы всякого, кто бы увидел их.

Она скользнула за дерево, прикрывая грудь руками, и видела, как они молчаливо удалялись быстрыми шагами по направлению к лесу, пройдя по тропинке совсем близко от нее. Кэрол увидела их лица, бледные и жестокие, как бы выточенные из гранита, и задрожала, догадавшись, что эти лица — носители зла и смерти. Все ее мысли устремились к Стиву, и ее охватила слабость при одной лишь мысли, что с ним могло что-то случиться.

Когда они исчезли, она побежала к дому, и сердце ее колотилось так учащенно, что она с трудом могла дышать.

Кэрол миновала двор и увидела то, что осталось от Роя: бесформенная куча, еще дрожащая, выгнувшаяся от жара и не имеющая ничего общего с человеком, кроме контуров. Для Кэрол эта вещь без названия была ненормальным предметом, на который она лишь кинула мимолетный взгляд. В ее голове билась только одна мысль: достичь дома и убедиться в том, что Стив жив и невредим. Она бегом поднялась по ступенькам и замерла на пороге, глядя в освещенный салон. Там находился Стив! Он лежал на полу со связанными руками и ногами. Заметив девушку, он попытался сесть. Кэрол, забыв про свою наготу, с ужасом уставилась на веревки, которыми был связан ее любимый.

Увидев ее такую дикую и прекрасную, Стив понял, до какой степени он влюбился в нее и что полюбил он ее с того самого момента, когда обнаружил в опрокинутом фургоне. Нет, он не намерен более скрывать своих чувств. Она была единственной женщиной, которую он может и будет любить!

— Кэрол, — сказал он, — скорее развяжи меня!

Она подбежала к нему, упала на колени и обняла за шею.

— Вы ранены? — спросила она, почти уткнувшись своим лицом в его. — Скажите, вы ранены?

— Нет, со мной все в порядке, но развяжите меня поскорей! Сейчас мы в скверном положении, малышка.

— Стив, дорогой, — прошептала она, и ее губы прижались к его щеке, — мне было так страшно!

— Милая, развяжи меня!

— Ладно, я сейчас.

Кэрол попыталась развязать узел, но он был слишком затянут. Она сбегала на кухню и взяла там нож. Возвращаясь обратно, она накинула на себя и застегнула пиджак Стива.

— Скорей, Кэрол,— торопил ее Стив.— Быстрей, они скоро возвратятся!

Наконец она разрежала веревки, и Стив, растирая запястья, улыбнулся ей.

— Все будет хорошо, но нам надо поторопиться, дорогая. Кэрол подбежала и обняла его за шею.

— Я вас люблю, Стив,— прошептала она.— Я так испугалась, когда увидела этих черных мужчин. Я подумала... не знаю, что бы я стала делать без вас...

Он прижал ее к себе и нежно поцеловал.

Мгновение они оставались крепко прижатыми друг к другу, потом он осторожно отстранил ее.

— Я вас полюбил с первого взгляда, моя девочка. Но нам нельзя терять ни секунды. Мы должны бежать отсюда. Быстрее оденьтесь.

Кэрол побежала в свою комнату, а Стив вышел на веранду и принялся осматривать окрестности: никаких следов Суливанов он не обнаружил. Вскоре к нему присоединилась Кэрол, одетая в шерстяное платье. В ее глазах светилась любовь и безграничное доверие к Стиву.

— Нам придется воспользоваться их машиной,— сообщил Стив, обнимая Кэрол за талию.— Будем придерживаться тени...

Они бегом пересекли двор. При выходе на дорогу они увидели «паккард» Суливанов.

— Надо спешить,— торопил ее Стив.

Он схватил талию Кэрол и почти поднял ее в воздух. Они бегом устремились к машине через участок двора, освещенный лунным светом. В этот момент из леса показались Суливаны и сразу же заметили беглецов.

— Быстрей, Кэрол!— Стив задышался.— Вы умеете водить эту машину?

— Да, но мы уедем вместе. Я вас не оставляю.

— Идите вперед, я попытаюсь их немного задержать. Заводите машину и ждите меня. Бегите быстрей, любимая!

— Остановитесь!— угрожающе кричал Макс.

Стив остановился, как будто послушавшись их.

Суливаны быстро бежали к дому. Услышав, что Кэрол запустила мотор, Стив круто повернулся и рванул к машине. Макс выстрелил сквозь карман, не вынимая оружия. Стив вздрогнул, пошатнулся и свалился в открытую дверцу машины, когда Макс выстрелил во второй раз.

— Меня немного задело, малышка,— он вскарабкался на сиденье и упал на Кэрол. Кровь Стива обагрила руку девушки. Она судорожно помогла ему сесть и тут же увидела Суливанов, бегущих через залитый лунным светом двор. Макс остановился,

прицелился и хотел выстрелить, но Франк схватил его за руку.
— Ну, будь умником! Не надо стрелять в шесть миллионов долларов!

— Но она удирает! — злобно закричал Макс.

— Мы их найдем! — успокаивающе возразил Франк. — Мы обязательно их найдем! И для этого стоит потрудиться... ради нее и ее денег!

Они молча стояли, глядя на огни «паккарда», удалявшегося по горной дороге в долину.

ГЛАВА 3

НАЕМНЫЕ УБИЙЦЫ ДЕЙСТВУЮТ

На севере Ка-де ла Бриа, простирающегося на небольшой высоте у подножья гор, расположены химерические загородные жилища миллиардеров. Фил Магарт вел свою машину на большой скорости по одной из этих узких, как лезвие ножа, дорог. Он так безжалостно обращался со своим старым «кадиллаком», так круто поворачивал, что шины покрышек немилосердно визжали. Наконец он направил машину по извилистой дороге, ведущей к дому Веды Ваннинг. Это была вместительная вилла в испанско-мавританском стиле, с белыми под мрамор стенами и с красной черепичной крышей. Веда считалась легкомысленной женщиной, но, несмотря на такую репутацию, все обожали ее. Она вела веселый образ жизни и была к тому же богатой. У нее была плантация апельсинов и лимонов, которой она удачно распоряжалась. Площадь цитрусовой плантации составляла пять тысяч акров.

Веда была без ума от Магарта и мечтала выйти за него замуж. Фил остановил машину перед главным входом и взглянул на часы: половина четвертого утра. Он открыл дверь и прошел до террасы из белого камня. Дом был погружен в темноту, но он знал, где спала Веда. Он быстро миновал патио, все в цветах, и поднялся по четырем ступенькам, ведущим на веранду. Там он резко остановился перед открытой дверью.

— Веда, вы не спите? — обратился он в темноту, пытаясь различить что-нибудь в комнате, но ничего не увидел, кроме контуров большой кровати, на которой обычно спала Веда.

Ответом было молчание. Фил вошел в комнату, подошел к кровати и стал шарить рукой под покрывалом. Раздался приглушенный крик. Веда, мгновенно проснувшись, зажгла лампочку на ночном столике.

— Ну и ну! — воскликнула она и снова упала на подушки. — На этот раз ты перешел все границы! Кто дал тебе право приходить ко мне в такой ранний час?

— Какие границы?— улыбнулся Магарт.— Ты утверждала, что всегда рада меня видеть! Ну, и будь счастлива!

Веда изящно потянулась и аппетитно зевнула. Магарт молча любовался ее восхитительным телом.

— Ты потрясающая! Просто сдохнуть можно! Но сейчас происходят такие вещи, что небольшой расколотый орех, служащий тебе головой, не сможет осмыслить их.

— Я много раз спрашивала себя, что может притягивать меня к тебе?— произнесла Веда, взяв со столика маленькое зеркальце. У нее были сине-зеленые глаза, густые ресницы и волосы каштанового цвета, отливающие золотистыми искорками и падающие ей на плечи. Она была красива и знала это. Окруженные темными кругами глаза и чуть припухшие губы не старили ее. Ей можно было дать лет двадцать шесть, не более. — Во всяком случае, у меня не такая уж дурная голова,— возмутилась она и опять зевнула, откинувшись на подушки. Ее ночная рубашка была отделана черными кружевами и почти ничего не прикрывала.— Ты на самом деле невynosим, Фил,— продолжала она.— Ты мог бы разбудить меня более деликатным способом, не залезая под ночнушку. До меня достаточно лишь дотронуться, чтобы я покрылась синяками!

— Когда ты оденешься, их все равно не будет видно,— возразил Фил.

Встав с постели, он направился к комоду, где находились бутылки канадского рома и бокалы.

— Дорогая, у тебя кончаются запасы, нужно позаботиться о пополнении погребов.

— Ясно,— промолвила Веда, которая любовалась им и находила его весьма привлекательным.— Дай мне сигарету, грубиян ты этакий!

Магарт возвратился с бутылкой, дал ей сигарету, выпил вина и закурил сам.

— Я иду по следу потрясающей истории!— сообщил он, усаживаясь на кровать вплотную к Веде.— Если я сумею правильно за нее взяться, то заработаю целое состояние. Если мне это удастся, я смогу наконец жениться на тебе. Слушай меня внимательно, дорогуша.

Веда хитро взглянула на него поверх покрывала.

— Я так часто слышала это, что смогла бы переложить это на музыку,— насмешливо проговорила она.

— На этот раз это серьезно. Я иду по следу маленькой леди Блэндиш.

— Что... что ты сказал?— Веда уселась на кровати и широко раскрыла глаза от удивления.

— Не задирай так высоко свою рубашку, мне некогда! Все это строго конфиденциально! Через шесть дней, начиная с сегодняшнего, она войдет во владение своим состоянием, если до этого времени ее не обнаружат. Сначала я думал, что было бы отлично,

если бы я помог поймать ее и изложить все детали ее походов для моего агентства. Но затем мне пришла в голову прекрасная мысль. Я помогу ей остаться свободной и завладеть своим состоянием. Если я смогу быть для нее хорошим руководителем, то она будет весьма благодарна мне, не так ли? Я окажусь в превосходном положении. Вся Америка захочет узнать, что она будет делать с этой уймой денег. Шесть миллионов долларов! Я буду находиться при ней, чтобы держать все в своих руках. Я привезу ее сюда, к себе. И, когда мы получим деньги, мы будем опекать ее, купим ей машину, дом, одежду. Мы будем повсюду брать ее с собой, а также и кинематографистов! Это будет потрясающе! Я предложу изложить всю эту историю моему агентству и буду диктовать свои условия.

— Так я и думала! — со вздохом проговорила Веда, закрыв глаза. — Очередная глупость! Девочка-то сумасшедшая, мое сокровище! Подумай об этом факте! Она опасна и может прикончить кого-нибудь из нас. Как ты думаешь, я хочу, чтобы меня убили?

Магарт издал недовольное рычание.

— Ты что, на самом деле хочешь остановиться перед таким незначительным препятствием? — упрямо буркнул он. — Что же, я не в состоянии удержать ее за руку? Вспомни тот день, когда я оставался два часа в клетке с орангутангами, чтобы написать сенсационную заметку!

— О боже! Я не вижу, что здесь общего с тем случаем!

— Это ничего не значит! — нетерпеливо возразил Магарт. — Все равно тут что-то есть! При всех обстоятельствах, как я могу бояться девушку... Я был еще два вершка от горшка, когда...

— Знаю, знаю... Я уже слышала это множество раз, и это вовсе не относится к ...

— Ты не права. Я уже потолковал с сиделкой малышки. Странная штучка эта девушка. Она укутила, как в американских горах, в Кони Айленд!

— Ты мне как-то говорил, что от американских гор у тебя недомогание, — ледяным тоном заметила Веда.

Магарт саркастически улыбнулся.

— Это зависит от скорости спуска!

Веда толкнула его ногой через одеяло.

— И что же? Что рассказала тебе эта сиделка?

— Она сообщила, что Кэрл страдает раздвоением личности. Это лишь приступы, повторяющиеся время от времени. В течение долгих месяцев она ведет себя как нормальная девушка, чистая телом и душой, очень кроткого нрава. Все, в чем она нуждается, так это в постоянном наблюдении. — Он вздохнул. — Наблюдать за девушкой кроткого нрава — это мне вполне под силу!

Веда снова ударила его ногой:

— Ты мне отвратителен!

— Не прерывай меня, — строго сказал он. — Один из курато-

ров, старый орех со спрессованным лицом, по имени Симон Гартман, явился недавно в санаторий. Сиделка сообщила мне, что он почти сошел с ума от ярости, узнав об исчезновении Кэрол. Он видел свое счастье, уплывающее от него в сумме шесть миллионов.— Магарт налил себе вина.— И я скажу тебе еще одну вещь: я не верю, что малышка и наполовину так опасна, как утверждают в клинике. Я не верю, что по состоянию своего здоровья она должна находиться в клинике. Я считаю, что ее упрятали в этот дом только потому, что старый Гартман пожелал наложить лапы на ее миллионы.

— Только не говори вслух подобных глупостей,— проронила Веда насмешливым тоном.— Ее поместил туда Джон Блэндиш три или четыре года назад.

— Блэндиш абсолютно ничего не знал о девушке. Он ею не интересовался. Все это проделал Гартман, занимавшийся делами Блэндиша. Девочку заперли в этот дом потому, что она набросилась на человека, избивающего собаку. А разве ты не поступила бы точно так же?

Веда посмотрела на него испуганными глазами:

— Но она опасна. Вспомни, что она проделала с водителем фургона.

Магарт небрежно отмахнулся от этих слов.

— Она защищала свою честь. Ты этого не можешь понять, но позволь мне сказать тебе, что существуют молодые девушки, которые воспринимают это весьма серьезно.

— Ладно,— вздохнула Веда. У нее не было желания спорить с Филом на эту тему в такое время.— Делай как хочешь и что хочешь, но не забывай, что ты еще не нашел.

Магарт ударил себя по лбу:

— Но я на следу и нашел то место, где она находилась последнее время, и отправлюсь туда.

— Господи,— печально вздохнула Веда.— Кажется, я все же выпью немного вина после такого разговора. У меня начинают пошаливать нервы.

— Не стоит пить девушке ночью. Пойми, я не собираюсь пока распространяться об этой истории. Лежи спокойно и слушай. Сегодня вечером я видел двух типов в большом черном «паккарде». Они расспрашивали о Стиве Ларсоне, у которого имеется питомник лисиц наверху в Синих горах.

— Я его видел,— с энтузиазмом заявила Веда.— Очень высокий, светлый блондин, такой симпатичный... Увидев его, я ощутила сердцебиение.

— Оставим его симпатичность в стороне,— притворно мягким тоном решительно произнес Магарт.— Твоя мать, вероятно, испугалась при виде пары штанов перед твоим рождением. У тебя одни мужчины в голове. Ты дашь продолжить мне или нет?

— В конце концов лучше быть глухой, чем слушать твой

бред,— проронила она и закрыла глаза...— Итак, эти типы спрашивали...

— Спрашивали Ларсона, и я узнал их. Уверен, что это были Суливаны — профессиональные убийцы.

— Что ты говоришь?— удивилась Веда.

— Если кто-то желает от кого-нибудь избавиться, то стоит лишь обратиться к Суливанам, дать им денег — и дело в шляпе, готовь место на кладбище. И это не басни... Во всяком случае, я решил, что мне нужно смотаться к питомнику и немного там пошарить. Ты догадываешься, что я там обнаружил? Дом был покинут, горел свет, «бьюик» стоял в гараже, а ошалевший от страха пес забился в свою конуру. Я прошелся по дому и вот что там нашел.— Он уронил на кровать Веды носовой платок.— Держу пари, что он принадлежит Кэрл Блэндиш. Видишь, на платке вышито ее имя. И еще одна деталь: я нашел там плащ шофера доктора Траверса, тот самый, в котором Кэрл убежала из Гленвилла.

Веда сделала заинтересованный вид и спросила:

— Но куда это тебя приведет?

Магарт почесал голову.

— Я хотел бы знать это сам, но это только начало. Ларсон, вероятно, спрятал Кэрл, а эти Суливаны, если это действительно они, заставили их покинуть убежище. Это очень важно. Теперь они обнаружены. Стоит вопрос: идут ли Суливаны по их следу. Я этого не знаю. Если мне посчастливится поймать Кэрл первому, то я приведу ее сюда. Здесь никто не догадается искать эту девушку. А если мне не повезет, то тем хуже для меня. Это опять отодвинет срок нашей свадьбы.

Веда притянула его к себе и страстно обвила руками за шею.

— Не надо откладывать, Фил, я дам тебе мои деньги, и мы заживем счастливо и займем много детей.

Магарт осторожно освободился от ее объятий и встал.

— Может, я и не очень умный, но зато гордый тип,— заявил он, поправляя воротничок и галстук.— Ты полагаешь, что я буду спокойно слушать, как вокруг будут говорить, что я женился на твоих деньгах? Ни за что на свете! А теперь не задерживай меня, дорогая. Мне надо хоть немного поспать до утра, а когда я говорю поспать, то я имею в виду именно сон.

Кэрл вцепилась в руль «паккарда», устремив взгляд на освещенную фарами дорогу, которая, казалось, бежала перед ней, показывая в лучах света крутые повороты горной тропы и провалы пропастей. Сердце замирало у нее в груди, а мозг был почти парализован беспокойством и страхом. При свете приборной доски она видела позеленевшее лицо Стива, лежащего на полу с закрытыми глазами. Она хотела бы остановиться, но при мысли о Суливанах она еще больше увеличивала скорость машины.

Она остановится только тогда, когда будет уверена в том, что ганстеры не смогут их догнать. И она молилась, чтобы не было слишком поздно. Надо успеть сделать что-нибудь для Стива.

Узкая извилистая дорога препятствовала тому, чтобы увеличивать скорость, но тем не менее Кэрол гнала машину очень быстро, рискуя на крутых виражах свалиться в пропасть. Ею владела единственная мысль: увеличить расстояние между ними и Суливанами.

Наконец она достигла главной дороги и смогла пустить машину с максимальной скоростью. Через милю или две она замедлила скорость, ища место, где можно было бы остановиться.

Проселочная дорога вела к заброшенному лесному жилищу. Кэрол съехала на нее, и машина, трясаясь, как в ознобе, устремилась по лесной тропинке, ведущей к нескольким хижинам. Они были наполовину разрушены. Когда-то в них жили лесорубы.

С дороги эти жилища видно не было. «Паккард» затормозил и остановился. Кэрол склонилась над Стивом.

«Я должна сохранять хладнокровие, — думала она, — я должна взять себя в руки».

Одна лишь мысль о том, что он может быть опасно ранен или мертв; наполнила ее таким ужасом, что она задрожала всем телом, стуча зубами.

— Стив, дорогой, — она дотронулась до его лица. — Что с тобой? Ответь мне! Ты сильно ранен?

Стив ничего не ответил, он не пошевелился даже тогда, когда она приподняла его голову, которая упала назад, тяжелая и безжизненная. Долгое время Кэрол оставалась неподвижной, сжав кулаки и еле сдерживаясь от крика, который подступал к горлу. Затем она открыла дверцу и спустилась на землю. Стоя рядом с машиной и ухватившись за нее, чтобы не упасть, Кэрол боролась с подступившим обмороком. Ее сердце колотилось так сильно, что она задыхалась.

Она с трудом обошла вокруг машины, чтобы открыть другую дверцу. Ей надо было поддержать Стива, так как он валился на землю. Он был тяжелым, но Кэрол удалось вытащить его из машины и уложить на ковер из сосновых иголок. Она включила фары и с ужасом заметила запачканную кровью рубашку. Кэрол быстро расстегнула его пиджак. Его рубашку пропитала кровь.

Положив руку на сердце Стива, она ощутила, что оно все еще билось, хотя слабо и с перебоями. У нее вырвалось короткое всхлипывание: значит, он не умер. Он продолжал истекать кровью, и ее нужно было немедленно остановить.

Кэрол вернулась к «паккарду». В заднем багажнике она обнаружила два чемодана. Лихорадочно открыв один, она обнаружила там рубашки и носовые платки, которые стала рвать, чтобы сделать из них повязку.

— Кэрол... — позвал ее Стив слабым голосом.

Она вскрикнула от неожиданности и подбежала к нему. Он

моргал глазами в ослепляющем свете фар, но не шевелился. Его затуманенный взгляд был безжизненным.

— Мой дорогой!— прошелестела Кэрол, падая возле него на колени.— Что я могу сделать? Тебе плохо? Я постараюсь остановить кровь!

— Ты... очень хорошая...— прошептал Стив, и лицо его скривилось от боли.— Кэрол, мое дело плохо... где-то у меня... там, в груди...

Кэрол растерялась и зарыдала, закрыв лицо руками.

— Что я могу для тебя сделать?— пробормотала она, а про себя подумала:

«Нельзя допустить, чтобы он умер... Я не переживу его гибели... и я тут единственная, кто может его спасти!»

— Ну, маленькая,— Стив задыхался,— не бойся... Не знаю, что ты чувствуешь, но не поддавайся отчаянию... Попробуй, может, и удастся остановить кровотечение...

— Да, я сейчас,— она вытерла слезы и с силой прикусила губу.— Сейчас я остановлю ее, дорогой. Это... это... боже мой! Я не знаю, как это сделать!

Она подошла к машине и, взяв импровизированные средства перевязки, возвратилась к Стиву и расстегнула рубашку. Пропитанная кровью материя чуть не вызвала у нее обморок, но боязнь, что он может умереть, заставила ее действовать. Между тем, когда она стащила с него рубашку и увидела две черные дырки посередине груди, из которых капля за каплей стекала кровь, в глазах у нее потемнело, и она упала на землю, вся дрожа и обхватив голову руками.

— Не расстраивайся так...— прошептал Стив, приподнял голову и взглянул на раны.

Увидев их, он сжал челюсти. Это оказалось еще хуже, чем он полагал. Ледяной холод постепенно охватывал его ноги, и он проваливался в колеблющуюся темноту затухающего сознания. Ему казалось, что на грудь положили стальную кувалду, которая душила его.

— Кэрол... дорогая... прек... прекратите...

— Я не могу ничего сделать!— закричала она.— Необходимо найти помощь. Куда я могу вас отвезти?

Стив попытался думать. Теперь ему казалось, что грудь вскрыли и в нее свободно проникает воздух и колыхает оголенные нервы.

Смертельная бледность разлилась по его лицу, и оно покрылось холодным потом агонии.

— Доктор Флеминг!— наконец удалось прошептать ему так, что Кэрол едва его слышала.— Поезжайте прямо по дороге до Ка де ла Бриа... второй поворот налево... Маленький одинокий домик в стороне от дороги...— он боролся против страшной слабости и, победив ее еще раз, продолжал:— Это добрых двадцать миль... Никого другого поблизости нет...

— Но двадцать миль,— Кэрол сжала кулаки,— это слишком далеко.

— Другого выбора нет...— Стив скорчился от боли.

— Я поеду, но сперва попытаюсь перевязать вас.— Потом она подумала, что надо увезти его с собой. Его нельзя оставлять тут одного и не надо было снимать его с машины. Она нагнулась к нему вплотную.— Мы поедем вместе, дорогой, если только вы сможете хоть немного приподняться. Я отведу вас обратно в машину.

— Лучше не надо,— простонал Стив. Он чувствовал, что его рот наполняется кровью.— У меня внутреннее кровотечение и будет лучше, если я не буду шевелиться.— Кровь потекла у него по подбородку, и он отвернулся в сторону, чтобы не пугать девушку.

Та старалась подавить рыдания.

— Хорошо, дорогой! Я поеду очень быстро...— она сделала тампон из платков.— Стив! Кое-что... если кое-что... я хочу сказать, мой дорогой! Я так вас люблю! Я хочу, чтобы ты это знал. У меня больше никого нет, кроме тебя, и я так боюсь, я совсем одна... постарайся... не оставляй меня одну!

Стив с трудом погладил ее руку.

— Нет, я не оставлю вас... обещаю, только поторопитесь.

Но когда она приподняла его, чтобы снять пиджак, лицо Стива покрылось восковой бледностью, он закричал, впиваясь в руку Кэрол, и потерял сознание.

Кэрол действовала как могла быстро, обрабатывая ужасные раны. Сбегав к машине, она принесла одеяло, рубашки, пижамы и уложила их под голову Стива, устроив его более удобно.

Оставлять его так было ужасно, но судьба не дала ей другого выхода. Кэрол нагнулась, нежно поцеловала его в губы и, не оборачиваясь, побежала к машине.

Никогда позже она не смогла бы объяснить, как сумела добраться до Ка де ла Бриа. Она ехала на полной скорости с единственной целью — как можно быстрее доставить доктора Флеминга к Стиву. Дорога была хорошей, и Кэрол угрожали лишь ветер да туман. В два часа ночи дорога была пустынной, и скорость ее машины редко опускалась ниже 120 миль. Лишь однажды она едва не столкнулась с другой машиной. Это был Магарт, направляющийся к Ларсону, но это длилось не больше мгновения, так что она почти не заметила промчавшейся машины. Кэрол домчалась до Ка де ла Бриа менее чем за полчаса.

Кэрол быстро разыскала домик доктора Флеминга, возле которого она припарковала «паккард». Пробежав по садовой тропинке, она стала колотить в дверь до тех пор, пока ей не отворили.

На пороге возникла пожилого возраста женщина с неопрятным лицом в морщинах и с растрепанными волосами. На ней был надет грязный халат, который она придерживала на своей плоской груди.

— К чему такой шум?— злобно спросила она.— Вы отдаете себе отчет, какой сейчас час?

— Я прошу вас,— Кэрол пыталась разговаривать спокойно,— мне необходимо видеть доктора. Где доктор? У меня больной... раненый.

Женщина запустила свои пальцы в грязные волосы.

— Зря вы сюда приперлись,— сказала она и попыталась закрыть дверь.— Доктор болен. Нет, подумать только, наде- лать столько шума глубокой ночью! Да за кого вы нас прини- маете?

— Я вам говорю, что есть раненый!— воскликнула Кэрол, в от- чаянии ломая руки.— Он умирает! Я вас прошу, позвольте мне повидать доктора. У меня есть машина... это не займет много времени.

— Ничем не могу помочь,— еще более злобно заявила женщи- на.— Доктор стар и может подхватить насморк. Он ни за что не выйдет из дома в такое время. Идите к другому!

— Но он умирает... Он истекает кровью, разве вы этого не понимаете? Доктор Флеминг обязательно поедет, если вы расска- жете ему это. Он умирает!— Кэрол расплакалась.— И я так его люблю!

— Уходите прочь!— взъярилась женщина.— Здесь ничего для вас не сделают!

Кэрол пыталась не поддаваться панике, охватывающей ее.

— Но где я возьму доктора?— спросила она, сжав кулаки.— Нам нельзя терять времени... у него кровотечение...

— Есть госпиталь в Балтонвилле и доктор Кобер в Бастлаке. Он точно поедет. Евреи всегда ездят и никогда не отказывают.

— Ладно,— всхлипнула Кэрол,— я поеду к нему. Где находит- ся Бастлак? Укажите мне дорогу...

Женщина только что заметила шрамы на левом запястье Кэрол и чуть не ахнула. Но, справившись с волнением, она отвела глаза в сторону.

— Это в пяти милях отсюда,— улыбнулась женщина.— Я по- кажу вам это место на карте... Вы лучше зайдите в дом...

— О! Прошу вас, поскорее! Я не должна была оставлять его...

— Входите, входите. Я не могу показать вам дорогу в темноте. Пройдемте к свету.

Женщина повернулась и через несколько секунд маленький коридорчик осветился лампочкой, висевшей у потолка.

Кэрол уже стояла у порога, когда женщина повернулась.

— Какие у вас красивые волосы,— проговорила она, и ее ма- ленькие глазки заблестели от возбуждения.— Может быть, мне все-таки удастся уговорить доктора отправиться с вами. Вхо- дите! Входите!

Эта резкая перемена в обращении и неожиданная фальшивая сердечность ужаснули Кэрол, но она ничего не могла предпринять. Ее главной задачей было спасение Стива. Кэрол пришлось пройти

за женщиной в маленькую гостиную, в которой находились три стула и стол, заваленный старыми журналами. Это была комната ожидания, дышащая бедностью и запустением.

— Я пойду предупрежу его, моя дорогая, — жеманно промолвила женщина. — Садитесь, я не задержу вас.

— Умоляю, поскорее! — воскликнула Кэрол.

— Не волнуйтесь, — женщина открыла дверь, взглянула на Кэрол и вышла. Что-то в ее взгляде заставило девушку задрожать. Она прислушалась: женщина поднималась наверх почти бегом... Кэрол почувствовала себя в западне. Эта женщина желала ей зла.

Кэрол тихонько отворила дверь.

— Это сумасшедшая из Гленвилла, — услышала она голос женщины, говорящей громко и внятно. — Она у нас внизу.

— Что? Ничего не понимаю! — раздался злой голос мужчины. — Что ты там шепчешь? Из Гленвилла, говоришь? Кто такая?

— Сумасшедшая... Кэрол Блэндиш! Та, которую разыскивают... Спустись, поговори с ней, а я позвоню шерифу. Быстрее!

— Но я слышал, что она опасна, — возразил мужчина ворчливым голосом, — поговори с ней сама. Я слишком стар, чтобы вмешиваться в подобные истории, и не хочу ее даже видеть.

— Спустись! — настаивала женщина, немного повысив свой голос. — Ты прекрасно знаешь, что не сможешь позвонить по телефону. За ее поимку обещано пять тысяч долларов. Это тебе ни о чем не говорит, старый дурень?!

Наступило длительное молчание, после которого мужчина nonetheless произнес:

— Да, я забыл про это. Вероятно, будет лучше, если я спущусь.

Кэрол закрыла глаза.

«Наверное, я сплю, — подумала она. — Снова эти ужасные сны. А может, Стив не ранен? Может быть, эти два черных мужчины были плодом ее воображения? Скоро она проснется там в хижине, испуганная, но в безопасности? Сумасшедшая... Кэрол Блэндиш... Та, которую разыскивают?»

Она задрожала, проделала над собой страшное усилие, чтобы проснуться, и медленно открыла глаза, молясь в глубине души, чтобы оказаться в своей кровати, но ужасная комната была по-прежнему тут, слишком реальной, чтобы принадлежать сну. Кэрол отшатнулась назад, с ужасом смотря на дверь и слыша шаркающие шаги спускающегося по лестнице мужчины.

Где-то в глубине дома она услышала резкие телефонные звонки...

«Спустись и поговори с ней... я позвоню шерифу... пять тысяч долларов за ее поимку».

Она поняла, что из этого дома надо срочно уходить: эти люди желают ей зла. Они отказались помочь Стиву и хотят задержать ее здесь, вдали от любимого, а ведь он может умереть. Теперь страх овладел ею с такой силой, что она не могла поше-

велиться. Кэрл забилась в угол, у уголков ее рта появился нервный тик.

Дверь медленно отворилась, и в комнату вошел огромный старик. Он был плешивый, грузный, усталый, с большим носом, свисавшими вниз усами, запачканными табаком, и вообще, он производил неряшливый вид. Его глаза привели Кэрл в ужас, особенно его правый глаз. То есть у него совсем не было глаза, а вместо него был закреплен фарфоровый шарик. И тем не менее у Кэрл создалось впечатление, что этот шарик проникает ей в мозг подобно бураву. На старике был надет старый грязный халат, из-под которого виднелось нижнее белье весьма сомнительной чистоты.

— Уходите прочь! — в истерике закричала Кэрл. — Боже, сделай так, чтобы я проснулась! Чтобы он не подходил ко мне!

Старик закрыл дверь и прислонился своей грузной массой к косяку. Он вытащил из кармана носовой платок и вытер им правый глаз, потом левый, который, очевидно, слезился. Желтый шарик в его правом глазу казался по-прежнему устремленным на девушку. Он загнипотизировал ее.

— У вас, кажется, неприятности? — поинтересовался старик скрипучим голосом. — Что вы от меня хотите?

Кэрл вжалась в угол.

— Вы доктор? — прошептала она.

— Да, я доктор Флеминг, — он вытер платком виски, по которым катились капельки пота.

«Он ужасен», — подумала Кэрл.

Она не хотела везти его к Стиву. Старик не внушал ей доверия.

— Я ошиблась, — пролепетала она. — Я не нуждаюсь в вашей помощи и не должна была приходить сюда...

Флеминг внезапно стал каким-то озабоченным, и Кэрл поняла, что он чего-то боится. Но его страх еще более усилил ее страх.

— Не торопитесь, девушка, — произнес старик. — Я старый, это верно, но я отличный врач. Вас смущает мой глаз? Ничего страшного. Я давно собираюсь привезти другой, но все никак не соберусь. — Его старые руки шарили по халату — они были похожи на огромных пауков. Яркий электрический свет ясно вырисовывал его грязные ногти. — Меня мой глаз совершенно не стесняет. Почему вы не садитесь? Расскажите мне, что с вами случилось, девушка?

Кэрл покачала головой.

— Нет. Я ухожу и не должна была вас беспокоить. Спасибо, что вы меня приняли... — ее голос сорвался и стал отрывистым. — Вы ничего не сможете для меня сделать. — Кэрл очень медленно отошла от стены и, колеблясь, сделала шаг к доктору Флемингу, все так же стоящему у косяка.

— Вы бы лучше остались тут, — произнес Флеминг. — Мы хотим, чтобы вы остались у нас в доме. — Он загородил всей своей

массой дверь, но на лице его появилась гримаса, плохо скрывающая страх.— Выпейте кофе... моя жена... кофе будет вам на пользу...— Он протянул к ней свои научьи пальцы, пытаясь остановить.

Кэрол задержала дыхание и неожиданно стала кричать. Ей казалось, что она никогда не сможет выдохнуть весь воздух, заполнивший ее легкие и грудь. На самом же деле ее крик был слабым, как крик кролика, попавшего в западню.

— Но я прошу вас,— испуганно пробормотал Флеминг,— все будет в порядке, и с вами ничего не случится. Мы замечательные люди... мы лишь желаем обезопасить вас от разных неприятностей.

За дверью послышался легкий царапающий звук. Старик с белым, как бумага, лицом, казалось, расслабился. Он отошел от двери, и в комнату вошла женщина.

— Что тут случилось?— она уставилась на Кэрол.— Почему вы не присядете? Мой муж вам...— она посмотрела на старика.— Почему бы тебе не отправиться с девушкой? У нее очень опасный больной.

— Да, да, конечно,— проговорил Флеминг, тяжело плюхаясь в кресло.— Но девушка передумала.— Он поднес руку к горлу.— Меня все это очень расстроило, Марта. Мне нельзя было спускаться вниз. Я думаю, что коньяк мне...

— Спокойно!— оборвала его жена.— Не будь эгоистом. Нельзя думать только о себе.

— Мне пора,— заявила Кэрол. Теперь она находилась от стола совсем близко, и губы ее сжались в угрожающую гримасу.— Я не должна была вас беспокоить...

— Доктор сейчас же поднимется наверх, чтобы переодеться,— быстро прошептала женщина.— Через минуту он будет уже готов. Ваш друг болен, не так ли? Вы его сильно любите, да?

Сердце Кэрол сжалось от любви и тревоги.

— О, да! Я не знаю, что делать!— она дотронулась кончиками пальцев до висков.— Но почему доктор сидит и ничего не делает?

— Иди же!— повысила голос женщина, обращаясь к Флемингу.— Иди оденься, а я пока приготовлю кофе девушке.

Флеминг не шевельнулся. Он развалился на кресле и тяжело дышал.

— Пусть она уходит,— простонал он.— Мне нужен покой. Я уже старый человек... Пусть уходит, пока что-нибудь не случилось. Вспомни, что она проделала с водителем фургона...

— Поднимайся же, старый пень!— гневно закричала женщина.— Ты не отдаешь отчета своим словам!

— Оставьте его в покое,— вмешалась Кэрол.— Я уйду! Мне обязательно надо уйти,— и она медленно, но решительно зашагала через комнату.

Флеминг закрыл свою толстую физиономию руками. Женщи-

на колебалась. Она оперлась о стену, а ее глаза горели от злости и страха.

— Лучше бы вы остались,— проронила она.— Мы знаем, кто вы такая. Не шумите, вы все равно не сможете отсюда уйти.

Кэрол открыла дверь и повернулась к супругам Флеминг.

— Не понимаю, что вы хотите этим сказать, но я надеялась на вашу помощь.— Она опять повернулась и подбежала к входной двери, но та оказалась запертой на ключ. Кэрол развернулась и устоялась на женщину, находившуюся в комнате ожидания.

— Откройте эту дверь,— попросила Кэрол с лицом, перекошенным от страха.

— Что вы так разволновались, девушка,— ответила женщина.— Почему бы вам не сесть? Я сварю вам отличный кофе.

Кэрол рванулась мимо женщины и ухватилась за ручку другой двери, выходившей в сад позади дома, но та также была заперта.

Флеминг присоединился к жене и теперь находился позади нее. Его пустой глаз гипнотизировал Кэрол каждый раз, когда она смотрела на него. Оказавшись в ловушке, Кэрол замерла и ухватилась за голову.

— Ну вот, теперь вы видите,— осторожно промолвила женщина,— что уйти отсюда вам не удастся. Сейчас за вами придут ваши друзья, так что не беспокойтесь.

Тут Кэрол заметила еще одну дверь, наполовину скрытую за занавеской, на расстоянии около метра от того места, где она стояла. Не спуская глаз с супругов, стоящих перед ней, она подошла к этой двери и дернула за ручку, открыв дверь. В тот же миг женщина бросилась вперед. Кэрол закричала и сделала шаг назад, инстинктивно вытянув вперед руки, чтобы оттолкнуть женщину, но та сама толкнула ее. Пол, как показалось Кэрол, провалился под ее ногами, и она почувствовала, что падает.

Шериф Кэмп спал, растянувшись на походной кровати, и его громкий храп заполнил все маленькое помещение. Он не слышал телефонного звонка в кабинете тюремной конторы, однако его услышал Георг Страум — помощник шерифа, с проклятиями покинувший свое кресло. Через минуту дверь с шумом распахнулась и Страум принялся с силой трясти шерифа, пытаясь разбудить его.

— Эй! Кто это?— проворчал Кэмп, отталкивая Страума.— Не дают спокойно поспать!

— Ее нашли!— возбужденно орал Страум. Его круглое и плоское лицо склонилось к Кэмпу, излучая сильнейший запах голландского сыра.— Ее поймали!— он больше не находил слов.

— Ее поймали? Уходи отсюда!... Кого поймали?— наконец очнулся Кэмп, еще тяжелый ото сна. Затем он неожиданно вскочил и поймал Страума за рукав.— Вы хотите сказать... Ее? Кто ее нашел?

— Доктор Флеминг! Только что позвонила по телефону миссис Флеминг.

— Черт возьми!— Кэмп стал быстро натягивать брюки... Флеминг... эта старая развалина! Пять тысяч долларов! Боже мой! И подумать только, что все это достанется ему! За всю свою длинную жизнь он не сделал ничего путного! И надо же, чтобы ее нашел именно он!

— Миссис Флеминг просила, чтобы мы поторопились,— бормотал все еще возбужденный Страум.— Она очень боится, как бы чего не случилось.

— Я не могу действовать быстрее!— проворчал Кэмп, надевая свой тяжелый пояс.— Позовите Гартмана! Обратитесь в газеты! Такая история стоит того! Флеминг! Тысяча дьяволов! Держу пари, что ему не пришлось даже шевельнуть пальцем!

— Вы хотите, чтобы я сопровождал вас?— спросил Страум.

— Встретимся там. Прежде всего предупредите Гартмана и газеты, а потом молнией приезжайте к Флемингам. Да! Обязательно пригласите кинооператора. Если я не получу пяти тысяч долларов, то, по крайней мере, я хочу видеть в газете свой портрет!

И Кэмп, нахлобучив шляпу, выбежал на улицу.

Симон Гартман никак не мог уснуть. Комфортабельно пристроившись в кресле апартаментов, которые он занимал в лучшем отеле города, со стаканом виски, стоящем возле него на ночном столике, он курил сигарету, зажатую в острых зубах.

Маленький и толстый, с бледным морщинистым лицом, он казался старше своих пятидесяти лет. Его взгляд был хладнокровен, а концы губ опускались иногда в брезгливой усмешке. Несмотря на то, что миновало уже три часа ночи, он не мог заснуть. В течение последних лет он спал понемногу, и в различное время суток.

Гартман был заведующим бюро «Симон Гартман и Ричард», репутация которого была сравнима с лучшими конторами Нью-Йорка. Но с тех пор, как от дела отошел Ричард, фирму стало лихорадить. Гартман, игрок по натуре, не смог удержаться и стал играть на бирже, используя деньги клиентов. Совсем недавно он стал оперировать не принадлежащими ему ценностями, и результат не замедлил сказаться.

Он находился накануне банкротства, когда скончался Джон Блэндш, и он был назначен одним из попечителей его огромного состояния. Это оказалось для Гартмана счастливой возможностью спастись, и он не упустил ее. Он с Ричардом были назначены кураторами, а так как Ричард абсолютно ничем не занимался, то все состояние оказалось в руках Гартмана. Бегство Кэрол явилось для него ужасным ударом. Он знал, что, если бедную девушку в течение четырнадцати дней не водворят обратно, она сможет потребовать свои деньги... или, во всяком случае, то, что от них

осталось, так как Гартман успел проделать солидную брешь в состоянии Блэндиша.

Необходимо было во что бы то ни стало поймать девчонку. Если это не удастся, это будет означать для него катастрофу, а Гартман не желал такого конца. Не теряя времени, он предпринял для ее розысков все возможное и невозможное. Шериф был дураком. Доктор Траверс был неспособен к быстрым действиям, а полиция также не отличалась быстротой. Поэтому Гартман предложил за ее поимку награду в пять тысяч долларов. И теперь все в Ка де ла Бриа занимались поисками Кэрол.

Его взгляд унал на календарь, висевший на стене. Прошло более шести дней! О, ужас! И почти столько же осталось. За это время могло произойти, что угодно.

Он протянул руку, чтобы взять стакан, когда зазвонил телефон. Гартман закрыл глаза и спокойно, не торопясь, взял трубку телефона.

— Хэлло!

— Мы нашли ее! — завопил Страум на другом конце линии. — Шериф просил меня немедленно известить вас.

— Не кричите так громко, — холодно проронил в трубку Гартман, — я еще не глухой. — Но лицо его прояснилось и показалось бы постороннему неожиданно помолодевшим. — Где она?

— Ее обнаружил доктор Флеминг. Шериф мгновенно направился к нему и сказал, чтобы вы тоже присоединились к нему.

— Хорошо, не возражаю. А где проживает доктор Флеминг?

Страум дал ему необходимые объяснения.

— Благодарю. Я немедленно выезжаю туда, — произнес Гартман и повесил трубку.

Большой автофургон с металлическим скрежетом остановился перед открытым на ночь кафе, неподалеку от заправочной станции Ка де ла Бриа.

— Дальше я не поеду, — заявил водитель, — вас это устраивает, дорогие попутчики?

Суливаны слезли с фургона.

— Спасибо, — сказал Франк.

— Не за что! — ответил водитель и стал загонять машину за деревянный сарай около дороги.

— Нам повезло, что мы встретили этого типа, — промолвил, зевая, Франк.

— Заткнись! — рывкнул Макс, перешел дорогу и вошел в кафе. Франк скорчил недовольную физиономию и поплелся за ним. Потеря «паккарда» огорчила Макса.

Франк более философски воспринял эту потерю. Вещи, комфорт — все это мало занимало его. Его слабостью были женщины. Недоразвитый ум Франка, воспитанный на ужасах, редко был занят другими мыслями. Он думал только о женщинах. Франк

предоставлял Макс устройство и планирование их действий, а также методы выполнения поручений.

Суливаны устроились у прилавка и заказали кофе служанке, которая была некрасива, но отлично сложена. Франк хотел было обсудить с Максом ее достоинства, но понял, что в данный момент тот не расположен к шуткам. Тем более, что он всегда был равнодушен к женскому полу. Он рассматривал их как жизненную необходимость и обычно смотрел на них без интереса и желания.

Вид Суливанов немного напугал служанку, и, подав их заказ, она убралась на кухню. Они остались одни, в баре никого больше не было.

— Хотел бы я знать, прикончил ли я того парня?— задумчиво спросил Макс Франка.— Точно знаю, что попал в его грудь два раза, но он крепкий парень... Надо было целиться в голову.

— Не беспокойся о чепухе,— проронил Франк.— Я больше думаю о девушке. Потрясающая девица! Ее волосы...

— Если он жив, он видел то, что произошло с Роем. Пока это единственный свидетель, которого мы когда-нибудь оставляли в живых. Он может подложить под нас мину!

Об этом Франк не подумал.

— Тогда нам нужно найти его,— сказал он,— но где?

— Мне необходимо немного поспать,— проворчал Макс.— Проклятие! Нельзя же все время оставаться на ногах — мы не из железа. Где тут можно устроиться?

— Спроси ее... она должна знать,— Франк махнул рукой в сторону кухни.

— Ладно,— буркнул Макс, допивая кофе. Затем он соскользнул со своего табурета и направился в глубину помещения.

Служанка, сидя на столе, болтала с черной кухаркой. Обе испуганно уставились на Макса, а у негритянки забегали глаза.

— Где тут можно устроиться поспать?— осведомился Макс, обращаясь к служанке.

— Там на углу отель, совсем рядом с тюрьмой,— ответила она.

— О'кэй!— Макс бросил деньги на стол.— А где находится ближайший госпиталь?

— У нас его нет. Ближайший находится в Балтонвилле, в пяти милях отсюда.

Макс что-то пробурчал и вышел из кухни.

— Пошли отсюда!— обратился он к Франку.— Я падаю от усталости и смертельно хочу спать.

Они вышли на пустынную улицу. Большие вокзальные часы показывали три часа.

— Отель находится возле тюрьмы,— сообщил Макс.

— Очень удобно!— усмехнулся Франк.

— Вот он!— показал Макс, когда они дошли до угла. Внезапно он резко остановился и схватил Франка за руку.— Что там

происходит?— они отступили назад. По ступенькам городской тюрьмы торопливо спускался шериф Кэмп. Они увидели, как он быстро открыл дверь гаража, находящегося рядом с тюрьмой. Его суетливые движения говорили о том, что он куда-то торопится. Через несколько секунд его старый «форд» рванул по дороге на максимальной скорости.

— Куда это так заторопился шериф?— удивился Франк, н двигая шляпу на нос.

— Что-то витает в воздухе,— заметил Макс,— пойдем посмотрим.

— Ты же хотел поспать,— проворчал Франк.

— Пойдем посмотрим...— повторил Макс.

Они пошли по дороге, энергично размахивая руками.

На ночном столике оглушительно затрезвонил телефон.

— Пусть звонит,— заявила наполовину проснувшаяся Веда.— Опять один из влюбленных не дает мне покоя.

Магарт, ворча, приподнялся.

— Я пришел сюда в надежде найти тут мир и спокойствие,— жалобно проговорил он.— Ты не могла бы отключить его, моя дорогая? Хотя бы на то время, пока я у тебя.

— Не устраивай мне сцен, милый. Он позвонит, позвонит, да и перестанет. Отправляйся спать.

Магарт потер глаза и окончательно проснулся.

— Помолчи немного,— буркнул он.— Вероятно, это меня, — и он взял телефонную трубку.

— Но никто не знает, что ты здесь... во всяком случае, я хотела бы на это надеяться,— забеспокоилась Веда.

— Мой директор знает все!— возразил Магарт.— Хэлло!

— Это вы, Магарт?

Фил узнал голос своего директора.

— Надеюсь, что я,— зевнул он.— Во всяком случае, это кто-то, кто очень похож на меня.

— Вы все еще спите с этой женщиной?

— А с кем вы думаете? С кем я должен спать, с лошадыо!?

— Так вот, немедленно вылезайте из кровати, бездельник вы этакий! Нашли маленькую Блэндиш!

— Что?...— изумился Магарт.

— Мне только что позвонили из комиссариата. Они ее задержали... Она находится в погребе доктора Флеминга. Бегите туда и снимайте фотографии! Кэмп ничего не будет предпринимать до вашего прибытия! Эта свинья желает быть сфотографированной во время этой акции. Гартман тоже там. В сущности, там уже все значительные люди города. Не хватает только вас.

— Бегу!— воскликнул Магарт и, бросив трубку, выскочил из кровати.— Какое несчастье, боже мой! Ее нашли в то время, когда я валялся в постели! Где справедливость?— он быстро влез

в рубашку.— Черт возьми! Вот мое счастье! И кто-то еще говорит о везении!

— Успокойся, дорогой,— промолвила Веда, заворачиваясь в одеяло.— Может быть, все устроится к лучшему.

— К лучшему? И это говоришь ты?— Магарт уже натягивал на себя пиджак.— Если ее возвратят к сумасшедшим, мой репортаж канет в воду... Необходимо тем или иным способом вытащить ее оттуда.

И он устремился из дома. Веда побежала за ним.

— Но послушай, дорогой! Попытайся быть немного благоразумнее! Ведь ты забыл одеть брюки!

Узкий коридор в доме доктора Флеминга был переполнен от входной двери до двери черного хода. Доктор и его жена держались посредине лестницы. Симон Гартман стоял на пороге комнаты ожидания. Магарт с небольшим фотоаппаратом и магниевой лампой в руках опирался о дверь. Двое полицейских сторожили входную дверь. Шериф и Георг Страум находились прямо перед дверью в погреб.

— Все отлично, дети мои,— произнес Кэмп,— не шевелитесь. И будьте внимательны... она опасно больна.— Он кинул взгляд в сторону Магарта.— Попытайтесь сделать снимок, когда я заставлю ее выйти оттуда.

— Еще не все подготовлено,— возразил Магарт.— Вполне вероятно, что это она заставит вас выйти. Что вам теперь нужно, так это уздечку и вилы!

Кэмп сделал вид, что не услышал последних слов Магарта. Он решительно постучал в дверь погреба.

— Мы знаем, что вы тут!— закричал он.— Именем закона — выходите!

Кэрол еще дальше углубилась в темноту погреба. Когда она пришла в себя после падения с лестницы, она тут же поняла, что попала в западню. Она обшарила стены вокруг себя и убедилась, что не чувствует никакой другой двери, кроме той, которая в данный момент заперта на ключ. Если бы не мысли о Стиве, оставленном ею раненым в лесу, она бы вовсе пала духом. Но любовь дала Кэрол силы, и она принялась убеждать себя, что ей удастся убежать и вернуться к Стиву и что никто в мире не сможет ей в этом помешать.

Вскоре она обнаружила кнопку выключателя и нажала на нее. В маленьком, сыром, полном старых и ненужных вещей, погребе, находился и электроштит. Кэрол нашла там и ко чергу из железа. Когда Кэмп открыл дверь, Кэрол прижалась к стене у низа лестницы, протянула руку к щитку и стала ждать. К тому времени она выключила в погребе свет и теперь могла видеть Кэмпа, в то время как сама была для него невидима. Он ничего не мог разглядеть в темноте.

— Выходите! — промышчал Кэмп с побагровевшим лицом и добавил без всякого смысла: — Дом окружен! Сопротивление бесполезно!

В погребке было тихо, словно там и не было никого.

— Докажите, что вы настоящий мужчина и спуститесь за ней сами, — произнес Магарт. — Вам устроят пышные похороны, и ваш портрет будет на первых полосах всех газет. Вы станете нашим национальным героем! — говоря это, он ломал голову над тем, как бы умудриться помочь Кэрол удрать отсюда.

— Ну, выходите же, вы слышите! — Кэмп проговорил эти слова отеческим тоном. Спускаться вниз к опасной сумасшедшей ему совсем не улыбалось. Он бросил вопрошающий взгляд на Гартмана: — Вы думаете, что мне нужно самому спуститься за ней?

— Естественно, — ядовито ответил Гартман. — Но не будьте грубым, я не хочу, чтобы вы причиняли девушке боль.

В их разговор вмешался Магарт, который насмешливо добавил:

— Она очень добренькая, эта... И еще неизвестно, кто кому сделает больно!!

Шериф сделал знак приблизиться своему помощнику, но Георг Страум решительно уклонился от этой чести.

— Что вы! — твердо сказал он. — Я боюсь сумасшедших и не собираюсь лезть в темноту. Вспомните, что она проделала с бедным фургонщиком!

— Для всех было бы намного безопаснее, если бы за ней прибыли люди из лечебницы, — все еще колеблясь, сказал Кэмп. — Почему никто не догадался позвать их?

— Не беспокойтесь, — ободряюще произнес Магарт, — я спущусь вместе с вами, шериф. Я ничего не боюсь. Идите вперед, а я последую за вами. Будет отличный снимок — в логове волчицы!

Кэмп глубоко вздохнул.

— Ладно, пошли, — буркнул он и сделал шаг вперед, устремив взгляд в темноту. — Нет ли у кого, случайно, фонарика? — заинтересовался он со слабой надеждой.

Фонаря ни у кого не оказалось, и Гартман не без ехидства напомнил Кэмпу, что пора выполнять свои прямые обязанности.

В тот миг, когда Кэмп согнул спину, чтобы пройти через низкую дверь, Кэрол ухватила шерифа за ноги и с силой дернула его вниз по лестнице. Кэмп упал головой вперед, издавая дикий вопль. Магарт мгновенно понял, что произошло, и решил использовать создавшуюся ситуацию. Он также издал вопль и так толкнул Георга Страума, что тот полетел на двух полицейских, которые приблизились друг к другу в темноте.

— Ой! Ой! Осторожней! — заорал Магарт. — Внимание! Она где-то среди нас! Берегите глаза! Глаза! — диким голосом вопил он, создавая панику.

Страум окончательно потерял голову и стал молотить напра-

во и налево, ни о чем не думая. Он уложил полисмена ударом кулака и попытался достичь лестницы, чтобы убежать. Второй полицейский размахивал в темноте дубинкой, также ничего не видя. Магарт продолжал разоряться, сея панику среди окружающих. Этого оказалось достаточно для окружающих, которые совершенно потеряли голову. Кэрл выскользнула в коридор и, услышав шум и крики перед входной дверью, выбежала в сад через заднюю дверь.

Магарт выскочил за ней следом. Кэрл бежала вдоль аллеи, не разбирая дороги. Она неожиданно свернула направо и тут же услышала позади себя топот ног Магарта. Кэрл увеличила скорость и бежала, почти не касаясь земли. Как Магарт ни старался, ему не удавалось настичь девушку. Но он подумал, что, вероятно, шериф скоро придет в себя и начнет преследование и поэтому решил продолжить этот неистовый бег.

Кэрл направилась к деревьям, находящимся от нее в сотне метров. Деревья находились на краю дороги: эта дорога вела в Ка де ла Бриа. Но Кэрл не могла знать этого. Она думала, что, достигнув леса, спрячется в нем, и все время увеличивала скорость. Внезапно ее нога зацепилась за большой корень, и она растянулась во всю длину. Несколько секунд она была оглушенной, но и этого хватило для Магарта, склонившегося над девушкой.

— Ничего не бойтесь,— быстро произнес Магарт.— Не бойтесь меня, я помогу вам. Это благодаря мне вам удалось бежать! Не пугайтесь!

Первым побуждением Кэрл было отстраниться от незнакомого мужчины, но что-то внушало в нем доверие.

— Кто вы такой? Чего вам от меня надо?

— Меня зовут Фил Магарт. Я журналист. А вы — Кэрл Блэндин, не так ли?

— Не знаю, — растерянно ответила Кэрл, прижимая руку к голове. — Я не знаю, кто я такая. Со мной произошел несчастный случай... и я потеряла память. — Она села и схватила его за руку. — Вы на самом деле хотите помочь мне? Стив... он серьезно ранен... Вы согласны поехать со мной?

Магарт нахмурил брови.

— Стив Ларсон? Вы о нем говорите?

— Да... да... Вы его знаете?

— Конечно, мы с ним добрые друзья. А что с ним случилось? Эти два черных типа...

Кэрл вздрогнула.

— Да, они стреляли в него. Я поехала за доктором Флемингом, но он, наверное, ненормальный. Меня заперли у него в доме.

Магарт обалдело уставился на девушку.

— Это верно, что вы не знаете, кто вы такая? — спросил он и взял ее за левую руку.

«Действительно ли это Кэрол Блэндиш? Она кажется абсолютно нормальной. Да, тут есть шрам. Кажется, она на самом деле потеряла память».

— Да... — вздохнула Кэрол. — Но я прошу вас, если вы хотите мне помочь, то не теряйте времени. Стив серьезно ранен. Вы поедете со мной? Вы хотите мне помочь?

— Еще бы! — воскликнул Магарт, помогая ей подняться. — А где он находится?

— Там, наверху, на горной дороге, возле заброшенного лагеря лесорубов. Он ранен, и я оставила его там.

— Я знаю это место, — заявил Магарт, осмотревшись по сторонам. — Скоро наступит день, а нас не должны видеть. Подождите меня тут, пока я схожу за машиной. Идите до лесочка. Дорога проходит по другую сторону. Вы увидите, когда я буду подъезжать, и только тогда выходите. Сидите тихо. Меня не будет минут десять. Вы согласны сделать так, как я сказал?

— Да, — шепнула Кэрол. Она ощутила к нему доверие. — Но, пожалуйста, побыстрее, прошу вас. Я так боюсь за него... он потерял ужасно много крови.

— Не волнуйтесь! — решительно проговорил Магарт. — Мы его спасем. Идите и ждите меня. Не высовывайтесь, пока я не подъеду, ясно? — он похлопал ее по плечу и побежал к дому доктора Флэминга.

Оставшись одна, Кэрол опять забеспокоилась. Полумрак наступающей зари, ледяной туман, поднимающийся с земли, неподвижный и безмолвный лес, темная масса которого выделялась на фоне неба — все это создавало жуткую атмосферу.

Подходя к лесу, Кэрол смутно ощутила приближающуюся опасность. Ее сердечко забилося со страшной силой. Она пожалела, что не пошла с Магартом.

Она собрала остатки своего мужества и продолжила путь. Хорошо еще, что через кустарник можно было видеть дорогу. Это было то место, где она должна была дожидаться Магарта. Борясь с ощущением близкой опасности, она продолжала приближаться к видному теперь месту.

Неожиданно она замерла. Перед ней что-то шевельнулось. Кэрол задержала дыхание, напряженно вглядываясь. Позади толстого ствола она заметила край мужской шляпы. Парализованная страхом, она потеряла возможность шевельнуться или моргнуть.

Одетый в черное мужчина сделал шаг вперед и оказался перед ней на середине тропинки. Это был Макс.

— Я вас искал, — зловеще прошептал он, — не устраивайте истерики...

Секунду она смотрела на него с оледеневшим от страха сердцем, затем слабо вскрикнула и бросилась назад, готовая бежать, как ветер... Но Франк был уже тут... позади нее. И когда она нисколько не остановилась, он улыбнулся и снял шляпу.

Кэрол напряглась. Суливаны слышали ее прерывистое дыхание.

— Без истерики! — повторил Макс и стал медленно приближаться к девушке.

— Нет! Нет! — закричала девушка, отступая на шаг. — Не трогайте меня... — Ее мускулы напряглись, лицо стало мертвенно-бледным. — Уходите, я вас умоляю... Я жду кое-кого... он должен вернуться... Вы не должны... уходите... прошу вас...

— Без истерики, — повторил Макс и подошел к ней еще ближе. — Идите, это мы вас искали.

Кэрол отступила и, повернувшись, побежала по направлению к Франку, наблюдавшему за ней с улыбкой на губах. Он вытянул руки, преграждая ей путь. Она ускользнула от его рук и остановилась.

— Где Ларсон? — спросил Макс. — Его мы тоже ищем.

— Не знаю, я ничего не знаю.

— Я возвращу вам память, — ухмыльнулся Макс. — Мы умеем заставлять женщин говорить. Где он?

— О! Оставьте меня в покое! — закричала Кэрол, бросая вокруг себя затравленные взгляды.

Франк прыгнул к девушке, запустил свои жирные пальцы в волосы девушки и откинул ее голову назад.

— Бей! — крикнул он Максу.

Макс подошел и поднял руку. Она издала дикий вопль и хотела закрыть лицо руками, чтобы защититься от удара, но Макс небрежно отстранил ее руки, и его тяжелый кулак опустился на ее нежный подбородок.

ГЛАВА 4

КЭРОЛ БЛЭНДИШ В РУКАХ БАНДИТОВ

Выйдя из дома, Магарт расположился на веранде, залитой солнцем. Он сел и, вытянув свои длинные ноги, закрыл глаза.

— Хорошая порция кофе с коньяком вернули бы мне утраченные силы, — пробормотал он, зевая. — Но, по правде говоря, мне больше всего нужна постель. И мне немедленно необходимо пови-
даться шерифа.

— Ты получишь свой кофе, мой ангел, — прошелестела Веда. — Но ты не уйдешь от меня прежде, чем дашь мне некоторые объяснения. Это не слишком большие требования, если учесть, что ты превратил мой дом в госпиталь. У тебя, должно быть, веские причины поступать подобным образом, но ты обязан, по крайней мере, рассказать мне, что происходит.

Магарт открыл один глаз и улыбнулся. Он взглянул на оча-

ровательную Веду в платье абрикосового цвета и погладил ее руку.

— Они заманили ее в подвал доктора Флеминга,— ровным голосом принялся рассказывать он.— Когда шериф спустился за ней, она выключила свет, вывернув пробку на щите, а я устроил небольшую диверсию, чтобы она могла убежать. Я побежал за ней и сумел догнать ее, и мы стали добрыми друзьями. Я отправился за своим автомобилем, чтобы съездить с Кэрл за Ларсоном. Я велел ей дойти до небольшого лесочка и ждать меня там. Но когда я приехал туда, она исчезла, ее там не оказалось... Тогда я отправился за Ларсоном и привез его сюда. Доктор Кобер скажет нам, что он думает про его состояние, когда спустится вниз.

— Но почему ты не отвез его в госпиталь? Ради чего ты решил привезти его сюда?

Магарт не отличался терпением и зло буркнул:

— Он в опасности. Ты даже не можешь себе представить, что за люди эти двое!

— Какие люди?— удивилась Веда.

— Суливаны. Убийцы на службе гангстеров! Если то, что говорят о них наполовину правда, то, выходит, они уже совершили дюжину преступлений, не оставляя за собой никаких следов. Но на этот раз они совершили просчет: Ларсон видел, как они прикончили его брата. Он рассказал мне об этом прежде, чем потерял сознание. Его показания отправят их на электрический стул. Суливаны постараются разыскать его и первым делом направятся в госпиталь. Так что нам необходимо скрывать тот факт, что он находится здесь до того времени, пока он не встанет на ноги.

Веда кивнула головой и спросила:

— А ты уверен, что эти типы не обнаружат его здесь?

— Об этом не может быть и речи! Ты подумай, какая связь между твоим домом и Ларсоном?

— Да, ты прав. Теперь расскажи мне о маленькой Блэндиш. Что с ней случилось?

— Я ничего не знаю,— признался Магарт,— и беспокоюсь о ней. Или она все же не поверила мне, или...— он покачал головой.— Перед домом Флеминга стоял большой черный «паккард», когда я приехал туда. Но я так торопился войти туда, что не обратил на него особого внимания. Правда, когда я пришел за своей машиной, «паккарда» уже не было, и это почему-то меня удивило. Может быть, Суливаны захватили малышку?

— Ты выдумываешь о них черт знает что, мой кролик. Суливаны не могут быть сразу в нескольких местах.

— Вот тут ты ошибаешься! Мне необходимо предупредить Кэмп, так как нам надо иметь защиту. А о маленькой Блэндиш пока ничего не известно. Пусть небо поможет ей, если она находится в их злодейских руках!

— Но ты так и ~~не~~ обрисовал мне ее, — с любопытством продолжала Веда. — Ты действительно с ней разговаривал?

— Она показалась мне такой же умной девушкой, как и ты. Я не нашел в ней ничего сумасшедшего. Она необыкновенная красавица и, по всей вероятности, она без памяти влюблена в Ларсона. Она представляет именно тот тип женщин, которые любят лишь раз в жизни, но любят по-настоящему.

— Как и я, — нежно промолвила Веда, — но только поросяток, которого я люблю, не ценит этого.

— Не будем говорить о свиньях, это тихие и скромные животные, и они не любят, когда о них разговаривают.

— Но все-таки мой поросенок самый лучший, — с той же нежностью продолжала Веда.

В этот момент к ним присоединилась фигура доктора Кобера.

— Друзья, Ларсон очень плох, — без предисловий начал он. — Его жизнь висит на волоске. Вытянет он или нет станет ясно в течение трех дней. Ему, безусловно, будет лучше в госпитале.

— Но там он не будет в безопасности, — возразил Магарт. — Сейчас я отправляюсь к шерифу, доктор. Эти два зубра, наверняка, попытаются прикончить Ларсона, и вот поэтому-то и нужно, чтобы он оставался в этом доме. Мисс Ваннинг оплатит все расходы по лечению, так что не волнуйтесь! А вы можете остаться возле него?

— Исключено! Но я буду приходить два раза в день. Сиделка знает, что надо делать. В том состоянии, в котором он находится, ничего особенного предпринять нельзя. Все зависит от его выносливости и воли к жизни, которая кажется основательной. Но он потерял очень много крови. И нужно будет, чтобы я написал об этом рапорт, Магарт.

— Я пойду с вами, — заявил мимоходом Магарт. — Может, задержимся еще на две минутки, чтобы выпить кофейку? — прибавил он, увидев входящую горничную с подносом в руках.

— Лучше я подожду вас в машине, — произнес Кобер и попрощался с Ведой.

— Любовь моя, не распоряжайся, как у себя в доме, — заметила Веда, когда Кобер вышел из комнаты. — Если один или другой из твоих друзей нуждается в комнате...

Магарт проглотил кофе и обнял Веду за талию.

— Не сердись, сердце мое, ты увидишь свою фотографию в газетах, когда минует опасность, и весь свет будет считать тебя героиней! К тому же, если дело повернется так, как я надеюсь, мои друзья и я расположатся здесь совершенно незаметно. Ты не возражаешь, дорогая, если я поцелую тебя на прощание?

Шериф располагался за своим маленьким письменным столом, удобно положив на него ноги и сжимая зубами потухшую сигару. От него только что вышел Симон Гартман. Это было не-

ровательную Веду в платье абрикосового цвета и погладил ее руку.

— Они заманили ее в подвал доктора Флеминга,— ровным голосом принялся рассказывать он.— Когда шериф спустился за ней, она выключила свет, вывернув пробку на щите, а я устроил небольшую диверсию, чтобы она могла убежать. Я побежал за ней и сумел догнать ее, и мы стали добрыми друзьями. Я отправился за своим автомобилем, чтобы съездить с Кэрл за Ларсоном. Я велел ей дойти до небольшого лесочка и ждать меня там. Но когда я приехал туда, она исчезла, ее там не оказалось... Тогда я отправился за Ларсоном и привез его сюда. Доктор Кюбер скажет вам, что он думает про его состояние, когда спустится вниз.

— Но почему ты не отвез его в госпиталь? Ради чего ты решил привезти его сюда?

Магарт не отличался терпением и зло буркнул:

— Он в опасности. Ты даже не можешь себе представить, что за люди эти двое!

— Какие люди?— удивилась Веда.

— Суливаны. Убийцы на службе гангстеров! Если то, что говорят о них наполовину правда, то, выходит, они уже совершили дюжину преступлений, не оставляя за собой никаких следов. Но на этот раз они совершили просчет: Ларсон видел, как они прикончили его брата. Он рассказал мне об этом прежде, чем потерял сознание. Его показания отправят их на электрический стул. Суливаны постараются разыскать его и первым делом направятся в госпиталь. Так что нам необходимо скрывать тот факт, что он находится здесь до того времени, пока он не встанет на ноги.

Веда кивнула головой и спросила:

— А ты уверен, что эти типы не обнаружат его здесь?

— Об этом не может быть и речи! Ты подумай, какая связь между твоим домом и Ларсоном?

— Да, ты прав. Теперь расскажи мне о маленькой Блэндиш. Что с ней случилось?

— Я ничего не знаю,— признался Магарт,— и беспокоюсь о ней. Или она все же не поверила мне, или... — он покачал головой.— Перед домом Флеминга стоял большой черный «паккард», когда я приехал туда. Но я так торопился войти туда, что не обратил на него особого внимания. Правда, когда я пришел за своей машиной, «паккарда» уже не было, и это почему-то меня удивило. Может быть, Суливаны захватили малышку?

— Ты выдумываешь о них черт знает что, мой кролик. Суливаны не могут быть сразу в нескольких местах.

— Вот тут ты ошибаешься! Мне необходимо предупредить Кэмп, так как нам надо иметь защиту. А о маленькой Блэндиш пока ничего не известно. Пусть небо поможет ей, если она находится в их злодейских руках!

— Но ты так и не обрисовал мне ее, — с любопытством продолжала Веда. — Ты действительно с ней разговаривал?

— Она показалась мне такой же умной девушкой, как и ты. Я не нашел в ней ничего сумасшедшего. Она необыкновенная красавица и, по всей вероятности, она без памяти влюблена в Ларсона. Она представляет именно тот тип женщин, которые любят лишь раз в жизни, но любят по-настоящему.

— Как и я, — нежно промолвила Веда, — но только поросяток, которого я люблю, не ценит этого.

— Не будем говорить о свиньях, это тихие и скромные животные, и они не любят, когда о них разговаривают.

— Но все-таки мой поросенок самый лучший, — с той же нежностью продолжала Веда.

В этот момент к ним присоединилась фигура доктора Кобера.

— Друзья, Ларсон очень плох, — без предисловий начал он. — Его жизнь висит на волоске. Вытянет он или нет станет ясно в течение трех дней. Ему, безусловно, будет лучше в госпитале.

— Но там он не будет в безопасности, — возразил Магарт. — Сейчас я отправляюсь к шерифу, доктор. Эти два зубра, наверняка, попытаются прикончить Ларсона, и вот поэтому-то и нужно, чтобы он оставался в этом доме. Мисс Ваннинг оплатит все расходы по лечению, так что не волнуйтесь! А вы можете остаться возле него?

— Исключено! Но я буду приходить два раза в день. Сиделка знает, что надо делать. В том состоянии, в котором он находится, ничего особенного предпринять нельзя. Все зависит от его выносливости и воли к жизни, которая кажется основательной. Но он потерял очень много крови. И нужно будет, чтобы я написал об этом рапорт, Магарт.

— Я пойду с вами, — заявил мимоходом Магарт. — Может, задержимся еще на две минутки, чтобы выпить кофейку? — прибавил он, увидев входящую горничную с подносом в руках.

— Лучше я подожду вас в машине, — произнес Кобер и попрощался с Ведой.

— Любовь моя, не распоряжайся, как у себя в доме, — заметила Веда, когда Кобер вышел из комнаты. — Если один или другой из твоих друзей нуждается в комнате...

Магарт проглотил кофе и обнял Веду за талию.

— Не сердись, сердце мое, ты увидишь свою фотографию в газетях, когда минует опасность, и весь свет будет считать тебя героиней! К тому же, если дело повернется так, как я надеюсь, мои друзья и я расположатся здесь совершенно незаметно. Ты не возражаешь, дорогая, если я поцелую тебя на прощание?

Шериф располагался за своим маленьким письменным столом, удобно положив на него ноги и сжимая зубами потухшую сигару. От него только что вышел Симон Гартман. Это было не-

приятное свидание. Гартман обвинил Магарта в том, что он организовал бегство Кэрол. К тому же он обвинил Кэмп в некомпетентности и бросил несколько фраз, ясно говоривших, что он может обратить на него внимание весьма влиятельных кругов.

Кэмп с беспокойством размышлял, что на поиски Кэрол у него осталось всего шесть дней, и он совершенно не представлял, где ее искать. Увидев вошедшего в кабинет Магарта, он сердито заворчал.

— А! Это ты! Как раз тебя я и хотел видеть!— он снял ноги со стола и поставил их на пол.— Так это ты помог убежать этой проклятой девчонке?

Магарт подвинул стул и сел.

— Это получилось случайно,— ответил он, закуривая сигарету,— ведь я тоже потерял голову на несколько секунд. Ваши люди также выглядели не блестяще. Адресуйте ваши упреки и своим подчиненным.

— Я примусь за вас всех!— угрожающе заявил Кэмп.— Только что отсюда ушел Гартман. Он взбешен и жаждет вашей крови!

— А вы спрашивали себя, почему он так волнуется?— спокойно произнес Магарт.— У него синий ужас при одной мысли, что девчонка завладеет своим состоянием. Держу пари, что он успел растратить немало ее денег и дрожит при одной мысли о возможной ревизии.

У Кэмпа глаза полезли на лоб:

— Но ведь у вас нет никаких доказательств?

— Знаю и поэтому говорю это только вам. Может быть, я ошибаюсь, но не думаю. Один мой друг занят тем, что проводит негласное следствие о Гартмане, и мы будем держать вас в курсе дела. Но у меня есть нечто намного более важное и серьезное! Вы когда-нибудь слышали о Суливаных?

— Конечно! Это сказка для спящих стоя! Суливанов не существует! Просто они служат для объяснения всех нераскрытых преступлений.

— Забудьте про эти бредни,— твердо заявил Магарт, откинувшись назад на стуле.— Суливаны не только существуют, но и находятся в этой местности. Они только что прикончили брата Стива Ларсона, а прошлой ночью серьезно ранили и самого Стива.

— Я и не знал, что у Ларсона есть брат!— удивился Кэмп.

— Если бы вы это знали, то, вероятно, были бы президентом Соединенных Штатов!— ухмыльнулся Магарт.— У Ларсона есть, вернее был брат, гангстер средней руки, поссорившийся с Барри-банкиром. Суливанам было поручено ликвидировать его. Рой запрятался у своего брата, но Суливаны все же сумели обнаружить его. К тому же сюда приплелась еще одна вещь: за неделю до появления Суливанов Стив Ларсон нашел в опрокинутом фургоне Кэрол Блэндиш и привез ее к себе домой, где она оставалась до недавнего времени.

— Что?!— завопил Кэмп, вскакивая на ноги.

— Осторожнее! — Магарт не смог сдержать улыбки при виде прыжка шерифа. — Ларсон не имел ни малейшего понятия о том, кто такая эта девушка. Рой не давал ему возможности покинуть ферму, так что он не мог знать, что это убежавшая из клиники больная. Она сильно ударилась при аварии головой и потеряла память. Она даже не знает, кто она такая!

— Откуда, черт побери, вы можете знать про все это? — удивился Кэмп, вновь усаживаясь в кресло.

— Я нашел Ларсона и разговаривал с ним. Суливаны появились у него прошлой ночью. Они убили Роя и хотели увезти с собой девочку. Но Ларсон их обманул и сумел убежать с малышкой в их же машине. Ларсон был ранен как раз в тот момент, когда они отъезжали. Девушка была вынуждена оставить его в заброшенной хижине лесорубов, чтобы отправиться за доктором Флемингом. Мисс Флеминг узнала Кэрл, а все остальное вы знаете. Ларсон в очень плохом состоянии и находится у мисс Ваннинг. Пока его нельзя трогать оттуда. Но когда он сможет двигаться, у нас появится шанс отправить Суливанов на электрический стул, если сумеем их поймать. Подумайте над этим как следует! Эти две птицы совершили массу преступлений по всей стране. Надо обязательно поймать этих субчиков. Это будет потрясающая реклама для вас, а также для меня. И вам не нужно будет бояться угроз Гартмана!

— Черт побери! — воскликнул Кэмп. Затем он приподнял шляпу и почесал затылок. — А девушка? Что случилось с девушкой?

— Я опасаюсь, что ее могли захватить Суливаны, — ответил Магарт и рассказал шерифу про свою встречу с Кэрл и про ее неожиданное исчезновение из лесочка. — Они ездили на большом черном «паккарде», — добавил он, записывая номер машины на клочке бумажки и протягивая его Кэмпу. — Вы можете направить по их следам полицию? Тогда вы сможете убить двух зайцев одним ударом. И еще: я хотел бы, чтобы вы поставили охрану возле дома мисс Ваннинг. Я не понимаю, как удалось Суливанам узнать, что Рой Ларсон прячется в этих краях, но они это узнали. Выходит, они могут узнать и о том, что Стив Ларсон находится в доме мисс Ваннинг. Мы не можем рисковать этим!

Кэмп вскочил на ноги.

— Согласен. Предоставь мне действовать, и я займусь всем этим. Я пошлю туда Страума с двумя или тремя людьми и подготовлю Суливанам хорошую встречу!

Большой «паккард» углублялся в лабиринт джунглей и кипарисов, удаляясь от основной дороги по узкой тропинке. Полуденное солнце уже обжигало, и Суливанам пришлось снять свои пальто. Они расположились на переднем сиденье. Машину вел Макс. Позади них под тяжелым меховым ковром, на полу, лежа-

ла почти без сознания Кэрол, с крепко связанными руками и куском тряпки во рту.

Теперь Суливаны находились за много миль от Ка де ла Бриа. Они ехали на север, в страну хлопка, совершая самые длинные объезды, чтобы избежать от встреч и риска быть обнаруженными. После восьми часов бешеной езды, они приближались к концу своего путешествия.

За все время пути Макс почти не раскрывал рта. Его мысли были заняты Стивом Ларсоном. Если он сможет выступить свидетелем, они пропали! Макс отлично знал свои качества стрелка, так что не сомневался в том, что Ларсон серьезно и, может быть, даже смертельно ранен... В течение некоторого времени он не сможет дать показаний. Ему казалось невероятным, что Стив сможет дать показания ранее восемнадцати дней. Так что необходимо было любой ценой сделать так, чтобы он вообще не смог заговорить. Свидетельские показания, алиби — все это могло быть подтасовано, но ничего не может быть опасней очной ставки. Когда девочка будет в надежном месте, им нужно будет возвратиться в Ка де ла Бриа, чтобы прикончить Стива. Это была единственная возможность спасти шкуру.

Дорога, если это можно было назвать дорогой, стала круче. Через несколько секунд над верхушками срезанных деревьев показался дом, выделяющийся своей тяжелой массой на фоне неба.

В этих пустынных джунглях, удаленных от ближайшего города на многие мили, удивила бы и небольшая постройка, но эта удивляла своими размерами.

Это была полузапущенная плантация, перед которой Суливаны припарковали свой «паккард».

Вокруг дома шла широкая терраса, но каждая третья балюстрада отсутствовала. Все жилище, в течение многих лет оставленное на произвол судьбы — дождя, солнца, мороза, смотрело на мир облупленным, выцветшим и покосившимся фасадом. Вокруг тянулось некоторое пространство культивированной земли, нечто нелепое среди поросли леса и трав. Среди кипарисов боролись за свою жизнь несколько слив. Их красные плоды походили на шарики, которыми украшают рождественскую елку.

Перед входом рылась в земле дюжина кур, которые со страшным криком разбежались в стороны, когда к жилищу подъехал черный «паккард».

В тот момент, когда Суливаны покидали машину, в темном вестибюле возникла фигура, остановившаяся наверху деревянной лестницы.

Это был высокий, прямой с сильно выдающейся грудью мужчина лет шестидесяти. Его худое, давно не бритое лицо было почти черным, а седые волосы зачесаны назад. Его ноги были голые. И вообще, все его одеяние составляли только трусики. Это был весьма странный человек. С первого взгляда его можно было принять за бродягу, никогда не знавшего успеха и богатства. Может

быть, он никому не причинил зла, но, наверняка, погубил свою жизнь. Но потом, поглядев в его глаза, твердые с немигающим взглядом, люди меняли свое мнение о нем. Чувствовалось, что этот человек был когда-то кем-то значительным, имевшим авторитет, что и было на самом деле.

Черрил был владельцем ярмарочного цирка, в котором работали когда-то Суливаны. Черрил был владельцем самого зрелищного манежа. Элегантный лихой наездник, бьющий на эффект, он имел те же наклонности, которыми обладали Суливаны: вкус к полной независимости и желание исполнять лишь собственные прихоти. Когда Суливаны покинули цирк, он пожалел об этом и позавидовал им. Путешествия с одного конца страны на другой до тошноты надоели ему, осточертели ему и бесконечные дороги с их неудобствами. Он мечтал все бросить и пожить только для себя. Черрил прожил с цирком еще шесть месяцев, потом бросил его и теперь держал тайный винокуренный завод, фабрикуя виски, которое продавал на месте. Это давало ему достаточно средств, чтобы иметь старое жилище и столь желанную свободу.

Суливаны узнали о новом жилище Черрила и решили навесить его. Они сообразили, что старая плантация может стать для них идеальным убежищем, если их дела повернутся плохо. Они сообщили об этом Черрилу, как о решенном деле. Тот понял, что может отхватить порядочный куш, и без колебаний согласился. Таким образом, они приехали в старый дом, считая, что он будет превосходным убежищем для Кэрол, которую они запрячут здесь на шесть дней, оставшихся до того момента, когда она сможет войти во владение своим состоянием, которое они собирались прикарманить при помощи девушки. С другой стороны, учитывая необходимость вернуться, чтобы уничтожить Ларсона, они решили доверить Черрилу охрану пленницы. Когда тот брался за дело, он выполнял его точно и до конца.

— Добрый день, молодые люди! — произнес он, прислонившись к колонне веранды, с подозрением уставившись на них. — Что привело вас ко мне?

Макс, не отвечая, открыл заднюю дверцу и вытащил Кэрол наружу.

Черрил напрягся.

— Кого это вы похитили? — спросил он, засунув большие пальцы за веревку, служащую ему кушаком.

— Никого, — буркнул Макс и, подняв Кэрол, потащил ее наверх. — Где мисс Лолли?

— Где-то в саду, — ответил Черрил, загораживая собой вход в жилище. — Я не играю в игры с похищением, Макс. За это полагается смертная казнь.

— Дело идет не о похищении! — резко возразил Макс. — Дай мне внести ее в дом, потом потолкуем.

— Нет, не спеши! — твердо возразил Черрил. — Посади ее в это кресло. Все это очень смахивает на похищение.

Макс посадил Кэрол в старое кресло, в течение долгих лет открытое всем ветрам и закрывавшееся под ее тяжестью, а когда она уже села, он так сильно толкнул ее, положив руку на ее лицо, что кресло опрокинулось и оказалось поверх Кэрол.

— Последи за ней!— приказал Макс Франку и, взяв Черрила под руку, увлек его вглубь веранды. Франк поставил кресло на ножки, поднял Кэрол и посадил ее.

— Будь умницей, малышка! Я твой друг, твой добрый друг. Макс не любит женщин, он не такой, как я. Не бойся, я послежу, чтобы с тобой ничего не случилось.— Он снял шляпу и причесал волосы. Затем он подмигнул ей и продолжил:— Хочешь быть моей девочкой? Нам нет необходимости сообщать об этом Макс.

— Кто это?— грубо поинтересовался Черрил.— Боже мой, Макс, ты хочешь втянуть меня в грязную историю!

— Не ной!— зло уставился на него Макс.— Ведь я плачу тебе за пользование твоим домом приличную сумму! И я хочу им воспользоваться! Это не похищение. Она сбежала из сумасшедшего дома, а мы просто помогаем ей. Это не похищение — сам видишь.

Черрил отвел глаза в сторону. Его голые ноги, твердые, как дерево, скребли пол. Ему было явно не по себе.

— Как же так? Ведь это маленькая Блэндиш, не так ли?

Макс холодно улыбнулся.

— Я вижу ты в курсе дела.

— Кто же этого не знает! Я читаю газеты. Что ты собираешься с ней делать?

— А что ты сам думаешь по этому поводу? Через восемь дней она унаследует шесть миллионов долларов, если ее, конечно, не поймают до этого времени. Так что она, безусловно, должна будет мне благодарна.

Черрил кинул взгляд на девушку.

— Запеленутая, как сосиска? И ты утверждаешь, что она будет тебе благодарна?

— Она ненормальная,— терпеливо заметил Макс.— Так что она ни о чем не вспомнит. С сумасшедшими надо обращаться, как с животными. Если их хорошо кормить, они будут спокойны.— Он снял перчатки.— С ними можно делать все, что угодно.

— Вероятно, ты не слишком много знаешь о сумасшедших,— сказал Черрил и нагнулся над баллюстрадой, чтобы плюнуть.— В конце концов это твое дело. А сколько оно принесет мне?

— Четверть того, что получим мы.

— Это может быть слишком много, а может и ничего,— вздохнул Черрил.— Я предпочел бы, чтобы ты не привозил ее сюда, Макс. Чувствую, она доставит нам много неприятностей.

— Закройся!— Макс сунул перчатки в карман и неприязненно посмотрел на сад, заросший травой.

Черрил в раздумье развел руками и проговорил:

— Похоже на то, что она опасна. У нее инстинкт убийства.

— Не будь ребенком! Для бывшего укротителя львов это

плевое дело! Ты отлично справишься с этой девчонкой. Тебе поможет в этом мисс Лолли.

Лицо Черрилла вытянулось.

— Не знаю, согласится ли мисс Лолли. В последние дни она какая-то странная. Мне кажется, что она тоже становится немного тронутой.

— В наш последний приезд сюда она показалась мне вполне нормальной, — равнодушно произнес Макс. — А что с ней?

— Вероятно, нервы, — ответил Черрил, снова пожав плечами. — С ней не очень-то легко жить.

— Тогда пусть убирается к дьяволу! — недовольно проворчал Макс. — У тебя есть комната, в которой можно запереть девчонку? Надежная комната?

— На чердаке есть комната с решеткой на окне. Можешь ее занять, я не возражаю.

— О'кэй! Пошли, запрешь ее. Мне необходимо вернуться в Ка де ла Бриа.

— Так вы не останетесь? — удивился Черрил.

— У меня дела. Надо закончить одно дельце. — заявил Макс, сверкнув своими белыми зубами. — Вернусь через день или два.

В сопровождении Черрилла он подошел к Кэрол.

— Сними с нее повязку, — обратился он к Франку. Тот сидел у ног Кэрол с неопределенной улыбкой и блуждающим взглядом. При приближении Макса он быстро встал и схватил конец тряпки. Затем он дернул ее с такой силой, что голова девушки ударилась о спинку кресла. Она закричала от боли и уставилась на Суливанов.

— О'кэй. А теперь говори, где Ларсон... Где ты его оставила, говори?!

— Вам я этого не скажу, — глухо ответила Кэрол. — Вам я никогда этого не скажу!

— Скажешь! — зловеще прошипел Макс. — Как миленькая скажешь! — он повернулся к Черрилу. — Пошли наверх, там я ее немного потрясу.

Легкие шаги позади них заставили их стремительно повернуться. Женщина или точнее существо, одетое как женщина, подошла к ним почти вплотную. Странное существо, ужасающее, таинственное, но в то же время странно-патетическое. Но, так или иначе, это была женщина, одетая в длинное старомодное платье. Ее лицо обрамляла длинная борода, а голые ноги были воткнуты в мужские ботинки, скрипевшие при каждом шаге. Низ ее лица, худой и бледный, скрывался за бородой, которая клочьями свисала почти до самой ее талии.

Сейчас мисс Лолли было сорок пять лет, и это украшение скрывало ее белую кожу, которая была предметом восхищения множества людей, когда она не так давно объезжала страну с ярмарочными цирками, в которых нашла свое призвание и в которых прошла вся ее предыдущая жизнь.

Глаза Лолли неотрывно смотрели на Кэрол. Наступило молчание... Неожиданно тишину прорезал крик Кэрол.

Франк рассмеялся.

— Она не признает красоту твоего рода, — сказал он мисс Лолли, которая отступила назад. На ее бледных щеках появилось два красных пятна.

— Пошли! — нетерпеливо буркнул Макс. — Отведем ее наверх. — Он нагнулся и разрезал веревку, которая связывала ноги Кэрол.

Мисс Лолли смотрела, как они ташили девушку по темному коридору. Кэрол кричала, не переставая.

Мисс Лолли опустила голову. Она ненавидела насилие и поспешила в огромную комнату, которая служила им кухней и походила на пекарню. Пока она мыла овощи, принесенные из сада, мозг ее лихорадочно работал.

«Как красива эта девушка, — думала она. — Никогда мисс Лолли не была такой красивой! Какие волосы! Какие глаза!»

Лолли ощутила неловкость, вспомнив выражение удивления и испуга Кэрол при ее виде. Но она не испытала ни злобы, ни несправедливости к девушке. Разумеется, что такое прекрасное создание должно было испытать ужас при ее виде.

«Чудовище!» — с горечью сказала она себе, и на ее ресницах повисли две слезинки. «Почему привезли ее сюда Суливаны?» — спрашивала она себя. Лолли ненавидела Суливанов и боялась их. Они были такими жестокими, такими опасными. Они всегда насмехались над ней.

— Кто это? — спросила мисс Лолли, выливая воду.

— Маленькая Блэндиш, — ответил Черрил, — та, чью историю ты читала в газетах.

Мисс Лолли выронила овощи и повернулась.

— Бедная сумасшедшая... Это ее ищут?

— Да.

— А что собираются сделать с ней Суливаны? — испуганно спросила мисс Лолли и сжала кулаки. — Они способны... такую, такую предельную малышку, которая так нуждается в заботе... Она не должна находиться в их руках. Она нуждается в друге, который сможет о ней позаботиться.

Спокойствие старого дома нарушил громкий крик боли. Мисс Лолли побелела и сделала шаг вперед. Черрил нахмурил брови и устоял на своих голых ногах.

Раздался новый крик. Он пронзил дом, как пущенная стрела, и мисс Лолли оледенела от ужаса.

— Что они с ней делают? — спросила она, сделав вперед еще один шаг, но Черрил поймал ее за руку и остановил.

— Стой! — приказал он. — Ты же знаешь, что нельзя лезть в дела Суливанов.

— О! Я не желаю, чтобы они били ее! — воскликнула мисс Лолли, нервно запуская пальцы в свою шелковистую бороду. —

Я могу не выдержать, если они продолжают свои издевательства.
— Молчи!

— Я вас умоляю!.. Перестаньте...— вопила Кэрол. Ее пронзительный голос проникал сквозь деревянные стены и заставлял вибрировать нервы Лолли и Черрила.

— Иди в сад!— приказал Черрил.— Уходи отсюда!

Он схватил мисс Лолли и потащил ее через черный ход.

— Иди!— повторил он, все еще держа ее за руку.— Тебе не стоит это слушать! Чем меньше мы знаем, тем лучше для нас обоих, если этих ублюдков, наконец, поймают.

Мисс Лолли последовала за Черрилом. Она вытирала старым носовым платком глаза и с горестным видом качала головой.

— Такая красивая...— бормотала она. — Бедные мы, женщины! Страдания! Всегда страдания!

Они провели в саду некоторое время и, наконец, увидели Суливанов, выходящих из дома. Они сняли свои пальто и теперь ходили на факельщиков в отпуске. На них были одеты светло-коричневые костюмы, серые шляпы и желтые ботинки. Пока Черрил шел им навстречу, Франк влез в «паккард» и отвел его за дом, к амбару.

Макс уселся на последнюю ступеньку площадки.

— Уезжаете?— осведомился Черрил.

— Да,— сухо проронил Макс и вытер чистым носовым платком пот, выступивший на его лице.— До лагеря лесорубов у Сидних гор порядочный кусок пути.

Черрил даже не спросил, что там в этом лагере. Он привык не задавать лишних вопросов. Черрил возил своими голыми ногами по песку, и не было слышно никакого другого шума, кроме легкого скрипа песка.

— Значит, она заговорила,— заявил Черрил, и в его глазах засветился странный огонек.

— Они всегда кончают тем, что начинают говорить,— равнодушно заметил Макс.— Не было еще ни одного человека, который бы не заговорил.

Послышался мощный шум запущенного мотора, и через секунду из-за амбара появился «паккард». Прodelав круг вокруг дома, машина замерла перед Максом. Франк высунулся из окна и произнес:

— Все в порядке!

Черрил заметил, что они изменили внешний вид машины, и вопросительно поднял брови:

— Ожидаете неприятностей?

— Мы возвращаемся туда, откуда прибыли,— ответил Макс, влезая в машину и усаживаясь рядом с Франком. — Мы никогда не оставляем тот же номер.

Даже избавившись от своих черных костюмов, Суливаны имели устрашающий вид. От них исходили волны опасности.

— Вы надолго?— спросил Черрил.

— Дня два, три, но не больше. Даже меньше, если он еще там, но это маловероятно.

— Так она нам сказала,— надменно процедил Франк.— Эта девица отнюдь не сумасшедшая!

— Во всяком случае скоро мы это узнаем!— проговорил Макс, сдвигая шляпу на глаза.— И скажи-ка, Черрил...

Черрил напрягся.

— Да?

— Сторожи ее! И когда я говорю «сторожи», ты меня понимаешь... Если ее не будет, когда мы вернемся, то тебе лучше повеситься самому.

— Она будет здесь!

— Сторожи ее!— повторил Макс и повернулся к Франку...
Поехали!

Франк не стал торопиться. Он тоже повернулся к Черрилу и испытующе уставился на него.

— Хорошенько наблюдайте за ней. Она мне нравится, эта девица... и я не упущу возможности ознакомиться с ее внутренностями... Она мне по душе, ты понимаешь?

— Сейчас я дам тебе по душе!— прорычал Макс.— В дорогу! Ты что-то слишком интересуешься женщинами!

— Я без них жить не могу!— засмеялся Франк и, продолжая смеяться, развернулся перед домом и выехал на узкую неровную дорогу.

Мисс Лолли поднялась на лестницу и вошла в свою маленькую комнатку. Она вся дрожала с головы до ног и была вынуждена присесть на свою кровать, чтобы дать ногам отдохнуть, прежде чем подойти к комоду. Несколько минут она причесывала волосы и бороду, потом надела чулки и туфли. Найдя платяную щетку, она старательно вычистила свое платье. Когда она вышла из своей комнаты, Черрил уже поджидал ее внизу лестницы.

— Что ты собралась делать?— прохрипел он.

— Пойти к ней,— твердо заявила мисс Лолли.— Она нуждается в женской ласке и заботе.

— Ты что, считаешь себя за женщину, старая кляча?— захохотал Черрил.— Ты напугаешь ее, ведьма!

Мисс Лолли болезненно улыбнулась.

— Схожу повидать ее,— повторила она и направилась к лестнице, ведущей на чердак.

— Ладно, шагай, но без шуток! Ты слышала, что сказал Макс?

— О, у меня нет ни малейшего желания вмешиваться в это дело!— пробормотала мисс Лолли.— Я просто хочу быть милой с ней... Если бедняжка потеряла голову, то доброе слово пойдет ей на пользу.

Черрил вытащил из кармана ключ и протянул его мисс Лолли.

— Запри ее, когда с тебя будет достаточно!— резко произнес он.— Мне нужно завершить работу,— он спустился по лестнице, и его голые ноги дробно застучали по деревянным ступеням.

Через несколько секунд, с сильно бьющимся сердцем, мисс Лолли повернула ключ в замке комнаты Кэрол и вошла в нее.

В этой маленькой и голой комнатке стояла удушливая жара, так как солнце находилось уже в зените. Единственное окно, выходящее в так называемый фруктовый сад, было загорожено железными прутьями, заделанными цементом. Пол был пыльным, мебель нищенская: складная кровать, расшатанное кресло, небольшой столик с железным тазиком, полным воды, на поверхности которой плавала паутина.

Кэрол была распростерта на кровати, руки ее лежали вдоль тела, ноги вытянуты. Она не шевелилась. Ее глаза казались двумя дырками на белой маске лица и смотрели без всякого выражения. Несмотря на то, что она слышала, как скрипнула дверь, Кэрол даже не повернула головы. Она уставилась на противоположную стену, на паутину, которая тихонько раскачивалась под слабым дуновением ветерка. Но, услышав шаги, она очнулась и, независимо от ее желания, рот ее раскрылся и из него вырвался крик.

— Это лишь я,— осторожно прошептала мисс Лолли с порога.— Это лишь мисс Лолли.

Кэрол задрожала, увидев бедного монстра, который с трудом удерживал слезы в грустных глазах.

— Пожалуйста, уходите,— промолвила Кэрол и стала плакать, не в силах удержаться, спрятав лицо в руках.

Мисс Лолли повернула голову, увидела пустынную лестницу и прислушалась. В доме царил тишина. Кроме звуков, которые производил Черрил, раскладывая в саду дрова, вдалеке был слышен лай собаки.

— Я не хотела вас напугать, милая девушка,— очень грустно произнесла мисс Лолли.— Я не злая, уверяю вас... просто я работала в том же цирке, что и они, Макс и Франк.

— Вы меня не пугаете...— проговорила Кэрол.— Только... я хотела бы остаться одна... еще немного...

— Может быть, вы хотите чашечку чая или кофе?— спросила мисс Лолли.— Мне так жаль вас... В самом деле, эти мужчины, которые... не так ли? Мы всегда так преданы им... я тоже такая... У меня были возлюбленные... вы в это не поверите... Они не должны были привозить вас сюда... такую прелестную девочку.

Кэрол резко села на кровати.

— Кто вы? Что вы от меня хотите?

Мисс Лолли заморгала и немного отступила.

— Я мисс Лолли... Вы слишком молоды, чтобы слышать обо мне. Лолли Прери — знаменитая женщина с бородой. Я настоящая артистка... Нужно быть артисткой, чтобы носить такой крест, как мой... Я ничего от вас не хочу, только хочу поделиться с вами добротой. Я знаю, что такое доброта, хотя не такая я и добрая, но когда услышала, как вы кричали... Когда я увидела, как вы

красивы, то решила, что смогу что-то сделать для вас, прийти к вам на помощь. Правда, я немного смогу сделать, но между женщинами... нужно обязательно помогать друг другу, когда неприятности...

Кэрол вновь улеглась на кровать.

— Я им рассказала, где он находится,— простонала она.— Я думала, что ничто не заставит меня сказать им это, но у меня не хватило сил и мужества, и я сказала им, и они отправились убить его... которого я так люблю!

Мисс Лолли подошла к ней ближе.

— Не надо расстраиваться до такой степени. Я слышала их... Они говорят, что не рассчитывают найти его там. Пойду приготовлю вам чашку чая.

— Помогите мне выбраться отсюда!— закричала Кэрол, поднимаясь.— Я вас умоляю, помогите мне убежать! Не давайте им запереть меня. Мне надо вернуться к Стиву! Они стреляли в него! Я оставила его в лесу, и они направились туда, чтобы прикончить его.

Глаза мисс Лолли наполнились слезами и страхом.

— О! Я никогда ни во что не вмешивалась!— быстро проговорила она.— Я хочу лишь сделать ваше пребывание здесь приятным. И я постараюсь сделать для вас все, но я не хочу вмешиваться в их дела! Я не могу помочь вам бежать отсюда... это значит принимать участие...

— Я уверена, что вы меня поймете,— промолвила Кэрол.— Вы сказали, что у вас были возлюбленные. Так что вы знаете, что означает, когда любишь кого-нибудь, кто нуждается в вас. Я сообщила им, где он находится, потому что не смогла выдержать их издевательств.— Она закрыла лицо руками.— О, вы не представляете, что они со мной проделывали!

— Моя бедная деточка,— мисс Лолли вытерла слезы,— я так хочу помочь вам. Я не знала, что вы так любите его,— она быстро оглянулась.— Но я не должна долго оставаться у вас. Пойду приготовлю вам чай... Когда вы выпьете чашечку, то почувствуете себя намного лучше. До основной дороги добрый кусок пути,— продолжала она без передышки,— на столике в вестибюле будет находиться некая сумма денег,— сказала она и вышла, закрыв дверь и спускаясь по лестнице.

Кэрол недоуменно уставилась на дверь. Затем сердце в ее груди подпрыгнуло — она не слышала, как мисс Лолли повернула ключ в замке! Очень медленно она поднялась с постели. Ноги у нее были как ватные, и расстояние от кровати до двери показалось ей бесконечным. Наконец она дотронулась до дверной ручки, повернула ее и потянула на себя. Дверь отворилась. Еще несколько мгновений Кэрол рассматривала широкий длинный коридор, все еще не веря, что путь к бегству свободен. Она проскользнула по лестничной площадке и, перегнувшись через перила, посмотрела на лестницу и темный вестибюль. Где-то в саду коло-

ли дрова, а из кухни доносился шелест текущей воды. В ее кошмарном сознании эти шумы, обычные для дома, имели для нее что-то успокаивающее. Она кинулась на лестницу, задерживая дыхание и с колотящимся сердцем. Тихоенько она начала спуск по лестнице.

В одной из хижин заброшенного лагеря дровосеков в Синих горах жил старик, известный окружающим под именем Хемфри. Старый человек с ослабленным разумом, грязный нищий, но одаренный особым влиянием на птиц. Тихий, как мышь, он поселился в заброшенном лагере лесорубов. Появление Кэрол в черном «паккарде» и ее отъезд совершенно потрясли бедного старика.

Он приблизился к Ларсону с обычной осторожностью... Потом он спрятался в свою хижину в ожидании дальнейших событий. Там он уснул и был разбужен старым «кадиллаком» Фила Магарта. Шум автомобиля заставил его подскочить от испуга.

Хемфри знал Магарта. Несколько месяцев назад журналист попытался заставить старика продемонстрировать свои таланты на птицах, но тот не согласился. Так что, увидев Магарта, старик подумал, что тот снова приехал уговаривать его, но с облегчением обнаружил свою ошибку. Журналист уложил похрапывающего Ларсона в машину и сразу же уехал. Хемфри подумал, что он видел последний акт драмы, но на следующий вечер, когда он варил на костре скудный ужин, дверь его хижины отворилась и в нее вошли Суливаны. Они не рассчитывали найти в лагере Ларсона: это было бы слишком большой удачей. Но они следовали своему обычному методу — подхватить след с того места, где находилась жертва в последний раз.

Увидев дымок, выходящий из трубы хижины, они переглянулись и бесшумно направились к домику.

— Салют! — буркнул Франк, открывая дверь ударом ноги.

Хемфри стоял, нагнувшись над огнем. Его старое в морщинах лицо перекопилось от страха. Своей костлявой рукой он с такой силой схватил ручку сковородки, что суставы его пальцев побелели под сухой кожей.

Облокотившись о печку, Макс закурил сигарету. Свет костра отражался в его очках.

— Поговори с этой падалью, — спокойно приказал он Франку.

Франк уселся на опрокинутый ящик и снял шляпу, чтобы пригладить волосы. Он улыбался, но эта улыбка леденила сердце бедного старика.

— Мы ищем одного типа, — сказал Франк, — раненого. Где он?

— Я не знаю никакого раненого, — промычал старик. — Оставьте меня в покое!

Макс раздраженно дернулся, но Франк все еще улыбался.

— Послушай, дед, — тихо проговорил он, — ты отлично понимаешь, о ком идет речь. Мы не шутим!

Старик не произнес ни слова. Он приподнял худые плечи, как будто ожидая удара, и с грустью взглянул на свой ужин, который сгорал на огне костра. Его глаза были полны ужаса.

Франк легонько ударил его ногой по щиколотке.

— Говори, старый шакал! — весело произнес он. — Что же произошло с тем раненым?

— Я не видел никакого раненого! У меня нет привычки совать нос в чужие дела! — прошамкал старик.

Макс внезапно схватил ручку сковороды, вырвал ее из рук Хемфри и бросил на пол. Это заставило Франка расхохотаться.

— Что произошло с тем раненым? — зловеще повторил свой вопрос Франк.

Старик смотрел на сковородку, упавшую в угол. Ее содержимое растекалось по стене и полу. Он поднес руку к своему шети-нистому подбородку.

— Его увез журналист, — пронзительным голосом сообщил он. — Вот и все, что я знаю.

— Какой журналист? — осведомился Макс.

— Магарт, — пробормотал старик. — Он уже раз приезжал изводить меня с птицами. Все время все ко мне пристают! Почему меня не хотят оставить в покое?

— Тебя никто больше не станет изводить, — тихо сказал Франк, направляясь к двери.

Старик повернулся, волоча свои старые стоптанные ботинки и запахиваясь в лохмотья.

— Закрой глаза, — приказал Макс. — Я не желаю, чтобы ты видел наш отъезд.

— Я не буду смотреть! — ужаснулся старик, догадываясь, что сейчас произойдет что-то плохое.

— Закрой глаза, — зловеще повторил Макс.

Грязные, морщинистые веки Хемфри опустились, как шторы пустого дома.

Макс вытащил револьвер и, приблизив его ко лбу старика, нажал спуск.

На середине лестницы находились часы с боем. В тот миг, когда Кэрол проходила мимо часов, там что-то шелкнуло, и часы стали бить. Кэрол замерла в испуге. Ей захотелось броситься вниз по лестнице, но почти сразу она поняла, что это были лишь старые стенные часы, отбивавшие время. Она расслабилась, но была вынуждена прислониться к старым расшатанным перилам, чтобы немного прийти в себя и обрести новые силы. Наконец ей удалось спуститься по последним ступенькам и приблизиться к темному вестибюлю, где находилась дверь к свободе...

Дойдя до середины вестибюля, Кэрол остановилась и прислушалась. Мисс Лолли наливала кипящую воду в чайник и устанавливала на поднос чашку, блюдце, сахарницу и молочник.

Кэрол слушала и догадывалась о том, что делала бородатая женщина. Через минуту или две мисс Лолли выйдет в вестибюль со своим подносом. Из залитого солнцем сада в дом проникало тепло, обволакивающее Кэрол. Она быстро и бесшумно прошла к маленькому столику, на котором лежала смятая бумажка в десять долларов. Кэрол взяла деньги. Ее пальцы судорожно сжали их, почти не веря в их реальность. Затем она направилась к входной двери. Мышцы девушки напряглись. Она тихонько отворила дверь, но петли все же заскрипели. Кэрол поглядела через плечо.

Мисс Лолли смотрела с порога кухни, как она уходила. Она плакала, и слезы текли по ее изможденному лицу. С ее бородой вид у мисс Лолли был гротескный и нереальный, почти фантастический. Чайник с подносом дрожал в ее руках.

Женщины обменялись долгим взглядом. Страх и симпатия встретились, чтобы расстаться... Кэрол выбежала наружу, закрыв за собой входную дверь.

Царящую вокруг тишину нарушал шум колки дров. Кэрол остановилась, чтобы осмотреться: от дома к заграждению, окрашенному в белый цвет, тянулась тропинка, заросшая сорной травой. От этого заграждения вглубь зарослей кипарисов тянулась песчаная проселочная дорога, вся в рытвинах. До главной дороги была целая миля пути.

Стук топора прекратился, и на старое жилище упала тяжелая тишина. Быстрыми и точными движениями Кэрол осторожно миновала веранду до четырех ступенек, которые вели к тропинке. Там она опять остановилась, чтобы прислушаться.

Она слышала, как Черрил обошел угол дома, хотя его голые ноги не производили на песке почти никакого шума. Он уставился на девушку со страхом и злобой, как будто не верил своим глазам. Позади него находилась дорога к свободе.

— Вернись в свою комнату, — прохрипел он.

Кэрол осмотрелась по сторонам. Перед ней находилась балюстрада с наполовину сгнившими досками. Отступать было некуда — сзади был вестибюль, не представляющий никакой возможности к бегству.

Единственный путь к свободе находился по другую сторону человека, преграждавшего ей путь, и этот человек был полон страха и злобы.

— Не трогайте меня! — рассвирепела девушка. — Я уйду! Вы не смеете задерживать меня!

— Вы никуда не уйдете! — заявил Черрил. — Возвращайтесь в свою комнату. Я не желаю причинять вам боли, но если вы не вернетесь, я буду вынужден...

Мысль о возможных побоях не испугала Кэрол. Она даже не шевельнулась. Черрил осторожно приблизился к ней, и вновь она не шевельнулась.

— Вернитесь! — приказал он, взяв ее за руку.

Тогда Кэрол ударила его кулаком и попала ему в щеку, при-

чинив больше удивления, чем боли. Она бросилась на него и стала колотить руками и ногами.

Но Черрил легко справился с ней. Его крепкие руки обхватили ее, сильно прижав к себе и пресекая тем самым возможность для Кэрол драться руками и ногами. Затем он легонько ударил ее своим крепким кулаком по затылку, что заставило ее расслабиться и вызвало головокружение. Кэрол больше не сопротивлялась. И наполовину неся, наполовину волоча ее, он дотащил девушку до вестибюля. Там он замер. Перед ним стояла мисс Лолли. Она угрожающе наставила на него ружье.

— Оставь ее! — рецитально произнесла она. — Прошу тебя, оставь ее.

— Отойди! — проворчал Черрил. — Ты тоже сошла с ума?

Внезапно Кэрол в его руках сжалась, как пружина, и небрежным усилием разорвала кольцо его рук. Мисс Лолли направила ствол ружья в грудь Черрилу.

— Не вынуждай меня стрелять! — гневно заявила она. — Ей необходимо уйти, и мы не должны ее задерживать. Мы не имеем на это права.

Черрил ругнулся, но не стал сопротивляться. В этот момент мимо него проскользнула Кэрол и побежала к заграждению.

— Ты знаешь, что ты сейчас сделала? — спросил он. — Старая сентиментальная идиотка! Я не должен был доверять тебе!

Черрил рванулся к двери, надеясь поймать Кэрол. Выбежав из дома, он заметил бегущую девушку. Никогда в жизни он не видел человека, передвигающегося с такой скоростью по плохой дороге. Он понял, что не сможет догнать ее. Тут он вспомнил о собаке. Не обращая внимания на мисс Лолли, он свернул за угол дома и побежал к собачьей конуре.

Кэрол бежала по тропинке, с каждой стороны которой стояли плотные стены деревьев и высоких трав. Ей казалось, что она бжит в лабиринте, из которого ей никогда не выбраться. Она бежала, не слыша никаких признаков погони, но все же не замедляла бега, пока между ней и домом не оказалось порядочного расстояния. Только тогда, уже на пределе дыхания и с болью в боку, она постепенно перешла на нормальный шаг.

Кэрол не имела никакого представления, какое расстояние отделяет ее от Ка де ла Бриа. Она лишь знала, что «паккард», привезший ее сюда, ехал довольно долго. Но так как у нее были деньги, правда мало, ей оставалось только добраться до остановки автобуса или до станции железной дороги. С чувством удовлетворения она подумала, что у Суливанов было не такое уж большое преимущество во времени. Конечно, они ехали на машине, но, возможно, им не удастся найти Стива так скоро. Кэрол была уверена, что Магарт не оставит Стива в лесу. Если ей повезет, она сможет приехать в Ка де ла Бриа раньше Суливанов и раньше, чем они его найдут.

Неожиданно ей стало страшно, и сердце ее неистово заколо-

тилось. Она повернула голову, и до нее донесся страшный собачий лай. Она бросилась бежать: вдруг этот мужчина направил по ее следам собаку... Кэрол еще раз обернулась на песчаную, окаймленную кустарником дорогу. Не лучше ли ей будет спрятаться? Она остановилась, лихорадочно ища вокруг себя палку или еще какое-нибудь оружие.

Тут она увидела собаку, мчащуюся по узкой тропинке. Это было огромное черное чудовище свирепого вида, с короткой шерстью и длинным хвостом, глаза которого сверкали, как раскаленные угли...

Кэрол затаила дыхание, видя, как к ней приближается это ужасное животное. Она ничего не могла предпринять — это было просто кошмаром, но наяву. Солнце палило вовсю, а она все еще не могла пошевелиться от ужаса.

Заметив ее, пес уменьшил скорость и медленно приближался к ней с угрожающим видом, опустил морду к земле и вытянул горизонтально хвост.

Кэрол едва могла дышать. Она собрала все свое мужество и пристально уставилась на собаку, по-прежнему не шевелясь, как гранитная статуя. Пес еще более замедлил бег и показал зубы, огромные клыки ослепительной белизны на фоне черной морды. Шерсть на его спине поднялась дыбом, он совсем остановился и сжался, ничего не понимая, но чего-то опасаясь. Кэрол всей своей волей приказала псу остановиться, понимая, что это ее последний шанс. Она пыталась воздействовать на него, и, когда ей удалось остановить его, Кэрол очень медленно стала приближаться к собаке, а та стала пятиться, пугливо озираясь. Понемногу хвост собаки стал опускаться и вилять. Пес потерял свою свирепость и с глухим воем бросился бежать обратно по тропинке. Кэрол со вздохом облегчения пустилась в дальнейший путь.

Черрил не спеша бежал по раскаленной тропинке, когда к нему вернулся пес. Он очень удивился и побледнел. Только теперь он понял, что Кэрол для него недосыгаема, и вернуть ее в дом он уже не сможет.

В течение нескольких секунд он потерял возможность к размышлению. Черрил помнил, что сказал ему Макс. Суливаны никогда зря не угрожали. Он медленно вернулся назад, толкнул деревянную калитку и прошел через сад.

Мисс Лолли с довольным, но невозмутимым лицом сидела в кресле. Краешком глаза она посмотрела в сторону Черрила, вошедшего в дом. Но он не произнес ни слова. Долгое время мисс Лолли оставалась на солнце в ожидании не зная чего. Она ни о чем не жалела, так как понимала, что, освобождая Кэрол, делала хорошее дело, хотя и небезопасное для самой себя. Наконец на веранде появился Черрил. Он надел костюм в черную с серым клетку, мексиканские ботинки и большую фетровую белую шляпу. Мисс Лолли вспомнила, что именно эта шляпа много лет назад привлекла ее внимание, когда Черрил занимался цирком. Она

вспомнила, с каким шиком и молодечеством он носил ее тогда. Теперь его лицо, бледное и морщинистое, не имело ни малейшего сходства с тем молодым человеком, который заставил биться ее сердце в бешеном ритме.

Черрил поставил своих два чемодана, спустился по ступенькам и, повернувшись к мисс Лолли, произнес:

— Пожалуй, тебе тоже надо уложить свои вещи. Нам надо бежать отсюда сломя голову! — и он завернул за угол дома в направлении амбара. Черрил не спешил.

Мисс Лолли даже не шевельнулась. Ее глаза были блестящими от подступивших слез. Наверху, на лестничной площадке, старые часы пробили полчаса. Эти часы были частью прошлого мисс Лолли — они все время сопровождали ее в передвижениях по стране. Вся остальная мебель в доме, как бы мало ее ни было, также принадлежала ей, и каждый предмет был определенным сувениром в ее жизни.

Совсем близко от мисс Лолли уселась большая красивая бабочка — красная с черным. Бородатая женщина наблюдала, как та чистила свои крылышки, открывая и закрывая их. Бабочка не спешила улетать в теплый воздух, напоенный ароматом цветов.

Эта бабочка напомнила ей о Керол.

«Красота никогда не должна находиться под замком, — подумала она. — Я была права, что помогла этой девушке!»

Черрил остановил перед домом большой фургон «форда». Он заглушил мотор и подошел к мисс Лолли.

— Мы можем положить большую часть вещей в фургон, но мне необходима твоя помощь.

— Я остаюсь здесь, — возразила мисс Лолли. — Тут я у себя.

— Знаю, но ты все испортила. Идем скорей! Бесполезно спорить об этом сейчас... Нужно смыться отсюда, ведь ты знаешь Суливанов!

— Уезжай один, — прошептала мисс Лолли, думая о бабочке. — Я предпочитаю остаться здесь еще на день или на два. Я была счастлива здесь...

Черрил взглянул на нее с безнадежным видом.

— Ладно, пусть будет так, как ты хочешь, а я ухожу. Так ты не передумала?

Мисс Лолли подняла на него глаза.

— Я хорошо сделала, Текс, и ни о чем не жалею.

— Да, ты хорошо сделала, — злобно проговорил Черрил. — Прощай, Лолли!

— До свидания, и желаю тебе успеха, Текс, — проронила она.

Потом она молча наблюдала, как он укладывает свой багаж.

— Они сказали, что вернутся через два-три дня, — сообщил Черрил, включая зажигание.

— Этого мне вполне достаточно, — промолвила мисс Лолли.

Кэрол находилась уже в двадцати пяти милях от Ка де ла Бриа, когда счастье изменило ей. До сих пор различный транспорт приближал ее к Стиву, но вот наступила ночь, и ей стало трудней найти сговорчивого водителя. Они с легкостью посадили бы мужчину, но не женщину. Люди возвращались домой, и большинство из них не желало ни развлечений, ни непристойностей. Один или двое из них колебались, спрашивая себя, красива ли незнакомка и смогут ли они рассчитывать на небольшое развлечение, но дорога в этом месте была темной, и они решили, что это, вероятно, бродяжка. Подумав об этом, они резко прибавляли скорость и оставляли ее на дороге.

Это было для нее тяжелым испытанием, ведь сначала все шло так хорошо. Сперва ее подобрал фургон на автостраде, и водитель вел себя вполне корректно. Он разделил с ней свой скромный завтрак и болтал о тысяче пустяков, скрадывая этим путь. Он высадил Кэрол на перекрестке, указав ей нужное направление, и пожелал удачи.

Потом ее подвез коммивояжер, появившийся через несколько минут после отъезда фургона. Нет, он не ехал в Ка де ла Бриа, но мог доставить Кэрол в Капвилл.

Он был более любопытен, чем водитель фургона, и задал ей несколько вопросов. Почему она пользуется автостопом? Не убежала ли она из дома? Не надо ли доставить ее обратно? Но Кэрол сумела ответить более-менее правдоподобно, и он перевел разговор на другую тему.

На прощание он дал ей пять долларов.

— Вам они понадобятся, малышка!— воскликнул он, открывая дверцу машины.— Ах, бросьте! Я достаточно зарабатываю себе на жизнь! Если мне доставляет удовольствие отдать их вам, то почему бы мне этого не сделать? Это вам на обед. До свидания, красавица, желаю успеха!

В маленьком ресторанчике, на главной улице, Кэрол узнала, что Суливаны уже миновали это место. Они останавливались тут, чтобы выпить чашечку кофе,— это было четыре часа назад. Эта новость придавала ей бодрости. Кэрол с аппетитом поужинала и потом села в автобус на Кинстон, следующий этап ее путешествия.

В Кинстоне ей пришлось ждать больше часа, чтобы найти возможность поехать дальше. Кинстон, сказали ей, находится в двадцати милях от Ка де ла Бриа, но между ними нет регулярного движения. Ей нужно было сделать пересадку в Бак Лурсе, где придется ждать еще час или полтора для дальнейшего продвижения.

Этот разговор слышал молодой человек, одетый в серый костюм и серую фетровую шляпу. Он заявил, что как раз направляется в Ка де ла Бриа и будет рад довезти туда Кэрол. Она с радостью согласилась, и они покинули Кинстон в сумерках.

Молодой человек вел машину очень быстро и уверенно, выкуривая сигарету за сигаретой. Руль машины он держал одной

рукой, обгоняя все машины и как метеор минуя перекрестки. Он немного напугал Кэрл своим молчанием и неосторожной ездой.

Когда они выехали за город, парень неожиданно затормозил и съехал на газон. Выбросив в окно сигарету, он с яростью набросился на Кэрл. Парень был очень силен и знал, чего он от нее хочет. Он целовал Кэрл, не обращая ни малейшего внимания на ее попытки освободиться. Он настойчиво стремился к своей цели, и у Кэрл уже не оставалось сил бороться с ним.

Достигнув своей сладострастной цели и получив от нее желаемое, он отбросил ее в угол машины и вновь закурил сигарету. Шляпа парня уже давно свалилась, и его длинные, как у девушки, волосы упали ему на лоб. Движением головы он откинул их назад.

Кэрл открыла дверцу машины и, шатаясь, вышла из машины на газон. Парень даже не взглянул на нее. Он завел машину и быстро укатил прочь, закулив новую сигарету.

Счастье изменило Кэрл. Ей понадобилось некоторое время, чтобы собраться с мужеством и опять делать знаки проезжающим машинам. Кончила она тем, что забросила все свои тщетные попытки и пошла вперед, не обращая на боль в ногах никакого внимания. Дорога была пустынной и темной, но вечерний воздух был свеж, и она продолжала движение вперед, думая о Стиве и боясь, что Суливаны уже достигли своей цели.

Неожиданно позади нее раздался визг тормозов, и, как ей показалось в темноте, прямо возле нее остановился фургончик. Водитель с карманным фонариком вылез из машины и подошел к Кэрл. Она слишком устала и измучилась, чтобы обратить внимание на удивленное восклицание шофера.

— Не желаете ли прокатиться, малышка?

Она сразу согласилась, не заботясь о том, что с ней может приключиться, когда она попадет в Ка де ла Бриа.

— Мне сегодня страшно взлет! — развеселился водитель в белой куртке. Он аккуратно взял ее за руки и подвел ее к задней дверце. — Там внутри уже есть одна тронутая, но она связана, — сообщил он. — Не вздумайте драться, мои красавицы!

Кэрл не знала, что шофер был ни кем иным, как Сэмом Гарландом из лечебницы в Гленвилле. Он как раз возвращался из Кипстона, откуда вез новую клиснтку лечебницы. Кэрл приняла его за бандита и стала кричать.

— Не надо нервничать, дорогая, — вежливо и приветливо произнес Гарланд, открывая заднюю дверцу и подталкивая Кэрл внутрь слабо освещенной санитарной кареты. Затем он с силой захлопнул дверцу, подбежал к кабине, уселся и завел мотор.

Кэрл села на лавку, но неожиданно ее парализовал страх. Напротив нее, на другой лавке, была распростерта женщина, привязанная к этой лавке. Это была очень некрасивая женщина с длинными черными волосами, ниспадающими ей на плечи. Она уставилась на Кэрл маленькими глазками, в которых горел демонический огонь.

СВИДЕТЕЛЕЙ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ

Атмосфера тревоги давила в Ка де ла Бриа, как тонкая пленка пыли. Суливаны сразу ощутили это, как только достигли главной улицы. И вместе с тем ничего не было заметно. Ночь обволакивала Ка де ла Бриа, за исключением баров, салонов и кафе, открытых всю ночь. Но чувство опасности не проходило, оно исходило от темных домов и было разлито в прохладном ночном воздухе. Суливаны захотели узнать, что это означает, но они скрывали свое любопытство, опасаясь обращать на себя внимание.

Они устали от дороги, так как не спали уже более суток. И хотя они привыкли не спать, но необходимость во сне все же чувствовалась.

Франк свернул машину на большую улицу, в конце которой находился отель и тюрьма. Он сбавил скорость, заметив возле тюрьмы небольшую группу людей.

Макс автоматически протянул руку к своему револьверу, и его взгляд стал внимательным, но люди бегло смотрели на них и отворачивали голову.

— Что тут происходит? — прошептал Франк.

— Это нас не касается. Позади тюрьмы находится отель. Поставь машину.

Они нашли гараж, поставили туда машину и вернулись к отелю. Суливаны сделали все возможное, чтобы остаться в тени, а маленькая группа людей была слишком занята наблюдением за тюрьмой, чтобы обращать на них внимание.

Служащим конторы был небольшого роста человек, верхняя губа которого была украшена усами, походящими на пятно сажи. Он протянул руку и подвинул Максу регистрационную книгу.

— Одну комнату на две кровати или две комнаты и по одной кровати в каждой?

— На две кровати, — буркнул Макс и расписался.

Франк взял перо, прочел фантастическое имя, которое нацарапал Макс в нижней части листа, и, в свою очередь, расписался.

— Кофе и два небольших теплых хлебца завтра утром в половине девятого, — сухо проронил Макс, — и не забудьте газеты.

Служащий получил от них деньги и вызвал коридорного.

Тот тоже оказался невзрачным маленьким человечком с мешками под глазами. С каким-то колпаком на голове он казался персонажем костюмированного вечера. Он ухватился за чемоданы Суливанов, сделанные из чистой кожи, и повел гангстеров к античному гидравлическому подъемнику. Пока подъемник медленно полз вверх, тишину отеля нарушали удары молотка.

— Это воздвигается виселица,— сообщил коридорный, и его рыбки глаза на секунду загорелись.

— Какую виселицу?— наивно спросил Франк.

— Для экзекуции,— ответил коридорный, останавливая подъемник и отпирая решетку.— Вы не в курсе?

Суливаны, ничего не отвечая, вышли в коридор. Мимо них прошла молодая девушка в шелковом пеньюаре и небесного цвета пижаме. В руках у нее находились принадлежности для ванны. С ее хорошо очерченных губ свисала сигарета. Ее глазки, улыбаясь, уставились на Суливанов, но Франк даже не заметил ее.

— Экзекуция кого?— обратился он к коридорному.

— Где наша комната?— вмешался Макс.— Проводите нас туда.

Коридорный провел их по коридору, открыл дверь в их номер и включил свет. Это была комната, которую можно найти в любом отеле подобного типа. Она была меблирована скорее экономично, чем комфортабельно, и не располагала к длительному пребыванию в этом помещении.

— Экзекуция кого?— переспросил Франк, закрывая дверь.

Парень энергично потер руки о брюки. Можно было подумать, что он собирался сообщить им радостную весть.

— Убийцу Болтенвилла. Вы не видели газет? За один вечер он прикончил трех женщин, после чего сдался полиции. У меня есть предчувствие, что он больше никого не сможет убить завтра после девяти часов утра!

— Вы свободны,— холодно проговорил Макс, не глядя на коридорного, который взглянул на него круглыми глазами.

— Но, мистер, то, что я вам...

— Убирайтесь!— вполголоса повторил Макс, и коридорный не заставил себя просить вторично. Но дойдя до двери, он заколебался и снова повернулся к Суливанам. Неподвижные и молчаливые, они пристально смотрели на него. В них было что-то такое, что вселяло в коридорного ужас.

Когда он ушел, Макс поднял чемодан и бросил его на кровать. Франк застыл на середине комнаты. Снова послышались удары молотка.

— Какое чувство испытывает человек, когда его ожидает виселица?— неожиданно спросил он.

— Никогда об этом не задумывался,— ответил Макс, но на несколько секунд прекратил заниматься багажом.

— Быть взаперти, слышать удары молотка и знать, что это для тебя, слышать шаги, приближающиеся по коридору, и не иметь возможности ничего не предпринять для своего спасения,— тихо прошептал Франк.— Как зверь в клетке...

Макс не издал ни звука и стал раздеваться.

— Это может случиться и с нами,— продолжал Франк, и капли пота покрыли его лицо.

— Ложись!— приказал Макс.

Они молчали, пока оба не легли, и Макс погасил свет. Затем раздался голос Макса:

— Я размышляю о том, где мы можем найти Магарта. Но вообще, это не должно оказаться сложным делом. Трудность заключается в том, чтобы найти место, куда он запрятал Ларсона, и узнать, заговорил ли он.

Франк ничего не ответил: он по-прежнему прислушивался к ударам молотка, забивающего гвозди.

— Как ты думаешь, сколько еще времени будет продолжаться этот стук? — спросил он.

Макс, от которого ничего не ускользало, заметил легкую дрожь в голосе Франка.

— Пока они не закончат. Спи!

Но Франк не мог спать, он слушал удары молотка, и это действовало ему на нервы. Даже дыхание Макса — спокойное и почти не слышимое — раздражало его.

«Спать при таком шуме...» — со злостью думал он.

Франк злился еще потому, что его нервы оказались не такими крепкими, как у Макса. Ему было страшно.

Наконец шум снаружи смолк, но Франк не мог спать. Немного позднее его заставил вскочить с кровати и кинуться к выключателю какой-то жуткий треск.

— Что такое? — вскрикнул он на грани истерии.

Макс проснулся сразу же после того, как зажегся свет.

— Проверяют трап, — сказал он.

После этого ни тот, ни другой не могли заснуть. Франк вспоминал прошлое: лица женщин и мужчин появлялись перед ним, не давая возможности уснуть.

Макс также не спал, он раздумывал о Франке. Последнее время он внимательно приглядывался к сообщнику. Хотя не было никаких внешних признаков, что Франк потерял хладнокровие, но у Макса появились определенные подозрения на этот счет. Его беспокоила мысль: сколько времени выдержит еще Франк. Он давно знал Франка. Они вместе организовали номер по метанию ножей, и это было еще в то время, когда они оба находились в школе.

Они заснули под утро и проснулись лишь тогда, когда в половине девятого горничная принесла им кофе и булочки. Вместе с ней в номер ворвалась атмосфера возбуждения. Атмосфера еще более наэлектризованная, чем накануне, но которая совершенно не тронула Макса. Он уселся в кровати, налил кофе и передал чашку Франку, который поставил ее на ночной столик.

— Через несколько минут они придут за ним, — сказал Франк, выдав тем самым свои мысли.

— Эти булочки недостаточно горячи! — проворчал Макс, который уже вылез из кровати и направился в ванную.

Он кончил бриться, когда упал трап. Этот шум не потревожил его. Макс продолжал чистить бритву, и его лицо оставалось

таким же холодным, как и всегда. Сразу же после падения трапа с улицы через открытое окно донесся чудовищный вздох облегчения. Он взглянул в окно и увидел толпу народа, расходящуюся от тюрьмы.

«Скопище коршунов!» — подумал он и, охваченный холодной яростью к этой народной жажде зрелищ и нездоровому любопытству, плюнул в окно.

Когда он вернулся в комнату, Франк был молчалив. Он все еще лежал. Его наволочка была мокра от пота, который покрывал его лицо.

Оба ничего не сказали. Макс обратил внимание на то, что Франк не притронулся ни к кофе, ни к булочкам.

Пока Макс одевался, они слышали шаркающие шаги людей, возвращающихся к себе и переговаривающихся о происшедшем. Франк смотрел в потолок, прислушиваясь к уличному шуму, и пот продолжал струиться по его лицу.

— Я скоро вернусь, — произнес Макс с порога комнаты. — Ты лучше подожди меня здесь.

Франк не доверял собственному голосу и поэтому промолчал, а Макс и не ожидал от него ответа.

— Есть новости? — спросил Магарт, толкая дверь и входя в маленький убогий кабинет.

Шериф поднял голову.

— Я только что вернулся с экзекуции, — сообщил он. Его обычно яркое лицо все еще сохраняло зеленоватый цвет... Это была первая экзекуция за последние пять лет, и зрелище потрясло его. Он скорчил гримасу и продолжил: — Я получил рапорт, в котором говорится, что интересующий нас «паккард» проехал вчера в полдень через Кинстон в направлении Капвилла, но после этого никаких следов малышки. Шериф Капвилла предупрежден. Если что-нибудь случится, вас известят.

Магарт присел на край стола.

— Хотелось бы мне знать, — задумчиво проговорил он, — схватили ли они ее... Мне кажется весьма странным, что они покинули город. Готов держать пари, что они захотят уничтожить Ларсона! Разумеется, если они захватили Кэрл, то должны ее спрятать там, где мы ее даже не подумаем искать. Потом они вернутся, чтобы заняться Ларсоном. Может быть, имеет смысл обшарить окрестности Капвилла?

— Этим уже занимаются, — буркнул Кэмп. — Все дороги, ведущие в Ка де ла Бриа, находятся под наблюдением. На случай, если они вернутся, всем дали описание «паккарда».

— Bravo! — одобрил Магарт. — Больше мы ничего пока не можем сделать. Я отправляюсь к мисс Ваннинг взглянуть, как там дела. Только что я разговаривал с врачом. У него один шанс из десяти, чтобы выкарабкаться. Сейчас он нуждается в полном

спокойствию... К нему на ферму я направил молодого Рилли, чтобы тот занялся лисицами.

— Ко мне приходил Гартман, озабоченный этим делом, — проговорил Кэмп.

— Кстати, о Гартмане. Я вам однажды говорил, что мы проводим расследование относительно его финансовых махинаций. Мы получили данные, что он спекулировал на бирже и понес большие потери, но пока ему удалось выстоять. Тем не менее он продолжает рисковать. Никто не знает, откуда он берет деньги, но я догадываюсь об их источнике! Будет очень хорошо, если маленькая Блэндиш не попадется раньше будущей недели. Тогда она войдет во владение своим состоянием и можно будет произвести тщательное расследование... И я уверен, что найдется достаточно данных, чтобы отстранить Гартмана от ее денег.

— Вы, журналисты, все одинаковы. Вы самые недоверчивые люди на свете, — заявил Кэмп, дергая себя за усы. — При всех обстоятельствах девчонка опасна. Нужно разыскать ее как можно быстрее!

— Опасна? Сомневаюсь! — возразил Магарт. — Мне, во всяком случае, она показалась совершенно нормальной, когда я с ней разговаривал.

— Доктор Траверс объяснил мне этот факт. Она страдает раздвоением личности. А это страшная вещь. В течение недели она ведет себя как нормальный человек, затем наступает кризис, и в этом состоянии она чрезвычайно опасна.

— Мне трудно поверить в это! — заупрямился Магарт. — Я с ней разговаривал, а вы — нет. — Он раздраженно пожал плечами и встал. — Позвоните мне по телефону, если будут новости. Вы найдете меня у мисс Ваннинг — я буду там все утро.

Когда он бегом спускался по ступенькам тюрьмы, его окликнул Джексон, владелец большого гаража, находящегося у самого здания. Он перешел улицу, чтобы поговорить с ним.

Стоя на пороге отеля, Макс слышал, как Джексон окликнул Магарта. Он незаметно спрятался за одну из колонн у входа в отель. Потом Магарт перекинулся несколькими словами с Джексон, взял свой «кадиллак» и уехал.

Джексон направился к отелю, а Макс начал спускаться к нему навстречу.

— Скажите, сейчас с вами разговаривал журналист Магарт? — спросил Макс, когда с ним поравнялся Джексон.

Джексон остановился, посмотрел на Макса и коротко кивнул головой.

— Да, это он, мистер, — сказал он, собираясь продолжить свой путь.

— Вот это удача! — воскликнул Макс. — У меня к нему дело. Я тут впервые, а вы случайно не знаете, куда он поехал?

Джексон покачал головой.

— Может быть, он направился к мисс Ваннинг. Вы всег-

да можете позвонить туда по телефону, если у вас срочное дело.

— Спасибо,— хмуро улыбнулся Макс.— Это действительно срочно! А кто она такая, эта мисс Ваннинг?

— Она владелица большой плантации цитрусовых в Грасс Хилл,— ответил Джексон, но, поняв, что слишком разговорился с незнакомым человеком, он бросил острый взгляд на Макса.

— Грасс Хилли?— Макс специально сделал ошибку, чтобы отвлечь от себя внимание Джексона.— Благодарю вас, сэр.

Джексон смотрел, как он вошел в отель и быстро поднялся по лестнице. Сдвинув шляпу на затылок, он недоуменно почесал голову.

— Кто это такой?— пробормотал он.

В то время, как Суливаны пытались заснуть в номере отеля, Сэм Гарланд вел фургон по темной дороге по направлению Ка де ла Бриа. Он ощущал себя героем. Когда его фары осветили Кэрол, шагающую по краю дороги, и когда он увидел рыжие волосы девушки, то он затормозил, ни о чем не думая — автоматически. Не может же быть, чтобы у кого-то другого были подобные волосы! Это наверняка Кэрол Блэндиш! И как только он направил свет фар на девушку, то понял, что не ошибся.

Даже теперь, когда она уже находилась в надежном месте, в санитарной машине, он едва мог поверить своему счастью. Пять тысяч долларов... и они будут принадлежать ему... Пять тысяч долларов! Это просто великолепно!

Сейчас Сэм думал, что не лучше ли было привязать Кэрол к лавке. Никогда не угадаешь, на что способны эти психи. Гарланд был служащим в лечебнице в течение многих лет, но потом сменил специальность и стал шофером доктора Траверса, начав водить санитарную машину. Он привык к буйным сумасшедшим, и они его не пугали. На несколько секунд он заколебался, стоит ли останавливаться, чтобы привязать Кэрол. Но потом, так как внутри машины все казалось спокойным, он решил как можно скорее достичь Гленвилла. Он представил себе изумленное и завистливое лицо Джоэ.

Но Сэм не догадывался о разговоре, который велся вполголоса внутри фургона. Сумасшедшая, которая ехала вместе с Кэрол, находилась в лечебнице несколько лет. Звали ее Хэтти Самерс. Сначала ее ненормальность казалась спокойной, но с некоторых пор она стала выказывать тенденции к убийству, что вынудило принять некоторые меры предосторожности и транспортировать ее из лечебницы в Кинстоне в лечебницу Гленвилла, где персонал был более опытен в общении с такими больными.

Как только Кэрол взглянула на Хэтти Самерс, она поняла, что ее заперли с сумасшедшей. Она замерла от ужаса.

— Выходит, он наложил руку и на вас?— пробормотала Хэтти

и рассмеялась.— Он подобрал вас на дороге, так? Это то, что называется отличной работой! Он сразу же узнал вас!

Кэрол старалась отодвинуться от этих маленьких жгучих глаз как можно дальше. Эти глаза, казалось, сверлили ее, и ей опять показалось, что она живет в каком-то кошмаре.

— Он везет вас в Гленвилл, — продолжала Хэтти, — чтобы запереть вас там... Я уже слышала разговоры о Гленвилле. Меня везут туда, потому что сиделки в Кинстоне боятся меня.— Она подняла голову и заклокотала:— И они правы, что боятся меня. Я рада, что еду в Гленвилл, мне надоело быть все время запертой. Я хочу быть свободной и делать то, что хочу... Гленвилл!

Это название пробудило слабое эхо в ее памяти, и Кэрол представилась комната с голубыми стенами, сиделка, которая сердито смотрела на нее, но никогда не разговаривала.

— Мне нужно уйти, — громко сказала она. — Мне нужно уйти до того, как мы прибудем на место.

Кэрол продвинулась к двери и попыталась открыть ее, но пальцы заскользили по гладкой поверхности, не находя ни малейшей щели.

— Он не позволит вам убежать! — извиваясь, заявила Хэтти. — Вы такая же сумасшедшая как и я. Вы ничего не сможете сделать!

— Я не сумасшедшая! — завонила Кэрол, поворачиваясь и прислоняясь к двери.

— А вот и да, а вот и да! — крикнула Хэтти. — Я хорошо это знаю. Вы можете обмануть кого угодно, но не меня!

— Я не сумасшедшая! — повторила Кэрол, пряча лицо в руках.

— Да! Да! Да! — дразнила ее Хэтти. — Можете называть это как хотите, но вы такая же сумасшедшая, как и я! Поверьте, я никогда не ошибаюсь!

— Я не сумасшедшая! — еще раз повторила Кэрол, но ледяные пальцы сомнения сжимали ее сердце.

«Может, я и в самом деле сумасшедшая? — спрашивала она себя. — И поэтому со мной происходят такие невероятные вещи. Может, все это иллюзии моего больного мозга? Может быть, именно поэтому я не смогла вспомнить своего имени? Может быть, это объяснение тому шуму, который иногда возникает в ее голове и затем изменяет все окружающее, как в фильме?»

— Вы уже не так в этом уверены! — воскликнула Хэтти, внимательно наблюдающая за Кэрол. — Но не отчаивайтесь, я не хотела делать вас несчастной!

— О, не разговаривайте так со мной! — вырвалось у Кэрол, которая снова стала колотить в дверь фургона.

— Тише, маленькая дурочка! — приказала Хэтти. — Это ни к чему ни приведет! Он откроет дверь лишь по прибытии в Гленвилл. Вы хотите убежать?

Кэрол взглянула на нее через плечо.

— Мне это совершенно необходимо!

— Может, вдвоем нам это удастся! Он хитер, но слишком уверен в себе. Но прежде всего надо снять с меня сминительную рубашку.

— О нет,— Кэрол задрожала при одной мысли об этом.

— Вы не должны бояться меня!— улыбнулась Хэтти.— Мы же одного поля ягоды и не станем причинять друг другу зло! Ну, не бойтесь же!

Кэрол дрожала от ужаса и возмущения.

— Прошу вас так со мной не разговаривать! Я не сумасшедшая! Глупо утверждать, что я сумасшедшая.

— Не сердитесь. Если вы хотите удрать, то надо обязательно снять с меня сминительную рубашку, и вам следует поторопиться! Мы уже недалеко от места назначения. Если они только получат вас в руки, то уже никогда не выпустят.

Кэрол медленно приблизилась к Хэтти, чтобы получше рассмотреть ее.

— А если я вас развяжу, то каким образом мне удастся бежать?— поинтересовалась она, охваченная беспокойством под взглядом Хэтти.

— Освободите меня от этой проклятой рубашки,— прошептала Хэтти,— а потом начните кричать и стучать в перегородку. Он придет посмотреть, что тут происходит,— это его обязанность. Вдвоем мы быстро с ним справимся.

Сэм Гарланд находился менее чем в миле от Ка де ла Брва, когда сзади поднялся тарарам. Он нахмурился и после непродолжительного колебания остановил фургон. Сэм не хотел, чтобы Кэрол получила ранение. Ему необходимо было вернуть ее доктору Траверсу в полной сохранности, чтобы не возникло никаких осложнений в получении пяти тысяч.

Он вылез из кабины и, тихо ругаясь, направился в темноте к двери фургона. Открыв ее, Сэм заглянул внутрь.

Кэрол бросилась к противоположной стенке, и ее крики резко раздавались в глубине фургона. Гарланд бросил быстрый взгляд на Хэтти Самерс. Та лежала на лавке и удовлетворенно посмеивалась. Она, казалось, была чем-то довольна. Сэм влез в фургон и, прикрыв, не запирая, дверь, схватил Кэрол за руки и завел их за спину.

— Успокойтесь,— пробурчал он,— и не волнуйтесь, моя дорогая. Ложитесь, вы слишком возбуждены.

Кэрол была страшно напугана, когда увидела, до какой степени она беспомощна в руках Гарланда, хотя он и не применял против нее грубых средств. Он быстро подтащил ее к лавке напротив Хэтти.

— Пустите меня,— простонала Кэрол,— прошу вас, отпустите меня...

— Ладно, ладно,— спокойно проговорил Гарланд.— Не надо так волноваться. Растянитесь на лавке, я устрою вас поудобнее, мое сокровище!

Он схватил обе руки Кэрол в свою большую лапу и, быстро пригнувшись, просунул другую руку под ее колени, мгновенно кинув ее навзничь. В этот момент Хэтти откинула покрывало и выпрямилась. Инстинкт подсказал Гарланду о приближающейся опасности. Он поглядел назад в тот момент, когда Хэтти ставила ноги на пол. Не выпуская из рук Кэрол, он повернулся к Хэтти.

— Ну, вы! Будьте благоразумны и оставайтесь на месте,— не повышая голоса проговорил он. Сэм не боялся женщин, но знал, что должен торопиться, не рассчитывая справиться с ними двумя сразу.— Ложитесь на койку!— приказал он, отпуская при этом руки Кэрол и бросаясь к двери.

Ему не хватало места, чтобы как следует развернуться, тем более, что Хэтти уже стояла на ногах. Она завладела рукой Гарланда, заставила его повернуться и кинулась к нему на шею, безумно хохоча при этом ему в лицо.

Кэрол мгновенно соскочила с койки, пытаясь проскочить мимо Гарланда, чтобы выбраться из машины, но тот толкнул ее и с проклятием освободился от захвата Хэтти. В этот миг Кэрол схватила его за руку и повисла на нем всей тяжестью, а Хэтти вновь кинулась на него со сверкающими глазами. Он шатнулся от толчка и задел койку. Нога его неожиданно подвернулась, и он упал на пол. Хэтти, испустив ужасающий победный крик, кинулась, чтобы вцепиться ему в глотку.

Гарланд не потерял головы. Упираясь подбородком в грудь и напрягая затылок, он ударил Хэтти кулаком, но не очень сильно. Отбросив ее от себя, Сэм быстро открыл дверь и выскочил наружу.

Кэрол мигом выскочила за ним следом и побежала. Но не сделала она и двух шагов, как его цепкая рука схватила ее за шиколотку и повалила на асфальт.

Хэтти, в свою очередь, также выскочила из машины. Пока Гарланд поднимался, она кинулась на него, ударив ногами в грудь. Гарланд пошатнулся и снова свалился на асфальт, страшно разозлившись при этом.

Если Хэтти слиняет, ему наплевать, но маленькая Блэндиш должна остаться в его руках. Нельзя допустить, чтобы она сумела удрать! Слишком ценный кусочек мяса — пять тысяч долларов! Он подумал, что, если выпустит Хэтти и та убежит, ему останется лишь Кэрол, с которой он легко справится. Но в его рассуждениях заключалась маленькая ошибка: Хэтти жаждала его смерти. Когда он опять оттолкнул ее, чтобы рвануться за Кэрол, Хэтти на мгновение остановилась. Ее пальцы стали судорожно шарить по краю дороги в поисках подходящего камня. За это время Гарланд поймал Кэрол и тащил ее к санитарному фургону. Кэрол вопила как оглашенная, но ничего не могла предпринять против сильного и опытного в таких делах мужчины. И когда он ударил ногой и открыл дверь фургона, Кэрол совсем сплела...

Хэтти подождала, когда Гарланд приподнимет Кэрол вверх... Затем она встала позади него на цыпочках и изо всей силы ударила его тяжелым камнем по голове...

Полдень. Жгучее солнце палило над плантацией цитрусовых и над большим домом, построенным на самой вершине холма.

Георг Страум, помощник шерифа, отлично устроился на белой веранде со шляпой на затылке и с сигаретой в зубах.

«Вот это настоящая жизнь! — подумал он. — Нести охрану в таком райском месте, с такой красивой и гостеприимной хозяйкой!»

Сейчас он получал от жизни настоящее удовольствие. И ко всему прочему, не надо было ничего делать, кроме как сидеть с оружием в углу и принимать солнечные ванны. Жизнь миллионера, жизнь счастливчика!

Страум всегда мечтал о такой жизни. Он должен был нести охрану дома от возможного нападения Суливанов, но был совершенно уверен, что таких типов в природе не существует! Тем не менее, раз Кэмп верил в их существование и хотел, чтобы он, Страум, сидел тут на солнышке и охранял окрестности, то что ж, это вполне устраивало его. В сущности, он не надеялся, что Кэмп будет продолжать верить в миф о братьях Суливанах весь сезон... но пока.

«Кто бы мог подумать, что такой пройдоха, как Магарт, мог верить в такие басни!» — удивлялся Страум, поджимая под себя коротенькие ножки и покачивая головой. Это доказывало, что самые умные и хитрые тоже могли ошибаться.

Страум не сидел бы так спокойно, если бы мог видеть Суливанов! Те лежали в высокой траве менее чем в двухстах метрах от него и находились там уже более получаса. Их глаза внимательно следили за малейшими движениями охраны и ее передвижениями вокруг виллы.

— Я полагаю, что Ларсон должен находиться в этом доме, — сказал Макс, едва шевеля тонкими губами. — Иначе, зачем его охранять?

— Что же ты собираешься делать? — с беспокойством спросил Франк. Солнце сильно припекало, и ему нестерпимо хотелось пить.

— Остаться здесь, — ответил Макс. — Я хочу знать, сколько человек находится в доме.

Магарт со стаканом виски в руке дремал на диване, когда в виллу вошла Веда, вернувшаяся из ангара.

— А, ты тут! — сказала она и, улыбаясь, направилась к нему. — Я не рассчитывала увидеть тебя сегодня утром. Ты что-нибудь хочешь?

— Не могла бы ты долить мой стакан?— попросил Магарт, протягивая его ей.— Я решил задержаться здесь, пока не узнаю, как дела у больного. Сиделка сказала, что ночь для него прошла спокойно.

— Ему лучше,— сказала Веда, добавляя виски в стакан и возвращая его Магарту.— Есть ли какие-нибудь новости о маленькой Блэндиш?

— Нет, так же как и о Суливанах.

— Страум не верит в Суливанов,— сказала Веда, присаживаясь около Магарта.

— Он никогда ни во что не верит, но переменит свое мнение, если они здесь появятся... что, я надеюсь, не случится.

В вестибюле зазвонил телефон, а через минуту раздался звонок аппарата, поставленного около Магарта,— это горничная переключила соединение.

— Тебя, мое сокровище,— сказала Веда, протягивая ему трубку.

До Магарта донесся грубый голос Кэмп. Выслушав его, Магарт кивнул:

— О'кэй. Я сейчас же приеду. Спасибо, шериф!— и он повесил трубку.

— Что произошло?— спросила Веда.— Ты всегда уходишь в тот момент, когда я хочу быть с тобой.

— На свободе находится еще одна ненормальная,— недовольно проговорил Магарт.— Ее перевозили из Кинстона в Гленвилл, но она, убив своего сторожа, освободилась. Сейчас идут поиски. Шериф решил, что это дело должно меня заинтересовать. У меня нет ни малейшего желания им заниматься, но что делать, надо отрабатывать свой хлеб.— Он поднялся.— Если не заблужусь далеко, то вернусь сегодня вечером. Ты не против?

— Нет, конечно,— ответила Веда, обняв его за плечи и увлекая на террасу.

— Вам здесь удобно?— спросил Магарт у Страума.

Тот открыл глаза и кивнул головой.

— Еще как! Здесь так прекрасно.

— Так вот. Постарайтесь не спать. Вы здесь находитесь для того, чтобы наблюдать за Суливанами!

— Конечно!— Страум засмеялся.— Я за ними и наблюдаю.

Когда Магарт сел в машину, Веда спросила:

— Ты ведь на самом деле не думаешь, что они придут сюда?

— Я не знаю, но мы должны принять все меры предосторожности. Я полагаю, что они далеко. До свидания, моя прелесть.

Суливаны наблюдали за его отъездом.

— Лакомый кусочек!— заметил Франк, разглядывая Веду в бинокль.— Парню, безусловно, не приходится далеко ходить в поисках развлечений.

Макс взял бутылку с лимонадом, сорвал крышку и сделал глоток.

— Брось это!— сказал он, передавая Франку бутылку.— Ты слишком много думаешь о женщинах.

— Нужно же думать о чем-нибудь,— ответил Франк.— Ты собираешься прикончить этого типа?

— Да, если он вернется сюда,— спокойно ответил Макс.— Ты же, конечно, не предлагаешь гнить в тюремной камере из-за того, что он будет свидетельствовать против тебя.

— Когда все закончится, будет лучше, если мы покончим с подобными делами!— глухим голосом проговорил Франк.— До сих пор нам везло. Денег у нас достаточно. Нужно все это бросать.

Макс улыбнулся. С некоторых пор он уже был готов услышать от Франка нечто подобное.

— Мы еще не готовы уйти на покой,— возразил он.

— Ну, а я уже готов!— сказал Франк.

Наступило длительное молчание, которое нарушил Макс:

— Это я организовал наше дело и подал сигнал к началу действий. И я буду решать, когда нам нужно будет остановиться и уйти на покой.

Франк не стал больше возражать. Он опустил глаза и стал рассматривать помощника шерифа, развалившегося в кресле. Лицо Франка вытянулось в разочарованной гримасе.

— И этот момент еще не наступил,— закончил Макс.

Магарт тихонько насвистывал сквозь зубы, ведя машину на большой скорости по направлению Ка де ла Бриа. Неожиданно ему в голову пришла мысль, что если бы он был управляющим плантациями Веды, то смог бы жить у нее и вместе с тем сохранить свободу... Он абсолютно ничего не смыслил в апельсинах, но это мало его тревожило. Веда была умная женщина и прекрасно разбиралась почти во всем и могла бы помочь ему. Что касается его, то он объезжал бы плантации на белой лошади и наблюдал за работниками. Вот работа, которая ему подходит! Он стал размышлять, согласится ли Веда на такое предложение, и решил, что согласится... Если ему удастся разыскать маленькую Блэндиш и помочь ей вступить во владение ее состоянием, он выскажет Веде свое предложение. Но сначала надо найти малютку Блэндиш.

Уже девять дней она находилась на свободе, и ей осталось еще пять, чтобы иметь возможность потребовать свои деньги! Фил улыбнулся, вспомнив Гартмана. Вероятно, сейчас он грыз себе пальцы от петерпения.

Внезапно он резко затормозил возле канавы и почти развернул машину поперек шоссе. Потрясенный, не веря своим глазам, он с диким восклицанием открыл дверцу своей машины и побежал навстречу Кэрл, которая, шатаясь, приближалась к нему, растре-

панная, с изнуренным^{вс} лицом и в платье, превратившимся в лохмотья.

Магарт обнял девушку и прижал к себе. Ей было очень плохо.

— Все хорошо, моя девочка! — бормотал он. — Не надо ничего говорить. Теперь вы спасены, успокойтесь!

— Стив... Стив... — шептала она. — Где он? Как он себя чувствует? Скажите, я умоляю вас!

— Ему уже лучше, — сообщил Магарт, устраивая ее в машине. Разумеется, он еще слаб, но вне опасности. Я отвезу вас к нему.

Кэрол тихонько заплакала.

— Я не надеялась на встречу с ним, — промолвила она, откидывая головку на спинку сиденья. — Все было так ужасно... Я не рассчитывала застать его живым!

Магарт развернул машину и на полной скорости рванул обратно, в дом на Грасс Хилл.

В час того же дня Хэтти Самерс была задержана при выходе из кондитерской Ка де ла Бриа. Она всегда была равнодушной к чистому рому. С деньгами, которые она обнаружила у убитого Сэма Гарланда, она смогла позволить себе это маленькое удовольствие.

Хэтти все еще пребывала в отличном настроении и добродушно улыбалась, когда ее окружили преследователи. Она показала большой камень, испачканный кровью и мозгами несчастного Сэма, которым она превратила его голову в отбивную. Хэтти была в восторге от того, что привлекла внимание такой огромной толпы.

Доктор Траверс с помощью двух санитаров в белых блузах схватили ее и грубо затолкали в санитарную машину, ожидающую поблизости, позади дома. Там на нее быстренько натянули смирительную рубашку. При этом присутствовал шериф Кэмп, который тщетно разыскивал глазами Магарта.

— Этого парня никогда нет там, где он необходим, — пожаловался он своим помощникам. — Я хотел, чтобы он сфотографировал меня в момент задержания этой ненормальной. Куда к дьяволу, мог провалиться этот проклятый парень?

Из машины, сверкая глазами, вышел доктор Траверс и решительно направился к шерифу.

— Больная только что сообщила мне, что Гарланд поймал Кэрол Блэндиш в нескольких милях от Ка де ла Бриа. И чтобы помочь Блэндиш бежать, Хэтти убила бедного Гарланда. Она дала точный портрет Кэрол. Похоже на то, что она решила вернуться в Ка де ла Бриа.

Кэмп сдвинул назад засаленную шляпу и почесал голову.

— Я немедленно займусь этим вопросом!

В тот момент, когда он собирался удалиться, появился Симон Гартман в блестящем «кадиллаке».

— Вот и мистер Гартман! — мрачно буркнул доктор Траверс. — Вы его знаете, шериф?

— Разумеется, я его знаю, — зло проворчал Кэмп, уставившись на подходящего Гартмана.

— Кажется, поймали сумасшедшую? — даже не поздоровавшись, начал Гартман. — Это Блэндиш?

— Нет, мистер Гартман, это одна из моих больных.

— Кажется, у вас появилась новая специальность — выпускать на свободу своих больных! — прошипел Гартман с лицом, искаженным от злости и огорчения. — Когда вы рассчитываете поймать мою воспитанницу?

— Мы только что узнали, что она вернулась в Ка де ла Бриа, — доложил Траверс. — Шериф организует новые поиски.

Гартман презрительно бросил взгляд на Кэмп.

— До сего времени ваши поиски показали их полную безрезультатность! — проворчал он и спросил: — А где находится этот раненый... Стив Ларсон?

Кэмп принял невинный вид.

— Вероятно, в госпитале Балтонвилля. А почему вы спрашиваете меня об этом?

— Судя по тому, что мне удалось вытянуть из мисс Флеминг, Кэрол, кажется, влюбилась в него. Вы хорошо сделаете, если поместите своего человека в госпиталь на случай, если она туда зайвится. Возможно, она захочет найти его.

— Это мы сделаем, — согласился Кэмп, поглаживая усы.

— Сделайте, сделайте! — пролаял Гартман. — Вы обязаны были поймать ее уже несколько дней назад! Заставьте наконец ваших людей работать! Совершенно необходимо, чтобы вы разыскали ее до уик-энда, в противном случае я постараюсь сделать так, что вам больше никогда не придется исполнять свои обязанности и саботировать работу. — Он повернулся к доктору Траверсу. — Пойдемте, доктор, мне нужно поговорить с вами.

Кэмп посмотрел, как они удалялись, и подмигнул помощнику.

— У него уже загорелась сера в заднице, — задумчиво проговорил он. — Пожалуй, мне тоже стоит сказать несколько слов Маргарту.

— А мне надо отправляться в госпиталь? — осведомился его помощник.

Кэмп качнул головой.

— Нет. К тому же я не верю, что Ларсон находится именно там, — проронил он и широким размашистым шагом направился к своей конторе.

— Я нахожу ее просто очаровательной! — воскликнула Веда, входя в маленькую гостиную, по которой расхаживал журналист. — Она на секунду заходила взглянуть на Стива. Он спал, а Кэрол посмотрела на него таким необычным взглядом! Когда ты

заболеешь, я тоже буду смотреть на тебя подобным образом.

— Надеюсь, что я не буду болен до такой степени, чтобы не оценить его как следует. Как она сама?

— Она провела несколько ужасных часов, но я считаю, что, отдохнув, маленькая Блэндиш будет чувствовать себя хорошо, — ответила Веда, усаживаясь на ручку кресла. — Дай мне выпить, дорогой. Вся эта история потрясла меня!

— А что она делает сейчас? — заинтересовался Магарт, приготавливая сухой martini.

— Кэрл в ванной. Не кажется ли тебе, что ее должен осмотреть доктор Кобер? Ей надо дать что-нибудь такое, чтобы она выпалась.

— Она ни в чем не нуждается! — заявил Магарт, протягивая Веде готовый напиток. — Я не желаю, чтобы вокруг нее крутились доктора и сиделки. Они могут испугать ее и вызвать кризис.

— Я уверена, что она здорова. Теперь, когда я поговорила с ней, я думаю так же, как и ты. Она такая разумная, такая очаровательная! Кэрл не хуже нас с тобой.

— Все же лучше держать с ней ухо остро, — проворчал Магарт. — Но я согласен с тобой и думаю, что она безопасна.

Потягивая вино, Веда наблюдала за ним поверх стакана.

— По-моему, у тебя что-то на уме. А что?

— Она сообщила мне, что вчера вечером Суливаны уехали в Ка де ла Бриа с намерением покончить с Ларсоном, — спокойно ответил ей Магарт. — Хотелось бы мне знать, как им удалось миновать заслон, устроенный Кэмпом, ведь все дороги находятся под постоянным присмотром.

— Но откуда они могут знать, что он находится здесь? — удивилась Веда. — Тебя это не беспокоит?

— Очень беспокоит. Правда, я не думаю, что они дотянутся сюда, — Магарт приготовил себе очередную порцию виски. — Но нельзя недооценивать этих опасных типов. — Он сделал глоток и поставил бокал возле себя. — Вообще-то, я немного перенервничал. Но не помешает сказать несколько слов Страуму. Он и его люди должны отнестись к этому делу чрезвычайно серьезно и повысить бдительность.

Раздался телефонный звонок.

— Это, вероятно, тебя. Кажется, весь свет знает, что мы живем с тобой во грехе.

— Держу пари, что все они умирают от зависти! — улыбнулся Магарт, прежде чем снять трубку.

Это был шериф.

— Почему вы не явились туда, куда я вас вызвал? — упрекнул его Кэмп. — У меня была бы прекрасная фотография в газете на память!

— У меня были более неотложные дела, чем снимать вашу мерзкую рожу, — буркнул журналист. — Что нового?

— У меня новости о маленькой Блэндиш. Похоже на то,

что она вернулась в город,— и Кэмп рассказал ему то, что Хэтти Самерс сообщила Траверсу.— Гартман думает, что она попытается найти Ларсона.

— И что же вы сделали?

— Мы снова начнем поиски. Я подумал о том, что надо предупредить вас на тот случай, если она появится там, наверху.

— Я знаю, что надо будет сделать.

— Вам еще нужны мои люди?

— Еще как! Они будут мне нужны до той поры, когда Ларсон будет в состоянии принести присягу и засвидетельствовать показания.

— О'кэй,— согласился Кэмп,— это весьма усложняет мои дела, но всему свету наплевать, что может случиться с таким старым глухарем, как я.

— И мне первому!— обрадовался Магарт и повесил трубку.

— Что он еще хотел?— спросила Веда.— Надеюсь, что никаких новых неприятностей нет?

— Мне кажется, что он полюбил мой голос,— вставая, произнес Магарт.— А не сходить ли тебе взглянуть, что там делает Кэрл? Я хочу поговорить со Страумом.

Суливаны из своего укрытия увидели, как Магарт вышел из дома и пошел по направлению к Страуму, рядом с которым и сел.

Теперь Макс был уверен, что Ларсон находится именно в этом доме. Он даже сумел определить его комнату, заметив, как оттуда несколько раз выходила сиделка.

Но несмотря на их тщательное наблюдение, они не видели, как приехали Магарт и Кэрл. Желая сохранить присутствие Кэрл в тайне даже от Страума и его людей, Магарт подъехал к дому, сделав большой объезд вокруг плантации по мало кому известной тропинке.

— Как только стемнеет, мы начинаем наступательные действия,— заявил Макс, все еще лежа в траве.— От сторожей мы избавимся очень легко.

— Ты хочешь сказать, что мы их ликвидируем?

— Все зависит от обстоятельств. В этом деле нам необходимо действовать чисто. В прошлый раз мы совершили небольшую ошибку, которая может привести нас на тот свет. Если мы повторим ее, то может оказаться, что это действительно будет наша последняя ошибка.

— Тогда пойдем немного покушаем,— предложил Франк.— Меня уже мутит от одного взгляда на этот дом.

Кэрл проснулась, когда начало темнеть. Она села на кровать, и ее парализовал необъяснимый страх. В течение одной или двух минут она была неспособна вспомнить, где она находится, и недоуменно рассматривала роскошно убранную комнату блуждающим, полным страха взглядом. Затем к ней вернулась память,

она вспомнила о Стиве, и с легким вздохом облегчения она вновь растянулась на большой комфортабельной кровати. Все, что можно было сделать для Стива, было уже сделано. Сейчас он находился вне опасности, но был еще очень слаб. Кэрол надеялась, что он ее узнает, когда увидит, и что ее присутствие будет способствовать более быстрому выздоровлению молодого человека.

Между тем страх все еще не покидал Кэрол, как бы предупреждая ее об опасности. Хотя Магарт уверял ее, что Суливаны никогда не придут искать его сюда, в этот дом, и объяснял ей, что он охраняется днем и ночью, но страх перед Суливанами был так велик, что она приписывала им сверхъестественные возможности. Она оставалась в этом положении еще некоторое время, наблюдая за наступлением сумерек, потом резко вскочила, надела пеньюар, который приготовила для нее Веда, и подошла к окну.

Перед ее взором расстилалась большая апельсиновая роща. Верхушки деревьев темнели на фоне неба, и в наступивших сумерках уже не было видно золотистых плодов. Как раз перед ней находилась большая терраса, на которой находился один из сторожей с ружьем в руках, расхаживающий взад и вперед. Ступеньки с террасы спускались в сад, потом ниже к лужайкам, которые тянулись вниз и переходили в плантации.

Кэрол стояла у окна и со страхом всматривалась в сумерки, ожидая чего-то страшного. Она была уверена в том, что что-то должно случиться.

Пока она так стояла, открылась дверь и вошла Веда.

— Прошу вас не зажигать свет!— попросила Кэрол, глаза которой по-прежнему не отрывались от окна.

— О, вы уже проснулись!— сказала Веда, увидев стоящую у окна Кэрол.— Вас что-то испугало!— Веда прошла через комнату к окну.

— Там, снаружи, опасность!

— Позвать Фила?— внезапно испугалась Веда.— Попросить прийти его сюда!— она замерла, так как Кэрол ухватила ее за руку.

— Взгляните!— воскликнула Кэрол и вся задрожала.— Вот видите там, внизу, около деревьев?

Веда внимательно вглядывалась в сумерки. Никакого шума, даже ветер затих.

— Там никого нет,— решительно произнесла она.— Спустимся, там внизу лучше.

— Они там... снаружи... Суливаны... Я уверена, они там!— испуганно воскликнула Кэрол.

— Тогда я пойду предупрежу Фила,— как можно спокойнее проговорила Веда.— Вы пока оденьтесь, я принесла вам одежду. Одевайтесь, а я позову Фила.— Она ласково провела рукой по плечу Кэрол и побежала к двери.— Торопитесь!

Уже с лестницы она закричала:

— Фил!

Магарт вышел из салона и поднял голову:

— Что случилось?

— Кэррол говорит, что Суливаны уже здесь!— в голосе Веды слышалась легкая дрожь.

Магарт помчался вверх, перепрыгивая через ступеньки.

— А с чего она это взяла?

— Она сказала, что видела их... она кажется страшно напуганной. А я ничего не знаю, так как никого не видела.

— Пойду скажу несколько слов сторожам. А она пусть оденется и спустится в маленькую гостиную,— произнес это, Магарт быстро устремился наружу.

В сгустившейся темноте Суливаны, подобные двум бесплотным теням, молча приближались к дому.

Магарт обнаружил Страума на кухне, приканчивающего обед и удобно расположившегося в кресле. У него был исключительно довольный вид. Собираясь к себе домой, с ним оживленно болтала горничная Мэри, одевая пальто и шляпку.

Страум был удивлен неожиданным появлением Магарта и сразу поднялся.

— Появилось что-то новое?— быстро спросил он Фила.

— Да!— ответил Магарт, указывая подбородком на дверь.

Страум последовал за ним в коридор.

— Ваши люди на постах?— осведомился Фил.

— Естественно! А что происходит?

— У нас пока спокойно, но кое-что может случиться с минуты на минуту. Я хочу сделать с вами обход.

— Ради Господа Бога!— воскликнул Страум.— Я только что покончил с обедом, но почему бы вам не посидеть спокойно. Почему вам не сидится на месте? Можно подумать, что у вас пляска святого Витта! Если вы переживаете за несуществующих Суливанов, то теряете и свое и мое время. Разве я вам еще не доказал, что никаких Суливанов не существует? Это пугало для детей!

— Если вы так легкомысленно относитесь к моим словам, то я вынужден немедленно позвонить шерифу по вопросу вашей замены,— сердито заявил Магарт.

Страум покраснел, и в его глазах появился злой блеск.

— Никто не заставит меня корчить из себя дурака!— возразил он.— Кэмп вовсе не идиот, а я его помощник! Я повторяю вам, никаких Суливанов не существует! Только тип, подобный вам, может верить в эти детские сказочки!

— Если вы и на самом деле так думаете, то чем раньше вы покинете этот дом, тем будет лучше для дела!

— Я не обязан подчиняться распоряжениям журналистов,— проговорил Страум, ощутивший небольшую неловкость.— Пока меня сюда поставили, я собираюсь здесь распоряжаться.

Магарт решительно подошел к телефону.

— Сейчас мы узнаем, что на это скажет шериф!— несколько

ко секунд он оставался недвижим, прижимая к уху трубку, потом нахмурил брови.— Можно подумать, что линия оборвана,— заметил он и несколько раз подряд нажал на рычаг. Ничего, по-видимому, не добившись, он положил трубку и пробормотал:— Хотел бы я знать....

— Скажите, скажите!— рассмеялся Страум.— Вы думаете, что это Суливаны перерезали провод.

— Все возможно!— произнес Магарт, внезапно охваченный волнением.— Мне нужен револьвер, Страум,— продолжал он.— Если вы не собираетесь выполнять свое дело, то я сделаю его за вас!

— Кто сказал, что я не собираюсь исполнять свои обязанности?— рассердился Страум.— Подумайте о своих словах! Я не дам вам револьвер. К тому же у вас нет на него разрешения!

Магарт сумел сдержать свой гнев.

— Так мы ни к чему не придем, если будем ссориться. Только что мисс Ваннинг заметила на плантации двух людей, и она очень боится. Может быть, это и не Суливаны, но мы можем, по крайней мере, убедиться в этом.

— Так бы сразу и сказали,— буркнул Страум и направился к входной двери.— Если они болтаются здесь, то я сделаю свое дело,— и после короткой паузы он добавил:— Вы на самом деле считаете, что линия перерезана?

— Очень похоже на то...— ответил Магарт, следуя за Страумом на террасу.

Там находился сторож, по имени Месон. Он стоял, прислонившись к стене с сигаретой в руке. Свое ружье он небрежно держал в согнутой руке.

— Салют, Георг,— приветствовал он Страума,— когда я смогу пожрать?

— Когда я тебе об этом скажу,— проворчал Страум.— Ты ничего не видел?

— Ты намекаешь на Суливанов?— ухмыльнулся Месон.— Ай-яй-яй! Нет, они еще не объявлялись.

— Мисс утверждает, что заметила на территории плантации двух незнакомых мужчин. Ты внимательно наблюдаешь?

— А как же?! Но я абсолютно ничего не видел! Может, у дамы видения?

— Я тоже так думаю,— буркнул Страум, с неприязнью уставившись на Магарта.— Этого вам достаточно?

— Нет, этот тип наполовину спит! Я вам повторяю, что видели двух незнакомых мужчин,— он похлопал Месона по плечу.— Откройте глаза, старина, я не шучу.

— Он воображает, что Суливаны собираются нанести нам визит,— усмехнулся Страум.

— Это просто ужасно! Сейчас я наделаю в штаны!— засмеялся Месон.— Надеюсь, они джентльмены, и подождут, пока я кончу с обедом.

Безнадежно пожав плечами, Магарт удалился, не глядя ни на кого. Страум последовал за ним.

— А где второй сторож?

— Позади дома. Вы и его желаете повидать?

— Безусловно!— ответил Магарт. Он стал раздумывать, как убедить Страума, что надвигается большая опасность. Сейчас можно было ожидать всего.

В этот самый миг что-то случилось позади дома. Это произошло тихо-тихо, так что Магарт и Страум, шагающие в темноте, ничего не услышали.

Суливаны достигли террасы. Макс нес металлический прут, на конце которого болталась затяжная струна в виде петли. Несколько секунд он наблюдал за сторожем, который спокойно караулил позади дома, сидя на баллюстраде со спущенными ногами и с ружьем, поставленным рядом. Он что-то напевал и время от времени нетерпеливо вытаскивал часы со светящимся циферблатом: он тоже ожидал обеда.

Макс тихонько прикоснулся к руке Франка. Оба отлично знали, что делать дальше. Франк застыл с тяжелым пистолетом в руках, в то время как Макс пополз вперед. Его резиновые подошвы не производили на террасе никакого шума. Он нес железный прут так, как носят знамя на процессиях. В нескольких метрах от сторожа он остановился.

Очень высоко подняв затяжную петлю, Макс заставил ее медленно и осторожно опуститься так, чтобы она оказалась в нескольких сантиметрах от головы сторожа. Тогда, держа одной рукой прут, а другой конец струны, Макс ослабил струну так, чтобы петля могла пройти мимо полей шляпы, потом молниеносным движением Макс опустил петлю и рывком дернул за конец струны...

В этот же миг Франк молнией метнулся к сторожу, страшный и молчаливый, и вырвал ружье из рук ошалевшего человека. Сторож, придушенный петлей, не мог издать ни одного звука. Он упал на спину, пытаясь высвободиться от ужасной удавки, но она впилась в кожу глотки и душила, душила, душила... Он боролся секунд двадцать, затем его тело обмякло, и в углах рта показалась кровь.

Макс распустил удавку, и Франк снял ее с горла сторожа. Тотчас же Макс сложил прут, который в сложенном виде был очень небольшим, и помог Франку отнести тело вглубь сада.

Через несколько секунд Магарт и Страум свернули за угол дома и приблизились к террасе.

— Я его не вижу,— прошептал Магарт.— Держу пари, что он где-то спит или что-нибудь в этом роде.

— Он наверняка находится на посту!— сухо возразил Страум.— Он не покинет своего поста без моего позволения.— Повысив голос, он закричал:— Эй! О'Бриен! Идите сюда! Вы мне нужны!

Они немного подождали, но вокруг них царила тишина. В это время Суливаны тенью проскользнули к фасаду и приблизились к Месону, который отложил ружье, чтобы прикурить.

— Отзовитесь же, проклятый сторож!— злобно воскликнул Магарт.— Придется мне устроить хорошенькую баню шерифу!

Страум казался обеспокоенным.

— Он обязан быть здесь,— пробормотал он, доходя до края террасы. Тут он вновь заорал во весь голос:— О'Бриен!

— Мы наверняка найдем его на кухне,— с горечью проронил Магарт и повернулся, чтобы идти назад.

Суливаны едва успели спрятать тело Месона, но его шляпа и ружье, которые он выронил, борясь за свою жизнь, остались на полу.

— Вот и Месон тоже смотался!— воскликнул Магарт, тщетно выглядывая второго сторожа.— Эй, Месон! Где вы?

Тут к нему подошел Страум.

— Что вы об этом думаете?

— Очень похоже на то, что и он покинул пост,— проговорил Магарт, чувствуя, как его охватывает дрожь.— Я нигде его не вижу.

Страум вытащил из кармана фонарик и стал шарить его лучом по полу террасы.

Оба застыли на месте, неожиданно обнаружив шляпу и ружье, валяющиеся на полу.

— Месон!— завопил Страум, двигаясь вперед. В его голосе слышались истерические нотки.

— Бесполезно! Погасите фонарь!— приказал Магарт, подбирая ружье Месона.— Надо возвращаться и поживей!

Страум не заставил себя ждать. Мужчины не произнесли ни слова до тех пор, пока Магарт не запер входную дверь, закрыв ее для надежности на засов.

— Что случилось с монни ребятами?— дрожа, спросил Страум.

— Я вас предупреждал, что Суливаны уже здесь. Какие вам еще необходимы доказательства?— осведомился Магарт и толкнул помощника шерифа, который растерянно застыл с револьвером в руке. Страум кинулся на кухню— она была пуста. Фил забаррикадировал дверь и вернулся в вестибюль.

— Оставляйтесь тут и будьте начеку,— обратился он к Страуму,— а я поднимусь наверх. Они хотят прикончить Ларсона, но они его не получают! Вы будете первой линией обороны.

Он покинул Страума, который находился почти в столбняке, и побежал на верхний этаж. Веда уже ждала его на пороге.

— Все хорошо?— улыбнулась она, но, заметив выражение лица Фила, сразу потускнела и схватила его за руку.

— Что случилось?

— Многое,— тихо ответил он.— Они здесь, совсем близко. Это без сомнений. Они ликвидировали обоих полицейских. Оста-

лись лишь Страум, я, ты, Кэрол и сиделка, если не считать Ларсона. Кстати, они перерезали телефонные провода, так что теперь мы совершенно изолированы от внешнего мира и если...

— Я пойду!— заявила Веда, не ожидая пока он все объяснит.— Я могу сократить путь через плантацию и привести сюда людей.

Магарт прижал ее к себе.

— Ты замечательная девушка! Но надо немного подождать. Ты не должна подвергать себя напрасному риску. Если они поймут тебя — мы пропали. Лучше подождем, пока они попытаются проникнуть в дом, тогда ты сможешь выскользнуть с противоположной стороны.

— Да, но тогда может оказаться слишком поздно. Мне понадобится, по крайней мере, десять минут, чтобы пересечь плантацию. Будет лучше, если я пойду сейчас же.

— Ты не выйдешь из этого дома, пока я не буду точно знать, где находятся эти кровавые гангстеры!— твердо возразил Фил.— Где Кэрол?

— Она со Стивом.

— Очень хорошо. Мы будем находиться вблизи Стива. Они жаждут его крови и обязательно направятся к его комнате, если сумеют проникнуть в дом.

— Вы не оставите меня одного?— закричал Страум жалобным голосом, поставив ногу на нижнюю ступень лестницы.

— Почему бы и нет?— зло сказал Магарт.— Ведь Суливаны это выдумка, способная напугать только детей, не так ли? Но ведь вы не ребенок!— он взял Веду под руку и увлек ее в комнату Стива.

Там они увидели Кэрол в платье Веды. Она находилась у изголовья Стива. У окна что-то шила сиделка, по имени Девис. Это была высокая седая женщина. Кэрол быстро подняла голову, когда в комнату вошли Фил и Веда. Она сделала им знак молчать.

Бледный и худой Стив открыл глаза в тот момент, когда Магарт подходил к нему.

— Ну что, симулянт?— улыбнулся он Стиву.— Рад, что с тобой твоя подружка?

Стив едва заметно кивнул головой.

— Благодарю вас, Фил. Меня лечит одно лишь присутствие Кэрол.

— Мистер Ларсон не должен разговаривать,— обратилась сиделка к Магарту.— Он еще очень слаб.

— Верно,— произнес Магарт, отступая на шаг. Затем он жестом подозвал к себе Кэрол.

— Я сейчас вернусь,— сказала она Стиву, погладив его по руке, и вышла с Филом в коридор. К ним присоединилась Веда.

— Слушайте меня, моя девочка,— быстро проговорил Магарт.— Вы правы, Суливаны здесь. Они прикончили двух сторо-

жей, так что оставайтесь возле Стива. Я буду держать охрану здесь перед дверью. Между прочим, лестница тоже под охраной, там находится Страум, так что запритесь и ничего не бойтесь. Они его не достанут!

Кэрл побледнела, но взгляд ее был тверд.

— Да, они его не получают.

— Bravo, девочка! Возвращайтесь к Стиву и предоставьте мне право охранять вас,— он тихо похлопнул ее в сторону комнаты и повернулся к Веде.— Это все, что мы можем предпринять! Теперь их черед действовать.

— Я уйду, Фил! Ведь я могу найти дорогу с закрытыми глазами. Это чистое безумие — жадность Суливанов безгранична, так же, как и их жестокость. Нам нельзя дожидаться их атаки, нам нужна помощь!

— Может быть, лучше пойду я? — Магарт решительно провел рукой по волосам.— Я боюсь отпускать тебя одну!

— А я говорю, что пойду именно я, и перестань со мной спорить. Открой мне дверь, Фил!

Это было то, на что рассчитывали Суливаны. Франк находился в тени возле задней двери. Макс тоже был там, они внимательно наблюдали за дверью и не торопились. Они знали, что рабочие плантации проживали в другом конце и что единственным способом объявить тревогу являлось то, что надо было послать кого-то за ними.

— Мы используем дверь кладовой,— сказал Магарт.— Я пойду первым, чтобы взглянуть, свободен ли путь, после чего тебе надо будет бежать, бежать так, как ты никогда до этого еще не бегала, Веда!

— Я смогу это сделать, не беспокойся!

— Мисс Вашинг побегит за помощью,— сообщил Магарт Страуму, который стоял, опираясь о стену, и обливался потом.— Никуда отсюда не уходите, я скоро вернусь.

— Вы думаете, что это ей удастся?

— Она способна на многое,— заверил его Магарт, хотя и сам не был вполне уверен в этой аванюре. Они вошли с Ведой на кухню. Магарт не стал включать свет, и они в темноте продвинулись до окна.

— Не показывайся на просвет! — прошептал Магарт, сверля глазами темную веранду, пытаясь что-то разглядеть в темноте. Он стоял так несколько минут, но не услышал и не увидел ничего, что бы могло его обеспокоить.

Франк, наблюдавший через балюсины баллюстрады, заметил в окне Магарта и усмехнулся. Распластавшись на земле, он стал ожидать дальнейшего развития событий. Магарт открыл дверь, вышел на террасу и осмотрел окрестности. С нервами, натянутыми, как стальные канаты, он прошел мимо Франка буквально в каком-нибудь метре. Убедившись, что вокруг никого нет, он повернулся и сделал знак Веде.

— Только тихо! — прошептал он. — Они, вероятно, спереди. Беги быстро, моя дорогая, и постарайся не поднимать шума. Он поцеловал ее, на секунду прижал к груди и посмотрел ей вслед... Вскоре ее поглотила темнота.

Большой дом был молчалив. Сиделка оставила Кэрол дежурить возле Стива, а сама ушла в соседнюю комнату.

Магарт, сидевший наверху лестницы, ждал, положив ружье на колени.

Страум устроился внизу на ступеньках. Вестибюль и лестница были ярко освещены.

Стрелки стенных часов показывали десять минут двенадцатого. Веда ушла четверть часа назад. Через несколько минут, думал Магарт, полный надежд, они получат подкрепление. Тогда они смогут сделать вылазку в темноте и напасть на Суливанов, вместо того, чтобы сидеть в темноте и ждать нападения.

Стив открыл глаза. Он немного поспал и чувствовал себя лучше. Увидев Кэрол, он улыбнулся и взял ее за руку.

— Я столько думал о вас! За время моей болезни вы всегда были со мной. Вы знаете, что я люблю вас, да? Кэрол! Я не могу предложить вам многого... У меня есть ферма, очень красивая местность, и через некоторое время...

— Я думаю, что вам еще нельзя много разговаривать, — прервала его Кэрол и нагнулась к нему, чтобы поцеловать. — Вы должны отдыхать, мой дорогой. Я так хочу, чтобы вы скорее поправились!

— Я себя хорошо чувствую, — прошептал Стив. — Мне уже гораздо лучше, и хочется поговорить с вами. Нам нужно будет узнать, Кэрол, кто вы такая, узнать, почему вы находились в том фургоне... Куда вы ехали...

Кэрол охватила страшное беспокойство.

— О нет! Я прошу вас! Не надо об этом говорить... я боюсь. Я боюсь того, что могу узнать о самой себе... Эта женщина внизу говорила мне, что я сумасшедшая, — она соскользнула со своего стула и прижалась к его груди. — Умоляю вас, не надо об этом! А как вы сами думаете, я не сумасшедшая? Как вы думаете? Может, поэтому я не знаю, кто я такая? Это страшно пугает меня... Вы понимаете, если... я не смогу выйти за вас замуж, Стив!

— Вы вовсе не сумасшедшая! — страстно возразил Стив. — У вас было повреждение черепа. Это такая штука, которая восстанавливается, я уверен в этом. И тогда вы обретете память. Не надо волноваться из-за пустяков, Кэрол.

Нежно прижавшись к Стиву, Кэрол думала о Суливанах, притаившихся где-то в ночи. Они нагоняли на нее ужас.

— Что вас так пугает, малютка? Почему вы дрожите? Все отлично устроится. Как только я поправлюсь, мы чудесно проведем время... только мы... и никого больше... Только об этом я и думал... ожидая вас...

— Вызовите их еще раз!— нетерпеливо обратился к телефонистке.— Я точно знаю, что там кто-нибудь должен быть.— Он посмотрел на своего помощника, длинного худого парня по имени Лофти.— Она утверждает, что там никто не отвечает!

— Держу пари, что она наклюкалась и неверно набирает номер,— заявил Лофти и небрежно сплюнул, намереваясь попасть в пепельницу.— Они все одинаковы, эти бабочки...

Через несколько секунд телефонистка ответила, что линия прервана.

— Сделайте специальный заказ и сообщите мне результат!— проворчал Кэмп, повесив трубку. У него был весьма озабоченный вид.

— Вы полагаете, что это сделано специально?— поинтересовался Лофти, закуривая очередную сигарету.

— Ничего я не знаю,— недовольно буркнул Кэмп.— Георг не может быть слишком занят. Я приказал ему звонить мне каждые два часа, а он пренебрегает моими указаниями. Эти Суливаны...— он замолк и дернул себя за усы.

— Мне бы не хотелось, чтобы с мисс Ваннинг что-то случилось,— произнес Лофти.— Шикарная девочка! А что если нам рвануть туда?

— Это довольно далеко, и уже поздно. Не знаю... не знаю... Зазвонил телефон.

Кэмп послушал, что-то проворчал себе под нос и повесил трубку.

— Она подтвердила, что линия прервана!

Лофти надел свой пояс.

-- В путь!— обрадовался он.

— Да, я тоже считаю, что так будет лучше,— встал Кэмп. Затем он взял ружье из пирамиды сзади своего стола.— Видимо, там что-то случилось.

Была безлунная ночь. Веда спускалась по узкой тропинке, ведущей на плантацию, с впечатлением, будто она идет по тоннелю.

На секунду она остановилась, чтобы посмотреть назад на освещенные окна дома, и заметила темный силуэт, надвигающийся на нее подобно привидению.

Веда не была лишена мужества, но на секунду или две она застыла на месте, задержав дыхание. Потом она с легким вскриком повернулась и как сумасшедшая побежала по тропе.

Она не успела пробежать и десяти метров как Франк сумел поймать ее.

Он впился в ее плечо и заставил повернуться. В темноте она смогла различить лишь смутные очертания его фигуры и почувствовала запах масла, которым были намазаны его во-

лосы. Слишком напуганная, чтобы кричать, она даже не шевелилась, смотря на эту мрачную угрожающую фигуру.

Франк протянул левую руку и коснулся лица Веды. А потом очень быстро, так что она даже не успела среагировать, он поднял правую руку и ударил ее по голове резиновой дубинкой.

Георг Страум встал и потянулся. Он не собирался оставаться один в этом большом вестибюле. Он очень испугался. Таинственная и бесшумная манера, с которой появились эти гангстеры, его совершенно обескуражила, и теперь он ожидал их внезапно-го появления в любой момент. Он с такой силой сжимал пистолет, мокрыми от пота руками, что у него заболели мышцы, а округлившиеся от страха глаза перебегали с предмета на предмет. У него подкатывала к горлу тошнота.

Он слышал шаги Магарта наверху и время от времени окликал его для храбрости. Теперь Страум пожалел, что согласился на эту работу, и охотно отдал бы месячное жалованье за то, чтобы остаться живым и невредимым в этой истории.

Макс расположился в салоне в нескольких шагах от него и наблюдал за ним сквозь щель в двери. Ниже, в темном коридоре, прижимаясь всем телом к стене, к нему приближался Франк.

Страум ощутил опасность. Ему показалось, что в помещении не хватает воздуха. Он замер, прислушиваясь, с лицом, искаженным от страха.

Легкий шум, похожий на шуршание мыши, заставил его повернуть голову в сторону коридора. В это время Франк дошел до распределительного щитка и заскрипел рубильником.

— Кто там? — дрожащим голосом спросил Страум.

Неожиданно весь дом погрузился в темноту.

Магарт перегнулся через перила и закричал:

— Страум, что случилось?

— Тут кто-то возле меня! — жалобно простонал Страум. — Спускайтесь ко мне! Быстрее!

Неожиданно у Страума вырвался придушенный крик, и Магарт услышал ужасные хрипы человека, которого душат. Он ничем не мог помочь Страуму, но нужно было предупредить Кэрл. А между тем он не мог покинуть своего поста. По этому пути Суливаны могут добраться до Стива, так что он не мог покинуть лестничной площадки даже на секунду. Он встал на четвереньки и выставил перед собой ружье. Фил не сомневался в исходе борьбы между Суливанами и их жертвой.

Когда погас свет, Кэрл со Стивом тихонько переговаривались. Понимая, что это может означать, Кэрл чуть не сделалось плохо, и лишь мысль, что она должна стать на защиту Стива, удержала ее от обморока. Стив был удивительно спокоен.

— Наверное, переговора пробка, — произнес он.

— Сейчас исправят.

Но тут Кэрол поняла, что должна ему все сказать.

— Нет, дорогой,— продолжила она, притягивая его к себе.— В дом пробрались Суливаны.

— И ты это знала!— воскликнул Стив, глядя ее волосы.— Мне все время казалось, что тебя что-то пугает. Магарт тут?

— Да, и помощник шерифа тоже,— Кэрол предпринимала усилия, чтобы ее голос не дрожал.— Я так боюсь, Стив...

— Подойди к двери и взгляни, что там происходит. И позови Магарта!

В салоне на нижнем этаже, позади запертой двери, Макс инструктировал Франка:

— Верх лестницы охраняет журналист. Держи его на прицеле, а я обойду его сзади... Я влезу на крышу и свалюсь ему на спину. Побольше шуми, чтобы отвлечь его внимание, ясно?

Кэрол отодвинула засов двери и приоткрыла ее.

— Магарт, вы здесь?— шепнула она.

— Оставайтесь на своем месте,— также шепотом ответил Магарт.— Они придушили Страума.

Сердце Кэрол сжалось от волнения.

— Теперь вы совсем один?

— Обо мне не беспокойтесь. Я достаточно взрослый мужчина, чтобы позаботиться о себе. Заприте хорошенько свою дверь и никому не открывайте.

— Не давайте им приближаться к себе. Удачи вам!— пожелала ему Кэрол.

— Надейтесь на меня, пока Веда не приведет помощь,— произнес он и тут же крикнул вниз:— Эй, вы! Попробуйте только шевельнуться, я выпущу из вас кишки!

Приглушенный шум в вестибюле заставил его выпрямиться и всмотреться в темноту. Затем он осторожно продвинулся вперед.

Выйдя наружу, Макс поднялся на низкую крышу и влез на трубу с такой же легкостью, как поднялся бы на лестницу. Там он сунул пальцы в паз оконной рамы, приподнял ее и, подтянувшись на руках, скользнул на подоконник.

Кэрол наощупь возвратилась на свое место возле Стива.

— Он там один,— промолвила она, взяв руку Стива в свою,— но он утверждает, что они не смогут подняться сюда...

— Я не могу оставить его одного!— заявил Стив, откидывая простыню.

— Нет!— страстно воскликнула Кэрол.— Не надо, дорогой! Вы ранены... я вас прошу... оставайтесь в постели...

Стив поставил ноги на пол и ухватился за плечи Кэрол, чтобы устоять на ногах.

— Я не могу спокойно лежать в постели, когда они рвутся за моей шкурой!— он крепко прижал к себе Кэрол.— Если все кончится плохо, помни, что я тебя любил. Ты самое чудесное существо, какое я когда-либо встречал!

— Стив, мой родной!— воскликнула Кэрол, вцепившись в не-

го — Я прошу остаться со мной! Не надо выходить... Это как раз то, о чем они мечтают.

— Скажи мне, что ты любишь меня, Кэрол!

— Конечно, я вас люблю! — с рыданием проговорила она. — Но вам ни в коем случае нельзя отсюда выходить. Вы играете им на руку, Стив!

Магарт всматривался в темноту, лежа на животе, и не понял того, что с ним произошло. Макс прыгнул на него сверху и ударил по голове, которая выделялась на лестничной клетке более темным пятном. У Магарта не оставалось времени для защиты. Когда журналист свалился на пол, Макс быстро вытащил из кармана электрический фонарик и подал знак Франку, что все в порядке и тот может подниматься вверх. Быстро перепрыгивая через ступеньки Франк поднялся вверх.

Древний «форд» с оглушительным шумом выехал из Ка де ла Бриа и устремился на горную дорогу.

Лофти уверенно вел машину, глаза его возбужденно блестели. Он миновал вираж на двух колесах и его вынесло на середину дороги. Лофти выровнял машину и доотказа вдавил в пол акселератор.

— Эй! Полегче! — испуганно заорал Кэмп. — Я не желаю быть разобранным на кусочки!

— Я тоже не желаю, чтобы с мисс Ваннинг что-нибудь случилось! — повысил голос Лофти, еще более увеличивая скорость и обгоняя какой-то фургон. При обгоне он едва не задел его. — Нам нужно спешить, шеф. Доверьтесь мне!

Кэмп схватился за ручку двери, как утопающий хватается за спасательный круг.

— Она не выдержит, Лофти, — простонал он. — Она развалится на кусочки, если вы будете гнать ее с такой скоростью!

— Тем хуже для нее! — заявил Лофти. — Вам придется купить новую машину, шериф. Мы и так еле плетемся...

Кэмп со стоном закрыл глаза.

— Мотор страшно нагреется и его заклинит, — пробормотал он. — Вот увидите, что-нибудь случится!

— Пусть случится! — ответил Лофти, не снимая ноги с акселератора. — Жми быстрее, старая развалина! Покажи им, на что ты способна!

Ноги Кэрол внезапно подкосились, и она тяжело упала на кровать. Темнота в комнате, казалось, сгустилась еще больше. Что-то необычное происходило в ее голове. Ей показалось, что ее мозг стал вдруг расширяться, потом так же быстро сужаться. Он как будто дышал... Она подняла руку к виску, едва понимая, что Стив уже покинул ее и ошупью пробирается к двери. Он про-

двигался медленно, очень медленно, каждый шаг стоил ему невероятных усилий, как будто он шел против ветра в бурю...

— Стив... — простонала Кэрол, — не покидайте меня...

Но он уже добрался до двери, взялся за ручку и открыл ее.

В коридоре его уже поджидали Суливаны. Макс направил ослепляющий свет своего фонаря в лицо Ларсону. В течение нескольких секунд все как бы застыло, потом Стив напрягся и приготовился для бесполезной защиты...

— Получай, Ларсон! — шепнул Макс.

Ослепительная вспышка выстрела сорвала темноту в коридоре. Затем раздался еще один выстрел, и еще...

Первый выстрел был синхронен с треском, который раздался в мозгу Кэрол. В течение доли секунды все, что двигалось перед ней: падающий Стив, револьвер Макса, голова Франка, бегающий луч фонаря — все, казалось, застыло. На мгновение вся предыдущая сцена повторилась перед ней, как в кино, затем все зашевелилось снова, но для Кэрол свет изменился... Она не ощущала ни капли страха. Кэрол проскользнула вдоль стены к Суливанам, которые нагнулись над телом Стива. Макс ощупал его грудь опытной рукой убийцы.

— О'кэй, — буркнул он, — теперь в путь!

Франк слегка вздрогнул.

— Это наше последнее дело, Макс, с меня довольно.

— В путь! — повторил Макс, направляясь к выходу.

Тишину ночи снаружи неожиданно разорвал шум автомобильного мотора и пронзительный визг тормозов. Лофти остановил «форд» прямо перед домом.

— Выйдем через черный ход, — проронил Макс, быстро шагая по коридору к выходу.

Франк хотел последовать за ним, когда из темноты возникла какая-то фигура и схватила его за руку. Один миг он думал, что это очнулся Ларсон, и обернулся с открытыми от ужаса глазами.

— Макс! — в панике завопил он.

Пригнувшись, он наугад произвел удар кулаком и потерял равновесие. Скрюченные пальцы Кэрол коснулись лица Франка, цепкие и легкие, можно было подумать, что это дуновение ветерка или, вернее, паутина, которая прилепилась к лицу.

Франк сделал шаг назад, парализованный страхом.

Его нетерпеливо окликнул Макс.

— Здесь кто-то есть... — проблеял Франк, ощупью пробираясь в темноте.

— Иди же скорее, болван! — сухо выпалил Макс и замер, прикованный к месту диким воплем Франка, который заставил похолодеть его кровь.

От этого крика не выдержали даже стальные нервы Макса, и он застыл на месте совершенно неподвижно. Что-то мелькнуло возле него, и он инстинктивно откинулся назад. Его затылка коснулись скрюченные пальцы, и он наугад выстрелил через плечо.

чо. Звук выстрела прозвучал по всему дому... Он услышал чьи-то легкие шаги. Он выстрелил еще раз на слух. Паника охватывала его все больше и больше. В ответ на его выстрелы из вестибюля также прозвучали выстрелы. Это стреляли Кэмп и Лофти, проникшие в дом.

Макс резко повернулся, наткнулся на Франка, схватил его, но тот стал вопить, как зарезанный. Макс, не рассуждая, ударил дулом револьвера Франка по лицу. А потом, согнувшись пополам, он перекинул его через плечо и устремился с этой ношей по коридору. Добежав до окна, он вывалил Франка на крышу веранды и вылез сам. Наполовину оглушенный Франк валялся на черепицах.

— Я ослеп!— стонал он.— Мои глаза... она вырвала у меня глаза!

ГЛАВА 6

ОНА ВЫРВАЛА У МЕНЯ ГЛАЗА!

В сумрачный полдень, когда воздух казался весомым, спустя месяц после гибели Стива Ларсона, старый «кадиллак» свернул на аллею Грасс Хилл, чтобы остановиться перед домом. Веда, сторожившая возле окна уже более получаса, вышла на террасу и побежала навстречу Магарту, выходившему из машины.

— Здравствуй, моя любимая!— воскликнул он, схватив ее в объятия и целуя. — Наконец-то! Мне удалось все устроить, но это была нелегкая работенка.— Он просунул руку Веды под свою и увлек ее к дому.— Как Кэрл?

— Все так же,— грустно ответила Веда. — Никогда не подумаешь, что это та же женщина! Теперь она такая далекая... Она почти пугает меня.

— Да, я провел отличную работу! А что, она постоянно погружена в свои мысли и ничего не делает?— поинтересовался Магарт, снимая пальто и шляпу перед тем, как последовать за Ведой в салон.

— Фил, мне ничего не удастся сделать, чтобы хоть чем-нибудь заинтересовать ее. Я пыталась прятать от нее все газеты, но она все же достала их, и теперь она знакома со всей историей. О Фил! Это ужасно! Когда она кончила чтение, то сразу заперлась у себя, и я слышала, как она без устали часами расхаживала по комнате... Я тщетно пыталась уговорить ее довериться мне, высказать свои пожелания насчет дальнейшей жизни, но она оставалась безразличной к моим словам. Мое сердце разрывается, когда я смотрю на эту несчастную девушку.

— Раньше или позже, но она все равно узнала бы это. Но очень жаль, что она узнала это из газет. Они безжалостны!— нахму-

рился он.— Но я устроил все ее дела. Отныне деньги принадлежат только ей. Это приблизительно четыре миллиона долларов, что не так уж и плохо. Гартман здорово попользовался ее деньгами, но мы вовремя остановили его поползновения.

— А что о нем слышно сейчас?

— Он смылся, узнав, что теперь ему уже не придется смеяться, раз мы начали настоящее следствие. Его повсюду преследует ФБР, но я уверен, что он уже покинул нашу страну. Ну, а теперь я хочу повидать Кэрол.

— Сейчас, когда она свободна и имеет деньги, у нее, по-моему, появилось желание покинуть нас,— печально промолвила Веда.— Но у меня есть надежда, что она не сделает этого сразу. Попытайся уговорить ее остаться здесь еще на несколько месяцев или на сколько сможешь. Она не в состоянии жить одна, у нее нет ни родных, ни друзей, кроме нас. Постарайся быть с ней твердым, Фил.

— Я сделаю все, что смогу, но у меня уже лет на нее влияния. К тому же теперь она может делать все, что захочет.

— Но все же попытайся. Меня страшно волнует мысль, что она будет совсем одна со своими деньгами, и ей некому будет дать дельный совет.

— Ладно, посмотрю, что тут можно сделать. А доктор Кобер ее уже видел?

— Всего несколько минут назад. Он очень беспокоится о ней, так как предполагает, что происшествие в фургоне вызвало повреждение ее черепа, но она отказалась от помощи. Недавно приходил доктор Траверс, но я не позволила ему видеть ее. Он заявляет о какой-то ответственности, если она останется на свободе. Я заявила ему, что не считаю ее опасной, но мне кажется, что она стала какая-то странная, Фил. Она совсем не такая, как раньше.

— Я поднимаюсь к ней.

Кэрол, сидевшая у окна в большой роскошной комнате, даже не повернула головы, когда он вошел. Он ощутил исходящее от нее ледяное спокойствие, и Магарт почувствовал себя неловко. Он подвинул стул, сел с ней рядом и произнес неестественным голосом:

— У меня для вас отличные новости, Кэрол! Теперь вы богаты!

При звуке его голоса Кэрол слегка вздрогнула, и ее большие зеленые глаза машинально уставились на Магарта.

— Я не слышала, как вы вошли,— жестким и плоским голосом заметила она.— Что вы там сказали о хороших новостях?

Магарт бросил на нее испытующий взгляд. Ледяная неподвижность ее бледного лица, пустой взгляд и холод мрачных глаз обеспокоили Фила и вызвали удивление.

— Великолепные новости! Отныне деньги положены на ваше имя. У меня с собой все необходимые бумаги. Не хотите ли просмотреть их вместе со мной?

Она качнула головой.

— Нет! — резко сказала она, немного помолчала и затем спросила: — Вы сказали, что я богата, а сколько у меня денег?

— Четыре миллиона долларов, это очень большое состояние.

Она сжала губы и вздохнула. Затем Кэрол стиснула свои тонкие пальчики и опять повернулась к окну. Она так долго оставалась неподвижной, что Магарт осторожно спросил ее:

— Вы довольны?

— Я прочитала все, что написали обо мне в газетах, — сухо проговорила она. — Все это не очень красиво...

— А плюньте на эти газеты, Кэрол! Нельзя верить всему, что пишут в газетах... — начал он, но она остановила его словозливание резким жестом.

— Я многое узнала о себе, — продолжила она, по-прежнему устремив взгляд в окно. — Я сумасшедшая — это для меня новость. Больше того, я дочь дегенеративного маньяка, который был причиной самоубийства моей матери... Три года я провела в сумасшедшем доме и, если бы не законы этого штата, то была бы там и по сей день. — Она шевельнула пальцами рук. — Очень опасная особа... Меня называют «рыжей убийцей»... Говорят о моей ненормальной любви к Стиву... утверждают, что если бы он остался жив, то я никогда не смогла бы выйти за него замуж... Рассказывают это, как трагическую историю любви сумасшедшей! — она умолкла, закусила губы и так стиснула руки, что побелели суставы.

— Кэрол, я вас умоляю! Не волнуйтесь!

— Но вы говорили мне об отличных новостях, что я стою четыре миллиона долларов, и спрашиваете — довольна ли я? Еще как! Очень, очень довольна! — и она рассмеялась таким горьким смехом, что Магарт чуть не расплакался, хотя не делал этого с самого детства.

— Попытайтесь взять себя в руки, — попросил он Кэрол. — Эта истерика не приведет вас ни к чему хорошему. Я с Ведой хочу помочь вам...

Кэрол повернулась к нему и взяла его за руку.

— Вы не бойтесь, что я причиню вам зло. А ведь говорят, что я так же опасна, как и мой отец. Послушайте, что я прочитала про него в этой газете... — она взяла с пола у своих ног одну из газет. — Слушайте! «Слим Гриссон был убийцей, дегенерат по рождению, он многим доставлял в детстве неприятности своими преступными наклонностями. Его школьный учитель застал его однажды за тем, как он вспарывал ножницами живот у котенка, и выгнал его из школы. В пятнадцать лет он похитил маленькую девочку, которую обнаружили позже почти сумасшедшую от ужаса. Он изнасиловал ее совершенно гнусным образом. Но его ни разу не задерживали, так как его мать, знаменитая Гриссон, помогала ему скрываться. Мамаша Гриссон сделала из своего сына гангстера. Сначала он совершил несколько мелких преступ-

лений, которые стоили ему нескольких коротких пребываний в тюрьме. Мамаша Гриссон терпеливо ждала, когда он снова будет на свободе и примет дальнейшее участие в ее делах. Таким образом, он научился не допускать ошибок и вскоре стал специалистом по ограблению банков. Он не замедлил встать во главе банды гангстеров, убивая всех, кто становился у него на пути. Его признали боссом. Во все времена в Соединенных Штатах не было более отвратительного, более опасного, более гнусного гангстера, чем Слим Гриссон».

— Остановитесь!— грубо прервал ее Магарт.— Я больше не хочу слушать, Кэрол. Будьте благоразумны. К чему все это вас приведет?

Она вздрогнула и выронила газету.

— И это был мой отец! В моих жилах течет его кровь! Вы утверждаете, что хотите мне помочь, но каким образом и кто же может помочь мне с таким наследством?— она встала и начала нервно расхаживать по комнате.— Нет... Прошу вас немного помолчать... Я понимаю, что вы на самом деле испытываете ко мне добрые чувства, и я благодарна вам обоим. Но теперь...— она остановилась и взглянула на него из-под опущенных век. В ее спокойствии таилась угроза, которая заставила Магарта вздрогнуть.— теперь я нуждаюсь в одиночестве. Может, я действительно опасна, как и мой отец. Вы думаете, что я решусь испортить вам с Ведой жизнь?

— Но это абсурдно, Кэрол, ведь вы живете с нами уже больше месяца и ничего не случится, если вы...

— Я уже решила,— прервала его Кэрол,— и уезжаю завтра. Но прежде чем уехать, есть ряд вещей, которые я хочу просить вас для меня сделать.

— Не уезжайте, прошу вас... во всяком случае теперь!— запротестовал Магарт.— Вы еще не оправились от такой потери!

У Кэрол вырвался нетерпеливый жест, почти гневный. Правая сторона ее рта стала подергиваться.

— Я наметила план, и ничто и никто не заставит меня изменить его,— голос Кэрол стал резким и хриплым.— Весь этот месяц я оставалась у вас, разрабатывая план... И уехала бы раньше, если бы у меня имелись средства. Теперь я готова.

Магарт понял, что всякие споры бесполезны: решение Кэрол было бесповоротным. Глядя на нее, он признал, что, может быть, опасения доктора Траверса и не так уж беспочвенны.

— Но куда вы собрались уезжать? У вас нет друзей за исключением Веды и меня. Нет даже собственного дома. Вы же не можете уехать просто так, не зная куда.

Кэрол лишь пожала плечиками.

— Все эти разговоры бесполезная трата времени! Согласны ли вы заняться моими делами? Я ничего не смыслю в денежных операциях, и не имею ни малейшего желания научиться это делать. Просто я хочу иметь дело с моим поверенным, и нуждаюсь кое в

чем, вернее, в ком, кто бы представлял мои интересы в денежных вопросах. Мой дед имел дела с некоторыми учреждениями и вкладами, которые я унаследовала. Согласны ли вы заниматься всем этим?

Магарт был поражен этим предложением.

— Все, что смогу, я сделаю от всего сердца, но мои занятия...

— Ваша работа будет хорошо оплачена. Я поговорю обо всем с моим поверенным,— продолжала Кэрл все тем же холодным и твердым голосом.— Вам необходимо забросить ваше ремесло журналиста. Потом вы женитесь на Веде, вы ведь хотите этого, не так ли?

— Да, конечно,— ответил Магарт, проводя рукой по волосам. Его весьма смутил такой поворот разговора.

— Итак, вы согласны быть моим поверенным лицом? Нам нужно будет переговорить с моим поверенным.

Он заколебался, решая этот вопрос, но потом все-таки решился и произнес:

— Согласен,— буркнул он и немного погодя спросил:— но что собираетесь делать вы?

— Когда я смогу получить деньги?— резко спросила она, делая вид, что не слышала вопрос Магарта.

— Когда хотите, хоть сейчас, если не возражаете.

— Хорошо. Тогда сейчас же. Мне надо две тысячи долларов... для начала. Еще сделайте так, чтобы я сразу смогла получить нужную сумму, в каком бы месте я ни находилась. И хочу, наконец, чтобы вы купили мне машину и занялись всеми необходимыми бумагами, которые я должна подписать, чтобы вы могли управлять моими делами. Учтите, что я собираюсь выехать завтра.

— Вы на самом деле так торопитесь? Вы же останетесь совсем одна?

Щеки Кэрл покрылись гневным румянцем.

— Я прошу вас делать то, что я попросила, в противном случае, я обращусь к кому-нибудь другому!— произнесла она на повышенных тонах.— Куда я поеду и что буду делать — это мое личное дело!

Магарт недоуменно пожал плечами.

— Ладно,— проговорил он с несчастным видом.— Я немедленно займусь вашими делами.

Кэрл положила свою руку на руку Фила, и на мгновение ее глаза потеплели.

— Вы очень добры,— тихо проговорила она,— и не считайте меня неблагодарной свиньей. Не знаю, что бы я сделала без вас и Веды. Желаю вам много-много счастливых дней!

— О'кэй,— Магарт попытался улыбнуться.— Вы же знаете мои чувства к вам. Я просто хотел, чтобы вы все хорошенько обдумали. Мы были бы счастливы, если бы вы остались с нами. Я не в курсе ваших намерений, но у меня предчувствие, что из этого ничего хорошего не будет.

— Я решилась, — ~~спокойно~~ заявила Кэрл и отвернулась в сторону. — Оставьте меня одну, хорошо? И предупредите, пожалуйста, Веду, что я завтра уезжаю. Сегодня вечером я не хочу никого видеть.

Магарт предпринял последнюю попытку.

— Почему вы не хотите довериться мне, Кэрл? Возможно, я смог бы вам помочь. Почему вы настаиваете на том, чтобы уехать одной, когда у вас есть двое друзей, готовых сделать для вас все? Скажите мне, что вы хотите, и я вам помогу!

— Никто не может помочь мне, — покачала Кэрл прелестной головкой. — То, что мне нужно сделать, могу сделать я одна и только одна. Пожалуйста, оставьте меня одну.

— Хорошо, — Магарт с мужеством воспринял свое поражение и направился к двери.

Когда он вышел, Кэрл снова уселась возле окна. Долгое время она оставалась неподвижной, сжимая ледяными ладонями виски.

— Где вы сейчас, мой дорогой Стив? Где вы, мой любимый? — шептала она. — Я осталась одна и так боюсь... но я найду их... они от меня не уйдут, я их заставлю заплатить за все, что они сделали, за каждую каплю вашей крови. Я буду такой же жестокой и безжалостной, какими были они по отношению к вам. Моя единственная цель в жизни — заставить их за все расплатиться!

Она еще долго сидела возле окна, что-то бормоча себе под нос. Понемногу слабый свет дня угасал, пошел дождь, который собирался пойти еще днем.

Дождь продолжал идти и на следующее утро. Низко над землей нависли отвратительные серые тучи, создавая нечто вроде тумана и делая полдень темным.

Закрытый «крайслер», забрызганный грязью, прокладывал себе путь по узкой и крутой дороге, ведущей к старому жилищу Черрила Текса.

Кэрл остановила машину перед развалившимся входом. Несколько минут она рассматривала темный, без всяких признаков жизни, дом.

Дождь капал с крыши крупными каплями и ударялся о каменный пол. В темноте возвышался слепой фасад дома. Кэрл стала беспокоиться, не пуст ли дом, не покинули ли его обитатели.

Она поднялась по ступенькам, повернула ручку двери, но та была заперта на ключ. Кэрл ударила кулачком по двери и принялась ждать. Ей пришлось стучать еще несколько раз, прежде чем за дверью послышался легкий шум. Она стукнула еще раз, и сквозь перегородку проник голос мисс Лолли:

— Кто там?

— Кэрл Блэндиш... Мне нужно с вами поговорить.

Она подождала, пока мисс Лолли оправилась от удивления. Затем дверь слегка приоткрылась, удерживаемая цепочкой.

— Зачем вы вернулись?

— Мне необходимо с вами поговорить!— ответила Кэрол, опираясь о дверной косяк.

— Вы не войдете. Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Ведь вы тогда помогли мне, и я надеюсь, что вы опять можете мне. Я разыскиваю Суливанов.

Мисс Лолли сжала губы.

— Что вы от них хотите?— злобно спросила она.— Они вас тоже ищут, маленькая дуручка! Бегите от них, пока не поздно!

— Они застрелили моего возлюбленного!— твердо, но безучастно произнесла Кэрол. — Неужели вы думаете, что я оставлю их после этого в покое?

Наступило молчание.

— Вы хотите мстить!?— в голосе мисс Лолли прозвучала какая-то страстная нотка.— Я правильно вас поняла?

— Я хочу найти их!

Цепочка задребезжала, и в тот же миг отворилась дверь.

— Входите. Теперь я здесь одна. Мистер Черрил уехал сразу же после вашего бегства.

Кэрол прошла за ней по темному коридору до маленькой комнаты в глубине дома, где на столе горела лампа. Комната была забита старой мебелью, и было трудно даже пошевелиться, не задев при этом какой-нибудь рухляди.

— Садитесь,— пригласила мисс Лолли.— Итак, вы хотите их разыскать? Если бы я была моложе, то присоединилась бы к вам.

— Вы знаете, где они находятся?

— Что вы можете с ними сделать, если их встретите?— безнадежным тоном спросила мисс Лолли.— Они так хитры, так быстры и сильны! Никто ничего не сможет им сделать!

Кэрол повернула голову, и мгновение обе женщины смотрели друг другу в глаза. Мисс Лолли была удивлена, заметив выражение твердости и горькой решимости на ее лице и ледяной грусти ее глаз.

— Они у меня за все заплатят!— яростно прошептала Кэрол. Какие бы хитрые и сильные они ни были! Я заставлю их заплатить, хотя бы для этого мне пришлось бы пойти на все. Теперь это единственная цель моей жизни.

Мисс Лолли покачала головой. Она подняла руку к шарфу, который окутывал ее шею.

— Я тоже хочу, чтобы им отомстили,— промолвила она, и две слезинки выкатились из ее глаз, упав на руку...— видите, Макс обрезал мою бороду!

Выражение лица Кэрол не изменилось.

— Почему он это сделал?

— Ведь я выпустила вас. Но я предпочла бы, чтобы меня приколчили, а не издевались так гнусно. Я старая, ничтожная жен-

щина, дитя мое. Это может показаться глупым и странным, но я так любила свою бороду! Она была у меня так давно!

— Расскажите, как это произошло.

Мисс Лолли придвинула свой стул, поправила шарф вокруг шеи и протянула руку Кэрол, но та отодвинулась подальше.

— Расскажите мне об этом, — повторила она.

— Они вернулись через два дня после вашего бегства. Франк остался в машине, а Макс вошел в дом. Я была немного напугана и села там, где сейчас сидите вы, и стала ждать, что же он будет делать. Казалось, что он знал, что вас нет, потому что даже не спросил о вас. Он попросил позвать мистера Черрилла, но я ему сообщила, что он покинул дом. Макс стоял передо мной и долго смотрел на меня. Потом задал вопрос, почему я тоже не покинула этот дом. Я ответила, что мне некуда идти, — мисс Лолли нервно теребила свой шарф. Наступила пауза, после которой она продолжила: — Он ударил меня по голове, а когда я пришла в себя, они оба уже уехали, но перед этим Макс отрезал мою бороду. Вы, может быть, помните ее? — мисс Лолли с грустью уставилась на Кэрол. — Это была очень красивая, шелковистая борода, и он ее сжег. Дьявол! Он понимал, что ничто другое не могло огорчить меня так сильно!

— А Франк? — проронила Кэрол.

— Он оставался в машине. Не знаю, почему, так как он тоже весьма опасен, и это было совсем на него не похоже — оставаться в машине и не наслаждаться страданиями другого существа. Но он оставался в автомобиле.

Тут Кэрол улыбнулась. Дрожь пробежала по спине мисс Лолли, когда она увидела эту улыбку.

— Он не выходил из машины, потому что ослеп, — продолжала улыбаться Кэрол. — Я выцарапала ему глаза, после того как они пристрелили Стива.

Мисс Лолли не шевельнулась. Это сообщение вызвало у нее удивление и даже что-то вроде жалости к Франку.

— Слепой? Я бы никому не пожелала быть слепым, — вырвалось у нее.

Кэрол презрительно сощурилась.

— Где они? — спросила она, и в голосе ее прозвучало нетерпение и недоверие. — Скажите мне, если знаете, и не заставляйте меня терять время. Каждую минуту, каждую секунду, что я провожу здесь, они уходят от меня все дальше и дальше. Где они?

Мисс Лолли ощутила себя совсем беспомощной и напуганной зловещим сиянием, исходящим из глаз Кэрол.

— Я не знаю, но они обычно занимали комнату наверху, где хранили разные предметы личного обихода. Они почти все унесли, когда уезжали, за исключением одной фотографии, проскользнувшей между двумя половинцами. Может, она вам поможет?

— Где она?

— Здесь, у меня. Я как раз рассматривала ее, когда вы по-

стучали, — мисс Лолли выдвинула ящик, вытащила оттуда фотографию и положила ее на стол под яркий свет лампы.

Кэрол склонилась над ней.

Это была фотография молодой женщины с черными волосами, причесанными на прямой пробор, ясно выделявшийся на карточке. Странное лицо, немного вульгарное, с полными губами, большими глазами и твердым овалом. Это лицо выражало примитивный сексуальный магнетизм, почти животный и лишь слегка тронутый цивилизацией. Под прозрачным купальным костюмом, в котором она была снята, женщина показывала тело, которое могло совратить и святого. Внизу фотографии было написано:

«Дорогому Франку, его Линда».

Не меня выражения лица, Кэрол повернула фотографию и прочитала имя фотографа, напечатанное внизу:

«Кеннеткер, Майн-стрит, Санта-Рио».

После этого она вновь перевернула фотографию и принялась изучать лицо женщины.

Мисс Лолли наблюдала за ней с горестным участием.

— Это тот тип женщин, который мужчины никогда не забывают! — сказала она, наклоняясь над плечом Кэрол, чтобы тоже посмотреть. — Это животное, но соблазнительное животное. Мужчина не скоро забудет такую самку. Если вы найдете ее, то я думаю, что вы скоро доберетесь до Франка.

— Может быть...

Санта-Рио — это маленький город, расположенный на берегу океана. Там находился пляж для миллионеров и не было никакой промышленности, если не считать различных коммерческих предприятий для удовлетворения насущных нужд отдыхающих и роскоши.

В Санта-Рио была развита самая процветающая индустрия развлечений: небольшое количество его обитателей зарабатывало себе на жизнь, развлекая богатых, приезжающих сюда в разное время года. Азартные игры, бега, яхты, танцы, все обычные и необычные ночные клубы, театры, кинематографы и тому подобные увеселительные учреждения занимали всех, кто оказался недостаточно проворен, чтобы открыть собственное дело.

Проворные и умные, среди которых Эдди Рейган был самым ярким представителем и вел сомнительный образ жизни, занимаясь немного шантажом, рэккетом, мошенничеством, а также ремеслом платного партнера или другими комбинациями, которые могли принести доход.

Эдди Рейган — красивый парень с черными волосами, вьющимися с детства, бледным цветом лица, ослепительно белыми зубами, использовал свой шарм, который, как он знал, неотразимо действовал на женщин зрелого возраста и богатых, которые при-

ехали в Санта-Рио последний раз повеселиться и испытать судьбу.

Эдди был прекрасным танцором, и ему часто приходилось сталкиваться с женщинами. Они писали ему записки, назначали свидания во время танцев. Он использовал эти записки, шантажируя их, так как большинство боялось, чтобы эти записки не дошли до их мужей.

Разделять любовь со зрелыми женщинами не соответствовало идеалу хорошей жизни Эдди, но он был достаточно умен для того, чтобы понять, что его способности подходят как раз для такой «работы». В свободное от «работы» время, он позволял себе развлекаться с молодыми красавицами, утешая себя подобным образом.

Очередным его утешением была Линда Ли, фотомodelь, оставленная Суливанами...

Эдди встретился с Линдой совершенно случайно. Однажды днем, когда он валялся на пляже в охоте на подходящую женщину, приняв на себя меланхолический вид, он заметил Линду. Она выходила из воды, собираясь принять солнечную ванну. Никогда тело Линды не выглядело так соблазнительно, как в мокром купальнике. Эдди был очарован, хотя он и был экспертом в таких делах. Он изгнал из головы все мысли, чтобы полностью погрузиться в это великолепное тело. Эдди никогда не видел ничего подобного, хотя в своих любовных похождениях он повидал немало красивых фигур. Он, не колеблясь, решил немедленно завязать знакомство с этой бесподобной женщиной. И как только она расположилась на солнце на своем пляжном покрывале, Эдди подошел и непринужденно уселся возле нее. Линда была очарована такой компанией. Может быть, черты лица Эдди, его матовая кожа произвели на нее впечатление.

Факт был налицо — она благосклонно приняла его ухаживания. Им понадобилось всего несколько минут, чтобы стать старыми друзьями, и менее часа, чтобы стать страстными любовниками. Эдди обожал таких женщин — нежных, доступных и сговорчивых.

Скептически настроенный Эдди ожидал, что через неделю чары Линды поблекнут, как это случалось со многими молодыми женщинами, которые были близки с ним. Но все получилось наоборот. Он обнаружил, что думает о Линде и днем и ночью, и даже манкирует своей работой, чтобы побывать с ней лишний раз, упустив даже возможность небольшого шантажа, который принес бы ему кругленькую сумму, и все это ради того, чтобы повести Линду в ночной клуб, что совершенно не входило в его планы. Их связь продолжалась три недели, и это весьма удивляло Эдди. Еще больше его удивляло то, что он был так же пылок и так же влюблен, как и в первый день. Он даже попытался утвердить свои права на Линду, как на вещь, которая принадлежит лишь ему. В прошлом он избегал таких вещей, как бесполезных и опасных для своей свободы.

Линда, со своей стороны, не имела ни малейшего желания связывать свою судьбу с Эдди. Принимать его каждый день или два-три раза в неделю по ночам — это одно дело. Но Эдди — господин и владыка — этот вариант совсем не устраивал ее.

Таким образом, Эдди был ограничен в своих действиях и не мог воспользоваться своей свободой. Роскошный образ жизни Линды сбивал его с толку. Она располагала роскошной виллой с собственным пляжем и небольшим садом с экзотическими растениями, за которыми ухаживал чернокожий садовник. Сад всегда был в отличном состоянии.

Вилла, расположенная в спокойном уголке, немного в стороне от города, была со вкусом меблирована и располагала полным комфортом. Пища, приготовленная нубийцем-поваром, была превосходна. Расходы на содержание подобной виллы должны быть значительными, но откуда брались деньги, которые позволяли Линде носить роскошные туалеты, самую шикарную обувь и элегантные шляпки? Все самое-самое дорогое, что можно было приобрести в Санта-Рио? Откуда взялись деньги на красивый «бьюик» синего цвета, в котором Линда разъезжала по городу и окрестностям всякий раз, когда ей в голову приходила какая-нибудь причуда? Линда утверждала, что источником ее доходов является наследство, полученное от дяди, разбогатевшего на нефти. Но Эдди был слишком хитер, чтобы этому верить, хотя и делал вид, что проглотил эту басню с потрохами. Линда была не такого сорта женщина, у которой дядя мог быть нефтяным магнатом.

Самое простое объяснение, тем не менее, никогда не приходило ему в голову. Уверенный, что Линда может быть влюблена только в него, он решил, что она открыла возможность добычи денег каким-то оригинальным способом, и не очень любопытствовал выяснять, что это за способ.

На этот вопрос объяснение было самым простым. У Линды был настолько увлеченный ею любовник, что он содержал ее в роскоши, несмотря на то, что видел ее очень редко, потому что дела требовали его присутствия в разных концах страны. Но он ни на одно мгновение не забывал про Линду, будучи даже в постели с другими женщинами. Даже в этот момент он представлял себе, что держит в интимных объятиях Линду. Линда тоже была довольна сложившимся положением. Она позволяла любовнику давать ей деньги, содержать себя с большой роскошью и требовать от нее лишь того, чтобы она встречала его с улыбкой, когда он мог появляться на вилле. Линда находила его смертельно скучным и очень испорченным: у него были извращенные наклонности. Но он позволял ей жить как хочется, и она не помышляла о разрыве с ним. Тот факт, что он появлялся редко, не более четырех-пяти раз в году, полностью компенсировался тем, что ей приходилось выносить во время его посещений. Он был богат, щедр и, по мнению Линды, безвреден. Но в этом отношении она

страшно ошибалась. Она никогда не слышала разговоров о братьях Суливанах, а даже если и слышала, то никогда бы не подумала, что этот маленький человек с жирным лицом, которого она называла Франком, отождествлялся с одним из самых опасных людей в Штатах. Без сомнения, она была бы более осмотрительной и более верной, если бы догадывалась о правде.

Два или три раза она встречалась с Максом, и он ей страшно не понравился. Из всех мужчин, с которыми она встречалась, он был единственным, оставшимся равнодушным к ее прелестям. Он даже ни разу не кинул на нее взгляда, как на неотразимую в сексуальном отношении женщину. Макс просто пугал ее. Она находила в его глазах такую же напряженную остроту, как и в глазах змей, а Линда смертельно боялась змей.

Сомнительно, чтобы Эдди так легко стал любовником Линды, если бы знал, что она любовница одного из Суливанов. Эдди отлично знал историю о братьях Суливанах, но никогда с ними не встречался. То, что он о них слышал, с лихвой было бы достаточно, чтобы срезать его любовный пыл к Линде, если бы он с самого начала встреч знал правду. Теперь он зашел слишком далеко, и даже угроза со стороны Суливанов не смогла бы его остановить.

В этот день, чудесный солнечный день, Эдди проезжал по бульвару в своем автомобиле, прощальным подарком одной из своих старых приятельниц, и думал, что все на этом свете идет как нельзя лучше.

Он и на самом деле был великолепен в своем ослепительно белом костюме. Его загорелые мускулистые руки были обнажены, а пальцы рук спокойно лежали на руле кремового цвета, а хорошо маникюренные ногти блестели на солнце.

Эдди вел машину с широкой улыбкой на лице. Он очень гордился своими белыми зубами и не видел основания их скрывать. При виде их сильнее бились женские сердечки, и головки их обладательниц поворачивались в его сторону. Эдди, гордый производимым впечатлением, довольно улыбался.

Он приехал к Линде около половины четвертого. Она находилась в саду среди цветов, переливающихся тысячью разноцветных красок. На Линде были надеты белые брюки, белые с красным сандалии, оставляющими открытыми ее пальцы. Ярко-красный купальник ничего не прятал, а скорее подчеркивал ее неотразимые прелести. На свой маленький носик Линда напялила широкие, как блюдца, защитные очки.

Эдди выскочил из машины, пересек лужайку и перескочил через клумбу, торопясь навстречу Линде.

— Я не сомневалась, что ты приедешь, — проговорила она с хорошо поставленным акцентом, так что он казался естественным. — Я подумала, что нам будет приятно выкупаться днем.

Но у Эдди были совсем иные планы.

— Не сейчас, — возразил он, и его загорелые пальцы погладили ее руку, поднявшись до плеча к затылку. — В шесть часов во-

да будет отличной, так что мы немного подождем.— При прикосновении его пальце з Линда расслабилась. Ни один из мужчин, которых она раньше знала, не обладал магнетизмом Эдди. Только его прикосновение вызывало в теле молодой женщины электрические токи.

— Вернемся и выпьем чаю,— промолвила она, просунув свою руку под руку Эдди.— Ладно?

— Мне кажется, что мы обойдемся без чая!— улыбнулся он, наклонившись к Линде. Обняв ее, он быстро повел женщину к двери.

Линда, понимая, что все равно не освободится от него, все же предприняла робкую попытку. Но Эдди не зря развивал свои мускулы и без труда продолжил путь. Он толкнул ногой дверь комнаты Линды и, несмотря на ее протесты, бросил ее на кровать.

— В самом деле, Эдди!— воскликнула она, как только обрела дыхание.— Ты самый отвратительный человек, которого я когда-либо знала! Нет, не подходи ко мне! Ты всегда поступаешь так, как тебе вздумается! На этот раз я тебе скажу, что я о тебе думаю. Мы немедленно спустимся в лоджию, выпьем чаю и отправимся купаться...

Эдди невозмутимо задерживал занавески на окнах, глухой к воплям Линды. Удостоверившись, что теперь комната находится в полутьме, располагающей к интимности, он вернулся к Линде как раз в тот момент, когда она собиралась прыгнуть с кровати.

— Все в свое время!— решительно воскликнул он.— Спокойно! Чай и купание будут позже.

Он обнял Линду с намерением очень крепко прижать к себе, чтобы погасить всякое сопротивление с ее стороны. Он знал об этом из опыта предыдущих встреч.

Но в этот день Линда была не в настроении, у нее не было ни малейшего желания потакать капризам Эдди, которого она находила слишком напористым... Ей надоело, что он никогда не спрашивал о ее желании. Насилие — это хорошо время от времени, но не нужно злоупотреблять этим, этого нервы Линды не выдержали. Так что, когда Эдди с самоуверенным видом схватил и прижал ее к себе, она угостила его сильным хуком по уху.

— Я тебе говорю, что не хочу!— злобно закричала она.

Эдди сел и недоуменно уставился на Линду. Его большие руки по-прежнему обхватывали ее спину, его лицо было близко от ее лица, но глаза не улыбались. В них виднелась злость и желание, которое совсем не уменьшилось.

— А! Так ты хочешь драки? Ну что же, ты ее получишь! Не забывай, что я твой мужчина!

Линда бросилась с кровати по направлению к двери. Она уже раз дралась с Эдди в начале их связи, и на следующий день не только была вся в синяках, но и чувствовала себя так, как будто ее всю измолотили. Эдди протянул свои длинные руки, схватил ее и бросил на кровать.

— Послушай, дорогой, я прошу тебя!— умоляла Линда не в силах вырваться из его захвата.— Я прошу тебя, дорогой,пусти меня. Не пытайся меня ударить, ты ведь знаешь, какие у меня потом синяки, Эдди! Ведь ты не станешь... О! Грубиян! Эдди, Эдди, остановись! Нас услышат!

Через несколько секунд, вся избитая, покрытая синяками и шатаясь, она поднялась с кровати.

— Ты настоящий дьявол, Эдди,— задышавшись, проговорила она, ухватившись за его твердые мускулистые плечи.— Ты сделал мне больно... я вся в синяках. Но пусть тебя заберут черти, я все же тебя люблю!

Эдди довольно улыбнулся, запустил пальцы в ее густые волосы и протянул к Линде губы.

В комнате наступило длительное молчание. Партнеры по любви позабыли обо всем на свете. Стрелки маленьких часов возле кровати все так же двигались вперед. Наконец их любовное утомление достигло апогея. Они не видели ничего из того, что происходило в полумраке комнаты. Вечернее солнце обошло вокруг дома, и отблеск его лучей осветил сине-белые занавески.

Первым проснулся Эдди. Он повернулся, небрежно положил руку на обнаженное бедро Линды, вздохнул и открыл глаза. Неожиданно его сердце почти перестало биться, кровь в жилах заледенела. На него смотрел мужчина, сидящий на кровати.

В течение доброй минуты Эдди смотрел на это явление, уверенный, что он еще продолжает спать и видит сон... Человек походил на какой-то кошмар из фильма ужасов: одетый во все черное, с худым бледным лицом, как будто высеченным из камня. Этот кошмар склонился над Эдди, как будто собирался высосать из него кровь.

Эдди в страхе толкнул Линду, которая, проснувшись, подскочила на месте. Ужас лишил ее дара речи, так как она сразу узнала черного человека. Она была парализована страхом до такой степени, что не могла шевельнуться, а не то что бы прикрыть наготу. Тяжело дыша, она смотрела на этого мужчину и по-прежнему не могла шевельнуться.

— Скажи своему типу, чтобы убирался!— прошипел Макс.— Мне нужно с тобой поговорить.

Звук его голоса разрушил гипноз, который довлел над Линдой и Эдди.

Линда закричала от ужаса и обхватила большую подушку, чтобы прикрыться. Эдди, ругаясь, уселся на кровати со сжатыми кулаками. Но дальше этого он не пошел.

В руке Макса сверкнул сталью нож. Он пригнулся и с необыкновенной быстротой провел кончиком лезвия по лицу Эдди, вниз по шее и до живота.

Можно было сказать, что провели кончиком пера, так тихо это было сделано, но там, где прошелся нож, появилась тонкая струйка крови.

При виде ножа и кровавого следа Эдди почувствовал, как быстро испарились его злость и мужество.

Когда дело шло о драке вообще, не говоря уже о драке с Линдой, он был весьма храбр, но вид ножа приводил его в ужас, и ему чуть было не сделалось дурно.

— Не трогайте меня! — пролепетал он, побледнев и весь дрожа. — Я уйду, не касайтесь меня!

— Убирайся, падаль! — проронил Макс, устремив на Эдди мертвые глаза...

— Ладно, сейчас... я быстро... — пробормотал Эдди. Он ни на секунду не задумался о Линде и даже не взглянул в ее сторону. Его единственным желанием было как можно скорее смотаться отсюда, подальше от этого ужасного человека. От испуга ему не удалось одеться так быстро, как он хотел. — Я уйду... не сердитесь...

Макс спокойно вытер нож о голое бедро Линды. Прodelывая это, он молча смотрел на нее, и его губы сложились в презрительную ухмылку.

Линда дрожала, но не шевелилась. Нож пугал ее.

— Не покидай меня, Эдди! — жалобно попросила она, но дверь за Эдди уже захлопнулась.

Макс встал, спрятал нож и, взяв шелковый пеньюар, лежащий на стуле, бросил его в лицо Линде.

— Одевайся, шлюха!

Линда дрожащими руками натянула на себя пеньюар. Этот ужасный человек, безусловно, все расскажет Франку... Что тогда делать? Он же ее прогонит! И ей придется вернуться к своему прежнему ремеслу герлс, лишиться всей этой роскоши, своей свободы, машины, своих прекрасных платьев... Она почувствовала себя так плохо, что снова свалилась на кровать.

Опершись о стенку, со шляпой, сдвинутой на нос, Макс закурил сигарету и наблюдал за Линдой поверх пламени спички.

— Итак, ты не можешь, беря у него деньги, не обманывать его! — презрительно проговорил он. — А ведь я его предупреждал, что возле такой шлюхи всегда выются коты. Он же последний дурак! Теперь, с этого момента, ты сама будешь зарабатывать на жизнь!

Линда задрожала.

— Не говорите ему! — умоляла она, плотнее укутываясь в одеяло. — Этого больше не случится, я вам обещаю. Франк любит меня, к чему портить ему жизнь?

Макс выпустил струю дыма из тонких ноздрей.

— Ты совершенно права, этого больше не случится. Я не хочу ему портить жизнь и поэтому ничего не скажу.

Линда внимательно смотрела на него, пытаясь унять дрожь.

— Я вам не верю. У меня достаточно опыта, чтобы разбираться в людях. Вы не сможете придержать свой язык.

Закройся, наскуда! — приказал он. — На этот раз для тебя

все сойдет гладко. Теперь тебе придется находиться рядом с ним все время, делать все, что он тебе прикажет, спать с ним, содержать его одежду в чистоте, читать ему и даже облизывать его с головы до ног, если он этого пожелает. Ты должна жить рядом с ним и помогать ему. Ты будешь его глазами.

Линда решила, что он сошел с ума.

— Что вы хотите этим сказать... «быть его глазами»? Ведь у него самого есть глаза!

Макс презрительно усмехнулся. Он подошел к Линде, схватил за волосы и откинул ее голову назад. Она не сопротивлялась и выдержала его взгляд потемневшими от ужаса глазами.

— И если ты попытаешься со мной хитрить, я сниму с тебя шкуру! Запомни, я предупреждаю только раз, а не два. Если ты удерешь или оставишь его одного, я разыщу тебя, где бы ты ни находилась, и напишу имя Франка на твоём лице какой-нибудь кислотой.

Он выпустил ее и, подняв руку, сильно ударил ладонью по губам, толкнув Линду на кровать.

— Я не знаю, что он мог найти в такой пустышке, как ты, но Франк всегда был королем олухов и рогоносцев. В общем, он хочет тебя иметь, и он тебя получит. Пусть хоть в этом он получает от жизни удовольствие.

Когда Макс направился к двери, Линда села, держась рукой за разбитые губы. Он открыл дверь, вышел за порог, и она услышала, как он позвал:

— Франк! Она ждет тебя!

Неспособная даже пошевелиться, Линда с недоумением смотрела на открытую дверь. Она слышала медленные шаги, которые, шаркая, поднимались по лестнице. Кто-то неумолимо приближался к ее спальне. Тут Линда почувствовала непреодолимый страх.

Наконец в спальню вошел Франк. Его глаза были спрятаны за темными стеклами очков. В руках он держал палку, при этом он делал странные движения, очевидно, еще не привыкнув к своему новому состоянию. Он по-слепому смотрел чуть выше головы Линды. На его бледном и жирном лице чувство своего убожества и желание женщины смешались в выражение животной страсти.

— Хэлло, Линда!— сказал он и протянул к ней руку.— Вот я и вернулся, моя дорогуша!

Последующие две недели были для Линды сплошным кошмаром. В дальнейшем она никогда не смогла вытравить их из памяти. Бесконечные требования Франка не давали ей покоя. Когда он не терзал ее своей гнусной любовью, он требовал, чтобы она читала ему вслух, возила на машине и постоянно находилась возле него для оказания мелких услуг. Его слепота еще больше ожесточила его характер, обнажив бесчеловечный облик жестокого и неумолимого гангстера. Все свои невзгоды он вымещал на Линде. Теперь, когда он больше не мог любоваться ее красотой и сексуальным телом, она очень быстро потеряла над ним свою былую

власть. Он отказывался покупать для нее платья и безделушки. Раньше Линда не пропускала и дня, чтобы не прибавить к своему имуществу хоть какую-нибудь мелочь.

— Носи то, что есть, — злобно говорил он. — Я все равно не смогу тебя видеть в новом платье, так что мне наплевать, как ты одета! По мне хоть все время ходи голой!

Хуже всего, что он стал следить за ее расходами и стал чрезмерно скупым, оставляя Линду без гроша.

Она чувствовала, что скоро сойдет с ума. Линда боялась покинуть Франка, зная, на что способен Макс, который всегда сдерживал свои обещания, а это означало мучительную смерть. У нее не оставалось ни одной свободной минуты, и если она рисковала удалиться от него хоть на шаг, то была уверена, что тотчас же услышит угрожающий стук его палки, и его мерзкий голос будет спрашивать, где она находится.

Она надеялась увидеть Эдди, и обливала слезами жалостливые письма к любовнику.

Эдди тоже страдал. До этой вынужденной разлуки он не ощущал степени своей привязанности к Линде. И так как он не смел приближаться к вилле, настроение у него было ужасным. Он потерял сон, а его мозг был забит лишь мыслями о ней. Свои дела он забросил, что принесло ему значительный ущерб.

Однажды днем, приблизительно пятнадцать дней спустя после драматического появления Макса в спальне Линды, он находился в закуской, имея час свободного времени до назначенного визита к одной из клиенток зрелого возраста. Неожиданно его внимание было привлечено к молодой девушке, которая уселась на соседний табурет.

Это был самый тихий час дня. Эдди и молодая девушка были здесь единственными посетителями. Больше по привычке, чем из интереса, Эдди уставился на незнакомку. Она была очень плохо одета, но с большим желанием быть опрятной. Ее плохо причесанные волосы скрывались под шляпкой старого фасона. Она носила некрасивые очки в железной оправе. И, несмотря на то, что она совсем не была накрашена тем не менее она выглядела весьма привлекательно. Но Эдди видел столько красивых и обращающих на себя внимание существ женского пола, что молодая женщина с таким невзрачным видом не представила в его глазах никакого интереса.

Но он все же обратил внимание, что, несмотря на бедную одежду, она замечательно сложена, и ее длинные стройные ноги привлекли его внимание на несколько минут, прежде чем он углубился в чтение газет. Краем уха он слышал, как незнакомка разговаривала с официантом — маленьким плешивым человечком, по имени Эндрю, которого Эдди хорошо знал.

— Я ищу временную работу, — спокойным и приятным голоском сообщила молодая женщина. — Может, вы подскажете, кому нужен кто-то, чтобы смотреть, например, за детьми?

Эндрю, любящий помогать людям, положил на стол салфетки, нахмурил брови и задумался.

— Кажется, ничего подобного у меня на примете нет,— наконец ответил он.— Большинство людей в нашем городке детей не имеют и не нуждаются даже в компаньонах. Это довольно своеобразный маленький городок... вы понимаете, что я хочу сказать?

— Я уже работаю,— пояснила моложавая женщина, сделав глоток кофе,— но моя работа плохо оплачивается, и дополнительное занятие поправило бы мои дела.

— Понимаю, понимаю...— снова задумался Эндрю,— но я не представляю себе никого, кто бы нуждался в ваших услугах. Но если я что-нибудь услышу, то буду иметь вас в виду.

— Благодарю вас!-- обрадовалась молодая женщина.— Я буду вам весьма признательна. Меня зовут Мари Прентис, хотите я вам запишу? Я проживаю на Эст-стрит.

Эндрю дал ей карандаш и бумагу.

— Может, например, какой-нибудь слепец искал бы сиделку,— продолжала девушка, записывая имя и адрес.— Ведь у меня есть опыт в обращении со слепыми.

— Ясно! Но в Санта-Рио так мало слепых, я лично никого не знаю,— вздохнул Эндрю,— но я не замедлю вас известить.

Эдди наблюдал, как она выходила, потом надвинул шляпу на глаза и стал размышлять. В его голове промелькнула одна интересная мысль. И чем больше он ее обдумывал, тем больше она ему нравилась. Эта мысль была просто гениальной!

— Дайте мне имя и адрес этой курочки, Эндрю!-- произнес он, слезая со своего табурета.— Я знаю одного слепого типа, который очень нуждается в женском обществе...

В одиннадцать часов вечера этого же дня Эдди встретился с Линдой, ожидающей его в назначенном месте, в укромном уголке в миле от виллы. Как только улегся их первый пыл, Эдди притянул Линду и усадил ее на песок. Сев рядом с ней, он сказал:

— Теперь выслушай меня, дорогая, так как у нас в запасе немного времени. Действие снотворного, которое я тебе прислал, не очень длительное, но у меня хватит времени объяснить тебе свою идею.

— Я была уверена, что ты что-нибудь придумаешь!-- воскликнула Линда, взяв его за руку.— Если бы я не была в этом уверена, то сразу бы покончила с собой!

Эдди пробормотал что-то утешительное, совершенно уверенный, что Линда никогда бы не дошла до такой крайности.

— Мы оба вели адскую жизнь, но хотя моя идея и не совсем освобождает нас, но, тем не менее, может нам помочь. Я обнаружил молодую девушку, которая ищет место компаньонки или сиделки. Попробуй убедить Франка, что эта небольшая перемена

будет для него полезна. Я хочу сказать перемена общества. Попробуй уговорить его панять эту девушку на время, хотя бы на два или три дня в неделю, чтобы она приходила к нему читать.

Линда высвободилась из его рук и гневно воскликнула:

— Ты называешь это хорошей идеей? К чему это нас приведет? Ты полагаешь, что он позволит выходить мне одной, если у него появится компаньонка?

Эдди снисходительно ухмыльнулся.

— Тут ты ошибаешься, моя малышка! Ты забыла про одну вещь: Франк слепой. Он не может больше видеть, насколько ты очаровательна, и его интерес к тебе начнет ослабевать, если ты, конечно, не собираешься его освежить. Рано или поздно, но он захочет услышать другой голос, слышать возле себя другую женщину, как бы он ни был увлечен тобой. Я уже разговаривал с этой женщиной. У нее приятный голосок, хотя она и не так красива, как ты. И что особенно важно — она великолепно сложена. У нее, конечно, нет такого шасси, как у тебя, моя цыпка, но она тоже хороша. Я сказал ей, что ее почти наверняка пригласят и что ей, вероятно, придется быть немного больше, чем сиделкой у своего клиента, но что работа будет хорошо оплачена. Она не стала особенно возражать. Я уверен, что ты тоже обрадуешься, если Франк останется с ней наедине. Судя по тому, что ты мне о нем рассказывала, то это отнюдь не тот тип, который целыми вечерами будет выслушивать чтение сентиментальных романов. Он пожелает познакомиться с ней поближе, и твое присутствие будет только его стеснять. Вскоре он предложит тебе сходить в кино, пройтись прогуляться, и ты позволишь себя уговорить.

Он крепко прижал к себе Линду.

— И ты найдешь меня здесь, ожидающим тебя всякий раз, когда тебе удастся избежать его компании. Нет, не перебивай меня, дай закончить. Все это потребует времени, но я не вижу иного выхода. Ты же не хочешь, чтобы в это дело вмешался Макс? Правда? Он тоже сидит у меня в печенках, а ведь я не такой уж трус. Но когда такой тип вытаскивает нож — это меня по-настоящему пугает. Как только нам удастся убедить Франка в необходимости сиделки, мы станем находить для него столько девушек, сколько он захочет, но сперва он должен познакомиться и переспать хотя бы с этой. А дальше дело пойдет веселей! Это будет дорого стоить, но с этой минуты я стану зарабатывать столько денег, чтобы ты принадлежала лишь мне, а это стоит жертв. Через месяц или два, если ты сумеешь подстроить так, чтобы у него не было желания подходить к тебе, он постарается отделаться от тебя. И в это время можно будет смотреться от него без всякого риска. Что ты на это скажешь?

Линда принялась рассматривать это предложение со всех сторон. Ей была ненавистна сама мысль, чтобы поместить соперницу под одну крышу с собой. Линда, как собака на сене, ревновала к тому, что считала своей собственностью. Ей было невыно-

симо видеть там другую женщину, пользующуюся этой роскошной виллой, но это была единственная возможность ускользнуть от Франка и его непереносимо гнусной манеры любить. И ей пришлось согласиться с предложением Эдди.

— Как я хотела бы видеть его в гробу!— прошипела она сквозь зубы. — Как бы отделаться от него навсегда?!

— Можешь выкинуть эту мысль из своей красной головки,— твердо проговорил Эдди. — Если бы не существование Макса, можно было бы устроиться, но если с Франком что-нибудь случится, то Макс мгновенно начнет действовать. А я не собираюсь рисковать ни тобой, ни собой.

Скрепя сердце Линда согласилась с мнением Эдди.

К ее великому удивлению, все произошло именно так, как предсказал Эдди. После недели старательных маневров Линда предложила Франку нанять какую-нибудь женщину, которая смогла бы ему почитать. И тут же она предложила подходящую кандидатуру. Линда описала Мари Прентис, которую еще сама не видела, в таких красках, что Франк сразу же заглотнул приманку.

В течение недели Линда показывала свое плохое настроение. Она избегала протянутых рук Франка, она вполчала и была всем недовольна. Следуя инструкциям Эдди, она проделала все так умело, что Франку начало надоедать ее жеманство. Сама возможность услышать чей-то чужой женский голос была ему приятна.

Мари Прентис явилась на следующий вечер, и Линда постаралась встретить ее еще у ворот виллы, чтобы поговорить с ней раньше, чем та увидится с Франком.

Линда была приятно удивлена, увидев не лишенную элегантности женскую фигуру, приближающуюся к ней по гравийной дорожке. Если бы Франк мог видеть ее, он не посмотрел бы на нее во второй раз. Это была не та соперница, которой можно было завидовать. И Линда успокоилась.

После церемонии знакомства Мари Прентис воцарилась на вилле.

Франк сразу же отреагировал на незнакомый приятный женский голос. Через несколько дней он уже с нетерпением ждал, когда же Мари начнет чтение. Все внимание Франка было сосредоточено на новой женщине и, если Линда печально спрашивала, не нужно ли ему чего-нибудь, жирное и потное лицо гангстера сразу же мрачнело.

Через неделю предсказания Эдди сбылись.

— Я подумал,— как-то в полдень заявил Франк,— и решил, что ты почти совсем не выходишь из дома. Это плохо, ты всадишь себя как затворница. Тенерь, когда у меня есть кому почитать, можешь сходить в кино. Сходишь сегодня вечером, это пойдет на пользу твоему здоровью.

Таким образом, вечером, когда девушка, называющая себя Мари Прентис, пришла почитать ему, она обнаружила его одного.

— Мисс Ли сегодня не будет?— осторожно спросила она, доставая книгу.

— Нет,— улыбнулся одними губами Франк.— Последнее время я мечтаю побыть с вами наедине! Вы догадываетесь, почему?

— Думаю, что да!— ответила Мари, отложив книгу в сторону.

— Идите ко мне!— сразу же возбудился Франк.

Она встала возле его кресла, в то время как Франк своими жадными, похотливыми руками ощупывал ее тело, забираясь в самые интимные уголки. С лицом, перекошенным от отвращения, она оставалась неподвижной, с крепко стиснутыми зубами и закрытыми глазами.

Ей казалось, что по ее обнаженному телу ползает отвратительный паук с непристойно волосатыми лапами.

Неожиданно Мари отступила в сторону, когда он собрался предпринять совсем уж непристойные вещи. Теперь она находилась вне пределов его досягаемости.

— Не надо, я прошу вас!— быстро промолвила она.— Только не тут! У меня есть свои принципы... не в этом доме... Я думаю о мисс Ли... вдруг она сейчас войдет?

Франк едва верил своим ушам. Он был багровым от возбуждения.

— А ей что за дело до этого?— пренебрежительно спросил он.

— Она тут у себя дома,— заметила Мари Прентис тихим голосом, а ее глаза в это время пристально впились в лицо Франка, как бы пытаясь прочесть его мысли.— Вот у меня...— она смолкла и вздрогнула.

— Не строите из себя дуручку!— заорал Франк, вставая с кресла.— Это и мой дом тоже. К черту Линду! Что она когда-нибудь делала для меня, кроме того, что тратила мои деньги! Идите ко мне! Я вас хочу прямо сейчас!

— Нет,— твердо ответила Мари,— если вы поедете со мной, то это будет не то же самое... у меня не будет тех сомнений, что могут помешать в этом доме. Тут я не смогу полностью раскрыться...

— Ладно, ладно,— рассмеялся Франк.— Я уже давно не выходил из дома. Ну что ж, поехали! Она вернется не ранее полуночи. А где вы живете?

— На Эст-стрит,— ответила Мари, и ее большие зеленые нежные глаза засверкали.— У меня есть машина, так что нам потребуется мало времени, чтобы доехать.

Франк схватил ее, пытаясь облизывать губами лицо Мари, и в один из моментов она подумала, что потеряет сознание. Она быстро отпрянула от него, вся дрожа, и проговорила, стараясь, чтобы голос не выдал ее чувств:

— Не здесь, скоро... но не сейчас!

— Ладно, поехали!— распалился Франк, предвкушая грядущее наслаждение.

Он не привык выполнять женских прихотей, но сейчас при-

шлось пойти и на ~~эту~~. Взяв Мари под руку, он позволил себя вывести из дома.

Мари усадила его в черный «крайслер», стоящий в тени, и который нельзя было заметить из виллы.

— Как вы сумели достать такую машину?— недоверчиво спросил он, в то время как ~~его~~ пальцы ощупывали обивку и подушки машины. Франк сразу понял, что это роскошная машина.

— Я взяла ее напрокат,— ответила она спокойным и невыразительным голосом. Включив зажигание, она тронулась с места и быстро набрала скорость. Машина стала приближаться к городу.

— Боже мой, как мне не хватает моих глаз!— горестно воскликнул Франк.— Вы не можете себе представить, каково быть в моем положении! Не знаешь, где ты и куда тебя везут!— он помолчал и добавил с мрачным видом.— У меня создалось впечатление, что меня везут для последнего удовольствия...

— В самом деле?— поинтересовалась она, вцепившись в руль.

Он провел рукой по ноге молодой женщины.

— Поторопитесь, моя красавица!— умолял он.— Скоро ты увидишь, что такое настоящий мужчина!— и прибавил тихим голосом:— А как ты? Ты умеешь разгорячить мужчину?

— Там увидите и все узнаете.

Она миновала бульвар и резко остановилась перед фонарем на главной улице. Это был час начала спектаклей. Все тротуары были заполнены людьми, стоял непрерывный шум.

— Почему вы остановились?— недовольным тоном спросил он, слыша вокруг себя какой-то непонятный шум.— Мы уже приехали?

— Да, вы прибыли к концу вашего путешествия!— резко ответила она. В ее голосе прозвучал такой странный оттенок, что Франк резко повернулся и устремил на ее незрячий взгляд через темные очки.

— Что все это значит?— осведомился он и, наклонясь, ухватил ее за запястье.— Если вы воображаете, что можете отправить меня... никто и ничто не заставит меня идти...

Внезапно он умолк: его чувствительные пальцы нащупали шрам на руке девушки.

— Что это такое?— спросил он испуганным голосом. В это время в нем стали пробуждаться смутные воспоминания.

— Шрам,— холодно проронила она сквозь зубы.— Я как-то порезалась...

Память Франка шарил в закоулках мозга, и неожиданно он вспомнил... такой же точно шрам был на руке у маленькой Блэндиш... Он выпрямился. Инстинкт опасности, всегда такой острый, советовал ему, как можно скорее удалиться с этого места и как можно подальше. Но желание обладать этой девушкой заглушило его животный страх. К чему сейчас думать о Кэрол Блэндиш. Она находилась за много километров отсюда.

— Я знаю кое-кого, у кого был точно такой же шрам,— мрач-

но пробормотал он, и его жирное лицо превратилось в жестокую маску. — Сумасшедшую! Негодяйку! Это она выпарапала мне глаза и лишила зрения!

— Знаю,— прошептала девушка, вырывая руку. — А теперь я буду вас убивать!

Ледяная дрожь пробежала по телу Франка.

— Кто вы такая? — испуганно проблеял он, шаря рукой в поисках дверцы.

— Кэрл Блэндиш! Давненько я дожидалась этой сладостной минуты, — и ее пальцы вцепились в его запястье стальной хваткой.

Неописуемый ужас овладел Франком. Конечно, если бы он мог предвидеть это... если бы он мог видеть, и быть уверенным, что она не угрожает ему револьвером, что он не рискует получить пулю в живот, он никогда бы так не поступил. И как Кэрл ожидала, что он поступит... Окружающая его вечная темнота и тот факт, что он находился в автомобиле с сумасшедшей женщиной, жаждавшей мести, все это совершенно парализовало его когда-то острый ум. У него в голове металась одна только мысль: убежать, потеряться в толпе, среди которой она не осмелится прикончить его и тем более выстрелить.

Он вырвался из ее захвата, открыл дверцу автомобиля и, шатаясь, устремился на улицу. Как только его ноги коснулись земли, он рванулся вперед.

Кэрл закрыла дверцу, схватилась за руль, не отрывая глаз с быстро бегущей в панике фигуры, которая направлялась прямо на фары машины, едущей посреди улицы.

— Смотри, Стив! — произнесла она с рыданием в голосе. — Он убежал! Я направляю его к тебе на правый суд!

Машины, мчащиеся с большой скоростью, тщетно пытались избежать столкновения с человеческой фигуркой. Затормозили автобусы, с гулким стуком ударяясь один о другой. Раздался пронзительный женский визг. Засвиستهли полицейские.

Неожиданно на перекресток выскочила красная с кремовым оттенком машина и рванулась, чтобы успеть вовремя проскочить его. Немного пьяный Эдди обнимал Линду за плечи и поэтому не смог избежать наезда на Франка. В течение доли секунды он видел его, находящегося перед машиной. Свет фар упал прямо на лицо Франка, покрытое потом.

— Это Франк! — завопила Линда.

Эдди с силой вдавил в пол тормозную педаль, пытаясь остановиться. Но бампер его машины косым ударом отправил Франка на середину улицы прямо под колеса какого-то фургона, идущего с большой скоростью.

В наступившем всеобщем смятении никто не обратил внимания на одинокий черный «крайслер», стоящий у края тротуара, который тихо удалился в ночь.

Макс направлялся за сиделкой по резиновому коврику госпитали в Балтонвилле.

На его безразличном лице нельзя было прочесть ни одной мысли, но его тонкие губы были крепко сжаты, и он был немного бледен.

Сиделка сделала ему знак немного подождать, вошла в комнату и закрыла за собой дверь.

Макс прислонился к стене и сунул руки в карманы. В его глазах появилось недовольство, и он очень хотел курить.

Вскоре возникла сиделка и пригласила его следовать за собой. Она проделала это все так же молча.

— Не больше двух минут, — наконец промолвила она. — Он весьма плох.

— Умирает?

— Да.

— Почему вы не сказали этого сразу? Подумали, что я разрываюсь на вашей плоской груди? — разозлился Макс.

Войдя в палату, он остановился возле кровати, глядя на Франка. Его жирное лицо было желтым, губы синими, и он с трудом дышал.

— Я здесь! — сообщил Макс, желая поскорее покончить с этим неприятным делом.

Франк попытался что-то сказать, и Макс был вынужден наклониться к нему, чтобы услышать слова, которые с трудом сходили с его губ.

Он сделал это против своего желания, так как дыхание Франка было ему неприятно.

— Это была Кэрол Блэндиш... — прошептал Франк. — Она сказала: сперва я, а потом ты. Я узнал ее... по шраму... на запястье...

Макс выпрямился.

— Ты всегда был падок на женщин, болван! — с презрением прошептал он и чуть громче добавил: — Ты сам искал ее, а меня она не получит!

Неожиданно грудь Франка приподнялась, и из его глотки вырвались захлебывающиеся звуки. Макс наблюдал за ним с интересом начинающего садиста.

— Итак, прощай голубок! — сказал он на прощание.

Вошла сиделка, и взгляд ее устремился к Франку. Она взяла простыню и накрыла его лицо.

Макс посмотрел на нее взглядом Франка. Она была молода и красива. Он слегка шлепнул ее по задку.

— Вот та, которую ты уже не сможешь взять! — злорадно ухмыльнулся он, надвинул шляпу на глаза и вышел.

СПЕКТАКЛЬ УЖАСОВ

У Макса был почти радостный вид, когда он спускался по широкой лестничной площадке госпиталя. Неожиданно ему пришлось в голову, что теперь он стал вдвое богаче, чем прежде.

Ни один из Суливанов не доверял своим денег банку, где полиции было очень легко блокировать счет. Они предпочитали держать деньги в таком месте, из которого могли бы в любой миг изъять их. Таким банкиром служил для них отец Макса. Франк умер, и его часть средств автоматически переходила к напарнику, потому что никто не знал об их делах, не считая отца Макса, но тот не шел в счет. Это означало, что Макс теперь мог перестать «работать», то есть убивать на потребу любому за деньги. Теперь он мог купить себе птичник, о котором всегда мечтал. Такая перспектива восхищала его...

Он остановился перед своим большим «паккардом», закурил сигарету и бросил спички в канаву. Его мысли на мгновение остановились на Кэрол. Франк сказал: «Сперва я, потом ты». Да, Кэрол сумела подловить Франка, в этом не было никакого сомнения.

Макс разговаривал с Линдой и узнал о существовании таинственной Мари Прентис. Из этого разговора он сделал соответствующие выводы: Мари Прентис являлась Кэрол Блэндиш, решившей обязательно отомстить за смерть Ларсона. Но Франк всегда был ладок на женщин. Он мог пойти за первой опалившей его желанием юбкой, его темперамент глушил в нем всякую осторожность. С Максом было совершенно другое — женщин для него не существовало! Если Кэрол попытается сыграть с ним подобную штучку, она не замедлит пожалеть об этом. Он без сожаления раздавит эту сумасшедшую гниду, как уже раздавил всех, кто вставал на его пути.

Макс был так уверен в себе, что прогнал из своей головы мысль о Кэрол, как не стоящую внимания. Конец Франка означал также и конец «братьев» Суливанов! Макс Реза забросит свою карьеру профессионального убийцы, чтобы стать птичником. Такая метаморфоза лишь пойдет ему на пользу...

Макс выбросил наполовину выкуренную сигарету, наклонился шляпу на глаза, открыл дверцу автомобиля и замер от удивления. На сиденье, перед рулем, лежала одна восхитительная ярко-красная орхидея.

Макс решительно взял цветок в руки и полюбовался его злой красотой. Это был слишком дорогой цветок, чтобы быть брошенным просто так, без причины, на сиденье автомобиля. Или причина все же была? Что же это может означать? — спрашивал он себя, готовый видеть во всякой мелочи грозную опасность. Он взглянул в один конец улицы, потом в другой, но ни-

чего не вызвало у него подозрений. Он пожал плечами и бросил орхидею рядом с сигаретой в канаву. Затем он влез в машину, включил зажигание, но не отъехал. Он уставился в лобовое стекло невидящим взглядом. Он не любил тайн. Может, этот незначительный архаический эпизод нельзя было назвать таким громким словом, как тайна, но тем не менее он заставил его задуматься. Было время, когда он с Франком имели обыкновение вешать двух маленьких ворон из шерсти на дверях будущей жертвы. Один или два раза это сослужило им отличную службу, так как получив этих похоронных птиц, намеченные жертвы сами пускали себе пулю в лоб. Но потом Макс решил, что это трюки дурного тона слишком театральные для них, и они перестали делать это. Всякое символическое послание казалось ему легкомысленным. Означала ли пурпурная орхидея предостережение? Если да, то тот или та, кто бросил цветок в машину, хорошо сделают, если сами поостерегутся. Макс не признавал трюков такого рода. Он задумчиво потянул себя за нос, вышел из машины и подобрал цветок. Немного поколебавшись, он засунул его себе в петлицу, и только после этого он поехал.

На возвышении, доминирующем над великолепным берегом порта Санта-Рио, находился двухэтажный дом, выстроенный из сосновых бревен и расположенный среди пальм и цветущих кустарников. Место казалось заброшенным, уединенным и плохо ухоженным. На воротах висела дощечка с надписью: «Козикот». Макс не давал труда себе снять ее, и всякий раз, приезжая сюда, усмехался, глядя на нее.

Этот деревянный дом был «его» домом. Макс редко появлялся здесь, но находил удобным хранить в нем некоторые личные вещи и деньги. Дом служил также убежищем для его отца. Исми Реза становился стар. Ему исполнилось шестьдесят пять лет, и тридцать из них он проработал клоуном в цирке. У него до сих пор был клоунский вид. Теперь он был согорбленным, плешивым и печальным, со сморщенной кожей из-за долгого употребления грима, что являлось необходимым условием его работы. Он немного волочил левую ногу, результат паралича, положившего конец его карьере. Его лицо, круглое, лунообразное и печальное, не имело ничего общего с лицом Макса, о чем Исми совсем не жалел.

Исми боялся своего сына, как в свое время боялся матери Макса, как физически, так и морально. Своим характером сын пошел в мать. Сам Исми был совершенно лишен злости и был простым человеком, любящим покой. Лучше всего он себя чувствовал, когда оставался один.

Исми прогуливался в саду и собирался войти в дом, когда в маленькой аллее послышался шум машины. Он остановился в некотором замешательстве. В течение последних трех месяцев никто не нарушал его уединения, и этот шум заставил его вздрогнуть.

Перед домом остановился черный «паккард», и из него вылез Макс. Засунув руки в карманы, со шляпой, надвинутой на лоб, и с красной орхидеей в петлице, он встал возле машины. От него исходило нечто вроде угрозы, и Исми внимательно посмотрел на сына. Он всегда жил под страхом его визитов и никогда не знал, что еще придумает Макс и как будет с ним обращаться.

Макс рассматривал дощечку на воротах или, во всяком случае, делал вид, что рассматривает, потом, слегка передернув плечами, он толкнул ворота и пошел по тропинке сада.

Исми сразу же обратил внимание на орхидею. Он с затаенным любопытством наблюдал за сыном, догадываясь, что что-то произошло, что-то, что может потревожить его размеренную жизнь. Макс никогда не носил цветов в петлице!

— Что же означает этот цветок? — пробормотал себе под нос старик.

Отец с сыном посмотрели друг на друга. Наконец Макс приблизился к отцу.

— Франк умер, — кратко сообщил Макс. — Его раздавил фургон.

«Хрен с ним!» — подумал Исми.

Но хотя он и ненавидел Франка, по все же это известие его неприятно поразило. Он почувствовал себя ближе к смерти, так что не мог спокойно слушать о ней.

— Надеюсь, он не очень мучился перед смертью? — это было все, что он смог сказать.

— Фургон раздавил ему грудную клетку, и ему понадобилось всего два часа, чтобы покончить все счета с жизнью, — сухо произнес Макс, нюхая орхидею. — Так что сам понимаешь...

Старик внезапно подумал о том, как отразится смерть Франка на делах.

— Значит, с вашей работой покончено? — оживился он. Исми знал, что Макс и Франк были братьями Суливанами. Это очень забавляло Макса; рассказывая ему о различных преступлениях, совершенных ими, он наслаждался ужасом старого человека, который и не пытался скрыть его.

— Да, теперь его деньги принадлежат мне. Мы условились с ним, что если кто-нибудь из нас умрет раньше, то другой возьмет его деньги, так что теперь я богат.

Исми беспокойно почесал свою лысину:

— А что это изменит для меня?

— Не знаю, — безразлично заметил Макс. — У меня еще не было времени подумать об этом. О твоих маленьких проблемах я подумаю чуть позже. — Он поднялся по ступенькам и остановился перед отцом. Тот был такого же роста и сложения, если не считать сутулости. Я хочу заняться коммерцией. Если я найду что-нибудь подходящее для тебя, то сразу же дам знать. В противном случае, тебе придется остаться здесь. Тебе нравится тут быть?

— Мне здесь оче~~нь~~ нравится, но если ты будешь нуждаться во мне, то я, конечно...

Макс прислонился к ограде веранды.

— Ты становишься старым,— тихо сказал он,— твои мысли туманятся. Тебя не удивило, что такой тип, как Франк, позволил раздавить себя фургон~~ом~~?

Исми подумал, что он и в самом деле должен был выразить удивление. Это дало ему понять, до какой степени то, что говорил ему сын, было правдой — он становился старым, мысли его путались.

— Я не подумал об этом, — признался он, пристально взглянув на Макса. — А как это случилось?

Макс рассказал ему историю Роя Ларсона, потом о том, как они пристрелили его брата Стива, чтобы заставить его замолчать, как Кэрол ослепила Франка, проследила его путь до Санта-Рио и подстроила ему гибель под колесами грузовика. Макс рассказывал, не торопясь, короткими отрывистыми фразами.

— Последние слова Франка были предупреждением для меня, теперь наступает мой черед, — закончил он. — Она тут, в городе. Что ты на это скажешь?

— Я предпочел бы, чтобы ты мне ничего не рассказывал, — ответил Исми.

Макс вошел в дом, потом, поднявшись по пыльному ковру, лежащему на лестнице, он открыл дверь своей комнаты и, войдя туда, закрыл за собой дверь.

Это была большая наполовину пустая комната, из окна которой виднелся порт. Атмосфера в ней была неприглядная, как в нежилой комнате. Другому, более чувствительному человеку, это не было бы безразлично, но Макс не обращал на это внимания. Для него не существовало никаких сантиментов.

Некоторое время он стоял около порога, прислушиваясь, после чего задвинул засов на двери. Миновав комнату, он подошел к шкафу, открыл его и что-то проделал с двойным дном. Он вытащил из тайника два портфеля из кожи и более полчаса занимался тем, что пересчитывал пачки из пяти и десяти долларов. Каждая пачка, перевязанная тесьмой, содержала сто банкнот. Закончив счет, он положил деньги в тайник и запер шкаф. Макс подумал о том, что теперь он богат и может делать все, что ему вздумается, и, хотя его лицо оставалось безучастным, глаза блестели от удовлетворения.

Когда Макс собирался спуститься вниз, он услышал телефонный звонок и потом голос отца, снявшего трубку.

Через несколько секунд Исми вышел в коридор и посмотрел на сына.

— Звонят относительно похорон Франка, — сообщил он с каким-то странным видом. — Может, будет лучше, если ты сам поговоришь об этом деле?

— Кто звонит?

— Из похоронного бюро относительно цветов.

— Это меня не интересует!— выпалил Макс, спускаясь по лестнице.— Скажи им, чтобы они похоронили его, как считают лучше. Я не желаю, чтобы меня беспокоили из-за пустяков. Я дал им денег, чего же им еще надо?

— Они сказали, что им привезли груды цветов, и спрашивают, хочешь ли ты, чтобы их положили в машину, а потом в могилу?— сказал Исми, глядя на сына.

Глаза Макса покраснели.

— Какие цветы?— придушенным голосом поинтересовался он.

— Орхидеи... красные орхидеи. Они сказали, что считают их не очень подходящими для погребения.

Макс вынул изо рта сигарету и уставился на пламенеющий в петлице цветок. Он прекрасно понимал, что отец пытался сказать ему еще что-то, но, поглядев на него, не посмел продолжать.

— Продолжай, отец!— резко приказал он.

— Они сказали, что к цветам приколоты визитная карточка,— промямлил Исми и снова умолк.

— От кого эта карточка?

— От Кэрол Блэндиш и Стива Ларсона!

Макс бросил сигарету в сад и подошел к двери, его глаза устремились в сторону города. На пороге он обернулся.

— Передай им, что это меня не касается!— коротко сказал он, вышел из дома и направился к автомобилю.

Сам того не замечая, он бросал взгляды направо и налево, когда шел по саду. Что-то в его неподвижности было угрожающим. И Макс невольно держался настороже...

Ничто не шевелилось, но тем не менее он чувствовал, что за ним наблюдают. Он не был обеспокоен, но в нем поднималась дикая злоба. Вырвав из петлицы орхидею, он медленно смял ее и кинул на песок аллен. Потом он загнал машину в гараж, находящийся позади дома.

— Я уеду завтра,— сказал Макс отцу, который убирал со стола после обеда.— Думаю, что устроюсь в Чикаго. Там есть один тип, который продает одно дело, и, если его цена подойдет мне, я куплю его. В последний раз, когда я там был, у него было больше сотни разных птиц, а его квартира наверху лавки была прекрасно оборудована. Ты сможешь приехать туда, чтобы заняться делом. Ты не возражаешь?

Исми поставил посуду на поднос.

— Мне бы не хотелось возвращаться к городской жизни,— после некоторого раздумья ответил он.— Ты не будешь возражать, если я останусь здесь?

Макс зевнул и протянул ноги к горящим дровам.

— Поступай как хочешь!— проговорил он и подумал, что, пожалуй, будет лучше не связываться со стариком: он любит выпивать и может стать настоящей обузой.

— Тогда я думаю, что останусь здесь,— заявил Исми. Взяв

поднос, он вышел из комнаты, и в этот момент в саду завыл пес. Поднявшийся ветер разносил его вой по всей округе.

Макс бросил взгляд из-за плеча и прислушался.

— Что это заставляет его так выть? — разозлился он.

Исми покачал головой и унес поднос на кухню. Пока он мыл посуду, пес продолжал безостановочно выть. Его жалобный вой действовал на нервы Исми. Никогда раньше животное так не выло. И как только он кончил мыть посуду, то сразу вышел в сад.

Высоко над верхушками сосен висела луна, и ее свет слегка затемнялся набегавшими облачками. Ветер свистел в кустах, и сад был полон шорохов.

Исми добрел до собачьей конуры. При его приближении пес перестал выть и заскулил.

— Что с тобой, дружок? — спросил Исми, наклоняясь к темной конуре. Он с трудом различал собаку, притаившуюся в темноте, и чиркнул спичкой. При ее слабом пламени он увидел пса с поднявшейся шерстью и глазами, полными ужаса.

Исми ощутил какую-то неуверенность и, выпрямившись, стал всматриваться в темноту. Ему показалось, что возле дома что-то шевельнулось, и он зажмурил глаза в тот же миг, когда пес снова завыл. Его внимание привлекла чья-то тень. «Это воображение», — подумал он, но тем не менее снова стал чего-то ждать. Через несколько минут он отошел от конуры и вернулся в дом. Там он с облегчением запер дверь на засов.

Макс по-прежнему сидел возле огня, когда старик вернулся в комнату. Он не заговорил и даже не поднял головы. Наступило тяжелое молчание. Был слышен лишь шум ветра, завывающего на улице, а также слабый жалобный вой собаки. Исми напряженно прислушивался и вдруг ему показалось, что он услышал легкие шаги. Он взглянул на Макса, но тот, казалось, ничего не услышал, и старик раздумал говорить. Этот звук сопровождался тихим скрежетом, который не был бы слышен, если бы Исми не напряг слух.

Он быстро поднял глаза и встретился со взглядом Макса.

— Ты слышишь? — спросил Макс, выпрямившись в кресле.

— Да, там что-то такое, — неопределенно ответил Исми.

У Макса вырвался неопределенный жест.

— Что-то со мной делается, мне почему-то все безразлично! — зло воскликнул он.

Затем Макс поднял руку, и оба мужчины прислушались к шуму на улице. Текли секунды, минуты, но они больше ничего не слышали. Ветер стих, и молчание было таким глубоким, что Макс слышал легкое дыхание отца.

Неожиданно мужчины совершенно отчетливо услышали шум, произведенный открываемым окном. Макс, с перекопленным от испуга лицом, сунул руку в карман и вытащил револьвер.

— Оставайся здесь, — шепнул он и замер, чтобы послушать, но ничего не услышал и стал подниматься по лестнице. Он не был

уверен, что в доме кто-то находится, но не желал подвергаться бесполезному риску. Дом был старым, и ветер мог спровоцировать различные шумы. Старый прогнивший паркет мог трещать сам по себе, но Макс хотел в этом убедиться.

Он дошел до верха лестницы, остановился, прислушиваясь, потом включил свет. Быстро дойдя до своей комнаты, он открыл дверь и вошел — комната была пуста. Когда он подходил к шкафу, он услышал, как снова завыл пес. Макс быстро подбежал к окну.

Сначала он ничего не заметил, но потом луна, вышедшая из-за облаков, слабо осветила сад, и ему почудилось, что он увидел мелькнувшую тень. Он еще более внимательно всматривался в сумерки, но облако вновь прикрыло луну, и все погрузилось во мрак.

Охваченный внезапной паникой, Макс подошел к шкафу и открыл его. Одного мимолетного взгляда было для него достаточно. Ящик был открыт, и все деньги, которыми он располагал, исчезли.

Он замер, устремившись взглядом в шкаф, парализованный страхом и яростью. Макс задыхался, кровь бурлила в венах, в висках. Он почувствовал в голове пустоту и оказался на грани потери сознания.

Медленно, точно старик, Макс приблизился к шкафу и похолодевшими пальцами обшарил внутренность ящика. Неожиданно его пальцы наткнулись на что-то нежное и мягкое. Он узнал эту вещь еще до того, как поднес ее к свету. С kloкочущим криком, похожим на крик дикого зверя, раненного насмерть, он бросил орхидею на пол, раздавил ее каблуком и стал бить себя кулаками в грудь в приступе непреодолимого отчаяния.

Исми нашел его катающимся по полу, подобно эпилептику и с пеной у рта. Макс истерически рыдал.

Единственная вещь, которая привлекала внимание к Палм Бич Отелю, была огромная неоновая вывеска, которую можно было видеть с другого конца Санта-Рио. Из-за этой вывески туристы ошибались, приезжая ночью и принимая Палм Бич Отель за роскошное заведение, или, во всяком случае, за отель первого класса.

При дневном свете это строение из кирпича выглядело тем, чем было в действительности: зданием третьего сорта, грязным и запущенным. Но вечером все скрывалось за пламенеющей вывеской и притягивало к себе клиентов.

Без сомнения, они оставались там не более ночи, но для отеля и такая текучая клиентура делала погоду, и дела у отеля шли хорошо.

У Палм Бич Отеля была также и своя стабильная клиентура, состоящая из низших слоев общества Санта-Рио. Время от времени эта клиентура отдавала свои долги отелю. В общем, постояль-

цы в отеле не переводились, и, несмотря на конкуренцию, отель процветал.

Когда Эдди Рейган первый раз прибыл в Санта-Рио, он совершил ту же ошибку, что и многие другие. Эдди снял комнату в Палм Бич. Очень скоро он убедился, что это отель третьего разряда, но, находясь в стесненных обстоятельствах, он не стал выезжать отсюда. Затем его дела улучшились, но он уже привык к Палм Бич и решил куда больше не переезжать. Эдди снял один из лучших апартаментов отеля и оставил его себе после первого же удачного шантажа.

Апартаменты превратились в своего рода роскошный офис, по сравнению с остальными помещениями. Эдди считался почетным жильцом и высоко ценился директором отеля.

В эту ночь, приблизительно через полчаса после обнаружения Максом пропажи всех своих сбережений, Эдди, находясь в баре Палм Бич, пыльным и затхлым, пил виски и с горечью ощущал себя совсем одиноким.

Все в отеле уже знали, что он был прямой причиной гибели Франка. Все знали, что Франк роскошно содержал Линду и что Эдди втихомолку делил с ней постель. Директор и постоянные жильцы знали про его личные дела, и Эдди знал, что каждому известен его образ жизни. Знали также, что полиция пыталась установить, был ли Эдди виновником сознательного убийства Франка. Помощник прокурора был уверен, что никакие судьи не смогут доказать, что Эдди мог появиться точно в ту же секунду, когда Франк выбежал на середину проезжей части. И вместе с тем помощник прокурора был склонен верить во все, когда дело касалось такого хитроумного дельца, как Эдди. Причина была очевидна, но недоказуема.

Линда так же, как и Эдди, ни слова не сказала помощнику прокурора о Мари Прентис. Линда сообщила ему, что, по настоянию Франка, она отправилась в кино, чего ей совершенно не хотелось, как уверяла она со слезами на глазах.

Ей не хотелось оставлять его одного. Направляясь в кино, она повстречалась с Эдди и, естественно, что они направились туда вместе. Нет, она на самом деле не в курсе, с чего это вдруг Франк отправился в город, и что она понятия не имеет, как он туда добрался. Линда, не задумываясь, отвечала на заданные вопросы, и, когда ее стали расспрашивать о ее интимной жизни, касаясь ее отношений с Эдди, она проявила такой артистический талант, используя слезы и нервные припадки, что помощник прокурора только обрадовался, когда она покинула кабинет.

Между тем смерть Франка ставила довольно сложную проблему, и помощник прокурора чуть не сломал себе голову, пытаясь ее разрешить.

Эдди решил, что в настоящее время им лучше не встречаться, чтобы не вызывать лишних разговоров и чтобы полиция не вздумала больше интересоваться их отношениями. Разумеется, ни

тот, ни другой не думали продолжать жить в Санта-Рио. Линда занималась упаковкой своего багажа, унося все свои одежды и выбирая все самое лучшее, что было в доме, чтобы быть готовой, когда полиция разрешит им покинуть этот городок. Эдди был чрезвычайно поражен и разочарован, когда выяснилось, что Франк ничего не оставил Линде. До самой смерти последнего у Эдди была приятная привилегия бесплатно пользоваться прелестями Линды. А теперь он не только был вынужден заботиться о собственных нуждах, но и думать о запросах Линды, экстравагантные вкусы которой пугали его.

Сидя за виски с содовой, он рассматривал различные варианты, благодаря которым он мог бы безбедно существовать, но ничего путного придумать не смог. Ему нужно было найти такую комбинацию, которая сразу же принесла бы кучу денег, а без них его дела выглядели печально. Но он зря ломал голову, ничего заслуживающего внимания в нее не пришло. Он злобно толкнул свой бокал к бармену, чтобы тот наполнил его, а сам закурил сигарету. Бармен налил порцию виски и проговорил вполголоса:— Смотрите!

Эдди повернулся на вертящемся табурете и увидел молодую девушку, направляющуюся к регистратуре. У Эдди вырвался стон восхищения.

Это была высокая, стройная, исключительно красивая девушка, у нее были необычайно рыжие волосы, каких он никогда еще не видел. Одета в черное с ног до головы, в роскошном меховом мантио, наброшенном на плечи и застегнутом у шеи на золотую цепочку, она представляла собой необыкновенное зрелище. На ней не было шляпы, и единственным пятном в этом ансамбле черного цвета была пурпурная орхидея, приколотая к мантио.

— Посторожите мое виски, старина,— обратился Эдди к бармену.— Хочу полюбоваться этим созданием вблизи!— и он спустился с табурета, встав на пороге бара, откуда мог лучше видеть весь вестибюль.

Гиз, служащий регистратуры, высокий тощий парень с живыми глазами, подмигнул Эдди в то время, когда девушка заполняла карточку. Эдди мигнул ему в ответ.

Возникший как из-под земли грум, взял чемодан девушки и с энтузиазмом повел ее к лифту. Эдди заметил, что девушка несла два портфеля из кожи, которые совсем не подходили под ее облик, и ему стало любопытно, что же в них такое.

Он смог лучше разглядеть прекрасную незнакомку, когда она направлялась к лифту. Девушка была немного бледна и выглядела чуть апатичной. У Эдди создалось впечатление, что он уже где-то видел ее, что весьма удивило его, так как он, безусловно, не мог бы забыть подобных волос. Но тем не менее ощущение не исчезало.

Когда она вошла в лифт, Эдди подскочил к столу регистратора.

— Кто такая? — спросил он у Гиза.

Гиз небрежно провел рукой по волосам.

— Она подписалась Кэрол Блэндиш, — взглянув в карточку, сообщил он. — Какова красотка, а? Ей недорого обойдется снятый номер. — Он качнул головой и произнес: — Эта неоновая вывеска — лучшая идея, которая когда-либо приходила нам в голову! Без нее мы никогда бы ее не поймали! Но держу пари, что она задержится тут лишь на одну ночь.

— Кэрол Блэндиш? — нахмурился Эдди. — Где же я слышал это имя? Никак не могу вспомнить. А ты знаешь ее?

— Не спрашивай меня об этом.

Внезапно Эдди посмотрел на Гиза блестящими от возбуждения глазами.

— Боже мой! Боже мой! — вскрикнул он. — Это курочка, о которой много писали в газетах... наследница... Так вот, она стоит миллионы! Правда, говорят, что она сумасшедшая.

— Это ничего не доказывает, — небрежно проговорил Гиз. — Если уж говорить о сумасшедших, то половина жителей тронутые, но у них нет миллионов. А она прекрасно сложена, да?

— Что ей здесь нужно? — задумался Эдди. — Пожалуй, эту птичку можно ощипать! — он лихо щелкнул пальцами. — Это то, что я бы назвал классной работой. Какой номер у этой рыжей? Я хочу заняться ею. Нельзя упускать такую уникальную возможность.

— Номер 247, — и, улыбаясь, Гиз добавил, — у меня есть отличная отмычка, если желаете.

Эдди покачал головой.

— Нет! Тут нужно действовать с умом, не торопясь. Первый раз в жизни я могу заняться настоящей красавицей, и я хочу продлить удовольствие!

— Это тем более приятно после всех ваших старых тетерок! — ухмыльнулся Гиз. — Я вам завидую, старина!

— Благодарю! — Эдди поправил узел галстука. — Есть в чем...

Грум поставил чемодан возле кровати, раздвинул шторы и открыл окна, забрызганные дождем и грязью, после чего широко распахнул дверь в ванную, несколько раз ударил по кровати, чтобы показать, что в ней остались пружины, и замер с протянутой рукой и с блестящими от надежды глазами. Кэрол почти не видела его стараний и ухищрений. Она страдала, у нее болела голова, а тело нуждалось в отдыхе. Неровной походкой она подошла к единственному в номере креслу и упала в него, поставив на пол возле себя оба портфеля.

Грум, маленький негодяй семнадцати лет, внимательно посмотрел на нее и решил не уходить до тех пор, пока не получит от нее на чай.

— Желаете еще что-нибудь? — спросил он повышенным голосом, так как она, казалось, совсем забыла про него. — Можно подать вам обед в номер, если хотите, а можно и зажечь огонь.

Вас заставят заплатить за это хорошие деньги, но если вы хотите, я устрою это.

Кэрол вздрогнула и взглянула на него так, как будто была близорукой. Он показался ей далеким и представлял собой нечто черное с белым и с неприятным голосом, резонирующим в голове.

— Да, огня и обед,— проронила она, плотно запахиваясь в мантию,— и обед...

Он застыл на месте, не спуская с нее глаз.

— Мне нужно прислать официанта или вас устроит существующее меню? Оно не так уж плохо, я знаю!

— Да... все, что хотите. Теперь оставьте меня одну, прошу вас!— Кэрол прижала руки к вискам.

— Вы больны?— полюбопытствовал грум.

Что-то странное исходило от этой женщины, и его охватило чувство беспокойства.

— Может, я смогу что-нибудь сделать для вас?

Она нетерпеливо раскрыла сумочку и бросила на стол, один доллар.

— Нет, оставьте меня в покое!

Он взял долгожданный доллар и, довольный, вышел из номера, прикрыв за собой дверь.

«Да, кажется,— подумал он про себя,— эта дамочка набралась наркотиков!»

Несколько минут Кэрол сидела неподвижно. Ей было холодно, и резкие боли в голове терзали ее. Она решила покинуть Санта-Рио сразу же после того, как забрала деньги Макса, но, вернувшись, стала страдать от головной боли и не смогла двигаться дальше, поэтому ей пришлось остановиться в первом же попавшемся отеле.

Вошла негритянка, чтобы развести огонь, и это изменило ход мыслей Кэрол. Она встала и прошла в ванную комнату.

В довольно маленьком и теплом помещении, где протекал душ и умывальник не отличался чистотой, Кэрол неожиданно почувствовала себя на грани потери сознания и должна была схватиться за что-то, чтобы не свалиться...

Она поняла, что умирает с голода. Кэрол ничего не ела с тех пор, как увидела Макса, выходящего из госпиталя и проследила его до дома. Сидя на краю ванной и обхватив голову руками, она слышала, как ушла негритянка, сильно захлопнув за собой дверь.

Эдди прохаживался по коридору, когда увидел официанта, толкающего перед собой столик, на котором находилась еда для Кэрол. Эдди был в отличных отношениях со всем персоналом отеля, и этот парень, по имени Брегштейн, был одним из его приятелей.

— Это для номера 247?— спросил он, доставая банкноту в пять долларов и складывая ее перед носом парня.

Брегштейн посмотрел, как он это проделывает, улыбнулся и утвердительно кивнул головой.

— О'кэй, приятель, — буркнул Эдди, сунув пятерку ему в карман, — возьми на виски. Я сам отнесу обед. Рыжие девушки — моя юношеская страсть!

— Ваша стихия немного мрачна, мистер Рейган, — сообщил ему Брегштейн.

— Да? Ничего не поделаешь, — Эдди оглядел свой смокинг. — Как ты думаешь, примет она меня за официанта?

— За киноартиста! — вздохнул Брегштейн и, с беспокойством уставившись на Эдди, добавил: — Дирекция этого не одобрит, мистер Рейган. Я не хочу неприятностей!

— Дирекция ничего не узнает, если ты сам об этом не разболтаешь, — разозлился Эдди. Он подтолкнул столик к 247 номеру, постучал и вошел.

Эдди немного удивился, обнаружив Кэрол, нагнувшуюся у огня и обхватившую голову руками.

— Ваш обед, мадам. Желаете, чтобы я расстелил вам возле огня? Я быстро!

— Оставьте его там, пожалуйста, — ответила Кэрол, даже не оборачиваясь.

— Может, вам подвинуть кресло? — уже менее уверенно спросил девушку Эдди.

— Нет... Оставьте меня одну, уходите! — раздраженно ответила Кэрол.

Внезапно Эдди заметил на полу два портфеля и остановился, пораженный. На каждом из них можно было прочесть имя владельца: на одном — Франк Курт, на другом — Макс Реза. Ошеломленный, с открытым ртом, он уставился на Кэрол. Глядя на нее, он увидел белый шрам на ее запястье. Он вздрогнул. Значит, это была Мари Прентис!

Это открытие удивило его до такой степени, что он выскочил из номера прежде, чем Кэрол успела взглянуть на него и узнать. Уже будучи в коридоре, он стал размышлять, задыхаясь от волнения и сверкая глазами. Фантастика! Кэрол Блэндиш, миллионерша, выдавая себя за Мари Прентис, ответственную за смерть Франка, и у нее находилось состояние Франка и Макса! Неужели он не сможет найти ловкий ход и сорвать хороший куш?

Кэрол завершила свой обед, который уничтожала с огромным аппетитом. Она почувствовала себя лучше. Мигрень сразу же затихла и тревожила ее уже меньше. Сняв мантию, Кэрол придвинула кресло ближе к огню и села, чтобы хладнокровно обдумать происшедшие события. Счеты с Франком были сведены, а с Максом она уже начала работу. С того момента, когда Макс вышел из госпиталя, она следовала за ним по пятам. Она даже сумела пробраться в его дом и следила за ним в щелочку двери, как он пересчитывал доллары. По выражению его лица она поняла, какое удовольствие он получал от этого занятия. Кэрол подумала, что,

отобрав у него эти деньги, она нанесет ему такую же тяжелую рану, какую он нанес мисс Лолли, отрезав ее бороду. Кэрол решила предоставить ему несколько дней покоя, чтобы он мог основательно пережить свою потерю, а после этого она покончит с ним! Ее глаза загорелись, а длинные тонкие пальцы скрючились, подобно когтям, когда она подумала об этом сладостном мгновении.

В этот момент она неожиданно вспомнила о портфелях, лежащих у ее ног. Она взяла один из них и открыла, с ужасом взглянув на старательно перевязанные пачки денег. Каждый банкнот, думалось ей, кричал о Суливанах, а на дне кожаного мешка, как ей почудилось, она даже услышала слабое эхо их голосов! С дрожью отвращения она отбросила от себя этот портфель, и его содержимое вывалилось на ворсистый ковер.

Как раз в это время дверь в номер отворилась. Эдди, готовый начать боевые действия, осторожно вошел в комнату. Его слова застыли у него на губах при виде этих валявшихся на старом ковре денег. Он сразу же понял по портфелю, что эти деньги принадлежат Франку или Максу. И он немедленно решил, что деньги Франка при всех обстоятельствах должны принадлежать Линде, а что принадлежало Линде, то, совершенно очевидно, принадлежало и ему самому.

Кэрол резко повернулась в кресле, услышав шум отворившейся двери. Она сразу же узнала Эдди и устремила на него взгляд своих больших зеленых глаз.

— Вы узнали меня? — улыбнулся он.

— Уходите! — спокойно заявила Кэрол.

Эдди облокотился о полку камина. Теперь он был уверен в себе.

— Полиция разыскивает женщину по имени Мари Прентис, — он достал и закурил сигарету, — по обвинению в убийстве. У них достаточно доказательств, чтобы она предстала перед судом.

— Выйдите вон! — повторила Кэрол и сжала кулачки.

— Вас не повесят. Вас запрут, моя нежная, лет на двадцать. — Он принялся внимательно рассматривать кончик сигареты, затем перевел взгляд на Кэрол и продолжил: — Знаете ли, жизнь в тюремной камере вам совсем не понравится. Вы уже хлебнули горя в клинике, а в тюрьме гораздо хуже!

— Зачем вы все это мне рассказываете? — надменно спросила она, опираясь на спинку кресла.

— Послушайте, моя ласковая, хорошего совета! И не вздумайте обманывать меня. Я узнал вас по вашему шраму: вы — Мари Прентис, девушка, согласившаяся стать компаньонкой Франка. Вы получили от меня деньги за то, что Франк будет заботиться с вами, а сами подстроили ему смерть. Не знаю, почему вы это сделали, но мне будет очень легко доказать вашу вину. Одновременно вы являетесь Кэрол Блэндиш, миллионершей, бежавшей из лечебницы в Гленвилле. Вы и я можем прекрасно сговориться. Для начала я возьму эти деньги, а потом вы дадите мне

чек на полмиллиона долларов. В противном случае я передам вас в руки полиции. Что вы скажете на мое предложение?

— Вы мне не нравитесь!— произнесла Кэрол, и рот ее дернулся.— Будет лучше, если вы покинете номер.

— Не забывайте, психованная куколка!— рассмеялся Эдди, обнажая свои ослепительные зубы.— Я не уйду, пока мне не заплатят. Итак, будьте благоразумны, детка. Я держу вас в своих руках, и сопротивление бесполезно!

Она смотрела на него, и он видел ее горящие глаза на бледном лице.

— Уходите!— гневно произнесла она.— Оставьте меня одну!

— Даю вам два часа на размышление,— немного удивился он.— Но в ожидании вашего решения я пока подберу эти деньги! Они не ваши!

Когда он наклонился, чтобы подобрать рассыпавшиеся деньги, Кэрол схватила кочергу и изо всех сил ударила его по голове.

У Эддихватило времени лишь растянуться на полу, и кочерга миновала его голову и задела плечо, оглушив его в болевом шоке на несколько секунд.

Но когда Кэрол бросилась на него, Эдди с проклятием поднялся и, шатаясь, ударил ее под колено так, чтобы она свалилась. Затем он схватил ее за руку, перевернул на спину и прижал к полу.

— А теперь, мерзкое животное,— злобно воскликнул он,— я покажу тебе, как начинать драку!— выпустив левую руку Кэрол, он сильно ударил ее по лицу.

Это было ошибкой с его стороны, так как освободившейся рукой она ответила с быстротой молнии. Инстинкт предупредил Эдди, и он откинул голову как раз в тот момент, когда нужно было спасти свои глаза. Ногти Кэрол прошлись по челюсти Эдди и глубоко поцарапали его. Прежде чем он очухался от страшной боли, Кэрол побежала к двери. Эдди ухватил ее за подол черного платья.

Кэрол зашаталась, но в его руке остался только клоч материи — он выпустил добычу. Она добежала до двери, прислонилась к ней, держа руки за спиной. Эдди уже поднимался с пола, когда услышал, как повернулся в замке ключ.

— Вы с ума сошли!— задыхаясь, проговорил он.— Откройте дверь или я вас так вздую, что вы запомните это на всю оставшуюся жизнь!

Кэрол вынула ключ, нагнулась и пропихнула его под дверь.

— Вместе мы отсюда не выйдем,— прошептала она.

— Вы мне за это заплатите!— испуганно пригрозил Эдди.

— А ну-ка, подойди ко мне,— промолвила Кэрол.

Выражение ледяной ярости на лице девушки ему совершенно не понравилось так же, как огонек, горевший в ее глазах.

— Я в три раза сильнее вас и быстро вас скручу. Придется отправить вас обратно в клинику.

Кэрол засмеялась шелестящим металлическим смехом, который страшно подействовал на нервы Эдди.

— Вы боитесь меня, — прошелестела она, приближаясь к нему крадущимися шагами.

— Стойте на месте! — выкрикнул он.

Он с дрожью вспомнил то, о чем писали в газетах: «Убийца! Дикая кошка... чрезвычайно опасна». Она приближалась к нему с горящими глазами и вытянутыми вперед руками.

— Так вы хотите упечь меня в тюрьму? — кричала она. — А я не желаю этого! Я не люблю сидеть взаперти!

Эдди судорожно отступил к стене. Кэрол рванулась вперед раньше, чем он оперся о стену, и ее ногти лишь на волосок не достали глаз молодого человека. Вне себя от испуга Эдди схватил ее за туловище, и в течение полутора минут они сцепились в дикой судороге. Все, что мог предпринять Эдди, — это не дать ей возможность выцарапать себе глаза. Каждый раз, когда он хватал ее за запястье, она вырывалась от него, и, хотя ей не удалось добраться до его глаз, она исцарапала ему все лицо, которое теперь сочилось кровью.

Эдди удалось ударить ее, и она снова цепко ухватила за него. Он заломил руки Кэрол за спину, заставил ее развернуться и швырнул ее на кровать. Платье Кэрол уже превратилось в лохмотья, и ему не удалось удержать ее, так как его руки скользили по коже девушки. Ей удалось повернуться и укусить его за руку. Когда он выпустил ее, она собралась с силами и ударила его ногой в пах. Пронзительная, непереносимая боль заставила его согнуться пополам, но он почти сразу же выпрямился, понимая, что промедление для него смерти подобно. И прежде чем она соскочила с кровати, Эдди сильно ударил ее кулаком.

— Я научу тебя жить, стерва! — прошипел он, поднимая кулак для следующего удара, но она прыгнула на него, и он едва успел ухватить ее за руки, защищая глаза.

Они свалились на кровать, и каждый старался одолеть другого. Она оказалась сильнее, чем он думал. Он с ужасом ощущал, как ее пальцы медленно, но верно, подбираются к его глазам.

Им овладела паника. Выпустив ее, он кинулся к двери и повернулся лишь тогда, когда услышал ее дикие крики. Она шла на него с пылающими от ненависти глазами и с перекошенными от ярости чертами лица. Эдди схватил стул и изо всех сил ударил им девушку. Стул разлетелся на несколько частей, Кэрол пошатнулась и стала падать. Уже в падении он успел ударить ее ножкой стула по затылку. Остатки стула вырвались из его руки, и он тупо уставился на лежащее перед ним тело девушки. Кровь ручьем струилась по его лицу, и ужас содеянного леденил его душу.

— Я убил ее, — пробормотал он, умирая от страха.

С минуту он простоял неподвижно и пристально смотрел на Кэрол, которая неподвижно лежала перед ним с восковым лицом. Она была почти обнаженная, один чулок спустился у нее на ло-

дыжку, а руки были забрызганы кровью Эдди. Перед этой картиной он почувствовал приступ тошноты, и в его голове промелькнула ужасная мысль. Если флики найдут ее здесь, они схватят его и обвинят в убийстве. Они никогда не поверят, что он сделал это, защищая свою жизнь.

Тогда Эдди вспомнил Гизе. Он поможет ему выйти из создавшегося положения. Если кто-нибудь и сможет помочь ему, так это только он.

Почти в обмороке он взял телефонную трубку и, когда Гиз ответил, прошептал, задыхаясь:

— Быстро! Иди сюда!— после чего он дошел до кровати, стараясь не смотреть на тело, расprostертое на полу.

Поворот ключа в замке вывел его из состояния прострации, и он встал, пошатываясь, когда Гиз вошел в номер. Он сразу остановился, обалдев от представшего перед глазами зрелища.

— Боже мой! Боже мой!— ужаснулся Гиз и запер за собой дверь.— Она мертва?

— Не знаю,— пролепетал Эдди. Он был почти невменяем. Кровь все еще текла по его лицу, пачкая воротник и пиджак.— Посмотри, что она со мной сделала! Она сумасшедшая! Кинулась на меня, как тигрица... если бы я не ударил ее...

Но Гиз больше не слушал его. Внимание Гиза привлекли разбросанные по номеру банкноты. Он бросил на Эдди неприязненный взгляд и встал перед Кэрл на колени. Нашупав пульс, он приподнял ее голову. Пальцы Гиза испачкались в крови, и на его лице появилась неприятная гримаса. Он очень осторожно уложил голову Кэрл обратно на пол, вытер пальцы об остатки ее платья и, слегка вздрогнув, встал.

— Что с ней?— спросил Эдди, судорожно глотая воздух.

— Ты разбил ей черепушку!— грубо ответил Гиз.— Зачем ты ударил ее с такой силой?

— Умерла?— дрожащим голосом спросил Эдди и обессиленно опустил на кровать.

— Ей недолго осталось жить. — мрачно констатировал Гиз.— У нее поврежден весь череп!

Эдди вздрогнул.

— Она бы убила меня, Гиз!— простонал он.— Я был вынужден ударить ее. Клянусь, я только защищался! Посмотри, что она со мной сделала!

— Расскажи это фликам!— презрительно произнес Гиз.— Если ты не придумаешь для своей защиты ничего путного, они сунут тебя в газовую камеру так быстро, что ты даже не успеешь моргнуть, как тебя закопают!

— Нет!— закричал Эдди.— Нет!

— Я не буду с тобой спорить, что бы ты мне ни говорил. Я думаю о себе, а не о тебе! Если флики узнают, что тут случилось, они закроют эту лавочку. Останови кровь!— злобно приказал он.— Ты мне испачкаешь весь ковер!

Эдди пошел за полотенцем в ванную комнату и принялся вытирать лицо.

— Нужно вынести ее отсюда, пока она не окочурилась!— с отчаянием воскликнул Эдди.— Никто не знает, что она находится в Санта-Рио. Ради господ Бога, Гиз, вытащи ее отсюда и выкинь куда-нибудь!

— Я!— возмутился Гиз.— Чтобы рисковать двадцатью годами тюрьмы! Слишком много хочешь! Может, я и мошенник, но не до такой же степени!

— Ты можешь устроить это, Гиз? Я заплачу тебе. Возьми эти деньги, там внутри больше двадцати тысяч!

Гиз изобразил на лице деланное удивление, как будто только сейчас заметил деньги.

— Вы оба очистили банк?— осведомился он.

— Это мои деньги,— печально произнес Эдди,— убери ее отсюда, и я отдам тебе все. Идет?

Гиз провел рукой по волосам.

— Полагаю, что смогу сделать это,— медленно проговорил он.— Ты отдаешь мне все деньги, если я освобожу тебя от женщины?

— Да... но давай быстрее!

— Попробую,— буркнул Гиз. Решив действовать, он нагнулся, чтобы подобрать деньги. При этом он оттолкнул ногой тело девушки, чтобы забрать банкноты, лежащие под ней.

— Сперва выручи меня!— завопил Эдди.

— Не нервничай. Я отнесу ее к служебному лифту. У нее в гараже есть машина, так что можно ею воспользоваться. Я оставляю ее прямо перед госпиталем, если там никого не будет. А тебе лучше сразу покинуть город,— продолжал он, засовывая последние деньги в портфель.— Если флики заметят тебя с такой ободранной рожей, они сразу же схватят тебя.

— Я уйду... уйду...— дрожащим голосом прошептал Эдди.— Спасибо, Гиз, ты настоящий друг!

— Что уж там,— произнес Гиз, закрывая портфель.— Я всегда питал к тебе слабость.

Эдди нетвердыми шагами прошел через комнату, чтобы подобрать другой портфель, наполовину высывавшийся из-за опрокинутого кресла. Когда он нагнулся, чтобы забрать его, Гиз в три прыжка очутился возле него.

— Минутку, старина! Это я тоже возьму!

Эдди судорожно сжал зубы.

— Это мое,— заявил он, прижимая к груди портфель.— Она украла его!

— Печальный факт!— ухмыльнулся Гиз.— Я бы заплакал от удивления, но у меня нет времени. Давай, давай!

— Но это мое!— слабо запротестовал Эдди.— Ты ведь не хочешь обобрать меня совсем, Гиз? Жалко, но это единственное, что у меня есть на свете! Мне ведь нужны деньги, чтобы уехать!

— Ты разбиваешь мне сердце!— вздохнул Гиз.— Отдавай портфель или я притащу сюда фликов!

Эдди бросил портфель на пол.

— Подонок!— завопил он.— Бери! Чтоб ты подавился этими деньгами!

— Такая опасность мне не угрожает,— подмигнул ему Гиз.— Доброго пути! Постарайся, чтобы я не скоро увидел тебя и твою изуродованную рожу! Я могу расплакаться!— и тут он расхохотался.

Онемевший от злости и бессилия Эдди бросился из комнаты так быстро, как позволили ему дрожащие от пережитого ноги.

Исми Реза ожидал в приемной павильона Монмери в госпитале Санта-Рио. Это была приятная комната, светлая, отлично проветриваемая и комфортабельно обставленная. Сам Исми уютно расположился в кресле и размышлял, как бы хорошо иметь подобное кресло у себя дома.

Он подумал об этих вещах потому, что больше стал раздумывать о Максе. Его пришлось перевезти в госпиталь, а самому Исми не позволили ехать вместе с ними. Он поехал за ними в «лаккарде» сына. Исми долгие годы не водил машины, и это занятие потребовало от него большой затраты нервной энергии.

Исми думал, что у Макса случился удар. Это было обычным явлением в их семье. У Исми тоже был однажды удар, когда он обнаружил одного из своих товарищей, растерзанным львом. А Макса стукнуло, когда он обнаружил исчезновение денег.

«Причины разные, а результат один»,— с грустью размышлял Исми. Он очень надеялся, что сын все же оправится. Исми волочил ногу, и это его немного смущало, но это будет еще хуже для такого энергичного человека, как Макс!

Дверь бесшумно отворилась, и вошла старшая сестра. Она сразу же пришла по душе Исми — ее лицо выражало доброту.

«Вероятно, это очень добрая женщина,— подумал он.— Женщина, которой можно доверять».

Он страшился того, что она ему скажет, и, когда она начала говорить, его мозг уловил лишь отдельные фразы, дошедшие до его сознания. Она говорила ему о внутреннем кровоизлиянии при разрыве шейной артерии... о параличе, охватившем левую половину его тела... о потере рефлексов...

— Понимаю,— проронил Исми, когда она умолкла,— но это очень серьезно? Он умрет?

Она сразу поняла, что старик ничего не понял и что он боится, и попыталась его успокоить.

— Нет, он не умрет, но, безусловно, останется парализованным и неспособным двигаться. Еще рано говорить о будущем, но чуть позже можно будет с уверенностью что-нибудь сказать.

— Он будет очень озлоблен!— пожаловался он сестре.— Этот

парень не из терпеливых.— Он растерянно мял свою старую шляпу.— Вы сделаете для него все, не так ли? Я не посмотрю на расходы. У меня есть деньги...

— Можете его навестить на несколько секунд,— сама не зная почему, старшая сестра пожалела старика.— Только не говорите ничего, что может его расстроить. Сейчас ему надо сохранять спокойствие.

Исми нашел Макса лежащим в маленькой палате, светлой и приятной. Голова и плечи его располагались на нескольких подушках. Старик едва узнал своего сына. Левая сторона лица Макса была искажена, что придавало ему гротескный и одновременно устрашающий вид. Угол рта был оттянут и губы, застывшие в неприятной гримасе, обнажали зубы.

Глаза Макса блестели, как раскаленные угольки. Они прямо вцепились в Исми, когда он приблизился к кровати. Эти ужасные глаза были наполнены гневом, злобой, яростью.

Около окна стояла сиделка, мисс Хеникс, высокая, темноволосяя девушка с бледным, невыразительным лицом. Она подняла голову, спокойно посмотрела на Исми, но ничего не сказала и даже не пошевелилась.

— Они сделают для тебя все возможное,— спокойно сказал Исми, опираясь на холодную белую спинку кровати.— Скоро у тебя наступит улучшение, и я буду приходить каждый день.

Макс молчал, неспособный разговаривать, и ненависть не исчезла с его лица.

— Не буду больше утомлять тебя,— произнес Исми, ощущая себя ненужным сыну,— уже поздно, я приду завтра.

Губы Макса шевельнулись, как будто он хотел что-то произнести, но из его горла не вылетело ни звука.

— Ты не должен разговаривать, тебе надо сохранять спокойствие,— проговорил Исми и удивился, что по его щеке поползла слеза. Он воскресил в своей памяти Макса маленьким мальчишкой. В то время он возлагал на него много надежд.

Губы Макса вновь колыхнулись, они составляли слово «уходи», но Исми не понял этого.

Наблюдавшая за ними сиделка прочитала это слово на губах Макса и сделала Исми знак уходить.

— Я еще приду,— сказал Исми, вытирая слезу кончиком пальца.— Не волнуйся, сынок, и не беспокойся о деньгах. У меня их достаточно, еще есть кое-какие сбережения...

Сиделка тронула его за локоть и проводила к двери.

— Присматривайте за ним хорошенько, мисс. Это мой сын.

Она коротко кивнула головой и отвела глаза в сторону, чтобы он не увидел отвращения, отразившегося на ее лице. Макс вызывал у нее просто ужас. Она возненавидела его без всякой причины, и время возле него было для нее пыткой.

Исми медленно прошел по коридору, по обеим сторонам которого находились двери. На каждой из них можно было прочесть

имя на дощечке. Исми~~н~~ вернулся к палате сына, чтобы убедиться, есть ли там дощечка, и удовольствие тронуло его губы, когда он увидел, что и Макс пользуется той же привилегией. Он желал для своего сына всего самого наилучшего.

«Какие внимательные люди,— подумал он.— Макс находится здесь всего несколько часов, и вот его имя уже на двери».

Услышав чьи-то шаги, Исми повернул голову и увидел красивого парня с девушкой, проходящих по коридору. Они остановились как раз напротив комнаты Макса, тихонько постучались и стали ждать. Исми нашел их симпатичными и продолжал смотреть на них, пока они не вошли в палату и не закрыли за собой дверь. Любопытствуя, он подошел к этой двери, чтобы прочесть имя, написанное на дощечке, и отпрыгнул, весь дрожа, как будто наступил на гадюку.

Веда и Магарт, склонившись над Кэрл, внимательно смотрели на нее. Она была бледной и казалась безжизненной. Главный врач, доктор Сантор, считал ее пульс.

— Надеюсь, что я правильно поступил, послав за вами,— обратился он к Магарту.— Естественно, я слышал всякие сплетни о мисс Блэндиш, и когда мы выяснили, что это именно она, я вспомнил, что вы являетесь ее поверенным, и счел необходимым немедленно позвонить вам по телефону.

— Ей очень плохо, да? — поинтересовался Магарт.

— Я бы назвал ее состояние безнадежным, но, по счастливой случайности, сейчас у нас находится самый крупный специалист в стране по операциям на мозге. Так вот, он решил оперировать ее и надеется спасти.

Веда сжала руку Магарта.

— Доктор Краплин считает, что сам мозг у нее не поврежден,— продолжал доктор Сантор.— Разумеется, рана очень тяжелая, но мы надеемся, что мозг не задет. Но без сомнения, он был сдавлен после несчастного случая с фургоном. Если операция пройдет удачно, то больная обретет память.— Доктор Сантор бросил на Магарта удовлетворенный взгляд.— Это означает, что она не будет помнить ничего из того, что с ней случилось после несчастного случая с фургоном.

Магарт подскочил на месте.

— Вы хотите сказать, что она даже не вспомнит меня?

— Она не будет помнить ни людей, ни событий, происшедших после случая с фургоном! Доктор Краплин заинтересовался этим интересным случаем и спорил по некоторым вопросам с доктором Траверсом из Гленвилла. Он изучил историю болезни мисс Блэндиш. Он считает, что состояние яростных вспышек гнева было вызвано сжатием мозга, и что ее можно вылечить от этих приступов.

— Надеюсь на это, ей столько пришлось пережить! — воскликнула Веда и, наклонившись, поцеловала Кэрл.— Но возможно ли излечение?

Сантор пожал плечами. Во всяком случае, он не был таким оптимистом.

— Операция начнется через полчаса, — сообщил он. — Может, после встречи с полицией вы придете сюда опять? У меня будут для вас новости.

Санта-Рио наблюдает время от времени странных посетителей. Старый Джоэ, продающий газеты у входа на вокзал, видел их всех. Он помнит о старой даме с тремя персидскими кошками, которые всюду следовали за ней, о красивой артистке, совершенно пьяной, которая, уезжая, разбила бутылку виски о голову солдата. Он помнил о богатых и нищих, праведниках и бандитах, но и он признался бы вам, что самое необычное существо, которое он когда-либо видел, была мисс Лолли Прери.

Мисс Лолли приехала тем же поездом, который привез Веду и Магарта на этот курорт у океана. Мисс Лолли понадобилось много мужества, чтобы предпринять это путешествие, но она все же решилась на него.

После визита Кэрол и, особенно после того, как она показала ей фотографию Линды Ли, совесть бедной женщины была неспокойна. Она упрекала себя в чем-то постыдном за то, что предоставила право такой молодой девушке, как Кэрол, одной распоряжаться с такими опасными гангстерами, какими являлись Суливаны! Кэрол, разумеется, хотела отомстить им, но мисс Лолли тоже жаждала мести! Как же она могла отпустить ее одну? Почему она, по крайней мере, не предложила посильную помощь?

После двух или трех дней подобных размышлений мисс Лолли решила направиться в Санта-Рио и попытаться разыскать Кэрол. Это решение доставило ей много беспокойства. Уже много лет прошло с тех пор, как мисс Лолли ездила в поезде. Она давно не была среди толпы и не ощущала на себе любопытных взглядов.

Старый Джоэ расскажет вам, как он увидел мисс Лолли, выходящей из здания вокзала в старом поношенном платье, которое она носила в течение последних двадцати лет, почти не снимая. Ее коротко обрзанная борода великолепно дополняла эту картину, и, заметив ее, старый Джоэ подумал, что у него начались галлюцинации.

Мисс Лолли остановилась совсем близко от старика и смотрела на уличную суматоху: на толпу прохожих, на молодых женщин, с виляющей походкой и почти обнаженных в своих пляжных костюмах. Эта суета приводила ее в ужас. Старый Джоэ был храбрым человеком, и, хотя он и испытывал некоторое смущение при виде этой экстравагантной особы, он все же спросил ее, не может ли он чем-нибудь помочь ей. Мисс Лолли не устояла перед его добрым лицом и сообщила, что приехала на розыски мисс Кэрол Блэндиш.

Старик с недоверием уставился на нее, посчитав ее сумасшедшей. Не говоря ни слова, он указал ей на дневные газеты, в которых говорилось о том, что знаменитая наследница миллионов

была найдена полумертвой в своей машине, стоящей напротив госпиталя Санта-Рио, и что для ее спасения будет проведена немедленная операция приехавшим светилом медицины.

Мисс Лолли едва успела осознать напечатанное, как, подняв глаза, обнаружила на другой стороне улицы Исми Резу. Мисс Лолли мгновенно узнала его; хотя не видела больше пятнадцати лет. Она сразу сообразила, что и Макс должен быть где-то неподалеку, и, поблагодарив Джоз за его любезность, бросилась вслед за Исми. Она догнала его и, остановившись, положила ему на плечо руку.

Он в недоумении смотрел на нее несколько секунд, пока не признал. Эта встреча женщины с бородой и клоуна из цирка послужила препятствием движению, так как вокруг них сразу же образовался круг любопытных. Заметив, какую сенсацию она произвела на окружающих, Исми поспешил позвать такси, заставил мисс Лолли влезть в него и сел рядом.

Толпа смотрела вслед, пока такси не скрылось из виду.

Макс был распростерт на своей больничной кровати. Его мозг был заполнен опасными и угрожающими мыслями, он буквально кипел от ярости. Как с ним могла произойти подобная вещь! Парализован! Инвалид на всю жизнь! И виновата в этом Кэрол Блэндиш! Это она прикончила Франка! Она забрала деньги! Она сделала из него несчастного калеку! И он с отчаянием думал про то, что сейчас не сможет сделать ей ничего... Она находилась вне пределов его досягаемости.

В течение восьми часов он находился тут, неподвижный, с закрытыми глазами и поглощенный раздумьями о Кэрол. Он чувствовал, как расхаживает по палате сиделка, но отказывался открыть глаза и показать, что он в сознании. Макс хотел остаться наедине со своими раздумьями. Он мечтал о мести, могущей удовлетворить его, но самые ужасные измышления, самые утонченные хитрости казались ему недостаточными.

Макс услышал, как отворилась дверь, и из-под опущенных век увидел входящую женщину. Он сразу догадался, что это ночная сиделка.

Дневная сиделка, мисс Хеникс, тихо проговорила:

— Слава Богу, что вы пришли! Этот человек вызывает во мне дрожь и отвращение!

— Он спит?— глупо усмехнулась другая.

— Да, уже несколько часов. Это единственно хорошая вещь, которую он способен делать. Я только взгляну на него — и у меня мороз пробегает по коже.

Макс услышал, как к нему подошла другая сиделка. Его жесткое лицо не изменилось, но слушал он внимательно.

— Он меня не пугает,— заметила ночная сиделка.— Конечно, нельзя сказать, что он красавец, но...

— Подождите, пока не увидите его глаза, — заметила мисс Хеникс, — тогда вы сразу перемените свое мнение. Я не удивилась бы, если бы узнала, что он кого-нибудь убил. Я никогда не видела подобных глаз, полных злобы и ненависти. Если бы вы видели, как он смотрел на своего бедного старого отца...

— Вы хотите, чтобы я заплакала? — рассмеялась ночная сиделка. Ее звали Бредфорд. — Но расскажите мне о другой больной. Это правда? Это, действительно, Кэрол Блэндиш?

Лишь ценой невероятных усилий Макс не выдал своего удивления. Он сжал под покрывалом правый кулак.

— Да, это миллионерша... настоящая красавица! Никогда не видела таких великолепных волос с такой окраской, — сказала мисс Хеникс. — Она находится в соседней палате, так что вы можете взглянуть на нее. Доктор Сантор сказал, что придет поглядеть на нее ночью. Была очень тяжелая операция, но она удалась. Доктор Краплин был потрясен! Она станет нормальной девушкой. Операция продолжалась пять часов. Я хотела присутствовать, но была вынуждена находиться здесь. — Она с отвращением посмотрела в сторону Макса.

— Пойду, на секунду взгляну на нее, — произнесла ночная сиделка. — А вы постарайтесь прийти завтра утром пораньше.

Сиделки покинули комнату, и Макс открыл глаза.

Прислушавшись, он услышал снаружи голоса, шум открываемой двери и восклицание мисс Бредфорд:

— Какая красавица!

Выходит, Кэрол Блэндиш находилась напротив него, в нескольких метрах! Смертельная ненависть охватила Макса. Если бы только он смог подняться! Если бы он смог дойти до нее! Его губы задрожали и раздвинулись в угрожающей гримасе. Сиделка... Первым делом нужно избавиться от сиделки!

О чем он думал? Он уже строил планы, как будто был способен выполнить их. Но, может быть, ему все же удастся подняться? Он попытался приподнять руку, но его левая сторона, мертвая и холодная, оказалась очень тяжелой. Он снова начал собирать свои силы, и ему удалось, наконец, повернуться на левый бок. В этом положении он мог видеть пол. Если дать себе упасть, он мог бы докатиться до двери. Он снова завалился на спину, так как входила ночная сиделка.

Она была молода, со светлыми волосами и с большими голубыми глазами, выражающими наивность и глупость.

— О, вы проснулись? — обрадовалась она. — Я ночная сиделка. Сейчас я поправлю покрывало. — Макс закрыл глаза в страхе, что она прочтет в них смертельный приговор.

— Позвольте, я поправлю вам постель? — весело вымолвила она.

«Валяй, поправляй», — подумал Макс.

Избавившись от этой женщины, он сможет добраться до Кэрол Блэндиш, даже если после этого ему придется умереть. Когда сиделка принялась поправлять ему простыню и одеяло, Макс приподнял правую руку и сделал неопределенный знак.

— Вы что-то хотите?— спросила она.

Он дал ей знак приблизиться к нему и попробовал заговорить. Она нагнулась к нему совсем близко, чтобы услышать его шепот.

Издав нечто вроде хриплого лая, Макс схватил ее правой рукой за глотку, притянул к себе и освободил из-под одеяла правую ногу, перекинул ее поперек туловища молодой женщины, которая лихорадочно вырывалась, и прижал ее к кровати. Сиделка была сильнее, чем он ожидал, и ему пришлось усилить свой нажим, от которого она пыталась высвободиться.

Макс еще больше озверел, ругаясь про себя, в то время как его пальцы впились в мягкую кожу молодой девушки, извивающейся под его рукой.

«Она не должна вырваться!— говорил он себе.— Иначе она закричит!»

Глаза девушки, обезумевшей от неожиданности и ужаса, были прикованы к его глазам, прическа ее сбилась, и волосы рассыпались по плечам. Макс был вынужден действовать быстрее, так как она почти освободилась. Он выпустил ее глотку, поднял руку, сжал кулак и изо всей силы ударил по лицу молодой женщины, наполовину повернутом к нему, ударил как по гвоздю, который необходимо вбить в стену.

Оглушенная, она отбивалась уже слабее, и Макс снова вцепился в ее горло. Между тем эта борьба изнуряла его, плечи, казалось, отваливались и были страшно тяжелыми. Глаза жертвы стали вылазить из орбит, цвет лица стал лиловым. Макс по-прежнему сдавливал горло изо всех сил, которых оставалось на дне бокала, не более. Тело молодой женщины конвульсивно задергалось от удушья, одна рука била по воздуху, но слабо и безнадежно.

Макс закрыл глаза и собрал последнюю энергию. Рука женщины перестала дергаться, и ее ладонь, теперь инертная и вялая, раскрылась. Раздался приглушенный хрип, за ним другой, и несчастная девушка свалилась на пол со сломанной шеей.

Макс откинулся на подушки, он задыхался. Эта борьба отняла у него слишком много сил, и он понял, полный тревоги и злости, до какой степени он ослабел. Но страсть убийства все еще горела в нем, толкая на дальнейшие действия, не теряя времени. Если он желает уничтожить Кэрол, он обязан действовать немедленно, но, несмотря на это, он не мог даже шевельнуться. Он ощущал себя крайне измученным, кровь стучала в его висках, вызывая головокружение и тошноту. Таким образом, он был вынужден ждать. Его правый кулак был сжат, ногти вонзились в потную кожу, и он терпеливо ждал, пока восстановится его дыхание.

Новые силы, казалось, начали пробуждаться в нем. Внезапно он услышал в коридоре шаги, и его сердце лихорадочно забилося. Ноша, возложенная на его нервную систему, могла оказаться чересчур большой. Но кто-то прошел мимо его палаты и удалился.

Это была действительно совершенно неисполнимая задача, ведь ему необходимо было переползти коридор, а если кто-нибудь будет проходить по нему, то его сразу же заметят и поднимут шум! Если бы у него был хотя бы паршивенький пистолетик! Никто не смог бы остановить его, будь у него оружие! Но Макс все равно не желал отказываться от мести. К тому же он слишком далеко зашел, и останавливаться уже было нельзя.

Макс откинул одеяло и осторожно придвинулся к краю кровати. Опустив взгляд на пол, он увидел труп сиделки, ее толстый вывалившийся язык, прикушенный белоснежными зубами... Она была ужасна... Цвет ее фиолетово-багрового лица не гармонировал со светлыми волосами.

Он медленно свесился с кровати, пока его правая рука не коснулась пола, тогда он дал себе возможность соскользнуть, опираясь на правую руку. Но когда дело дошло до его омертвевшей ноги, он не смог сохранить равновесия и резко упал на пол. Дыхание его пресеклось, все тело пронзила острая боль, и он погрузился в океан безмолвия.

Макс не имел ни малейшего представления, сколько времени ему пришлось пролежать на полу, но когда он пришел в сознание, то обнаружил, что голова его лежит на щеке мертвой сиделки, а правая рука судорожно вцепилась в ее тело. Дрожа от такого соседства, он перекатился через бок и стал подтаскивать свое тело к двери.

К своему большому удивлению, он заметил, что двигается довольно быстро. Он мог тянуть левую ногу и руку почти без труда. Макс достиг двери, приподнялся, повернул ручку, приоткрыл дверь и замер, чтобы перевести дыхание. Никогда еще он не ощущал себя таким слабым. Кровь так билась в его висках, что ему казалось, что артерии вот-вот лопнут. Вздурораженное дыхание со свистом вырывалось из глотки. Он был вынужден еще подождать, потому что понимал, что как только он появится в коридоре, его дахание может быть кем-нибудь услышано.

И пока он ждал, он чувствовал, как растет в нем ненависть к Кэрл. Теперь он приблизился к ней, и в самом скором времени достигнет и ее глотки.

Он услышал, как кто-то прошел по коридору, и рискнул посмотреть в щель двери. Напротив него стояла молодая сиделка. Она доставала из шкафа чистые простыни и что-то тихо напевала про себя. Это была красивая молодая девушка. Без всякой причины Макс уставился на дорожку на ее чулке. Это была единственная вещь, которая привлекала его внимание в настоящий момент. Девушка захлопнула ногой дверцу шкафа и ушла со стопкой простыней в руках.

Но только он собрался продолжить движение, как снова услышал чьи-то шаги. Тогда Макс быстро притворил дверь и стал ждать, стараясь не дышать и дрожа от страха, что его могут обнаружить. Пот стекал по его искаженному лицу, волосы тоже были мокрыми. Вновь приоткрыв дверь, он взглянул на дверь напротив, пытаясь прочесть имя, написанное на дощечке, но буквы оказались слишком мелкими. Совсем рядом находились еще две двери, и Макса охватила паника. Он стал думать, в какой же палате находится эта стерва Кэрл. У Макса не хватило бы времени и сил, чтобы таскаться от двери к двери, все-таки он проделывал все это слишком медленно. Нужно было войти в дверь напротив и надеяться на удачу. Он прижал ухо к полу и прислушался: большое помещение казалось таким спокойным, что шум от подъемника между этажами был единственным, что слышали его уши.

Глубоко дыша, он перебрался через порожек и потащился в коридор.

— Если бы вы увидели его теперь, — проговорил Исми, — вы бы отнеслись к нему совсем по-другому. Я великолепно понимаю, что он никогда не был хорошим парнем, но теперь... — он смолк и печально покачал головой.

Мисс Лолли с напряженным лицом продолжала расхаживать по комнате, сжимая кулаки.

Они находились в жалкой маленькой комнатке отеля, которую снял Исми, чтобы находиться поближе к сыну. Они уже более шести часов находились вместе, и все это время разговаривали о Максе.

— Я его знаю лучше, чем вы, — возразила мисс Лолли. — Это ваш сын. И несмотря на все, вы испытываете к нему отцовские чувства. Вы пытаетесь думать о нем лучше, чем он есть на самом деле. — Она дотронулась до своей обрезанной бородки. — Это дьявол... дьявол зла, как и Франк.

— Франк умер, — перекрестился Исми.

— Вот если бы и второй был мертв, — прошептала мисс Лолли. — Пока он может дышать, Кэрл находится в опасности. Я это чувствую кожей, и меня никто не сможет переубедить. Да, Исми, я чувствую это.

— Он парализован, — настаивал старик, — и вы не понимаете, что говорите. Он даже не в состоянии разговаривать.

— Он — один из Суливанов! Я боюсь. Подумать только, она находится напротив его палаты. Это слишком опасное соседство, Исми. Если он узнает об этом...

— Вы заблуждаетесь, — проворчал Исми. — Я же вам сказал, что он не может даже пошевелиться и никогда не сможет ходить. Я это точно знаю. Вспомните, что случилось со мной! Я до сих пор волочу ногу. А Максу раз в двадцать хуже, чем было мне!

Мисс Лолли открыла сумочку и достала оттуда тяжелый нож.

— Нет ничего такого, чего бы он не смог проделать ножом,— заявила она, показывая оружие Исми.— Я сохранила один из его ножей. Он способен метнуть свой нож, даже если и не сможет ходить. С таким оружием он способен на все!

— Своими словами вы режете меня на части! Вы воображаете без всяких на то оснований Бог знает что! У него нет там никакого оружия и даже ножа! Ничего... Как он сможет добраться до нее, если не шевелится?

— Я отправляюсь в госпиталь,— перебила его мисс Лолли.— Я не могу оставаться спокойной... Если бы я вас не встретила, то давно уже была бы там.

Исми встал.

— Что вы собираетесь делать? Вы хотите сказать им, кто он такой и что он делал раньше? Не делайте этого!

— Мой долг предупредить их! Я буду доверять Максу, когда он будет в могиле.

Исми схватил ее за руку.

— Не сообщайте им ничего!— умолял он.— Они не станут ухаживать за ним, если узнают правду! Сейчас они написали его имя на дощечке на двери, и у него есть личная сиделка. Он очень болен. Имей к нему хоть каплю жалости, Лолли! Ведь это мой сын!

— Он не пожалел меня, когда обрезал бороду,— прошептала мисс Лолли.

— Но теперь он беспомощен. Пойди и взгляни!! Сейчас он никому не сможет причинить зла! Когда ему станет лучше, я увезу его с собой. Не говори им ничего!

— Почему у вас такой сын?— возмутилась мисс Лолли.— Я вас предупреждала, чтобы вы не женились на этой дурной женщине! Я вам говорила, что она вас не стоит, но когда вы это поняли, то было уже поздно. Почему вы не послушались меня тогда?

Исми плюхнулся на стул.

— Вы были правы, я должен был вас послушать. Но что мне делать сейчас, Лолли? У меня уже нет будущего. Да, у меня осталось немного денег, но все они пойдут на лечение Макса. Он нуждается во мне.

Исми в отчаянии стал раскачиваться на стуле.

— Я чувствую себя таким старым, таким беспомощным, Лолли.

Пока он жаловался на судьбу, мисс Лолли подошла к двери и бесшумно ее открыла. Повернувшись, она в последний раз посмотрела на старого клоуна.

— Что с ним будет?— причитал он.— Я понимаю, что вы отчасти правы. Да, он плохой сын, и его излечит только могила. Но все-таки это сын...

Мисс Лолли больше не стала слушать его стенания. Она бегом спустилась по лестнице и, только достигнув порога отеля, заметила, что все еще держит в руках тяжелый нож Макса. Она быстро спрятала его под пальто.

Два жирных коммивояжера, толкая друг друга локтями, по-

казывали пальцами мисс Лолли, проходящую через вестибюль.
— Ты говорил о всяких чудесах в этом отеле,— обратился первый коммивояжер ко второму.— Ты оказался прав, даже женщины имеют тут бороды!

Мисс Лолли не обратила никакого внимания на их слова. Она вышла на темную улицу и поймала такси. Было уже одиннадцать часов, когда она приехала в госпиталь Санта-Рио.

Сторож у входных ворот уставился на нее со смесью неприязни и отвращения.

— Вы никого не застанете здесь в этот час,— заявил он.— Приходите завтра. Начальник сейчас отдыхает, а врач делает ночной обход. Нечего совать мне под нос свою паршивую бороденку, все равно вы не войдете!— и он захлопнул дверь в сторожку перед самым носом мисс Лолли.

Она взглянула на огромное здание с сотнями ярко освещенных окон. Где-то в этом огромном здании находится Макс, а напротив его палаты лежит Кэрол!

Мисс Лолли чувствовала приближение опасности. Она отлично знала, на что способен этот убийца! Если он случайно узнает, что Кэрол находится от него в нескольких метрах, то он перевернет небо и землю, чтобы прикончить ее! Надвинув свою шляпку поглубже на голову, мисс Лолли осторожно прошла мимо сторожки и быстро кинулась к главному корпусу госпиталя.

Максу удалось добраться до двери напротив. Он осторожно приподнялся на своей единственной послушной руке, чтобы прочитать имя на табличке. Дикое торжество блеснуло в его глазах, когда он прочитал: «Кэрол Блэндиш». Итак, она находилась там, за этой дверью, уже совсем близко. Он с трудом повернул дверную ручку, толкнул дверь и вполз в палату, прикрыв за собой дверь.

Комната была погружена в темноту, лишь маленькая синяя лампочка, висевшая над кроватью, давала немного света. Макс, ослепленный контрастом между ярко освещенным коридором и этим полумраком, сперва ничего не увидел. Затем, мало-помалу он стал различать предметы: кровать посреди комнаты, белый эмалированный стол возле нее и столик возле окна. Ближе к белому столу находилось кресло. Но все внимание Макса сконцентрировалось на кровати.

Он дополз до нее и замер. Кровать оказалась слишком высокой, даже приподнявшись, Макс мог дотянуться лишь до края матраца. Он чуть приподнялся на правой руке и увидел Кэрол, но его левая рука была мертва, и он не смог добраться до ее глотки!

Кэрол лежала на спине, одеяло закрывало ее почти до подбородка. Лицо девушки было белым, как снег, даже при свете синей лампы. Ее можно было принять за мертвую. Прекрасная и неподвижная... Но он все же сумел увидеть, как ритмично поднима-

лась ее грудь. Голова Кэрол была забинтована, и ее восхитительные волосы чуть виднелись из-под повязки. Макс ничего этого не видел и не замечал. Он был чувствителен лишь к одному: рядом находилось существо, которое он жаждал прикончить, и это существо ускользало, находясь от него в такой близости. Он задрожал от ярости и схватился за ножку кровати, пытаясь выпрямиться, но его парализованная сторона оказалась слишком тяжелой.

Одно мгновение он думал, что сейчас с ним случится второй удар. Быть так близко от нее, столько выстрадать, чтобы доползти до нее, и ничего не сделать! Он растянулся на полу, пытаясь замедлить биение сердца и уменьшить страшный шум в висках. Он должен был немного подумать и найти возможность добраться до ее шеи.

Может, подтолкнуть кресло к кровати, влезть на него и таким образом достать ее? Он начал ползти к креслу, как вдруг его уши, чутко прислушивающиеся, предупредили его — сюда кто-то идет!

Макс замер и затаил дыхание. Теперь он был мертвее трупа.

В страшной тревоге, задыхаясь, мисс Лолли бежала коридором госпиталя. Никто не видел, как она сумела проникнуть в госпиталь, но несколько раз ее чуть было не обнаружили. Ей было трудно найти нужную палату, но она вспомнила слова Исми, что Макс лежит на третьем этаже. Тогда она с трудом взобралась по пожарной лестнице, почти уверенная, что там она никого не встретит.

Но на третьем этаже лестничной клетки о чем-то болтали сиделки, и мисс Лолли пришлось долго ждать, когда представится возможность пробраться в коридор. Наконец, попав в коридор, она стала искать палату с именем Макса на табличке.

Первым делом мисс Лолли решила посмотреть на Макса. Если он был так плох, как утверждал Исми, она его не выдаст. Но она знала Макса и не доверяла ему. Исми был простодушным человеком, доверявшим всем на свете. Ей же казалось невозможным, чтобы Макс мог измениться.

Имя Макса бросилось ей в глаза, и она резко остановилась. Он находился здесь, за этой дверью.

«Стоило создавать столько шума из-за этого негодяя!» — подумала она с негодованием. Мисс Лолли прислушалась, что там творится за дверью, но ничего не услышала. Внезапно она ощутила дрожь, ей стало холодно от одной только мысли об этом подонке. Мисс Лолли вспомнила последнее посещение Макса, холодную злобу его взгляда и ненависть, которую она прочитала в его глазах. Как быстро он тогда ударил ее, она даже не успела приготовиться.

Инстинктивно она подняла руку к ножу, спрятанному под пальто, и, повернув дверную ручку, заглянула в палату. Вид трупа женщины с высунутым языком, лежащего в ногах у кровати,

так ошеломила ее, что она застыла на месте. Заметив беспорядок на кровати, она сразу поняла, что это означает. Успела она или нет? Мисс Лолли поняла, что нельзя терять ни секунды, и, скинув с себя одеяло, быстро повернулась и кинулась к двери напротив.

Мисс Лолли ни на секунду не подумала о себе. Ее единственным желанием было спасти Кэрла. Она открыла дверь и очутилась в полутьме. Макс, притаившийся в темноте, сразу же узнал ее и с трудом удержал стон ярости, увидев ее здесь. Он понял, что пока она его не видит, так как еще не привыкла к темноте. Ему следовало избавиться от мисс Лолли, если он хочет довести свою месть до логического конца. Макс пополз к бородатой женщине, задерживая дыхание, но в тот момент, когда он почти добрался до нее, мисс Лолли обнаружила его.

Она не знала, что такое двигалось к ней, она могла лишь различить темную массу, но сразу же догадалась, что это мог быть только Макс.

Оледенев от ужаса, она сделала шаг назад. Рука Макса уже ухватила за край ее платья. Ее охватил жуткий страх, и, нагнувшись над Максом, она изо всех сил ударила его ножом.

Лезвие проникло под кожу, скользнуло сбоку и вонзилось в пол.

Секунду или две они находились друг против друга, затем, взмахнув правой рукой, Макс ударил мисс Лолли кулаком по голове и свалил ее на пол.

Тем не менее он был напуган. Кровь текла из его бедра, и он не мог понять, задел ли нож артерию. Эта дура оказалась такой неловкой! Для Макса, специалиста по метанию ножей, ударить таким образом казалось невероятным! Она держала его жизнь в своих руках и так промазала!

Скривившись от боли, он схватился за ручку ножа. Теперь, по крайней мере, он имел то, что ему было необходимо — оружие! Старая бородатая идиотка дала ему нож, без которого вряд ли что-нибудь удалось! Но мисс Лолли так глубоко вонзила его в пол, что ему никак не удавалось вытащить его. Он понимал, что силы его иссякают, хотя кровь по-прежнему бурлила в его висках. Охваченный внезапной судорогой, он еще раз ухватился за нож и заметил, что мисс Лолли медленно поднимается.

«Дело плохо!» — злобно подумал он и стал ругаться, но ни один звук не слетел с его губ.

Мисс Лолли уже стояла в своей ужасной шляпке, сдвинувшейся набок, с круглыми от страха глазами, и опиралась о край кровати, став между Максом и Кэрлом, лежащей без сознания.

Макс навалился на нож и принялся раскачивать его. Потихоньку нож стал поддаваться.

Бледное лицо кровавого убийцы озарилось триумфальной улыбкой предчувствия мести.

— Нет! — простонала мисс Лолли. — Нет, не надо!

Макс улыбнулся ужасающей гримасой, таща нож за рукоятку из последних сил.

Мисс Лолли видела его ужасную улыбку. Она понимала, что случится, как только он завладеет ножом. Она посмотрела вокруг себя, ища какое-нибудь оружие для защиты.

В одном из углов палаты стоял баллон с кислородом. Мисс Лолли подбежала к баллону, схватила его и возвратилась назад.

В этот момент нож наконец-то освободился. Чуть повернувшись, Макс метнул его в бородатую женщину. Мисс Лолли издала хриплый крик и подняла баллон в тот миг, как в ее плоскую грудь вонзился тяжелый нож. Несколько секунд она оставалась неподвижной с поднятым над головой баллоном. Из ее старого черного платья торчала рукоятка ножа.

Затем колени мисс Лолли подогнулись, и она упала на пол, растянувшись во всю длину тела. Баллон из ее рук свалился возле самой головы Макса, буквально на расстоянии в один палец.

Макс медленно пополз к своей очередной жертве. Приблизившись к старой женщине, он плюнул ей в лицо. Он понял, что ее удар ножом все-таки оказался для него смертельным, так как он не мог остановить кровотечение. Он чувствовал, как жизнь уходит из его тела вместе с кровью и как постепенно немеют его конечности.

Но у него оставался еще один шанс отомстить, при условии, что действовать он будет, не задерживаясь и не отвлекаясь на мелочи. И если ему удастся вытащить нож из груди мисс Лолли, то, может быть, у него хватит сил и бросить его! А оттуда, где он сейчас находился, Кэрол представляла собой идеальную мишень!

Он вновь ухватился за рукоятку ножа и снова попытался вытащить лезвие. Рукоятка теперь была скользкая от крови, но он все же сумел добиться своего. Но теперь Макс был так слаб, что лишь с трудом поднял нож. Он повернулся и осмотрел комнату.

Неожиданно он вспомнил о том времени, когда они с Франком работали в цирке. Эта девушка, лежащая в кровати при синем свете лампы, напоминала ему другую, которая стояла, прислонившись к щиту, в то время, как он окружал ее тело фосфоресцирующими ножами. Он вспомнил день, когда впервые достиг нужного результата. Макс и сейчас мог совершенно точно бросать ножи, несмотря на то, что умирал, правда, у него не было сил.

Его отец говорил ему много-много раз:

— На свете нет метателей ножа твоей силы. Я никогда не видел, чтобы ты промазал! Ни одного раза!

«Он был прав», — подумал Макс и собрал последние силы.

Цель была близка. Он различал шею Кэрол как раз над белой простыней. Но, к счастью для нее, нож был очень тяжел. Макс приподнялся в последнем усилии и замер пораженный. Внезапно в комнате повеяло холодным ветерком, и Макс заметил движение тени, отделившейся от стены и ставшей посередине комнаты.

Макс безнадежно уставился на нож. Волосы на его голове стали дыбом, по всему телу пробежала ледяная дрожь.

Из темноты возник Франк с плотоядной улыбкой на своем жирном лице. Он был одет, как всегда, в черном плаще, черной шляпе и в черных брюках на слоновых ногах.

— Ты слишком долго ждал, Макс! — смеялся Франк. — У тебя ничего не выйдет! — и он снова расхохотался.

Макс тупо уставился на наварника, размахнулся ножом, так как его мозг уже выдал команду бросить этот нож. Бесполезный приказ — нож медленно выскользал из его пальцев.

— Слишком поздно, слишком поздно, Макс... — пробормотал Франк из глубины комнаты.

Рука Макса дернулась, и нож упал на пол.

— Иди ко мне, Макс! — настойчиво призывал его Франк. — Я давно жду тебя!

Перед тем как умереть, Макс с удовлетворением подумал, что он не подмолил своей репутации. Он не промахнулся мимо цели... так как не метал ножа.

Несколькими минутами позже Кэрл вздохнула и открыла глаза. Она не могла видеть со своей кровати той ужасной картины, что окружала ее. Неподвижная и спокойная, отмытая от всего прошлого, она спокойно устремила свой взгляд в потолок. Она ожидала ночную сиделку.

ПОЙМАТЬ ТИГРА ЗА ХВОСТ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Кен Холанд почувствовал себя сильно огорченным при виде поезда, увозящего Ани. Он помахал ей на прощанье рукой, она ответила жестом и исчезла из виду.

Он медленно направился к выходу.

Так как его мать предложила взять ее с собой в Лондон, ей нельзя было упустить такой возможности, говорил он себе. Она не хотела оставлять Кена и дом. Но он заметил ей, что Керри, их уборщица-мулатка, приходит каждый день и что если она даже когда-нибудь не сможет приготовить ему еду, то он сможет пойти в ресторан.

Но Кен должен был оставаться совсем один, и это обстоятельство ужасало Ани. В то время как она будет бездельничать в Лондоне, ее бедный муж будет тянуть лямку в своем мрачном банке.

— Ведь такой случай проехаться в Лондон встречается не каждый день, — возразил он.

А что касается того, чтобы остаться одному, то он собирался хорошо использовать это время. Он увидит своих старых друзей, пойдет в «ночную коробку», в театр, может быть, напьется и будет возвращаться домой, в каком часу ему захочется.

Ани со снисходительной улыбкой слушала рассуждения своего мужа, она прекрасно знала Кена. Он будет несчастен, как камень, будет возвращаться домой в обычное время, возиться в саду до часа телевизионных передач и обедать банкой консервов.

В конце концов он уговорил ее поехать, а теперь, когда она уехала, он почувствовал себя несчастным.

Усевшись в свой старый «линкольн», он нажал на стартер и направился в банк.

Он задавал себе вопрос, что он будет делать вечером? Пол Вилсон и Бад Байли, с которыми он часто развлекался до женитьбы, будут ли они довольны повидаться с ним? Он не видел Вилсона четыре года. Время от времени он встречался с Бадом Байли, но у них уже ничего не было общего, когда они виделись: легкий

приветливый жест руки и улыбка — этого было для них достаточно. Он понял, что ни тот ни другой не станут прыгать от радости при мысли отправиться куда-нибудь в его компании. Потом, какой смысл возобновлять с ними знакомство, чтобы потом, после приезда Ани, снова пренебречь им.

В этот вечер, судя по программе, по телевизору не было ничего интересного, но все равно лучше будет вернуться домой. К чему менять свои привычки под предлогом того, что его жена будет отсутствовать неделю?

Паркер, который работал у соседнего окошка, приветствовал его многозначительной улыбкой.

— Вам нравится снова стать холостым? — спросил он, открыв одним поворотом ключа свою кассу. — Чего бы я только ни дал, чтобы моя жена уехала хоть на недельку отдыхать. Вот уже четырнадцать лет как она сидит у меня на шее.

Кен пытался реагировать на тяжеловесные шутки Паркера, но без особого успеха.

Паркер в сорок пять лет начал уже полнеть и лысеть. При любой возможности он любил вспоминать свое веселое и бурное прошлое.

— Если вы хотите немного переменить обстановку, — продолжал Паркер, открывая свою кассу, — то я советую вам отправиться в «Сигнал» и провести там вечер. Я, к сожалению, никогда там не был, но старый Хемингуэй все время проводит там. Там, кажется, очень хорошо: хорошая пища, невысокие цены и курочки для развлечений. Их, конечно, нужно оплачивать, но с женщиной, которой платишь, не рискуешь соскучиться. Перемена полезна. Все мы, верные мужья, себя губим. Никому не принесет вреда, если время от времени менять женщину.

— Меняйте женщин, если хотите, — со смехом проговорил Кен, — но меня полностью удовлетворяет моя.

Тем не менее в это утро он стал жертвой странного состояния возбуждения, совсем для него необычного и необъяснимого. С тех пор, как он женился, он чувствовал живейшее удовольствие и настоящее удовлетворение, когда видел жену, возвращаясь вечером домой. А теперь, при мысли вернуться в пустой дом, ему становилось не по себе.

А если он не пойдет домой после того, как окончит работу в банке, то куда ему пойти?

Он, безусловно, мог попроситься в гости к кому-нибудь из сослуживцев, но к ним он предпочитал ходить с Ани, и если говорить откровенно, то ему хотелось в этот вечер совершенно переменить обстановку.

Разговор, который он имел с Паркером, пришел ему на ум. «Сигнал»... Он часто проходил мимо этой ночной коробки рядом с Май Стрит, сверкающей хромом и неоновым освещением с той и другой стороны двери, с цветными фотографиями наполовину голых женщин.

Это было место развлечения не для банковского служащего, respectableного и женатого.

Когда он запер ящик своей кассы, чтобы отправиться завтракать, он твердо решил и не думать о «Сигнале». Никаких историй. У него теперь есть обязанности. А главное, он любит Ани больше всего на свете. Он вернется к себе домой, уверял он себя, проходя в гардероб для служащих, чтобы забрать свою шляпу.

Когда Кен вошел, Паркер мыл руки.

— А, вот и вы, — сказал он, беря полотенце, чтобы вытереть руки. — Итак, вы уже все решили относительно вечера: вино, любовь и песни или только любовь?

— Я останусь у себя дома: мне нужно подстричь лужайку.

Паркер скорчил гримасу.

— Вот как! Вы, значит, погрязли еще больше, чем я. Подстригать лужайку... когда отсутствует жена! Я лично знал бы, что мне делать! Серьезно, Холанд, у вас есть обязанности по отношению к самому себе. То, что не видит глаз, не ранит сердце. Это, может быть, последняя у вас возможность до того времени, как вы состаритесь.

— О! Все и так идет отлично, — сказал Кен. — Что в вас удивительно, так это то, что вы до сих пор сохранили мальчишеские замашки.

— И я очень доволен этим! — сказал Паркер. — Когда я не найду ничего лучшего для своего развлечения как заниматься лужайкой, значит, я уже буду импотент.

Кен ушел, не дослушав его, и направился к лестнице служебного входа. Разговоры Паркера начали надоедать ему. С озабоченным видом он проследовал по тротуару, который вел к ресторану, где он завтракал каждый день.

Он не мог удержаться от мысли, что Паркер все же был прав. Может быть, он погряз в косности после своей женитьбы? Когда он будет старым и немощным...

— Да! У меня, может быть, больше никогда не будет возможности доставить себе удовольствие? Ведь могут пройти годы, прежде чем Ани снова будет отсутствовать. Не хочу ли я на самом деле поразвлечься?

Высокая, стройная блондинка в белом летнем платье шла перед ним. Его взгляд привлекли легкие движения ее бедер, и его внезапно охватило непреодолимое желание побыть с ней наедине.

Он быстро отвел глаза. Никогда он не смотрел так на женщин, с тех пор как женился на Ани.

— Что со мной делается? — подумал он. — Я становлюсь таким, как Паркер.

Он снова стал смотреть на блондинку, думая о том, что одна ночь с ней была бы волшебной.

— Люди не страдают от того, чего не видят, как сказал Паркер. Это была правда. Ани никогда не узнает. В сущности, какой женатый мужчина никогда не позволяет себе не-

большое развлечение! Почему это он должен быть исключением?

Решение было принято: он отправится сегодня вечером в «Сигнал», и, может быть, какая-нибудь блондинка, такая, как та, что шла перед ним, уделит ему немного времени без особого затруднения.

Нечего раздумывать. Пусть это будет последняя приятная прогулка, его лебединая песня, что ли!

День тянулся медленно. В первый раз в его жизни работа ему была неприятна, и он ловил себя на том, что все время поглядывает на висящие часы.

Теплый воздух, проникающий через окно, шум от проезжающих машин и красные лица клиентов раздражали его.

— Идеальный вечер, чтобы подстригать газон! — заявил Паркер с иронической улыбкой, когда служащий стал закрывать двери банка. — Вы будете потеть, как бык.

Кен ничего не ответил и стал проверять свою кассу.

— У вас нет инициативы, Холанд, — продолжал Паркер. — Вы без труда найдете человека, который займется вашей лужайкой в то время, когда вы будете развлекаться.

— Не настаивайте больше, я прошу вас, — сухим тоном проговорил Кен. — Вы даже не оригинальны.

Паркер задумчиво посмотрел на него, вздохнул и покачал головой.

— Упустить подобный случай! Ах! Если бы я был на вашем месте!

Они оба молча работали до тех пор, пока не проверили свою наличность. Потом Паркер продолжал:

— Если у вас есть машина, вы могли бы довезти меня до дома.

Паркер жил недалеко от Кена, и, несмотря на то, что ему совершенно не улыбалась такая компания, он не смог отказать ему.

— Согласен, — сказал он, убирая свои книги и запирая кассу. — Только не копайтесь, а то мне уже надоело здесь болтаться.

В машине, которая включилась в общий поток машин, Паркер стал просматривать газету и обсуждать последние новости.

Кен слушал его, что называется, краем уха.

По дороге к дому его обычная осторожность снова взяла верх над желанием. Какое идиотское предположение, что он может не ночевать дома! Один неверный шаг — и он рисковал скомпрометировать счастье своей супружеской жизни и разрушить свою карьеру!

— Не трудитесь довозить меня до моего дома, — неожиданно сказал Паркер. — Я хочу немного размять ноги. Высадите меня у своего дома, а остальной путь я проделаю пешком.

— Мне совсем не трудно доставить вас до вашего дома.

— Мне хочется пройтись. Потом вы можете предложить мне стаканчик виски. Мне сейчас оно очень необходимо, а дома его у меня нет.

Кену хотелось сказать, что у него тоже нет виски, но он удержался. Движение становилось все оживленнее, он немного замедлил скорость, потом остановился около красного павильона, похожего на остальные по этой улице.

— Ну вот! Ваша лужайка действительно нуждается в уходе, — сказал Паркер, выходя из машины. — Вот какая забавная работа.

— Здесь работы ненадолго, — возразил Кен, идя по аллее.

Он открыл входную дверь, и они вошли в маленький вестибюль.

Воздух был затхлый. Кен побежал в гостиную и широко распахнул все окна.

— Пфф! Они были закрыты весь день, не так ли? — спросил Паркер, проследовав за ним.

— Весь день, — ответил Кен, снимая пиджак и падая в кресло. — Наша уборщица приходит только по утрам.

Ему уже не хватало присутствия Ани, шума ее шагов. Павильон казался ему мертвым и пустым.

Кен приготовил два больших стакана виски, потом оба закурили сигареты и взяли свои стаканы.

— Быстро, — проговорил Паркер. — Моя жена удивится, почему я так опаздываю. Я не могу сделать ни малейшего движения, чтобы она не стала бы задавать мне вопросы.

— Вот вы и попали в переплет, — с улыбкой сказал Кен.

— Это могло быть и хуже. То, что не видит глаз... По правде говоря, у меня есть маленькая подружка, о существовании которой я остерегаюсь проговориться жене. Это не так-то легко, но я все же умудряюсь ходить к ней раз в месяц, когда моя жена навешает свою мать.

Кен изумленно спросил:

— Каким образом?

Паркер посмотрел на него краем глаза.

— Вот как это делается. Старый Хемингуэй познакомил меня с девочкой. Все проходит очень скромно, никто не рискует, что его увидят: они заботятся об этом.

Он вынул бумажник и достал одну из своих визитных карточек, что-то написал на ней.

— Вот номер ее телефона. Ее зовут Фей Карсон. Вам стоит лишь позвонить и сказать ей, что вы хотите с ней встретиться, и она назначит вам свидание. Она берет дорого, но она стоит этого.

— Мне этого не нужно, — решительно возразил Кен.

— Кто знает, — сказал Паркер. Он допил свой стакан и встал. — Я обещал ей рекомендовать ее моим знакомым, а я всегда выполняю свои обещания.

Кен взмахом руки смахнул карточку на пол.

— Сохраните это,— сказал Паркер.— Ничего нельзя знать заранее. Малышка потрясающая. Я не стал бы вам рекомендовать «Эй, ложись-ка здесь!». Эта девушка замечательная во всех отношениях.

— Я в этом не сомневаюсь,— резко проговорил Кен,— но она меня не интересует.

— Тем хуже для вас. До завтра. Спасибо за виски.

— Я предпочел бы, чтобы вы забрали ее,— сказал Кен, показывая жестом головы на карточку, лежащую на полу у камина.

— Не надо, чтобы она лежала там. Спрячьте ее для другого случая.

— Лучше возьмите ее,— сказал Кен, нагибаясь, чтобы поднять карточку.

— Ну что вы! До свидания. Я бегу. Не надо меня провожать, я знаю дорогу.

И Паркер прошел через вестибюль и через входную дверь и исчез в аллее.

Кен, держа карточку в руке, невольно прочел номер телефона: «Риверсайд 33344». Он подумал секунду, потом разорвал карточку и бросил ее в корзину.

Потом он взял свой пиджак и, пройдя по коридору, зашел в спальню. С порога большая светлая комната показалась ему невероятно чистой и покинутой. Он бросил пиджак и стал раздеваться. Сквозь опущенные шторы можно было видеть, как косые лучи солнца заливали лужайку. Было еще слишком рано заниматься садовыми работами. Он отправился в ванную под душ.

Он почувствовал себя лучше, когда надел рубашку с отложным воротником и старые брюки. Он вернулся в гостиную и стал осматриваться.

Шесть часов двадцать минут: еще было далеко до того времени, когда можно будет лечь в постель, а он уже чувствовал себя одиноким.

Он подошел к столу, налил себе виски, вернулся к креслу со своим стаканом, включил радио и стал смотреть на стену напротив него.

Итак, Паркер обзавелся подружкой. Это очень удивило Кена. Он всегда считал Паркера простофилей.

Услышав передачу о конференции по атомным бомбам, он включил приемник, потом встал, подошел к окну и выглянул наружу. У него не было ни малейшего желания заниматься газоном или просто спуститься в сад и прополоть клумбу с розами, в чем она сильно нуждалась.

Он вышел на площадку. Воздух был тяжелым и жарким. Он подумал, что, вероятно, будет гроза и что дождь принесет немного прохлады. А садом лучше будет заняться завтра.

Приняв такое решение, он почувствовал себя спокойнее.

Вернулся в гостиную, допил свой стакан виски, налил новую порцию и отправился на кухню со стаканом в руке, чтобы обследовать содержимое холодильника.

Ани оставила ему холодного вареного цыпленка, но его надо было нарезать. Там было также немного ветчины, но ее ему не хотелось есть. Он закрыл холодильник и пошел обследовать специальный ящик с консервами, которые его жена купила для него.

Он открыл банку с семгой, намазал себе хлеб маслом и сел за стол на кухне.

Ему не то чтобы хотелось есть, но во время еды быстро проходило время.

В семь часов двадцать минут он закончил свою трапезу и убрал грязную посуду.

Он вышел на площадку, чтобы покурить, и с надеждой поглядел на спокойную и пустую улицу... Ему хотелось, чтобы появился кто-нибудь из его соседей или чтобы позвонил телефон. У него была потребность поговорить с кем-нибудь. Это было в первый раз, чтобы он оказался один в доме с того времени, как они поженились с Ани, и это ему совсем не нравилось.

Пожимая плечами, он вернулся в гостиную и включил телевизор. На экране появилась блондинка, которая прохаживалась в короткой юбке с воланами. Он сел, чтобы лучше рассмотреть ее. Она напомнила ему ту высокую блондинку, которую он видел на улице, когда ходил завтракать, и снова почувствовал, как его охватила дрожь желания.

Он выключил телевизор и стал ходить по комнате взад и вперед. Банальная фраза Паркера неотступно лезла ему в голову: если глаза не видят, душа не болит.

Он еще раз посмотрел на часы. Через час будет совсем темно. Он вернулся к бутылке с виски. Там оставалось лишь на дюйм, и он вылил остаток в стакан. Проглоченная жидкость произвела свое действие, и настроение Кена заметно улучшилось. Он посмотрел на себя в зеркало, висевшее над камином, и увидел изображение высокого темноволосого парня лет тридцати, довольно красивого. В этот вечер в его черных глазах блеснул огонек. Он улыбнулся себе.

Подняв стакан, он выпил в свою честь.

— Я ухажу, — громко проговорил он. — Это все же лучше, чем прохлаждаться здесь, никого не видя.

Он опорожнил стакан, поставил его на стол и проследовал по коридору в спальню.

Он снял свою рубашку и достал чистую из комода. Надевая ее, он подумал, что, может быть, будет осторожнее позвонить по телефону подружке Паркера, чем рисковать быть замеченным в «Сигнале». Застегивая пуговицы, он вернулся в гостиную.

А какой номер ее телефона? Он закрыл глаза, чтобы попытаться вспомнить его, и обнаружил, что он более пьян, чем думал. «Риверсайд 33344».

— Все зависит от того, какой у нее голос и что она ответит, — подумал он. — Если у нее неприятный голос, я повешу трубку, если она не ответит, я займусь своей лужайкой.

Он с бьющимся сердцем набрал номер, прижал трубку к уху и стал прислушиваться.

— Ее нет дома, — сказал он себе через несколько секунд. Он почувствовал и облегчение, и разочарование. Он собирался уже повесить трубку, но вдруг услышал щелчок и на конце провода раздался женский голос.

— Алло!

— Я говорю с мисс Карсон?

— Да. Кто у телефона?

Он с улыбкой слушал ее веселый и вибрирующий голос.

— Вы меня не знаете. Один из моих друзей...

Он остановился, так как почувствовал, что начнет путаться.

— А, хорошо! — весело проговорила она. — Ну, не стесняйтесь! Вы хотите прийти ко мне?

— Я мечтаю об этом. Но вы, быть может, заняты?

— Нет-нет. В какое время вы хотите прийти?

— Я не знаю, где вы живете.

Девушка рассмеялась.

— Лесингтон авеню, 25. Вы знаете, где это?

— Проехав Гранбурн стрит, да?

— Вот-вот. Я живу наверху, надо мной находится только небо. У вас есть машина?

— Да.

— Не ставьте ее перед дверью. В конце улицы имеется стоянка.

Лесингтон авеню находилась на другом конце города. Ему понадобится двадцать минут, чтобы доехать. Часы на камине показывали немногим более восьми часов.

— Я буду у вас в девять часов, — сказал он.

— Я буду вас ждать. Парадная дверь будет открыта.

— Договорились.

— Итак, в девять часов. До свидания.

Она повесила трубку. Он медленно сделал то же самое.

Достав из кармана носовой платок, он вытер лицо. Еще ничего не сделано, подумал он, и я не знаю, пойду ли я туда. У меня есть еще сорок минут, чтобы принять решение.

Он вернулся в спальню и начал собираться. Завязывая галстук, он думал о ее голосе и старался представить ее себе. Блондинка ли она? Была ли она высокой? Ее голос казался очень молодым. Паркер сказал, что она потрясающа. Она должна быть очень красива, раз Паркер так отзывался о ней.

Кен надел пиджак, вышел из спальни и вернулся в гостиную, в которой долго стоял колеблясь.

— Я ведь все же могу поехать и посмотреть, — решил он. — Если она слишком противная, я не пойду к ней.

Он взял с собой бумажник и проверил его содержимое. Его руки немного дрожали, и он иронически усмехнулся.

Выходя из дома, он старался не смотреть на фотографию Ани в серебряной рамке, стоявшую на письменном столе.

Глава 2

В большом парке обслуживания в начале Лесингтон авеню было только четыре машины. Сторож, старый человек в белой блузе, вышел из своей будки и сделал Кену знак, чтобы он поставил свою машину позади старого «бьюика». Когда Кен выключил мотор и вышел из машины, сторож спросил его:

— Вы надолго, мистер?

— Я еще не знаю, — осторожно ответил Кен. — Это зависит от друзей, с которыми я хочу повидаться. А на сколько времени я могу оставить здесь машину?

— О! Хоть на целую ночь, если хотите. Остальные остаются до утра. Этот квартал стоит того! — сказал сторож с многозначительной улыбкой в то время, как Кен, немного смущенный, оплачивал стоянку.

Сторож вернулся в свою кабинку, а Кен устремился по Лесингтон авеню. Ночь уже наступила, и он не рисковал, что его заметят. Кроме того, около каждого тротуара была полоса деревьев, которые еще больше скрывали прохожих. Дома казались чистыми и респектабельными, и на улице не было ни одного кота.

По словам Паркера, эта местность была скромной, и, по-видимому, он был прав.

Кен внимательно осмотрел обе стороны улицы, прежде чем подняться по ступенькам, ведущим к входной двери дома № 25. Он повернул ручку двери и быстро вошел в вестибюль.

Внизу, у лестницы, выстроились ящики для писем: на каждом из них была визитная карточка с именем ее владельца.

Он прочел: «Мери Кристи, Гай Ходерн, Ева Беркли, Глодин Голд, Фей Карсон».

— Хорошая компания, — подумал он с недовольным видом. — И куда меня принесли мои ноги?

Он колебался, подниматься ли ему и не лучше ли ему вернуться к своей машине. Потом он подумал, что было бы глупостью вернуться, даже не поглядев, как выглядит эта девица.

Выпитое виски придавало ему храбрости, и он направился к лестнице.

На третьем этаже тихая приятная музыка проникала сквозь дверь, покрытую красным лаком. Он продолжал подниматься. Он уже достигал четвертого этажа, когда услышал, как открылась какая-то дверь, потом захлопнулась. На лестничной площадке прозвучали шаги, и какой-то мужчина появился на верху лест-

ницы. В руке он держал мягкую шляпу с отвислыми полями, которую он прижал к бедру, когда остановился, чтобы посмотреть на Кена. Несмотря на его плешивость, ему не должно было быть намного больше лет, чем Кену. Его слашавая внешность внушала отвращение: можно было подумать, что это старый пирог с кремом. У него были большие черные глаза навывкате, белки которых были налиты кровью, тонкие противные губы, маленький крючковатый нос и оттопыренные уши. Это был самый необыкновенный персонаж из тех, которых когда-либо видел Кен.

На нем был засаленный и потерявший форму костюм, и жирные пятна покрывали его галстук из оранжевых и синих квадратов.

В левой руке он держал рыжую болонку, блестящая шерсть которой говорила о тщательном за ней уходе. Собака была настолько ухожена, насколько ее хозяин был грязен.

Толстый человек отступил:

— Проходите, мистер,— проговорил он тихим и приятным голосом.— Я никогда ни с кем не расхожусь на лестнице. По счастливому случаю, вы идете не ко мне?

Цепкий взгляд скользил по Кену, вызывая в нем ощущение, что тот старается запомнить малейшие детали его облика.

— Нет, я иду выше,— ответил Кен, поднимаясь сразу через несколько ступенек, чтобы скорей достичь лестничной площадки.

— Нам совершенно необходим лифт,— простонал толстый человек.— Эта лестница разрушает мое сердце. Лео тоже ненавидит ее.— Он погладил собаку по голове.— Какое замечательное животное, вы не находите? — Он протянул вперед пса, чтобы Кен мог лучше рассмотреть его.— Без сомнения, вы любите животных!

Кена начала раздражать его болтливость.

— О, да! Это замечательное животное,— с показным энтузиазмом ответил он.

— У него есть призы, знаете,— продолжал толстяк.— Вот в этом месяце он даже получил золотую медаль.

Пес посмотрел на Кена такими же глазами, что и его хозяин: черными навывкате и с красными белками.

Кен продолжал осиливать лестницу. Дойдя до верха, он остановился. Пока он поднимался по лестнице, он все время прислушивался к звуку шагов, которые должен был производить толстяк, спускаясь по лестнице, но он ничего не услышал.

Он осторожно подошел к перилам, чтобы посмотреть на этаж ниже. Стоя неподвижно, человек наблюдал за ним, подняв голову вверх. Их взгляды встретились, и тот улыбнулся улыбкой любопытной, неискренней, понимающей, которая напугала Кена. Болонка тоже смотрела вверх, ее черная плоская мордочка выражала полнейшее равнодушие.

Кен быстро отступил назад и повернулся к двери, выкрашенной в зеленый цвет. Его сердце сильно билось, а нервы были на-

пращены до предела. Встреча с толстым мужчиной взволновала его, и, если бы у него не было уверенности, что тот все еще находится на наблюдательном посту на лестнице этажом ниже, Кен немедленно ушел бы отсюда, но у него не хватило смелости пройти мимо него и тем самым еще больше возбудить его любопытство. Сожалея о безумии, которое привело его сюда, Кен тихонько нажал на кнопку звонка.

Дверь отворилась почти немедленно. Девушка, которая открыла дверь, была темноволосой, живой и красивой. Ей было не более двадцати трех — двадцати четырех лет. Ее волосы, падающие ей на плечи, были черными, как воронье крыло. Ее синие глаза, ярко накрашенные красивые губы дружелюбно улыбались Кену, что вернуло ему его апломб.

На ней было надето бледно-голубое платье, и фигура, которую оно обрисовывало, заставила сердце Кена сильно забиться.

— Добрый вечер, — сказала она, отходя в сторону. — Проходите, пожалуйста.

Он чувствовал, что она быстро осматривает его и что он ей понравился, так как она одарила его новой улыбкой, еще более ободряющей, и он прошел за ней в гостиную, широкую и уютную.

Перед пустым камином стоял большой диван, обтянутый кожей. Три глубоких кресла, телевизор и радио, большой шкаф с ликерами и стол, стоящий у окна, завершали всю обстановку комнаты.

Вазы с цветами стояли на столе, на радиоприемнике и на камине.

Молодая девушка закрыла дверь и направилась к шкафчику с ликерами. Она шла уверенной походкой, через плечо смотря на него, чтобы видеть его реакцию.

Кен реагировал. Он находил ее сенсационной.

— Будьте свободнее, — сказала она. — Я совершенно безобидна, и я не понимаю, почему бы вам бояться меня.

— Я вас не боюсь, — с жаром проговорил Кен. — Если я стесняюсь, то это из-за моей неопытности.

Она засмеялась.

— Это меня не удивляет. Вы достаточно красивый малый, чтобы не нуждаться в такой девушке, как я. Что с вами произошло? Ваша подружка вас бросила?

Кен покраснел.

Она подала ликер и села рядом с ним на диван.

— Простите, это у меня вырвалось. Обычно я не задаю вопросов. Но вы не похожи на моих обычных клиентов. В большинстве случаев мне попадают толстые мешки или старые типы с холодными женами. Сегодня вечером мне повезло! — Она протянула ему один из стаканов. — За вашу любовь!

Кен нашел напиток восхитительным. Он никогда не представлял себе ничего подобного. Обстановка была самая поря-

дочная. Гостиная была элгантнее его салона. Девушка была красивее самой красивой из служащих его банка; она совсем не напоминала ту, кем она была на самом деле.

— Вы торопитесь уйти? — спросила она, закидывая ногу на ногу и старательно поправляя юбку на коленях.

— Совсем нет.

— Тем лучше. Я в ужасе от тех людей, которые приносятся как дуновение ветра: делают любовь и скорей обратно. Они почти все стараются все делать быстрее. Их жены, видимо, держат их на коротком ремне. Вы хотите провести здесь ночь?

Кен хотел отказаться, но мысль находиться в пустом доме остановила его.

— А это вас не потревожит? — осторожно спросил он.

— Ну, конечно же нет, в противном случае я не предложила бы вам этого.

— Ну, что же! Согласен, — он немного поерзал на своем сиденье. — Есть еще один деликатный вопрос... это ваш гонорар... Девушка улыбнулась и похлопала его по коленке.

— Не беспокойтесь так об этом. Двадцать долларов вам не покажется слишком дорого?

Кен нахмурился, потом заставил себя покачать головой.

— Это очень хорошо.

Она протянула ему руку.

— Тогда избавимся от смущающих вопросов и не будем больше думать об этом.

Покраснев, Кен быстро достал бумажник, отсчитал двадцать долларов и положил их в руку девушки.

— Спасибо, Коко, — сказала она вставая.

Она пошла в соседнюю комнату, чтобы спрятать деньги, и тотчас же вернулась и с улыбкой остановилась перед ним.

— Вот теперь я полностью в вашем распоряжении. Что вы хотите делать? Остаться здесь, идти развлекаться в бар или пойти в соседнюю комнату?

Она указала на комнату, из которой пришла. Через открытую дверь Кен мог видеть большой диван-кровать.

— Сейчас еще рано, — сказал он, посмотрев на часы. — Я с удовольствием вышел бы с вами, но я не хочу, чтобы меня видели.

— Не беспокойтесь об этом. Я поведу вас в «Голубую Розу». Никогда никто из ваших друзей не совался в подобный бар. Там развлекаются и не рискуют отравиться тем, что там дают пить. Мне нужно переодеться. Не хотите ли вы пойти со мной, пока я буду переодеваться?

Кен казался смущенным.

— Нет, я останусь здесь.

— Вы странный человек! Обычно мне приходится прилагать много усилий, чтобы заставить моих клиентов вести себя спокойно. Я вас смущаю до такой степени?

— Все идет очень хорошо,— пробормотал Кен, не глядя на нее.

Она удивленно посмотрела на него, покачала головой и прошла в комнату, дверь в которую осталась широко раскрытой.

Кен, борющийся со своей совестью, не шевелился. Тот характер, который принимали их отношения, его беспокоил. То была не маленькая шлюха, которую он собирался увидеть, но девушка с определенной индивидуальностью, которая ему очень понравилась, и потому он считал, что он теперь определенно изменяет Ани.

Девушка появилась на пороге комнаты.

— Ради бога, Коко, не принимайте такого похоронного вида. Что с вами делается? Холодно ногам?

Он поднял глаза и замер. На ней были всего-навсего маленькие трусики и совершенно прозрачный лифчик. Он уставился на нее. Его угрызения совести сразу улетучились. Его сердце стало сильно биться, а желание, которое преследовало его весь день, просто захлестнуло его.

— Вот это лучше! — сказала она, смотря на него. — Это уже гораздо лучше.

Глаза ее заблестели. Она подошла к нему, взяла из его рук стакан, встала перед ним на колени и сказала немного охрипшим голосом:

— У нас еще много времени. Мы отправимся позднее. — Она обвила руками его шею. — Поцелуй меня, Коко...

Он взял ее в свои объятия и раздавил свои губы о ее.

Было больше половины одиннадцатого, когда они вышли из квартиры. Они не встретили никого, выходя из дома, и им удалось поймать такси, которое проезжало мимо.

— В «Голубую Розу», — сказала она шоферу. — Сто двадцать вторая улица.

В полутьме такси она прижалась к Кену и держала его за руку.

— Вы мне очень нравитесь, Коко, — сказала она. — Вы не представляете себе, до какой степени вы не похожи на тех типов, которые приходят ко мне каждый день.

Кен улыбнулся ей, ничего не говоря. Он чувствовал себя счастливым, расслабленным. Он благодарил судьбу за то, что ему удалось встретить такую замечательную девушку, как Фей, и побыть с ней этих несколько исключительных часов. Завтра этот эпизод из его жизни будет в прошлом, и он сохранит счастливое воспоминание о ней до конца своих дней. Он давал себе слово больше не повторять подобного, но поскольку он был уже здесь, было бы глупо отказаться испытать максимум удовольствия.

Он смотрел на Фей, время от времени освещаемую фонарями,

мимо которых они проезжали. Он находил ее исключительно соблазнительной в ее длинном цвета электрик платье с открытыми белыми плечами. На шее ожерелье из синих камней оттеняло синеву ее глаз.

Он забыл, что уплатил двадцать долларов за удовольствие быть с ней. У него было такое чувство, что время вернулось на пять лет назад, когда он, до женитьбы на Ани, часто развлекался так с какой-нибудь подружкой.

— Вы умеете танцевать, Коко? — неожиданно спросила она.

— Конечно, а вы?

— О, я обожаю танцевать. Я была танцовщицей. Вот таким образом и зарабатывала себе на жизнь, а потом дела пошли шиворот-навыворот. Мой партнер покинул меня, и я нашла другого. Тогда я бросила танцы. У нас был номер в «Голубой Розе». Вот увидите, это красивый маленький клуб, я уверена, что вам там понравится.

— А что произошло с вашим партнером? — спросил Кен главным образом для того, чтобы поддержать разговор.

— О, он уехал. Он любил перемены, — сказала она немного напряженно.

Чувствуя, что эта тема ей неприятна, Кен переменял тему разговора.

— А что это за толстый человек, который живет под вами, хозяин болонки?

Она повернула к нему голову.

— Так вы видели его?

— Я встретил его на лестнице.

Фей сделала гримасу.

— Это ужасный бедняк. Никто не знает, на что он живет. Его зовут, мне кажется, Рафаэл Свитинг. Он всегда останавливает меня на лестнице. Его пес служит ему предлогом для разговоров.

Такси замедлило ход и остановилось перед темным низким домом.

Они вышли из такси, и Кен расплатился.

— Это здесь? — спросил он, глядя на дом.

— В конце аллеи, — ответила Фей, просовывая руку под руку Кена. — Не беспокойтесь о том, что встретите кого-нибудь из знакомых. Допуск туда очень ограничен, и завсегдатаи не из вашего круга.

Кен последовал за ней по узкому проходу. Дойдя до конца, они оказались перед тяжелой дверью из дуба с глазком, на фронтоне неоновые огни изображали довольно красивую голубую розу. Металлические части двери отсвечивали голубым. Фей нажала на кнопку звонка.

Пока они стояли в ожидании у двери, вдали послышались раскаты грома.

— Вы слышите? — спросил Кен.

— Я весь день ждала грозы, чтобы она немного освежила воздух.

Открылся глазок, и позади него показалось тонкое бледное лицо с жестким взглядом, потом дверь отворилась.

— Добрый вечер, мисс Карсон.

Человек, который открыл дверь, был маленьким, плотным, с шапкой вьющихся волос. Он коротко кивнул Кену после того, как внимательно осмотрел его.

— Хэлло, Джо,— улыбаясь сказала Фей.— Есть народ?

— Достаточно,— ответил Джо,— но ваш столик свободен.

Она кивнула головой и пошла впереди Кена через вестибюль, потом по коридору до тяжелой двери, которую она толкнула. Музыка оркестра донеслась до их ушей.

Они спустились по лестнице, устланной красивым ковром до гардероба, где Кен оставил свою шляпу, и прошли в большой роскошный бар.

Там было много посетителей, и Кен почувствовал себя смущенным. Но он тотчас же убедился, что ему не о чем беспокоиться, Фей сказала правду: эти клиенты были не из его круга. Женщины были развязными, веселыми, разгоряченными, а мужчины имели скорее спортивный вид. Лишь некоторые были в вечерних платьях. Завсегдатаи приветствовали Фей, потом обратили свое внимание на других.

Подошел бармен и вытер тряпкой блестящую поверхность стойки бара.

— Добрый вечер, мисс Карсон.

— Два мартини, Джек.

Она забралась на табурет, а Кен остался стоять рядом с ней.

Бармен налил два мартини, потом удалился, чтобы обслужить высокого негра, который только что вошел.

Кен с любопытством посмотрел на негра. Это был массивный человек, более двух метров роста, с плечами такими же широкими, как дверь амбара. У него были очень коротко остриженные волосы, и на лице был зигзагообразный шрам, который начинался у правого глаза и доходил почти до рта.

На нем был надет синий бархатный пиджак, черные брюки и белая нейлоновая рубашка. Воткнутая в галстук булавка с крупным бриллиантом сверкала при каждом его движении.

— Хэлло, Сэм! — крикнула Фей, подняв руку и махая ею негру.

Он адресовал ей дружелюбную улыбку, которая обнажила его великолепные золотые зубы.

— Добрый вечер, моя красавица,— проговорил он звучным и глубоким голосом.

Его черные глаза на мгновение задержались на Кене, которого он приветствовал легким наклоном головы.

Он взял свой стакан и направился к мулатке с тонкими чертами лица, одетой в зеленое шелковое, очень декольтированное

платье, которая держала сигарету длиной в тридцать сантиметров. Она увидела Фей и сделала ей рукой приветственный жест.

— Это Сэм Дарси, — сказала Фей Кену, — владелец бара. Он дал мне первую возможность выступить. Это славный тип. А с ним его жена, Клодетт.

— Он неплохо устроился тут, — заметил Кен.

— Он долго был спарринг-партнером Джое Лунса. Он основал этот клуб буквально на голом месте. Когда я танцевала здесь в первый раз, это был подвал, сырой и плохо оборудованный, с несколькими столиками и пианистом. А за пять лет вот во что он превратился.

Она опорожнила свой стакан и сползла с табурета.

— Пойдем перекусим. Я проголодалась.

Кен заплатил за мартини, прошел через бар и пошел следом за Фей в зал ресторана.

Несколько пар танцевали, и почти все столики были заняты.

Метрдотель, очень смуглый итальянец, поспешил к ним, подчеркнул приветствовал Фей и подвел их к столику.

Они заканчивали ужинать, когда Кен увидел входящую девушку, сверкающая красота которой привлекала все взгляды. Она была высокой и тонкой, со светлыми локонами, собранными на вершине головы замечательной формы. Платье зеленоватоводяного цвета щедро открывало ее плечи такой белизны, что Кен был ошеломлен. У нее были огромные глаза изумрудного цвета и такие ресницы, которые загибались почти до бровей.

Но взгляд Кена был прикован не только к лицу красотки, но и к ее фигуре, которая могла бы взволновать и старика восьмидесяти лет. Она потрясла Кена.

— Ф-ф-ф! Кто эта девица? — спросил он, повернувшись к Фей.

— Она потрясающая, да? — воскликнула Фей. Он удивился, увидев, какое неприязненное выражение приняло ее лицо. — Вы видите перед собой самую дрянную шлюху в стране.

— Это не удивительно! — со смехом сказал Кен, перенося свой взгляд на блондинку. Та, не обратив на него никакого внимания, бросила взгляд на Фей, повернулась и вышла из ресторана.

— Скажите мне, по крайней мере, ее имя.

— Ее зовут Гилда Дорман, — сказала Фей. — Когда-то мы жили вместе в одной квартире. Она певица в настоящее время. С ее внешностью, способностями и с ее голосом я бы тоже сделала карьеру.

Горечь, звучащая в ее голосе, поразила Кена. Он оттолкнул свой стул и сказал:

— Пойдем танцевать.

Фей сделала над собой усилие и заставила себя улыбнуться.

— Простите меня. Только я начала дышать свободно, как

появилась эта шлюха. Я ненавижу ее, как яд. Это она разбила вдребезги мой успех в танцевальном номере.

Она встала.

— Пойдем на площадку.

На часах Кена было двадцать минут первого, когда он вернулся в бар.

— Быстренько по стаканчику и поедем домой, — сказала Фей. — В котором часу вы встаете по утрам? Только не пугайте меня сразу.

— В восемь часов, — сказал Кен. — Это рано?

— Достаточно рано, но мы справимся с этим. Мистер получит свой завтрак в виде сока или кофе.

— Лучше кофе.

Он заказал два скетча.

— Я провел восхитительный вечер.

— Восхитительный до настоящего времени, — проговорила она с насмешливой улыбкой. Она наклонилась к нему.

— Коко, вы в первый раз изменяете вашей жене?

Его удивление было настолько велико, что он не мог ничего ответить.

— Как?

— Вы женаты и ваша жена находится в путешествии. Я не ошиблась, да?

— Разве это так сразу видно? — спросил Кен, очень огорченный тем, что его так просто раскусили.

Она похлопала его по руке.

— Вернемся. Мне не надо было задавать вам эти вопросы. Но вы интересуете меня, Коко. Я провела такой хороший вечер в вашей компании. Это не идет ни в какое сравнение с тем, что у меня бывает обычно. Я хотела убедиться в том, что вы не свободны, в противном случае, я бы постаралась уцепиться за вас.

Кен покраснел.

— Я действительно не свободен, — ответил он.

Фей с улыбкой пожала плечами.

— Ну что ж!.. Все хорошее когда-нибудь кончается! — Она взяла его под руку.

— Пошли!

Сэм Дарси находился в вестибюле, когда Кен брал свою шляпу.

— Ты уходишь рано, моя дорогая, — тихо сказал он Фей.

— Для меня это поздно, Сэм. Я приду завтра.

— Решено.

Джо, портье, открыл дверь и посторонился.

— Доброй ночи, мисс Карсон.

— Доброй ночи, Джо.

Они вышли в теплую и спокойную ночь. Дойдя до улицы, они остановились, чтобы подождать такси.

— Оно сейчас появится,— уверяла Фей. Она достала пачку с сигаретами из сумочки и предложила Кену.

Они оба закурили.

На тротуаре, напротив, Кен увидел, как из аллеи вышел какой-то мужчина и внезапно остановился, поспешив уйти из освещенного фонарем места в тень. Насколько Кен успел заметить, это был высокий, стройный, красивый парень с непокрытой головой. Кен тогда не обратил на него никакого внимания, но потом ему пришлось вспомнить про этот момент.

Из-за угла появилось такси. Фей сделала ему знак.

Сидя в темноте на сиденье такси, они держались за руки. Фей прижалась к Кену, положив ему голову на плечо.

«Каким странным мне все это кажется,— подумал Кен.— У меня такое ощущение, что я знаю ее уже давно». Он подумал также, что он очень хорошо чувствует себя в ее обществе и что ему придется бороться с собой, чтобы противостоять искушению снова увидеть ее.

— Сколько времени ты занимаешься этим делом?

— Немногим больше года,— она подняла голову и посмотрела на него. — Коко, дорогой, не пытайся направить меня на путь истинный. Такие шутки мне уже надоели, мне неприятно слушать советы, которые дают мне мужчины.

— А может быть, вы просто утомлены, и вам надоел ваш образ жизни? Я без сомнения вмешиваюсь в то, что меня совсем не касается, но я уверен, что вы добьетесь успеха в любом начинании. Вы очень хорошо танцуете. Не попробовать ли вам снова свои силы в танце?

— Я не хочу больше танцевать. Без моего партнера это потеряло для меня всякий интерес. А вы? Какая у вас профессия?

Он почувствовал опасность. В городе было лишь два банка, и она легко могла бы найти его. У него в памяти сохранились многие истории шантажа, так что он не собирался ей сообщать о своей деятельности.

— Я работаю в одной конторе,— уклончиво ответил он.

Она посмотрела на него и стала смеяться, похлопывая его по руке.

— Не принимайте такого неприступного вида. Я вам уже сказала: я совершенно безобидна,— она немного отодвинулась от Кена, чтобы лучше видеть его.

— Сегодня вечером вы рисковали, Коко. Вы отдаете себе в этом отчет?

Он неестественно рассмеялся.

— О! Вы думаете...

— Честное слово! Вы счастливы в женитьбе, у вас есть будущее. И вдруг, ни с того ни с сего, под влиянием вдохновения, вы снимаете телефонную трубку и звоните девице, которую вы совсем не знаете и никогда не видели, и договариваетесь с ней о свидании. Вы могли напасть на какую-нибудь хищницу, которая

живет в этом доме. Она уцепилась бы за вас, и вам было бы трудно заставить ее выпустить свою добычу.

— Не будем преувеличивать. Вас рекомендовал мне один приятель.

— Странный приятель, — проговорила она очень серьезно. — Мой отец, чтобы приучить меня к осторожности, говорил: «Берегись! Может быть, ты держишь тигра за хвост!». Подумайте об этом, Коко, и с завтрашнего дня забудьте меня. Если вы захотите снова увидеть меня, бесполезно будет звонить: я не пойду на это, — она взяла его руку и погладила. — Я не хочу быть причиной ваших неприятностей.

Он был тронут.

— Странная девушка. Вы слишком хороши для своего ремесла.

Она покачала головой.

— Моя доброта сегодня вечером — исключение. Это вы вызываете во мне нежность, — она стала смеяться.

— Если мы будем продолжать так и дальше, то начнем плакать на плече друг у друга. Но, к счастью, мы уже приехали.

Кен расплатился с шофером. Они поднялись по ступенькам входа, открыли дверь и направились по лестнице.

Было ли это потому, что она подчеркнула тот риск, которому он подвергается и о котором он знал, но не хотел думать, но, только поднимаясь по лестнице, не мог он отогнать от себя чувство боязни. Ему нужно было проводить ее до дверей и не отпускать такси, чтобы он смог вернуться к себе. После такого замечательного вечера ему не было никакого смысла продолжать этот флирт.

— Ты, может быть, держишь тигра за хвост, — сказала она. — А что если тигр пробудится?

Он не переставал повторять это себе, тем не менее поднялся позади нее по лестнице.

Поднявшись на четвертый этаж, они оказались нос к носу с рыжей болонкой, которая сидела неподвижно, смотрела на них своими круглыми глазами-бусинами, налитыми кровью. Она испустила резкий лай, который заставил Кена вздрогнуть.

Как будто ожидая этого сигнала, Рафаэл Свитинг тотчас же открыл свою дверь и появился на пороге, одетый в блестящий шелковый халат поверх черной пижамы. Незажженная сигарета, толстая, сырая, свисала с его нижней губы.

— Лео, — строго проговорил он, — ты заставляешь меня стыдиться. — Он бросил на Кена хитрый, понимающий взгляд, как и в предыдущий раз.

— Мой маленький друг считает себя сторожевой собакой. Это слишком смело для такого малыша, не правда ли?

Он нагнулся и взял пса на руки.

Ни Кен, ни Фей не сказали ни слова. Они продолжали подниматься, отлично зная, что Свитинг не перестает смотреть на них,

и чувствуя, как его любопытный взгляд точно жжет их спины.

Кен вспотел от волнения. Этот толстый мерзкий человек был в его глазах чем-то тревожным и угрожающим, хотя он и не смог бы сказать, почему он так считал.

— Грязный подонок! — сказала Фей, открывая свою дверь. — Всегда он торчит на площадке, когда меньше всего хочется его видеть. Хотя, в общем-то, он безвреден.

Кен не разделял ее мнения, но промолчал. Он почувствовал настоящее облегчение, когда дверь квартиры Фей закрылась за ним. Он бросил свою шляпу на стул и подошел к камину. Неожиданно он почувствовал себя смущенным. Фей подошла к нему, обняла за шею и подставила ему губы для поцелуя.

Он колебался одно мгновение, потом поцеловал ее. Она закрыла глаза, прижалась к нему, но он больше не чувствовал прежнего желания.

Она с улыбкой отошла от него.

— Через две секунды я буду к вашим услугам, Коко. Напейте пока выпить, и мне тоже.

Она пошла в свою комнату и закрыла за собой дверь.

Кен закурил сигарету и подошел к шкафчику с ликерами. Теперь он был уверен, что совершенно зря вернулся к ней. Он не понимал, почему, но вечер совершенно потерял для него свою прелесть. Ему было стыдно, когда он подумал об Ани. Как только она повернулась к нему спиной, он сразу же обманул ее. Такая безответственность была для него необъяснима. Если только когда-нибудь Ани узнает об этом, он не сможет смотреть ей в глаза.

Налив себе виски, он сделал большой глоток.

— Все, что я могу теперь сделать, — сказал он себе, прохаживаясь по комнате со стаканом в руке, — это вернуться к себе.

Часы на камине показывали без четверти час. Гордясь принятым решением, на которое немногие мужчины бы согласились, он сел и стал ждать.

Сильный удар грома совсем поблизости заставил его подскочить.

Между квартирой Фей и парком, где он оставил свою машину, было порядочное расстояние. Ему хотелось, чтобы Фей поскорее пришла, ему не хотелось промокнуть.

Вспышка молнии осветила белые занавески окна, потом раздался близкий удар грома.

Он встал, отодвинул занавески и посмотрел на улицу. При свете фонарей он увидел тротуар, уже слегка потемневший от дождя. Зигзаг молнии осветил ближайшие крыши, и сильный удар грома потряс воздух.

— Фей! — закричал он, отходя от окна. — Вы идете?

Никакого ответа из спальни не последовало. Он подумал, что она, вероятно, находится в ванной, и вернулся к окну.

Он смотрел, как теперь уже шел настоящий дождь, и тротуар

блестел при свете фонарей. Потоки воды с крыш заливали стекло.

«Я не хочу попадать под ливень, — подумал он. — Я подожду небольшого прояснения».

Его решимость не проводить с Фей ночь начинала ослабевать.

«Дело уже сделано, — думал он, гася сигарету. — А к чему мне мокнуть? И потом, она рассчитывала провести с ним ночь, и, если он уйдет, это огорчит ее. К тому же будет благоразумнее не возвращаться к себе домой в такое время. Мисс Филдинг, его ближайшая соседка, безусловно, услышит шум его машины и заподозрит неладное. Она не замедлит рассказать Ани, когда она вернется, что он пришел домой в такое позднее время».

Он допил свое виски и направился к шкафчику с ликерами, чтобы налить себе еще.

«Ну и копаются же она», — подумал он, поглядывая на дверь в комнату.

— Поторопитесь, Фей! — закричал он. — Что вы там так долго делаете?

Молчание, которое последовало за этим, заинтересовало его. Что она может там делать? Было уже больше десяти минут, как она ушла в спальню.

Он прислушался, но ничего не услышал, кроме тиканья часов, стоящих на камине, и стука дождя о стекла окон.

Неожиданно погасли все огни, погрузив его в темноту, жаркую и черную, как чернила. На одно мгновение ему стало страшно, но потом он решил, что, вероятно, перегорели пробки, и он стал ошупью искать стол, чтобы поставить на него стакан.

— Фей! — закричал он, повысив голос. — Где у вас пробки? Я пойду почищу их.

Ему показалось, что он слышит скрип двери, которую осторожно открывают.

— У вас есть карманный фонарик? — спросил он.

Молчание, которое было ему ответом, вызвало дрожь во всем его теле.

— Фей! Вы меня слышите?

По-прежнему никакого ответа. Но у него была уверенность, что кто-то находится в комнате. Он инстинктивно чувствовал это. Он сунул руку в карман, чтобы вынуть зажигалку. Половица паркета скрипнула совсем рядом с ним.

Испуганный, он внезапно отступил назад, ударился о стол и услышал, как разбился его стакан с виски.

— Фей, во что вы играете? — хриплым голосом спросил он.

Он отчетливо услышал, как чья-то нога толкнула стул в темноте. Волосы на его голове поднялись дыбом.

Он вынул свою зажигалку, но руки его так дрожали, что он ее выронил. В тот момент, когда он нагнулся, чтобы поднять ее, он услышал, как шелкнул замок, и дверь отворилась.

Он смотрел во все глаза в направлении открытой двери, но ничего не увидел в темноте.

Потом дверь захлопнулась, заставив его вздрогнуть, и он ясно услышал шум шагов, спускающихся торопливо по лестнице.

— Фей!

На этот раз он был серьезно обеспокоен.

Он ощупью нашел зажигалку и зажег ее. При этом ничтожном свете он мог увидеть, что комната была пуста. Была ли это Фей, которая вышла из квартиры, или неожиданный визитер, он не мог сказать.

— Фей!!!

Абсолютное молчание. Ему показался даже странным звук собственного голоса.

Прикрывая пламя зажигалки рукой, он направился к двери в спальню.

— Вы здесь, Фей?

Он держал зажигалку над головой. Пламя быстро угасало. Через несколько секунд оно потухнет.

Он приблизился, сверля глазами темноту. Он посмотрел на кровать, и то, что он увидел, прервало его дыхание. Фей лежала поперек кровати с руками, закинутыми за голову, совершенно голая. Узкая полоска крови текла между ее грудей, стекала по бедру и образовала лужицу крови на полу.

Кен стоял, скованный ужасом, с глазами, устремленными на нее, не в состоянии сделать ни малейшего движения.

Колблющееся пламя зажигалки неожиданно погасло.

Глава 3

Вспышка молнии разорвала небо, осветила комнату сильным голубым светом, а последующий за этим удар грома заставил задрожать стекла.

В это короткое мгновение Кен заметил на ночном столике электрический фонарик. Он схватил его и зажег. Луч света упал как раз на Фей, лежащую на кровати.

Кен наклонился к ней. Ее полуоткрытые глаза смотрели на него не узнавая. Кровь, которая вытекала темной струйкой из-под ее левой груди, теперь лишь медленно капала. Ее губы шевелились, потом сильный спазм потряс ее всю, она выгнула спину и сжала кулаки.

— Фей, боже мой! — лепетал Кен.

Выражение ужаса промелькнуло в ее затуманенном взгляде, потом глаза ее исказились, мускулы ослабли, тихий вздох вырвался из сжатых зубов, и Фей все более стала принимать облик куклы, а не человеческого существа.

Дрожа всем телом, Кен с ужасом смотрел на нее. Держа дрожащей рукой фонарик, он положил другую руку на левую грудь Фей и почувствовал, как кровь потекла по ней. Сердце перестало биться.

— Фей! — закричал он в отчаянии.

Он отступил, борясь с тошнотой, и закрыл глаза, чтобы побороть себя. Немного успокоившись, он отступил от кровати неверными шагами и коснулся ногой какого-то предмета, который осветил фонариком: на ковре лежал кинжал с синей рукояткой, короткое заостренное лезвие которого было в крови.

Затаив дыхание, он смотрел на него.

Убийство!

На этот раз это было выше его сил. Его колени подогнулись, и он вынужден был сесть.

Гром не переставал греметь, и дождь лил как из ведра. Он слышал, как к дому подъехала машина. Он задержал дыхание, чтобы послушать. Она проехала не задерживаясь, и он перевел дыхание.

Преступление!

Он встал.

«Я теряю время,— подумал он.— Мне нужно вызвать полицию».

Он снова навел на Фей луч фонарика, ему не верилось, что она мертва. Он нагнулся над ней, дотронулся до ее шеи и не почувствовал никакой пульсации. К нему снова стала подступать тошнота.

Отступая, нога его поскользнулась, и он задрожал с головы до ног: он наступил на лужу крови, которая образовалась на ковре. Он вытер ноги о ковер и вернулся в гостиную.

Эта темнота, черная и жаркая, освещенная только лучом электрического фонарика, приводила его в ужас. Он подошел к шкафчику с ликерами, налил себе большую порцию виски и сразу же проглотил его. Алкоголь немного успокоил его нервы.

Он стал водить лучом фонарика по комнате в поисках телефона и увидел его на маленьком столике около дивана. Он сделал движение в том направлении, потом остановился.

А если полиция не поверит его истории? Если его обвинят в убийстве Фей?

Кровь застыла в его жилах при этой мысли. И даже, если они поверят ему и поймают убийцу, он будет главным свидетелем на судебном процессе. Как он сможет объяснить свое присутствие в квартире в момент преступления? Правда выйдет наружу. Ани, конечно, узнает про это. И в банке. И все его друзья.

Во рту у него пересохло.

Он уже видел свое имя на первых страницах газет. Все узнают, что как только Ани уехала, он сразу же устремился к продажной женщине.

— Уходи отсюда,— сказал он себе.— Ты ничего не можешь сделать для нее, раз она мертва. Подумай о себе и быстро убегай.

Он направился к двери и остановился.

Были ли в этой квартире, погруженной в темноту, отпечатки его пальцев? Нельзя было слепо поддаваться панике и бежать из

дома, не уничтожив прежде всего следы своего пребывания. А для этого необходим был свет.

Он предпринял систематический поиск щитка с пробками и наконец нашел его на кухне. Сменив перегоревшую пробку, он включил на кухне свет.

Он старательно вытер носовым платком все, до чего он дотрагивался, и вернулся в салон.

Его шляпа лежала на стуле, куда он ее бросил, когда они вернулись. Он забыл про нее. Если бы он только что поддался охватившей его панике, то оставил бы ее здесь с его именем, написанным внутри шляпы.

Чтобы быть уверенным, что он ее не забудет, он надел ее на голову.

Он подобрал осколки разбитого стакана, завернул их в газету и превратил в порошок при помощи каблука. Потом он пошел и выбросил все это в помойное ведро. Найдя на умывальнике тряпку, он вошел в салон и вытер стакан и бутылку с виски. Он взял из пепельницы все, что оставалось от сигарет, которые он выкурил, и вытер пепельницу. Он вспомнил также, что касался телефонного аппарата, и старательно вытер его.

Больше ему было нечего делать в этой квартире. Он взял себя в руки и вернулся в спальню, чтобы положить электрический фонарик на то место, откуда он его взял, старательно вытерев его перед этим. Он был уверен, что ни до чего не дотрагивался в этой комнате.

Он увидел на ковре кинжал с синей рукояткой. Откуда он появился? Если бы убийца принес его с собой, он унес бы его. Но как убийца попал в квартиру? Безусловно, не через окно. У него должен был быть ключ или что-нибудь в этом роде.

«Это не имеет значения, — подумал Кен. — Время идет». Уверенный теперь в том, что он никогда не вернется сюда и нигде не оставил следы, он решил уйти. Но сперва нужно было смыть кровь с рук и внимательно осмотреть свою одежду.

Он прошел в ванную комнату, повернул выключатель носовым платком, заботясь, чтобы не оставить следов. Он смыл засохшую кровь с рук, вытер их полотенцем и подошел к большому зеркалу, чтобы хорошенько проверить свою одежду.

Его сердце забилося, когда он заметил красное пятно на внутренней стороне обшлага левого рукава и другое кровавое пятно на манжете левой брючины.

Он смотрел на эти пятна с ужасом. Что если бы кто-нибудь увидел их!

Он пустил большую струю воды в умывальнике и при помощи губки, найденной в ящике, стал тереть испачканные места. Материя изменила свой цвет и стала темнее, но пятна все же были заметны. Он прополоскал губку, сознавая, что сделал все, что мог. Промыл умывальник, который порозовел, и положил губку на место.

Погасив свет, он быстрыми шагами прошел через спальню в гостиную. Было время уходить.

Он бросил вокруг себя последний взгляд.

Гроза прекратилась, вдали раздавались глухие раскаты грома, но дождь еще стучал в окна.

Он сделал все, что мог, чтобы избежать участия в этой истории и преследования. На часах было без двадцати два. Если ему повезет, он никого не встретит в такое время на лестнице. Он подошел к входной двери, погасив предварительно свет, положил руку на ручку двери. А если он встретит кого-нибудь... Он должен был сделать над собой усилие, чтобы повернуть ручку двери. Тогда он услышал по ту сторону шум, который поверг его в ужас и превратил в статую. Кто-то усиленно царапал в дверь.

Он задержал дыхание, его сердце колотилось со страшной силой.

Его напряженный слух уловил чье-то прерывистое дыхание. По другую сторону двери сопела собака: он сразу же подумал о болонке Рафаэла Свитинга.

Свитинг видел его, когда он вернулся вместе с Фей, и разглядывал его так, как будто старался запомнить малейшие детали его персоны.

Когда полиция обнаружит тело Фей, Свитинг, безусловно, даст им описание внешности Кена.

Кен закрыл глаза, стараясь бороться с овладевшей им паникой.

— Не распускайся, — говорил он себе. — Есть тысячи людей, которые похожи на тебя. И даже если он даст твоё описание полиции, как полиция сможет отыскать тебя?

Опираясь о дверь, он слышал, как пес настойчиво возился около двери.

Потом Кен услышал, как заскрипели лестничные ступеньки.

— Лео! Иди сюда!

Пес по-прежнему возился около двери.

Кен ждал. Его сердце билось с такой силой, что он боялся, что Свитинг может услышать его.

— Если ты не спустишься, я поднимусь за тобой, — сказал Свитинг. — Ты очень непослушный, Лео!

Услышав скрип ступенек, Кен отступил на шаг и задержал дыхание.

— Иди же, Лео! Что ты там вынюхиваешь так? — спросил Свитинг.

Наступило долгое мучительное молчание, потом Кен услышал легкие шаги около двери. Снова молчание. И у Кена создалось неприятное впечатление, что Свитинг прислушивается по ту сторону двери, приложив к ней ухо.

Собака перестала сопеть. Кен различал лишь биеение собственного сердца и шум дождя, стучавшего по стеклам.

Потом один звук заставил его заledenеть от ужаса. Ручка

двери стала поворачиваться. И когда дверь начала приоткрываться, Кен нажал на нее ногой, и дверь с шумом захлопнулась. Он положил обе руки на дверь и уперся в нее всем своим телом, тщетно пытаясь найти засов.

Нажим, который он чувствовал с той стороны двери, прекратился.

— Идем, Лео! — сказал Свитинг, немного повысив голос. — Мы должны спускаться. Мы можем разбудить мисс Карсон.

Кен, прислонившийся к двери, чувствовал, как пот заливает ему лицо. Он слышал, как Свитинг спускался этажом ниже. Тогда, в тот момент, когда его нервы немного начали расслабляться, за его спиной раздался телефонный звонок.

Гроза совершенно затихла, помещение казалось погруженным в молчание, и вдруг в этой тишине — резкий, настойчивый телефонный звонок.

«Весь дом может услышать этот звон, — испуганно подумал Кен. — Кто может звонить в такое время?»

Он ждал в то время, как дрожь пробегала по всему его телу, а телефон все звонил.

«Должен же он остановиться, — подумал Кен, — ведь не будет же он звонить бесконечно...»

Но телефон продолжал звонить так резко и настойчиво, что Кен больше не мог этого перенести.

Он зажег электричество, устремился к телефону и снял трубку.

— Фей? Это Сэм.

Кен узнал звучный и глубокий голос Сэма Дарси, огромного негра, которого он видел в «Голубой Розе».

— Послушай, душенька, — продолжал Сэм быстро. — Джонни видели в городе. Мне сказали, что он спрашивал о тебе в «Парадиз-клубе».

Кен прижал телефонную трубку к уху, погруженный в свои мысли.

Кто такой Джонни? Был ли-то Джонни, который убил Фей?

— Фей! — в голосе Дарси слышалось нетерпение. — Ты меня слышишь?

Дрожащей рукой Кен положил трубку.

Дарси будет звонить опять. В этом не может быть никакого сомнения. Нужно помешать телефону звонить. Он подобрал какую-то газету со стола, вырвал из нее страницу, сложил ее в маленький комок и засунул его в мембрану телефонной трубки. Не успел он закончить это дело, как телефон стал трещать.

Он бросил последний взгляд на помещение, погасил свет и приоткрыл дверь. Он посмотрел на лестничную клетку, на нижнюю площадку: она была пуста. Он подумал, что надо вытереть ручку двери носовым платком, потом закрыл за собой дверь.

Остановившись, он прислушался. Дом был погружен в тишину. Площадка внизу была пуста, но дверь Свитинга была открыта. Это означало, что Свитинг был настороже. Вероятно, он сидит в темноте своего вестибюля и наблюдает за лестничной площадкой. Нужно было спуститься по лестнице, другого выхода не было.

Кен колебался. Ждать ли ему до того времени, когда Свитинг уснет, или попробовать спуститься сейчас? Он слышал легкое дребезжание телефона. Он предпочел бы подождать, но риск был велик. Сэм Дарси мог решиться прийти сюда, чтобы узнать, почему Фей не отвечает на его телефонные звонки. Кен должен удалиться из этого дома до тех пор, пока обнаружат тело Фей.

Ведь, может быть, как-нибудь удастся тихонько проскользнуть через нижний этаж, чтобы Свитинг не заметил его. Это была его единственная надежда.

Он начал спускаться, прижимаясь к стене, подальше от перил, которые могут затрещать, когда на них опираются. Он спулся ступенька за ступенькой без малейшего шума. Оказавшись на площадке, он остановился, прислушиваясь и глядя на дверь. Если Свитинг сидит в темноте своего вестибюля, он увидит проходящего мимо Кена, но если, по счастью, он задремал, то Кену удастся пройти незамеченным.

Собрав все свое мужество, он уже собрался броситься вперед, как вдруг из квартиры вышел пес и остановился, уставившись на него. Кен застыл, испуганный как никогда в жизни. Он и пес смотрели друг на друга в течение долгого времени. Потом дверь широко распахнулась, и Свитинг вышел на площадку.

— Иди, Лео! — тихо сказал он. — Сейчас время, чтобы маленькие собачки ложились спать.

Он бросил на Кена испытующий взгляд и улыбнулся.

— Вы даже не представляете себе, мистер, как мне трудно заставить лечь спать моего маленького друга.

Кен ничего не сказал, у него пересохло горло.

Свитинг подобрал Лео, сверля Кена своими черными глазами.

— Я не думаю, что дождь перестал, — сказал он, глядя голову своей собаки. — Какая ужасная гроза!

Потом, посмотрев на дешевые часы, которые украшали его запястье, он добавил:

— А я совсем не думал, что сейчас уже так поздно... Два часа ночи.

Кен сделал над собой усилие, чтобы преодолеть панический страх, который охватил его, и пересек лестничную площадку. Тот последовал за ним, говоря:

— Прости меня. Я слишком много говорю. Это участь холостяков. Без Лео я бы совсем был один.

Кен продолжал свой путь, борясь с желанием перепрыгивать через несколько ступенек и бежать со всех ног.

— Зайдите ко мне выпить вина,— продолжал Свитинг, удерживая Кена за обшлаг рукава.— Вы доставите мне удовольствие. У меня не часто бывает возможность принять гостей.

— Нет, спасибо,— ответил Кен, освобождая свой рукав, чтобы продолжать спуск.

— У вас пятно на костюме, мистер,— закричал Свитинг, наклонившись над перилами.— Коричневое пятно. У меня есть все, чтобы вывести его, если хотите.

Кен, не оборачиваясь, ускорил свой аллюр и, добравшись до третьего этажа, не удержался и стал прыгать через несколько ступенек на остальной части лестницы. Он пробежал плохо освещенный вестибюль со скоростью ветра, открыл дверь и продолжал свой стремительный бег, толкнув при этом девицу, которая только что вошла.

Эта неожиданная встреча так сильно заставила его стукнуться, что он отскочил назад.

— Ты мне заплатишь за это, дорогой! — закричала девица, поправляя на голове шляпу. Она протянула руку и, нащупав выключатель, осветила вестибюль ярким светом.

Это была блондинка с пышными формами и игривыми глазами. Черное платье подчеркивало ее округлости.

— Салют! — сказала она с профессиональной веселой улыбкой.— Ты очень торопишься?

— Простите меня,— упавшим голосом проговорил Кен.— Я вас не заметил.

Он сделал шаг назад, но она загородила ему путь.

— Ну что ж! Теперь ты меня видишь? Хочешь позабавиться? — она указала на дверь напротив входной двери.— Не говори мне, что такой большой парень, как ты, не хочет немного любви...

— Дайте мне пройти! — с отчаянием проговорил Кен, отталкивая ее рукой.

— Нет, вы только подумайте! Ты меня чуть не поранил, грубиян! — закричала девица.

И так как Кен быстрыми шагами удалялся от нее по улице, она выругалась ему вслед.

Кен под дождем шел по блестящему тротуару. Воздух был свежий, и на небе черные тучи почти совсем исчезли. Время от времени сквозь отверстия в облаках появлялась луна, но тотчас скрывалась облаками, несущимися под порывами ветра.

Кен подумал, что эти двое его узнают. Они дадут описание его внешности полиции. Завтра все газеты опубликуют его приметы.

— Но кто может сообразить связать меня с Фей? У меня не было никакого повода убивать ее. Полиция руководствуется мотивами. Без причин не может быть обвинений. Убийство проститутки всегда бывает трудно объяснимым. А если Свитинг или эта девица, к несчастью, вдруг придут в банк? Он побледнел при этой мысли. Узнают ли они меня без шляпы? Мне надо будет быть на-

стороже. Как только я увижу их, я пойду и запрусь где-нибудь. Мне надо быть все время начеку.

Он с ужасом представил себе надвигающееся будущее: все время быть настороже, боясь встретиться с этими двумя персонажами. Это будет дело не одной недели или месяца. Его внимание ни на секунду не должно ослабевать, пока он находится в банке.

И не только в банке, раз уж он живет в этом городе. Вид толстого мужчины с болонкой или пышнотелой блондинки заставит его бежать. У него больше не будет покоя. Чтобы избежать всего этого, ему придется попросить место в провинции или бросить банк и поискать другую работу.

А что подумает Ани? Они никогда ничего не скрывали друг от друга. Когда у него что-нибудь было не так, она сразу замечала. Итак, сорок долларов из его кассы, которые он должен будет восполнить из собственных денег, не принесли ему ничего хорошего.

Каким он был идиотом! Почему он не вернулся к себе после того, как проводил эту девицу до дома?

Он увидел движение какой-то фигуры на улице и стремительно бросился в тень. Его горло пересохло, когда он увидел плоскую каску и блестящие пуговицы агента полиции. Он заставил себя идти нормально. Агент посмотрел на него испытующим взглядом, и он должен был собрать все свое мужество, чтобы не побежать. Он продолжал свой путь, не оглядываясь, ожидая каждую секунду какой-нибудь неприятности. Пройдя шагов тридцать, он рискнул посмотреть через плечо. Агент продолжал свой путь, помахивая дубинкой в опущенной руке, и Кен облегченно вздохнул.

Эта встреча дала ему понять тот ужас, который ожидал его в будущем. Теперь каждый раз, как он будет встречать полицейского, ему будет страшно.

А не лучше ли будет сразу покончить со всем, пойти в полицию и рассказать все, что произошло.

«Ну, держись, трус! — сказал он себе. — Подумай об Ани. Если ты сохранишь хладнокровие, с тобой ничего не случится. Никто не станет подозревать тебя. Выбирайся отсюда, возвращайся к себе, и ты будешь вне опасности».

Он выпрямился и ускорил шаг: он подходил к стоянке машин. Но тут страх снова обуял его.

Записал ли сторож номер его машины? Некоторые придерживались того порядка, чтобы записывать все машины, которые оставались в парке.

Если у сторожа был его номер, он пропал. Полиция, безусловно, придет опрашивать сторожа относительно примет Кена. Сторож вспомнит о нем, и ему достаточно будет лишь перелистать страницы своей книги, чтобы сообщить номер его машины. И полиция спустя полчаса будет уже звонить у двери его дома.

Пораженный этой мыслью, Кен свернул в темную аллею, пы-

таясь сообразить, что же ему теперь делать. Он отчетливо видел вход на стоянку и кабину сторожа около входа. В помещении сторожа горел свет, и он смутно различал через окно склонившуюся над газетой фигуру сторожа.

Ему было необходимо узнать, есть ли в кабине книга записей постояльцев. Он не мог и думать о том, чтобы уехать, не выяснив у сторожа, ведутся ли записи машин с их марками и номерами. Если такая книга существует, ее необходимо обнаружить и уничтожить запись.

Прислонившись к стене, он наблюдал за павильоном. Может быть, кто-нибудь придет за своей машиной, что заставит служащего выйти из помещения, и это позволит Кену немедленно проскользнуть туда.

Было уже два часа пятнадцать минут и шансов на то, что кто-нибудь появится среди ночи за своей машиной, было очень мало. А ему совершенно нельзя было терять времени на ожидание.

Собрав все свое мужество, он перешел через дорогу, пересек стоянку и вошел через открытую дверь в павильон.

Старый сторож поднял голову, посмотрел на него и немного удивленно приветствовал его.

— Вы поздно приходите, мистер.

— Да,— ответил Кен, оглядывая будку.

Около окна стоял стол. Между пачкой старых газет, газовой плиткой, кастрюлей, грязными тарелками и еще более грязными полотенцами он увидел открытый блокнот, мятый и запачканный.

Кен приблизился.

— Какая была гроза! — сказал он. — Я ждал, когда она кончится.

Его глаза пробежали по записям на странице. Он увидел записанные с большой небрежностью номера машин и узнал свой номер, третий снизу.

— Дождь все идет,— сказал старик, занятый тем, что старался закурить зловонную трубку. — Но это было необходимо. У вас есть сад?

— Да,— ответил Кен, стараясь говорить непринужденно. — И это будет для него неплохо. За последние десять дней не выпало ни единой капли.

— Это верно,— сказал сторож. — А у вас есть розы?

— У меня только это и есть: розы и газон,— ответил он, перемещаясь так, чтобы оказаться спиной к столу.

— А я в саду сажаю все, что только может вырасти,— сказал сторож, с усилием поднимаясь с места и подходя к двери, чтобы посмотреть на облака.

Кен схватил книгу и спрятал ее за спину.

— Никто не придет вас заменить? — спросил он тоже, подойдя к двери.

— Я уйду в восемь часов. Когда вы будете в моем возрасте, вам тоже не потребуется много часов для сна.

— Охотно верю вам. Итак, доброй ночи. Я пытаюсь пока взять от жизни все, что можно.

Кен вышел в темную ночь, и дождь приятно охлаждал его пылающее лицо.

— Подождите, пока я не запишу вас в свою книгу,— сказал сторож.— Какой ваш номер?

Сердце Кена сильно заколотилось.

Он повторил безразличным тоном:

— Мой номер?..

Старик подошел к столу и отодвинул газеты.

— Куда я мог сунуть его,— бормотал он.— Этот блокнот только что был здесь.

Кен сунул его в брючный карман и посмотрел назад, на «паккард», стоящий около входа.

— Номер моей машины ТХЛ 3345,— сказал он, разобрав номер «паккарда».

— У меня только что тут был этот проклятый блокнот с регистрациями. Вы его не видели, мистер?

— Нет. Мне надо уходить,— Кен дал старику полдоллара.— До свидания.

— Спасибо, мистер. Повторите мне ваш номер.

Кен повторил, и старик записал его на полях старой газеты.

— Я потом перепишу его.

— Доброй ночи,— сказал Кен, быстрыми шагами направляясь к своей машине.

Он влез в нее, включая мотор, и, не включая фар, направил машину к выходу.

Старый сторож появился на пороге своей будки и сделал знак ему остановиться.

Кен, не зажигая огней, сильно нажал на педаль газа и выехал из ворот.

Только выехав на большую дорогу, он включил фары и, переключив скорость, направил машину к своему дому.

Глава 4

Резкий звонок будильника вывел Кена из глубокого сна. Он машинально остановил звонок и, не открывая глаз, перевернулся на другой бок, чтобы воспользоваться еще несколькими оставшимися минутами для сна.

Он протянул руку в сторону Ани, но, коснувшись пустой подушки, вспомнил, что Ани находится в Лондоне. Тогда он открыл глаза и стал озираться в своей веселой и такой знакомой спальне. Потом в его мозгу, еще тяжелом ото сна, ясно вспомнились происшествия прошлой ночи, и он сразу же совсем проснулся, охваченный страхом, и почувствовал слабость во всем теле.

Он посмотрел на будильник, который показывал немного более семи часов.

Сбросив одеяло и простыню, он спустил на пол ноги, натянул брюки и прошел в ванную комнату.

У него болела голова, и, бреясь перед зеркалом, он видел себя бледным, осунувшимся, с черными кругами под глазами.

После того, как он побрился и принял душ, вид у него стал лучше, но голова не перестала болеть.

Пока одевался, он думал о том, сколько времени должно пройти до обнаружения тела Фей. Для него было бы лучше, если оно не будет обнаружено сразу же. Воспоминания сторожа и той блондинки станут менее отчетливыми через несколько дней. Что касается Свитинга, то тут Кен не строил никаких иллюзий: его память должна быть отличной. Он дал себе слово быть очень осторожным и не узнавать их первым, если придется с ними встретиться.

На кухне, поставив воду на огонь, он все думал, как сделать, чтобы удалить пятна с костюма. Этот костюм он купил совсем недавно. Если он избавится от него, Ани сразу же заметит, а если оставит и полиция обнаружит, то он окажется в весьма тяжелом положении.

Он сварил себе кофе и отнес чашку в спальню, чтобы хорошенько рассмотреть пятна, которые покрывали его светло-серый костюм. Его левый ботинок тоже был запачкан. Нужно было также избавиться и от них.

Он сел на край кровати и, раздумывая, стал пить кофе.

Хорошо, что он купил этот костюм в большом магазине и заплатил наличными. Ботинки тоже. Было маловероятно, что продавец его запомнил. Думая об этом, ему в голову пришла мысль отправиться в магазин и купить себе другой такой же костюм. И в то время, когда продавец будет занят запаковыванием его, он поместит запачканный костюм, который он принесет тоже завернутым в пакет, в центре, среди многих сотен других. Его обнаружат не раньше чем через несколько недель и тогда будет невозможно установить связь между ним и этим костюмом.

Его ботинки тоже были почти новыми. Он проделает с ботинками ту же процедуру, и тогда Ани никогда и ничего не заметит.

Он завернул два пакета: один с костюмом, другой с ботинками — и положил их в передней. Он собирался вернуться в комнату, когда увидел газетчика, и, как только газета оказалась в почтовом ящике, Кен вынул ее оттуда потными руками и с большим волнением. Он быстро пробежал все страницы, одну за другой, но нигде не упоминалось о Фей. Правда, он и не ожидал другого: если полиция и обнаружила тело, то об этом будет сообщено в вечернем выпуске.

Настало время отправиться в банк. Кен взял свою шляпу, забрал оба пакета, запер дверь и оставил ключ под коврик для Керри. На дорожке, идя по направлению к выходу из сада, он

услышал, как какая-то машина резко затормозила перед его дверью.

Он почувствовал, как сердце подпрыгнуло у него в груди. У него появилось желание повернуться и со всех ног убежать в дом и запереться там. Однако он сдержался и заставил себя посмотреть.

Из машины вышел Паркер, красный и оживленный, делая ему знаки.

— Салют, друг! Я приехал за вами. Одна услуга стоит другой. Ну, влезайте!

Кен открыл калитку сада и подошел к машине на ватных еще ногах. Он открыл дверь и влез в машину.

— Спасибо,— пробормотал он.— Я не знал, что сегодня утром вы возьмете свою машину.

— Я и сам не знал этого до вчерашнего вечера, когда вернулся домой,— сказал Паркер, сразу помрачнев и предлагая Кену сигарету.— Моя теща придет к нам на несколько дней. Почему эта старая уродина не может взять такси и почему это я должен мотаться на вокзал за ней, мне непонятно. И не думайте, что у нее нет ни гроша, но она всегда ведет себя так, как будто живет на милостыню. Я просил Мези не приглашать ее к нам, но моя жена делает всегда все наоборот, когда я прошу ее о чем-нибудь.

Кен закурил сигарету от зажигалки Паркера.

— Вот как!— сказал он, подняв брови.— А лужайка все-таки осталась не подстрижена.

— Нет,— быстро проговорил Кен, который забыл о лужайке.— Было слишком жарко.

Паркер отъехал и сильно толкнул локтем в бок Кена.

— Вы нашли лучше что-нибудь? Хороший вечер?

— Замечательный,— ответил Кен, стараясь говорить нормально.— Я вытаскивал сорняки и рано лег спать.

Паркер засмеялся.

— Идите расскажите это вашей бабушке! Вы себя видели сегодня в зеркале? Ну, старина! Вы полностью разоблачены. Как поживает моя подруга?

— Какая подруга?— спросил Кен с глазами, устремленными на встречный поток машин.

— Ну, Холанд, к чему такая скрытность? Вы прекрасно знаете, что я промолчу и что вы можете рассчитывать на меня. Она вам понравилась?

— Я не понимаю, о чем вы говорите,— быстро проговорил Кен.

— Но, боже мой! Ведь я дал вам ее номер телефона! Вы звонили ей, да?

— Я вам уже сказал, что я оставался дома и выдирал сорняки из клумбы с розами.

Паркер поднял глаза к небу.

— Ладно, ладно, раз вы так хотите. Но вы все равно меня не

убедили. В конце концов, так как я устроил вам это дело, будем считать, что она стоит расходов!

— Пусть будет так,— согласился Кен.— Но вчера вечером я оставался дома. А вы поймите раз навсегда, что не следует так изводить меня.

— Я вас дразнил,— сказал Паркер, немного удивленный той злостью, которая звучала в голосе Кена,— просто так, чтобы пошутить. Но если вы такой обидчивый, то больше этого не будет. Но Фей действительно сенсационна. Когда Хемингуэй познакомил меня с ней, он просто спас мне жизнь. Конечно, я очень рискую, согласен, но я далек от сожаления. Это прелестная девушка и, поверьте мне, она стоит этих денег.

— Вы не могли бы переменить тему разговора? — спросил Кен.— Разве вас интересует только это?

— А вы знаете сюжеты более интересные? — с усмешкой проговорил Паркер.— Ну, если вам это может доставить удовольствие, скажите мне, что у вас в этих пакетах?

— Это поручение Ани, она просила меня отнести в чистку.

— Я не понимаю, почему женщины всегда стараются заставить нас делать разные вещи. Мези дала мне список поручений длинный, как рука.

Некоторое время Паркер с задумчивым видом молча вел машину.

— Я думаю, что смогу нанести маленький визит Фей во время обеденного перерыва. У меня не будет возможности повидать ее, когда моя теща будет у нас. Эта старая кобыла всюду сует свой нос, и, если я прихожу немного позднее, она живо начинает шептать на ухо моей жене.

Кен почувствовал, как дрожь пробежала по его спине.

— Во время завтрака? Она согласится принять вас так рано?

— Это не так-то уж рано,— возразил Паркер со смехом.— Мне приходилось бывать у нее и в восемь часов утра.

При мысли, что Паркер поднимется к ней на квартиру и окажется нос к носу с полицией, Кен весь похолодел.

— Вы не позвоните ей предварительно?

— О! Конечно. Она может быть занята. Но в час нашего завтрака у меня есть шанс застать ее одну.

Кен снова вздохнул.

— Я думаю, что рискованно идти днем в такое место.

— Подумаешь! Бояться нечего. В начале улицы имеется стоянка для машин, и улица вся обсажена деревьями. Вы можете попробовать в один из дней, если вы уже не сделали этого, обманщик!

— Обращайте больше внимания на дорогу. Вы чуть не врезались в этот большой фургон,— проговорил Кен насмешливым тоном.

Около одиннадцати часов утра, когда основная масса клиен-

тов уже прошла, Паркёр закрыл свое окошечко и с заговорщицким видом объявил Кену, что он идет звонить по телефону.

— Я отлучусь меньше чем на пять минут. Присматривайте за моими делами.

Кен видел, как он прошел через холл банка и заперся в телефонной кабине, поставленной для всеобщего обозрения.

Кен чувствовал, как его сердце сильно колотилось, пока проходили минуты. Потом дверца кабины открылась, и Паркер вышел из нее. Паркер потерял свою веселость и бодрость. Он был бледен и взволнован. Можно было подумать, что он спешил укрыться под охрану своего зарешеченного окошка.

Кен старался не показывать вида, что он заметил волнение Паркера. Он занимался регистрированием чеков, что проделывал не без усилий, так как его руки дрожали. Потом он проговорил насколько мог безразличным тоном:

— Итак, вы назначили свидание?

— Боже мой! — проговорил Паркер, вытирая лицо носовым платком. — У нее флики.

Кен выронил авторучку.

— Флики?

— Да. Это, должно быть, облава. Вы представляете себе, если бы я был там в этот момент?

— Откуда вы знаете, что это полиция?

— Тип, который подошел к телефону, начал с заявления: «Лейтенант Адамс из городской полиции». Он хотел знать, кто я.

— Вы ему не сказали?

— Ну, конечно, нет! Я повесил трубку, не ожидая окончания его фразы. Черт возьми! Что все это может означать? Я никогда за всю жизнь не слышал об облаве у девицы, которая работает в своей квартире. И подумать только, что они могли бы появиться у нее, когда я там был бы!

— Вы хорошо сделали, что позвонили по телефону.

— Говорите! — воскликнул Паркер, продолжая вытирать себе лицо. — Как вы думаете, они попытаются узнать про мой звонок?

— У них нет для этого основания, — ответил Кен, который сразу понял, какая опасность ему угрожает. Полиция легко могла узнать, откуда был сделан телефонный вызов. Если они явятся в банк, снабженные приметами, которые им дал Свитинг, он попадется, как крыса, потому что при нем был его костюм, испачканный кровью.

— Может быть, ее обокрали или напали на нее? — нервно проговорил Паркер. — Быть может, они потому там? Или, может быть, ее убили?

Кен почувствовал, как холодная струйка пота потекла по его правой щеке. Он удержался от разговора, боясь, что голос его выдаст.

— Эти девицы страшно рискуют, — продолжал Паркер.

Они встречаются бог весть с кем. Ее очень легко могли убить.

Появление клиента у его окошка прервало их разговор. За этим клиентом последовал другой, и в течение нескольких минут Кен и Паркер занимались своими делами.

Кен думал о своем костюме с кровавыми пятнами в его шкафчике в гардеробе.

Этот кретин Паркер! Если полиция обнаружит автора телефонного звонка и неожиданно придет сюда!.. Он тревожно посмотрел на свои часы-браслет. Еще целый час до завтрака. Полиция уже может быть в дороге... Прежде чем он мог придумать, что же теперь ему делать, на него нахлынули клиенты, и в продолжение получаса он полностью погрузился в работу, что не позволило ему думать о происшедшем. Потом наступило затишье.

Паркер проговорил неуверенным голосом:

— Вошел какой-то тип, который очень похож на флика. Сердце Кена перестало биться, потом заколотилось со страшной силой.

— Где?

Его взгляд бежал пустынный холл. Почти незаметный, позади колонны стоял высокий человек, одетый в каштановый костюм и фетровую шляпу того же цвета. Он был плотного сложения и очень походил на флика со своими маленькими глазками и толстым лицом сангвиника, напряженный внимательный взгляд которых окончательно встревожил Кена.

— Никакого сомнения, это легавый,— тихо проговорил Паркер.

Кен не сказал ни слова. Он следил взглядом за крупным человеком, который прошел через холл и вошел в телефонную будку.

— Как вы думаете, меня кто-нибудь видел, когда я звонил по телефону? — прошептал Паркер.

— Я этого не думаю. Из двери нельзя увидеть кабину.

— Если меня спросят, я скажу, что хотел позвонить своей жене, но мне не удалось соединиться с ней.

— Может быть, они вас и не будут спрашивать.

— Я хотел бы этого.

Они видели, как незнакомый вышел из кабины и подошел к двери, чтобы поговорить с посыльным.

Посыльный казался удивленным после того, как бросил взгляд на что-то, что неизвестный держал на ладони и показывал ему.

Они обменялись несколькими словами, потом крупный мужчина повернулся и направился прямо к Кену.

Кровь у Кена застыла в жилах. Он старался делать вид, что что-то пишет.

— Вот они и узнали,— вполголоса проговорил Паркер.

Великан подошел к прилавку, и его инквизиторский взгляд переходил с одного на другого, потом остановился на Кене.

— Городская полиция, сержант Донован,— проговорил он хриплым голосом.— Я ищу типа, который пользовался телефонной кабиной приблизительно полчаса назад. Кто-нибудь из вас его видел?

Кен поднял глаза на неровное, кирпичного цвета лицо Донована. Вокруг его курного носа было множество маленьких морщин, а под носом торчали рыжие усы.

— Нет, я никого не видел,— ответил он.

— Я только что пользовался телефоном, сержант,— сказал Паркер совершенно спокойным голосом.— Я звонил своей жене. Надеюсь, что это не меня вы имеете в виду?

— Меня не интересует звонок вашей жене. Вы никого не видели, кто бы пользовался телефоном?

— Видел молодую женщину, потом старого человека,— сказал Паркер, который вдохновенно лгал.— Но это было более часа назад. Мы были очень заняты и, я боюсь, никого не заметили.

— Ваша занятость не помешала вам звонить вашей жене, на это у вас нашлось время,— возразил Донован, сверля Паркера своими глазами.

— Ничто не удержит от того, чтобы звонить собственной жене,— сказал Паркер с широкой улыбкой.

Донован вынул из кармана помятую сигарету и сунул ее между своих грубых губ, потом закурил при помощи зажигалки из желтой меди.

— Вы видели, как кто-нибудь пользовался телефоном? — спросил он у Кена.

— Я вам уже сказал, что нет.

Кен не мог вынести взгляда его зеленых глаз.

— Вы могли изменить свое мнение.

— Я никого не видел.

Донован сделал недовольную гримасу.

— Никто никогда ничего не видит в этом чертовом городе. Никто также ничего не знает.

Он бросил взгляд на обоих мужчин, последний взгляд, подозрительный и жесткий, потом, перейдя через холл, вернулся к посыльному.

— Ну вот,— сказал Паркер,— очаровательный парень! Мне бы не хотелось, чтобы он стал стирать меня в табак. А вам?

— И мне тем более,— ответил Кен с дрожью в голосе.

— Во всяком случае, я хорошо выкрутился.

— Еще не время радоваться,— возразил Кен.

Они видели, что Донован поговорил с посыльным, потом, коротко кивнув ему, покинул банк.

— Тут что-то очень скверное,— сказал Паркер.— Если они послали сюда этого шпика, значит, ее убили. Черт возьми! Я счастливо избежал неприятностей.

Половину второго пробили часы на городском отеле, когда Кен вышел из большого магазина «Газа» на углу Центральной стрит и Четвертой улицы. Он нес два пакета.

Он быстро прошел по Центральной стрит и вошел в банк. Его план осуществился. Выпачканный костюм висел среди сотен подобных в зале конфекциона, а что касается ботинок, то они потерялись среди множества выставленных в отделе ботинок «Газа». У него был момент замешательства, когда продавец предложил ему купить светло-серый костюм, как раз такой же, как он сунул только что в середину других, и спросил его, не забыл ли он пакет, который был у него в руках, когда он пришел.

Кен, не теряя хладнокровия, ответил, что у него не было пакета. Продавец слегка удивился и спросил, уверен ли он в этом, но не стал больше настаивать. Но Кену стало жарко.

Этот полицейский, пришедший в банк через полчаса после телефонного звонка Паркера, очень внимательно рассматривал Кена. Не узнает ли он его по описанию, которое полиция получила во время следствия?

В ежедневных выпусках газет также ничего не говорилось о Фей, и Кен отрицательно покачал головой на молчаливый вопрос со стороны Паркера, который только что поднял свое окошко.

— Ничего? — удивился Паркер. — Вы уверены?

Кен протянул ему газету.

— Ничего. Посмотрите сами.

— Это без сомнения менее серьезно, чем я думал, — сказал Паркер, пробегая глазами объявления. — У этих девиц всегда истории с полицией. Вовремя все произошло, во всяком случае теперь она меня не скоро увидит...

День проходил медленно. Кен все время наблюдал за входной дверью, ожидая появления массивного полицейского. Нервное напряжение делало его больным.

Когда наконец банк закрыл свои двери, и он стал пересчитывать свою кассу, Паркер сказал ему:

— Если этот флик станет задавать вам вопросы обо мне, я могу рассчитывать на вашу скромность, Холанд?

— Безусловно, — ответил Кен, представив себе реакцию Паркера, если бы тот знал правду. — Вам не следует беспокоиться.

— Пусть вас услышит бог! — нервно проговорил Паркер. — Если когда-нибудь обнаружат, что это я звонил ей по телефону, у меня будет много неприятностей. Старый Шварц будет в восторге, если узнает, что я ходил к этой девице. Он сразу выкинет меня за дверь. А что касается моей жены, то тут уж ничего нельзя будет поделать.

— Это послужит мне уроком, — сказал Паркер. — Никогда больше не буду посещать курочек.

Он закрыл свою кассу и добавил:

— Я убегаю. Настало время мне ехать за тейцей. Очень сожалеею, что не смогу довести вас до дома.

— Это ничего, — ~~сказал~~ Кен. — Мне осталось зарегистрировать всего несколько чсков, и я кончу. До завтра!

Он повозился еще немного, поджидая, чтобы Паркер ушел. После этого он спустился в гардеробную, взял свою шляпу и пакеты и покинул банк через черный ход.

Он воспользовался автобусом и остановился на углу улицы, чтобы купить газету, и направился к дому, на ходу просматривая объявления. Это было написано в последних новостях.

Он остановился с бьющимся сердцем, чтобы прочитать толстые, крупные буквы: «УБИЙСТВО В КВАРТИРЕ. НЕИЗВЕСТНЫЙ УБИЙЦА ЗАКОЛОЛ КИНЖАЛОМ БЫВШУЮ ТАНЦОВЩИЦУ».

Он не мог заставить себя прочитать дальше и, сложив газету, продолжал путь с выступившим потом на лбу.

Дойдя до двери своего сада, он увидел мисс Филдинг, соседку, стоящую позади ограды и рассматривавшую его.

Это была ее обычная привычка, и Ани пыталась внушить Кену, что она делала это без злого умысла, а просто потому, что ей было скучно. Но, по мнению Кена, это была старая ведьма, занятая сплетнями и вмешивающаяся в те дела, которые ее не касались..

— Вы гуляли по городу, мистер Холанд? — спросила она, с любопытством уставившись в него своими маленькими глазами и рассматривая оба пакета, которые он держал в руках.

— В самом деле, — ответил Кен.

— Я надеюсь, что вы не наделали глупостей за время отсутствия вашей жены, как это делал мой покойный муж каждый раз, когда я поворачивалась к нему спиной, — сказала она, грозя ему пальцем.

«Старая корова», — подумал Кен.

Он с трудом проделал эту сотню шагов, которые отделяли его от двери дома.

— Как вы поздно возвращаетесь домой, — продолжала она, хитро улыбаясь. — Мне кажется, что я вчера слышала, как вы вернулись в два часа ночи.

Сердце Кена упало.

— Это, безусловно, был не я. Я лег спать в одиннадцать часов.

Приятная улыбка соседки исчезла. Ее пронзительный взгляд заставил Кена отвести свой взгляд.

— О! Я смотрела в окно, мистер Холанд. Я уверена, что это были вы.

— Тем не менее вы ошиблись, — коротко возразил Кен, упорствуя в своей лжи. — Простите меня, мне нужно пойти написать письмо Ани.

— Ну что ж, тогда передайте ей мой привет, — сказала она, не спуская с него глаз.

— Не забуду этого сделать,— с натянутой улыбкой сказал Кен.

Он быстро дошел до двери, открыл ее и вошел в вестибюль. Там он остановился, чтобы дать своему сердцу успокоиться.

Если полицейским придет в голову опросить эту добрую женщину, он пропал. Она может погубить его. Она шпионила за ним, когда он вернулся прошлой ночью. А в настоящий момент она увидела оба пакета. Если полиция спросит его об этом, какой ответ он должен будет дать?

Он чувствовал себя как крыса в западне.

Пройдя в салон, он налил себе большую порцию виски и сел на диван. После того, как он уничтожил содержимое своего стакана, он развернул газету и стал читать последнюю страницу.

«Сегодня утром Фей Карсон, которая была раньше танцовщицей в кабаре «Голубая Роза», была обнаружена женщиной, делающей у нее уборку, убитой. Она лежала голой поперек кровати. Подозревается, что орудием убийства был заостренный нож для разбивания льда из холодильника.

Сержант Донован из уголовной бригады, производящий расследование, заявил нам, что он располагает большим количеством очень важных примет, которые позволят ему быстро обнаружить преступника. Он хочет срочно приступить к допросу человека высокого роста и плотного телосложения, одетого в светло-серый костюм и шляпу того же цвета, который провожал мисс Карсон домой в прошлую ночь».

Кен выронил газету и закрыл глаза.

Долгое время он пребывал в паническом ужасе, который толкал его на то, чтобы сесть в свою машину и убежать как можно дальше от этого места раньше, чем они начнут охотиться за ним.

«Человек высокого роста и плотного телосложения, носящий светло-серый костюм и такую же шляпу».

Какое идиотство было покупать такой же точно костюм, какой он оставил в магазине, чтобы только не позволить Ани заметить его отсутствие. Он понял, что никогда не рискнет одеть его.

Он провел рукой по своему потному лицу.

«Как спастись от всего этого? Неужели убежать?»

«Идиот,— подумал он.— Возьми себя в руки! Побольше хладнокровия. Это твое единственное спасение».

Он встал, развязал оба пакета и отнес костюм и ботинки в спальню, где разместил их в шкафу. Потом он вернулся в салон, благословляя небо за отсутствие Ани, которое давало свободу действий. Но через несколько дней она вернется и у него больше не останется никаких иллюзий: дело не сможет так быстро закончиться, и, если это случится, то он к тому времени будет уже в тюрьме.

Он поставил стакан, чтобы закурить сигарету. Какое-то движение на улице заставило его подойти к окну.

Какая-то машина остановилась перед бунгало. Кен видел, как открылась дверца машины и как появился силуэт мужчины.

Он стоял пригвожденный к месту, со стиснутыми зубами, со свистящим дыханием.

Второй мужчина выпрыгнул из машины, и оба пересекли несколькими шагами тротуар и оказались перед входом в сад.

Человек, который толкнул калитку, был одет в коричневый костюм. Кен узнал его. Это был сержант Донован.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Через семь часов после ухода Кена, в девять часов пять минут, полицейская машина резко затормозила перед зданием № 25 на Лесингтон авеню и остановилась позади других полицейских машин, которые уже стояли тут около четверти часа.

Регулировщик стал наводить порядок, а лейтенант Гарри Адамс из Службы Расследований вышел из машины и медленно поднялся по ступенькам к входу.

— На последнем этаже, лейтенант, — сказал регулировщик, приветствуя его. — Сержант Донован наверху.

— А где вы хотите, чтобы он был? В подвале? — ответил Адамс вполголоса. И не взглянув на него, он вошел в вестибюль.

Остановившись перед ящиками для писем, он проворчал:

— Дом свиданий! Первое убийство за два года и надо же, чтобы оно случилось в доме свиданий.

Адамс был небольшого роста, худой и живой. Его шевелюра, ослепительной белизны, сильно контрастировала с его черной шляпой. У него было грубое лицо со впалыми щеками и длинный острый нос. Когда на него находили приступы гнева, его серые глаза начинали гореть, как электрические лампочки. С невыразительным лицом он считался жестоким, неумолимым и опасным, и ненависть, которую к нему чувствовали его подчиненные, была не менее той, которую чувствовали преступники, несчастливая судьба которых бросила их на его пути.

Но это был полицейский офицер первого класса. Его мозг по крайней мере в четыре раза быстрее работал, чем у Донована, и Донован это знал. Большой мужчина пребывал в постоянном страхе перед Адамсом, которого считал способным понизить его в звании при малейшей оплошности.

Медленным шагом Адамс стал подниматься по лестнице.

Дом был молчалив. Он никого не встретил. Можно было подумать, что жители дома, зная об его приезде, попрятались в свои

квартиры и теперь находились за запертыми дверями, удерживая дыхание.

Джексон, красноликий флик, стоял на лестничной площадке верхнего этажа, когда появился Адамс. Он приветствовал его и, зная достаточно хорошо Адамса, удержался от того, чтобы начать с ним разговор, не будучи приглашенным к этому.

Адамс вошел в большой салон, где Флетчер, эксперт, занимался снятием отпечатков пальцев.

Донован бродил по комнате, заметно омраченный рассуждениями.

Адамс прошел через салон и вошел в спальню, как будто заранее знал, что там лежит труп. Остановясь около кровати, он в течение нескольких минут рассматривал тело Фей. Не спуская с него глаз, он достал из портсигара сигарету, закурил и выпустил дым из тонких ноздрей.

Донован на пороге, напряженный и молчаливый, не спускал с него внимательных глаз.

— Врач едет? — спросил Адамс, повернувшись к нему.

— Он в дороге, лейтенант, — ответил Донован.

Адамс наклонился и положил руку на руку Фей.

— По моему мнению, смерть наступила приблизительно в шесть часов...

— Кинжал, лейтенант...

Адамс посмотрел на нож на полу, потом повернулся к Доновану.

— Что такое с ним?

Большой мужчина покраснел.

— Это орудие преступления, — сказал он, сожалея, что заговорил.

Адамс поднял свои белые брови.

— Вы проницательны. А я думал, что она взяла его для того, чтобы чистить себе ногти. Так что, вы думаете, это орудие преступления? — Его взгляд загорелся. — Что же вы хотите, что бы это могло быть, дурак? Замолчите лучше.

Он повернулся к нему спиной и стал ходить по комнате, сопровождаемый взглядом Донована, в котором ясно была видна ненависть.

— Какие сведения вы собрали относительно нее? — неожиданно спросил Адамс.

— Она новичок в своей профессии и занимается этим лишь около года. Раньше она была танцовщицей в «Голубой Розе». Она не фигурировала в наших списках и никогда не была замечена в чем-либо предосудительном.

Адамс повернулся.

— Войдите и закройте дверь.

Донован послушался. Он знал по опыту, что спокойствие Адамса ничего хорошего не предвещало и поэтому все время держался настороже.

— Газеты ведь еще не оповещали, не так ли? — спросил Адамс тихим голосом, садясь на край кровати и оттолкнув ногу Фей, чтобы освободить себе место, совершенно не смущаясь таким соседством с трупом.

— Нет, лейтенант.

Донован боялся журналистов. Городская пресса, которая беспрестанно упрекала полицию в бездеятельности, несколько раз проезжала на его счет, не стесняясь в своей критике.

— Нужно будет их поставить в известность, но не раньше полудня. Известите их как раз в такое время, чтобы они успели поместить это в последних сообщениях, — продолжал Адамс. — Таким образом, у нас будет целый день и вся ночь для того, чтобы приготовить материал для утренних газет. Это первое убийство за два года. Они кинутся на него. «Геральд» ждет много месяцев возможности ссоры с городскими властями. С этой историей, если быстро не будет наведен порядок, они смогут нас здорово потрепать и заставить лишиться места некоторых высокопоставленных деятелей, включая в их число и директора полиции, с которым Линдзей Барт не слишком дружен. Если Линдзей Барт и журналисты, которыми он командует, были бы менее популярны, нам было бы нечего опасаться. Но это дело может подлить масла в огонь. Существование Лесингтон авеню, этого гнезда проституции, менее чем в двухстах метрах от центра города, дает отличный материал для статей, тогда как наш шеф заявил, что город так же чист, как какая-нибудь клиника.

Адамс раздавил свою сигарету в пепельнице, стоявшей на ночном столике, и посмотрел Доновану прямо в глаза.

— Если я вам рассказываю все это, то только для того, чтобы вы поняли важность этого дела. Газеты не перестанут нас поносить, пока они не будут удовлетворены, и это вы, Донован, должны их успокоить. Используйте все возможное влияние. Я буду помогать вам своими советами, если будет в этом необходимость, но основная ответственность будет лежать на вас. И за поражение, и за победу — за все будете отвечать вы. Вы поняли?

— Да, лейтенант.

«Ну, вот мы и договорились, — подумал Донован. — Этот маленький подонок с того момента, как он занял это место, только и ждет случая уничтожить меня. Он знает, что невозможно узнать, кто мог нанести этот удар, и он этим воспользуется, чтобы избавиться от меня. Такова моя участь. Убили шлюху, а я попал в гущу событий».

— Это будет нелегко, — продолжал Адамс. — Особенно, если ее убил сумасшедший.

Он не торопясь закинул ногу на ногу и обнял колени руками.

— Вы когда-нибудь молились, Донован?

Большой мужчина побагровел. Он посмотрел на Адамса и, увидев, что тот говорит серьезно, пробормотал:

— Да, иногда.

— Тогда вот вам хороший совет: помолитесь о том, чтобы этот тип не оказался садистом. Если ему понравилось закалывать курочек, ему захочется продолжать, и он отправится в другой дом свиданий и даст возможность газетам нас бичевать. Существует еще много таких домов в нашем городе. Препградите ему дорогу, Донован. Если это сумасшедший, то надо пресечь его действия.

В дверь постучали. Донован открыл. Вошел Джексон.

— Доктор здесь, сержант.

Адамс подошел к Доновану.

— Входите же, доктор! — сказал он, обращаясь к доктору Саммерфельду, человеку высокого роста, толстому, плешивому и невозмутимому сангвинику. — Она полностью в вашем распоряжении, и мы ждем от вас помощи.

Адамс прошел в салон, в котором Холдби, фотограф полиции, устанавливал свой аппарат.

— Получайте распоряжения от сержанта Донована, — сказал он, обращаясь к Флетчеру и к нему. — Это Донован ведет следствие.

Потом повернулся к Доновану и спросил:

— С чего вы начнете, сержант?

— Пока врач осматривает тело, я пойду опрошу соседей. Может быть, заметили этого человека.

— Вы не лишены остроумия, сержант, — заметил Адамс. — Это совсем в духе проституток сотрудничать с фляками.

— Одна из них была убита. Это может заставить их заговорить.

— Вы психолог, сержант, — с задумчивым видом проговорил Адамс.

Донован повернулся к Флетчеру, который с большим трудом удерживался от смеха.

— Вы найдете острый нож в спальне. Снимите с него отпечатки пальцев. И немного побольше активности. Вы здесь не для того, чтобы хихикать.

Флетчер выпрямился.

— Хорошо, сержант.

Донован вышел из квартиры. Адамс смотрел, как он уходит, потом вернулся в спальню, чтобы поговорить с Саммерфельдом.

Рафаэл Свитинг услышал нетерпеливый звонок, вытер пот с лица обшлагом рукава своего халата.

Он видел появление полицейской машины и знал, что рано или поздно они придут к его двери. Что же такое могло произойти в квартире над ним, спрашивал он себя. Он слышал тяжелые шаги над головой. Он не хотел этому верить, но у него было ощущение, что ее убили. Теперь, когда ему удалось пританься!

Так как звонок продолжал требовательно звонить, он быстро

оглядел свое пыльное помещение с обветшалой мебелью, в которой быстро исчезали следы его ночной активности. Он быстро спрятал в большой шкаф бумаги, конверты и справочники и, заперев его на ключ, решил, что они не посмеют делать обыск без соответствующего мандата. О, даже если они откроют его, они ничего не смогут узнать, он продолжает жить как придется.

Лео, его верный пес, разлегся в кресле, тяжело дыша. Он бросил на своего хозяина боязливый взгляд, как будто чувствовал опасность по ту сторону двери. Свитинг нежно погладил его по голове, но животное, полумертвое от страха, не успокоилось.

Собрав все свое мужество, Свитинг пошел открывать дверь. Он посмотрел на огромного человека, стоявшего напротив него, и облегченно вздохнул, констатируя, что это был не лейтенант Адамс. Он никогда раньше не видел своего посетителя.

— Что вы хотите? — спросил он с легкой улыбкой.

— Я инспектор полиции, — сказал Донован, вспоминая, знает ли он этого маленького толстяка. Его мозг медленно шарил в воспоминаниях и не смог вспомнить имя человека, стоящего перед ним.

— Как ваше имя?

— Свитинг, — урод прижался к двери так, чтобы закрыть от Донована внутренность помещения. — А что случилось?

— Этажом выше была убита женщина, — сказал Донован. — Вы видели кого-нибудь, входящего в это помещение прошлой ночью?

Свитинг покачал головой.

— Нет. Я рано лег спать. К тому же я живу обособленно и не вмешиваюсь в дела, которые меня не касаются.

У Донована было мучительное ощущение, что он скрывает правду.

— Вы ничего не слышали?

— У меня очень крепкий сон, — ответил Свитинг, поняв, что этот большой человек для него не опасен.

Его не узнали. Видя, как приехал Адамс, он очень испугался, потому что Адамс, безусловно, узнал бы его.

— Я очень огорчен, что не могу быть вам полезным. Я даже не знаком с этой молодой особой. Встречался с ней раза два-три на лестнице, вот и все! Убита, говорите вы? Это ужасно!

Донован внимательно смотрел на него.

— Вы ничего не видели и ничего не слышали?

— Совершенно точно. Если вам больше ничего от меня не надо, то прошу вас извинить меня. Вы меня подняли с постели.

Улыбаясь Доновану, Свитинг начал очень медленно закрывать дверь. Донован видел, что инициатива уплывала из его рук, как с ним иногда случалось, но он ничего не мог поделать. Он сделал резкий кивок головой и отступил на шаг.

С ласковой улыбкой Свитинг закрыл дверь, и Донован услышал, как повернулся ключ.

Он сдвинул свою шляпу, потер себе лоб и сделал несколько шагов к лестнице. Где же он все-таки видел этого толстого бродягу? В списках полиции или просто на улице? Адамс сразу бы вспомнил, он никогда не забывает ни одной физиономии. Пожимая плечами, он спустился по ступеням этажом ниже. Через полчаса он достиг нижнего этажа, зря потеряв время. Никто не знал ничего. Никто ничего не видел, никто ничего не хотел знать.

Невольно охваченный паникой, он никак не мог решиться подняться наверх и признаться Адамсу под ироническим взглядом Флетчера и Холдби в своем невезении. Он с силой нажал на кнопку звонка у двери, покрашенной в желтый цвет.

Мей Кристи открыла ему дверь. Она тоже видела появление полицейских машин и знала, что надо будет ожидать их появления у нее. Она подготовила себя к этому при помощи хорошей порции джина, запах которого ударил Доновану в нос.

— Я инспектор полиции, — сказал он. — И мне надо с вами поговорить.

Он вошел в помещение, заставив ее отступить назад.

— Вы не войдете сюда! — запротестовала она. — Что могут подумать люди?

— Заткнись и сядь! — рявкнул Донован.

Она послушалась не потому, что Донован испугал ее, а потому, что она была полна желания узнать, что же полиция делала в доме. Она взяла сигарету и подняла свои накрашенные ресницы.

— Что вас привело? — спросила она.

— Ты знаешь Фей Карсон?

На ее лице выразилась радость.

— У нее неприятности? — быстро спросила она.

— Ее убили.

Он увидел, что ее лицо совершенно изменилось и во взгляде проскользнуло выражение страха.

— Убили? Кто?

— Ее закололи ножом. Мы пока еще не знаем, кто это сделал. Она промышляла вчера вечером?

— Я не знаю. Я уходила из дому.

Донован злобно проговорил:

— Итак, ты знаешь не больше, чем другие? По-прежнему ничего не видела, ничего не слышала?

— Что же я могу сделать? — сказала Мей. — Убита! Ну, что же! Я не испытывала к ней симпатии, но никому не пожелала бы такого.

Она встала, чтобы взять бутылку с джином, стоящую на подоконнике.

— Простите меня, я совсем расклеилась сегодня утром, мне необходимо подкрепиться, — она налила себе хорошую порцию. — Хотите?

— Нет. Значит, ты ее не видела в ту ночь?

Мей сделала головой отрицательный жест, проглотила джин, похлопала себя по груди и закашлялась.

— Это очень хорошо действует!

— Нет, я ее не видела.

Донован закурил сигарету.

— Этот убийца может вернуться,— сказал он, устремив взгляд на Мей.— Он может прийти к тебе. Если ты знаешь что-нибудь, то будет лучше, если об этом расскажешь.

Мей подняла глаза к потолку и стала ерзать на своем стуле.

— Я вернулась около двух часов,— сказала она.— Я разминулась с каким-то типом у входной двери.

Донован сел на самый кончик стула.

— Не думай о том, откуда он пришел. Какой он был?

— Он очень торопился, он почти сшиб меня. Высокий, темный, красивый парень. Я подумала, что ему понравится, если я предложу выпить стаканчик... — Она многозначительно подмигнула Доновану.

— Вы понимаете, о чем я говорю..?

— Оставим это! — резко проговорил Донован.— Как он был одет?

— В серый костюм и серую шляпу.

— Ты его узнаешь?

— Я думаю, что да. Но он не был похож на убийцу.

— Они никогда не кажутся тем, что они есть. Сколько лет ты бы ему дала?

— Тридцать...

Донован сделал гримасу. По словам женщины, которая производила у нее уборку, Фей специализировалась на бородачах.

— Скажи мне еще что-нибудь.

— Ну, я предложила ему зайти и выпить, а он ответил мне, что торопится. Он меня оттолкнул и усакал на улицу.

— Он тебе показался смущенным?

— Я не заметила. У него скорее был вид очень спешащего человека.

— У него была машина на улице?

Мей покачала головой.

— Они никогда не оставляют машину около дома. Когда у них есть машина, они оставляют ее на стоянке в конце улицы.

Донован встал.

— Отлично. Будь осторожна и если увидишь этого типа на улице, позвони в полицию. Поняла?

Было уже десять часов, когда Донован вернулся в салон Фей. Доктор Саммерфельд уже ушел. Адамс сидел в кресле с сигаретой в губах и с закрытыми глазами.

Флетчер и Холдби работали в спальне.

— Ну, что же? Что вы принесли? — спросил Адамс, открывая глаза.

Донован сделал усилие, чтобы казаться спокойным.

— Приметы типа, который, может быть, и нанес удар,— ответил он.— Его видели уходящим из этого дома в два часа ночи, и он очень торопился.

— Они все должны спешить, уходя из этого притона,— сказал Адамс.

— Я проверил и это. Нет ни одной девицы в этом доме, которая бы принимала клиента, подходящего под это описание. Можно предположить лишь то, что он приходил к Карсон.

— Врач сказал, в каком часу она умерла?

— Приблизительно около половины второго.

— Тогда это может быть он.

— Не обязательно. Он мог прийти повидать ее и, увидев, что она мертва, быстро умчаться отсюда.

Легкое дребезжание заставило поднять головы обоих мужчин. Этот шум шел от телефона, к которому подошел Донован...

— Посмотрите! Кто-то заглушил звонок.

Адамс снял трубку. Донован повернулся к нему, увидел, как тот нахмурил брови, потом заявил:

— Говорит лейтенант Адамс из полиции. Кто у телефона?

Донован услышал шелчок на другом конце провода, и Адамс положил трубку, пожав плечами.

— Один из клиентов, я думаю. Он быстро повесил трубку.

Донован подскочил к телефону и быстро сказал телефонистке:

— Говорит полиция. Найдите того, кто звонил сейчас, откуда был вызов, и позвоните сюда.

Адамс насмешливо посмотрел на него.

— Не вижу в этом смысла! Неужели вы думаете, что этот вызов был от убийцы?

— Я хочу знать, кто звонил,— упрямо сказал Донован.

Телефонистка появилась на линии.

— Вызов был сделан из телефонной кабины в Восточном национальном банке.

— Спасибо, сестрица! — сказал Донован и повесил трубку.

Он подошел поближе и стал рассматривать телефон.

— Кто бы мог его заглушить? Она или убийца?

Повысив голос, Адамс позвал Флетчера.

— Вы смотрели, нет ли на телефоне отпечатков пальцев? — спросил он, когда Флетчер появился на пороге.

— Там ничего нет.

— Вы заметили, что его заглушили?

— Конечно, но я не придаю этому значения.

— Это меня не очень удивляет в вас,— проговорил Адамс язвительно.— Значит, никаких отпечатков нет.

— Значит, это проделал убийца,— сказал Донован.— Она оставила бы отпечатки.

Адамс отпустил Флетчера жестом руки.

— Постарайтесь узнать, не слышал ли кто-нибудь телефонного звонка вчера вечером?

— Я отправлюсь в банк, — сказал Донован, — быть может, кто-нибудь заметил говорящего из кабины.

— К дьяволу это. Зачем?

— Эта девушка не ходила по тротуару. У нее были обычные клиенты. Типы, которые передавали ее адрес своим друзьям. Чем больше я буду расспрашивать, тем скорее обнаружу нашего незнакомца в сером костюме.

Адамс пожал плечами.

— В конце концов это может быть верный путь.

Донован быстро спустился на лестницу с мыслью, что, может быть, он напал на правильный след и ему повезет, возможно, удастся разделаться с этим делом и утереть Адамсу нос.

Директор полиции Пол Говард, сидящий за своим огромным, красного дерева, письменным столом, с большой сигарой в крепких белых зубах, казался очень недовольным.

Говарду было сорок пять лет. Честолюбие читалось на его твердом загорелом лице. Он старательно карабкался по служебной лестнице и только думал о своей карьере, рассчитывая, что его вскоре сделают судьей, а потом и сенатором. Он старательно прислушивался к людям, имеющим политический вес, стараясь быть им полезным, рассчитывая, что, в свою очередь, они окажут ему услугу.

Он занимал удобное место для того, чтобы оказывать разного рода услуги людям, на некоторые дела которых он просто закрывал глаза, зато благодаря этим финансовым операциям он составил себе неплохое состояние. Таким образом, разные махинации были распространены среди правителей города.

В кресле около окна сидел капитан полиции Джон Монтли, шурин Говарда, с вытянутыми ногами, с сигарой в руке и без малейшего выражения на своем обрюзглом и покрытом красными пятнами лице. Когда Говард был назначен на эту должность, Монтли почувствовал, что рискует потерять свое место. Зная, что Говард равнодушен к молодым и красивым девушкам, Монтли женил его на своей самой молодой из сестер. С тех пор, как Говард женился на Глории, Монтли стал для него «табу».

Адамс, который был знаком с ситуацией, подумал, что если бы Монтли выкинул его с должности, он автоматически занял бы его место. Он терпеливо в течение многих месяцев ожидал момента отдаления от Монтли, а также и от Донована, чутко прислушиваясь к предложениям Говарда, тщательно обмозговывая возможность воспользоваться смертью Фей, чтобы осуществить эту возможность.

Злобствующий Говард говорил хриплым голосом:

— Это надо быстро ликвидировать. Киньте всех людей на это дело, поймать убийцу! Здание полно проституток! Боже ты мой! И мы уверены, что в этом городе нет ни одного борделя!

Монтли улыбнулся, обнажив зубы, пожелтевшие от табака.
— Бордели всегда существовали, — сказал он. — Их закрывают, а они открываются.

— Почему вы не прикрыли этот? — спросил Говард.

Монтли удивленно посмотрел на него.

— Ведь не можете же вы сказать, что не знали об этом! Это одно из зданий О'Бриена.

Говард покраснел, побледнел, бросил быстрый взгляд на Адамса, который внимательно рассматривал свои ботинки. Его лицо было неподвижно, и Говард успокоился. Или Адамс не слышал реплики Монтли, или имя О'Бриена ему ничего не говорит?

Но имя О'Бриена было полно значения для Адамса. Он знал, что О'Бриен субсидировал эту компанию. Значит О'Бриен был собственником здания № 25 по Лесингтон авеню?! Адамс подумал с дрожью, невольно пробежавшей по его телу, не вызовет ли это скандала, так ожидаемого им в течение месяца. Если он уличит Монтли в выгораживании О'Бриена, он сможет занять так желаемое им место.

Говард сдержал свою злость. О чем этот дурак думал, когда в присутствии Адамса заговорил об О'Бриене? Адамс был хорошим офицером полиции, отлично выполняющим свою работу, но он был так далек от политики.

Говард сам был поражен, когда узнал, что дом № 25 по Лесингтон авеню принадлежит О'Бриену. Если газетам повезет, то правительство будет серьезно скомпрометировано. Малейшая нескромность может повлечь за собой следствие, так что необходимо было закончить это дело и найти убийцу как можно скорее.

— Как ваши дела? — спросил он у Монтли.

Монтли неопределенно указал на Адамса.

— Это он занимается этим делом. Вы устраиваете целую историю из-за одной шлюхи. Это никого не интересует.

— Вы увидите сами, как это никого не будет интересовать, когда завтра будете читать в газетах! — ехидно возразил Говард. — У вас есть какой-нибудь след? — спросил он у Адамса.

— Описание одного типа, который, возможно, нанес удар. Донован занимается этим.

— Донован? А почему не вы? — рявкнул Говард. — Донован! — он сдержался. — Безусловно, Донован очень хорош для обычных дел, но для быстрой работы он не очень силен. Я рассчитываю на вас, Адамс, чтобы быстрее продвинуть это дело. Займитесь сами следствием, независимо от того, что сделают Монтли и Донован. Найдите мне убийцу и задержите его. У нас, без сомнения, скоро произойдут изменения, и, если порученное вам следствие пройдет быстро и удачно, вы сможете поздравить себя с удачей.

Оба человека посмотрели друг на друга. Грубое лицо Адамса

ничего не выражало, и в первый раз он почувствовал, что в нем загорелся проблеск надежды.

— Я хотел бы иметь сведения о всех подпольных организациях этого города. Поручите кому-нибудь заняться этим, а сами сосредоточьтесь на преступлении, которое нас интересует. Я прослежу за тем, чтобы вы получили все копии донесений Donovan. А теперь приступайте к действию.

— Вы получите эти сведения, — сказал Адамс, выходя из кабинета.

Несколько минут Говард продолжал сидеть молча, устремив взгляд на дверь. Потом он встал и направился к двери, которую приоткрыл.

— Я отправлюсь в ратушу, — сказал он своей секретарше, — и вернусь оттуда через час.

Он закрыл дверь, надел шляпу, подошел к двери, которая выходила на улицу с черного хода.

Глава 2

В течение трех лет Сеан О'Бриен был тайным советником местной политики. Он появился на сцене в тот момент, когда одна из партий потерпела полный крах, но благодаря его огромным средствам он сумел восстановить ее и вдохнуть в нее новую жизнь.

Главой этой партии был Эд Фабиан, толстокожий полицейский, жизнерадостный, лишенный всяких комплексов. Когда О'Бриен предложил ему свои миллионы, он их принял, не беспокоясь ни о том, откуда они взялись, ни о том, что надо будет их возвращать. Желание О'Бриена оставаться в тени могло вызвать подозрения у Фабиана, но ему нужны были деньги, чтобы поставить снова на ноги свою партию, и он понимал, что любопытство может лишь помешать ему.

В настоящее время Фабиан был всего лишь подставным лицом, тем более, что, старея, он утратил свою боеспособность, если она вообще у него существовала, и, так как деньги все время поступали, он без возражений принимал распоряжения О'Бриена.

Если бы он только знал, что О'Бриен сколотил свое огромное состояние на международной торговле наркотиками, его бы, вероятно, хватил удар.

Бывший гангстер О'Бриен был незаметен благодаря своей осторожности и стремлению постоянно находиться в тени. О'Бриену удалось бежать из Европы, унося с собой миллионы, в то время, как с его соучастниками обошлись во Франции строго: им всем пришлось заняться принудительными работами.

Приехав в Флиг, в Калифорнию, чтобы привести в порядок свои дела и надежно пристроить свое состояние, он быстро пресытился бездеятельной жизнью и решил заняться политикой. После того, как он изучил соотношение сил различных партий,

существующих на тот момент, он обнаружил слабость той, которую возглавлял Фабиан, договорился с ним о поддержке и стал осуществлять контроль.

Несмотря на множество предосторожностей, которые он предпринял, когда был хозяином торговли наркотиками, он не мог избежать контактов с определенными лицами. Один из них получил во Франции двадцать лет тюрьмы, так что полиция, разыскивающая О'Бриена, располагала описанием его внешности, поэтому он избегал гласности в любой форме. Он тщательно следил, чтобы ни одна его фотография не появилась в печати и не попалась бы на глаза инспектору полиции, заинтересованному в его поимке. О'Бриен не жаждал получить двадцать лет принудительных работ.

После трех лет безопасной жизни такое положение вещей его вполне устраивало. Ведя спокойную и уединенную жизнь, он забавлялся тем, что контролировал жизнь процветающего города, не давая повода избирателям догадаться, что это он в определенной степени распоряжается их существованием.

Он обладал роскошной виллой, окруженной не менее роскошным садом, который спускался до самой реки. Высокие стены окружали эту резиденцию и защищали ее от любопытных взглядов.

За рулем своей мощной машины Говард потратил двадцать минут, чтобы достигнуть поместья. Проезжая по аллее, края которой украшали великолепные редкие растения, Говард видел целый батальон садовников-китайцев, которые занимались уходом за садом. Но в это утро у Говарда в голове были другие интересы, кроме цветов и деревьев. Подозревая не совсем честное происхождение миллионов О'Бриена, он старался не показываться в его обществе, когда не присутствовали другие члены его партии. Но сегодня утром то, что он должен был ему сказать, было строго конфиденциально для того, чтобы об этом можно было говорить по телефону и рисковать быть подслушанным.

Он остановился перед озаренным солнцем входом, быстро поднялся по ступенькам и позвонил.

Лакей О'Бриена, Солливан, бывший борец, в белой куртке и черных брюках, открыл дверь. Он казался удивленным.

— Мистер О'Бриен дома? — спросил посетитель.

— Безусловно, — ответил Солливан, отстраняясь, чтобы дать ему войти, — но он занят.

Входя, Говард услышал, что где-то в доме поет женщина, и первой мыслью было то, что, наверное, О'Бриен слушает радио. Этот голос, легкое сопрано, имел что-то особенно привлекательное, так что Говард, который мало понимал в музыке, все же нашел его особенным.

— Скажите ему, что это важно.

— Пойдите и скажите ему это сами, патрон, — ответил Солливан. — Ни за что на свете я не решусь прервать завывание этой пыпки.

Он указал ему жестом коридор, по которому следовало идти в большой салон.

— Идите смело!

Говард быстро прошел по коридору и остановился перед порогом большого зала, двери которого были широко раскрыты.

О'Бриен, удобно устроившийся в кресле, сидел с закрытыми глазами, весь обратившись в слух.

За роялем, около застекленной двери с открытыми створками, сидела высокая тонкая девушка, удивительно красивая блондинка с зелеными глазами, тонким носом, высокими скулами, с чувственным ртом, одетая в кашемировый белый свитер и клетчатые брюки.

Она пела сладким и звучным голосом арию, которую Говард смутно помнил. Неподвижный, с бьющимся сердцем, он смотрел на нее. До сих пор он считал свою жену Глорию самой красивой из всех женщин, но эта превосходила ее красотой.

В конце пассажа, перед тем, как взять заключительную высокую ноту, девушка увидела его, вздрогнула, сфальшивила и сняла руки с рояля.

О'Бриен открыл глаза и нахмурил брови.

— Что с тобой случилось? — спросил он, повернувшись к ней.

Потом, проследив за ее взглядом, увидел Говарда.

— Простите, что беспокою вас, — сказал Говард, входя в комнату. — Мне нужно сказать вам несколько слов.

О'Бриен встал, не выказывая ни малейшего удивления появлением Говарда, которое, тем не менее, не могло не смутить его.

— Вы не должны были показываться до окончания арии, — проговорил он, подойдя к нему и пожимая ему руку. — Очень жаль, что музыка у вас не в фаворе. Господин директор, разрешите представить вам мисс Дорман, которая скоро станет моей женой.

Молодая девушка встала, приблизилась, слегка раздвинула свои красивые губы в улыбке, но во взгляде ее читалось смущение. У Говарда создалось странное впечатление, что она боится его.

— Вашей женой? — удивленно спросил он. — Но я этого не знал. Примите мои поздравления, — он взял протянутую ему тонкую руку и улыбнулся О'Бриену. — Я думал, неужели вы на всю жизнь останетесь холостяком?

— У меня было много времени, — сказал О'Бриен, обнимая молодую девушку за талию. — И если я ждал так долго, то вы должны признаться, что игра стоила свеч! Гилда, мистер Говард очень значительный человек, и я хочу, чтобы вы стали друзьями.

— Ты хорошо знаешь, Сеан, что твои друзья также и мои.

— Отличное принципиальное заявление, — со смехом сказал Сеан. — Тогда не смотри на него так настороженно! — Потом, повернувшись к Говарду, он спросил: — Что вы будете пить?

— Но я, — проговорил Говард, переводя взгляд с Гилды на О'Бриена. — Я пришел по небольшому делу.

— Ты слышишь, дорогая, дело?..

— Вот теперь я могу уйти,— сказала Гилда, освобождаясь от руки О'Бриена.— Не занимайся долго, Сеан.

Улыбаясь, она подарила Говарду короткий взгляд и вышла из комнаты.

Говард проводил ее взглядом, в котором чувствовалось восхищение ее фигурой, которую обрисовывали свитер и брюки.

— Она великолепна, не так ли? — спросил О'Бриен, который знал слабость Говарда к молодым девушкам.— А какой голос!

Он подошел к шкафчику с ликерами и налил два виски.

— Подумайте только, когда я ее обнаружил, она пела в одной ночной коробке. С таким голосом, как у нее! Я уговорил ее серьезно заняться пением. Теперь она поет Моцарта. Ее слушал Франчелли и был в восторге. Он сказал, что из нее выйдет блестящая оперная певица.

Говард взял предложенный ему стакан и сел. Он смотрел на О'Бриена. Хорошая осанка, подумал он. Ему должно быть лет сорок. И подумать только, ведь этот негодяй располагает по крайней мере десятью миллионами.

Сумерки сгущались, и в наступавшей темноте черные брови и тонкие усики стали придавать О'Бриену мефистофельский вид.

— Что же вас тревожит? — спросил он, садясь на ручку кресла и покачивая ногой в шегольском ботинке.

— Вам говорили о доме № 25 на Лесингтон авеню? — спросил Говард.

О'Бриен поднял правую бровь.

— Почему вы спрашиваете?

— Мне сказали, что дом принадлежит вам.

— И что же?

— Вчера вечером там была убита одна проститутка. И четыре квартиры этого же дома тоже заняты продажными женщинами.

О'Бриен сделал глоток, поставил свой стакан и закурил сигарету. На его лице ничего не выражалось. Но Говард знал его достаточно хорошо, чтобы понять, что мозг его усиленно работает.

— Не беспокойтесь об этом,— наконец проговорил О'Бриен.— Я сделаю, что надо. А кто была эта девица?

— Ее звали Фей Карсон.

— У полиции на нее есть что-нибудь?

Говард покачал головой.

— А прессе что-нибудь известно?

Говард опять покачал головой.

— Прессу оповестят через час или два. Я решил предварительно поговорить с вами, чтобы потом не было неприятностей.

— Кто вам сказал, что здание принадлежит мне?

— Монтли.

— Он слишком много говорит.

Говард сделал большой глоток, он нуждался в подкреплении. О'Бриен подозрителен уже своими неизвестно откуда взявшимися

миллионами. А теперь он еще и признался, что он хозяин дома свиданий.

— Вы знали, чем жили эти женщины? — спросил Говард. О'Бриен нахмурил брови:

— Естественно. Нужно же им жить где-то. Да и потом, их не смущает плата за квартиру.

Он встал, подошел к телефону и набрал номер. Через несколько секунд он сказал в аппарат:

— Такс? Ты тут?

Дождавшись ответа, он продолжал:

— Такс, у меня для тебя работа. Это очень срочно. Отправься немедленно на Лесингтон, 25 и выброси всех кур, которых там найдешь. Там их четверо. Выброси их всех за дверь. Когда они освободят помещение, посели в их квартирах уважаемых людей, предпочтительно старых дев. Я хочу, чтобы это было сделано в течение двух часов. Ты меня хорошо понял?

Он положил телефонную трубку и вернулся на свое место.

— Ну вот. Все устроено. Когда представители прессы появятся, они найдут этот дом настолько уважаемым, что им придется снять свои шляпы и вытереть ноги.

Говард смотрел на него со все возрастающей тревогой. Это было слишком легко проделано, причем методы были гангстерские.

— Мне никогда бы в голову не пришла мысль сделать что-нибудь подобное, — медленно проговорил он.

О'Бриен пожал плечами.

— У вас есть другие псы, которых вы стегаете. Моя главная специальность заключается в том, чтобы держаться подальше от неприятностей.

Предложив сигарету Говарду и закулив сам, он продолжал:

— Теперь расскажите мне об этой девушке. Кто убийца?

— Мы ничего не знаем. Он не оставил следов. Она, вероятно, знала его, так как он ударил спереди ножом и никто не слышал, как она кричала.

— Кто ведет следствие?

— Донован. Но я сказал Адамсу, чтобы он со своей стороны тоже действовал. У Донована есть приметы человека, который может оказаться преступником.

— Какие это приметы?

— Очень неопределенные: молодой человек лет тридцати, красивый парень, в светло-сером костюме.

— Далеко с этим не уйдешь, — сказал О'Бриен, снова наполнив стаканы.

— Это лучше, чем ничего, — произнес Говард, беря свой стакан. — Такие истории трудно распутать.

О'Бриен сел.

— Барт воспользуется этим, чтобы добавить нам неприятности. Вы говорили с Фабианом?

— Нет еще. Он ничего не может сделать, мне надо это сделать самому. Если я выслежу убийцу, все пойдет как по маслу. Что меня беспокоит, так это дом свиданий.

— Спасибо, что напомнили мне,— с улыбкой сказал О'Бриен.— Я это знаю так же хорошо, как и вы.

Он встал и добавил:

— Я не хочу выставлять вас за дверь, но мне много надо сделать сегодня утром. Держите меня в курсе. Посылайте мне все копии рапортов, которые придут в полицию по этому вопросу. Я предпочел бы иметь их отпечатанными, если вы смогли бы это сделать.

Говард заколебался.

— Рапорты не должны покидать помещения полиции. Это противоречит правилам. Будет лучше, если я лично буду держать вас в курсе дела.

— Я хочу иметь копии рапортов,— со значением проговорил О'Бриен с недоброй улыбкой.

— Хорошо, я устрою это,— сказал Говард, сделав утвердительный жест рукой.

— Спасибо. Предупредите Фабиана, что Барт подготовит наступление. Пусть пресса поговорит о девушке. Представьте ее как танцовщицу ночного кабаре.

— Понятно.

О'Бриен проводил Говарда до входной двери.

— Вы считаете, что Донован достаточно квалифицирован для того, чтобы вести это дело?

— Адамс тоже занимается им.

— Да... Адамс. Это умный флик. Ладно, спасибо за посещение. Я буду ждать рапортов.

О'Бриен на пороге виллы смотрел, как Говард удалялся, сидя за рулем своей машины. Потом он медленно закрыл дверь и некоторое время стоял задумавшись.

Гилда, которая наблюдала за ним через полуоткрытую дверь библиотеки, боязливо вздрогнула, увидя злобную улыбку, искривившую его губы.

Детектив Дэйв Дункан сунул сигарету в рот, чиркнул спичкой и посмотрел на сержанта Донована, который по другую сторону письменного стола жевал сандвич с ветчиной. Лицо его было озабоченно.

Дункан, который уже не надеялся больше попасть в полицейский чин, снова обрел надежду после того, как стал работать с Донованом по делу об убийстве. Он не считал, что тот хватает звезды с неба, но уголовное преступление всегда дает шанс для продвижения тому, кто сумеет заставить работать свои мозги.

Этот старый сын божится всеми святыми, что у него была ре-

гистрационная книга, в которой он отмечал номера всех машин, стоявших у него в парке. И она исчезла.

Донован придвинул к себе чашку с кофе и взял сигарету.

— Он ушел ведь не сам, этот регистрационный блокнот, — сказал он. — Он не мог так просто пропасть.

— Может быть, тип в сером костюме утащил его, — сказал Донован. — Он вошел в будку, чтобы поговорить со стариком, и мог знать, что номера машин заносятся в тетрадь, поэтому он взял ее.

Донован покачал головой.

— Этот тип в сером костюме кажется мне нашим клиентом. Почему он дал старому сторожу фальшивый номер, если не хотел скрываться? Мы не потеряли этого дня даром, Дункан, мы знаем достаточно об этом человеке, чтобы задержать его, при условии, конечно, что он виноват.

— У меня ощущение, — сказал Дункан, — что Дарси что-то от нас скрывает. Он должен бы знать его.

Донован пожал плечами.

— Если Дарси не хочет ничего говорить, он и не будет. Нет никакой возможности заставить говорить тех, которые приходили к ней, ее друзья, покровители. Она должна была знать множество людей, которые приходили более-менее регулярно. Мы вернемся поговорить с этим типом из банка, который солгал мне относительно телефонной кабины.

— Банк в это время закрыт, — сказал Дункан.

— Ночной сторож, быть может, знает его адрес.

Но ночной сторож не знал адреса Паркера. Он даже не знал Паркера.

— Когда я заступаю на свое дежурство, здесь уже никого не бывает, — сказал он. — Вам это скажут завтра утром.

— Дайте мне адрес директора, — резко проговорил Донован. — Это срочно!

— У меня его нет, — сказал ночной сторож. — Чтобы узнать что-нибудь о директоре, вам нужно будет обратиться к главному кассиру, мистеру Холанду.

— Идет, — нетерпеливо сказал Донован. — Давайте мне его адрес и пошевеливайтесь. Я спешу.

Ночной сторож нацарапал адрес на клочке бумаги, и оба детектива вернулись к своей машине. Они без труда нашли нужную улицу и остановились перед кокетливым садиком.

— Вот хорошо ухоженные розы, — заметил Донован, который в свободное время занимался садоводством. — Жаль, жаль, что он не содержит также и лужайку. Это напомнило мне, что пора заняться своей.

Он нажал на кнопку звонка и не отпускал ее несколько секунд. Они подождали немного и вдруг, когда Донован собирался позвонить снова, дверь отворилась. Он узнал высокого типа, который находился рядом с Паркером в банке. «Умирает от стра-

ха,— с садистским удовольствием подумал Донован.— Смешно! Достаточно мне нажать на звонок, чтобы повергнуть всех в страх».

Выдвинув вперед свою тяжелую челюсть, он агрессивно сказал:

— Это вы Холанд?

Кен молча кивнул.

Заинтересованный Дункан рассматривал его. Он подумал: «Он не был бы более испуган, если бы даже ограбил банк и спрятал бы у себя свою добычу. Что это такое с ним?»

— Я хочу поговорить с Паркером. Где он живет? — спросил Донован.

Кен открыл рот и закрыл, но не смог выговорить ни слова. Глаза его были прикованы к Доновану.

— Где он живет? — спросил Донован, повысив голос.

Кен сделал усилие, проглотив слюну, и сказал:

— На следующей улице, Маршал авеню, № 145.

Дункан взял свою записную книжку и записал адрес.

— Он сказал вам что-нибудь, когда ходил звонить по телефону своей жене?

— Нет, он ничего мне не сказал.

— Но вы видели, когда он пошел к телефону.

— Да, я его видел.

— Который тогда был час?

— Я не обратил на это внимания.

Донован уничтожающе посмотрел на него, потом с видом отвращения, повернувшись к Дункану, сказал ему:

— Идите! Мы теряем здесь время.

Они большими шагами прошли по аллее, резко распахнули калитку и подошли к машине.

Дункан, который шел вслед за Донованом, обернулся. Кен, стоя на пороге дома, смотрел им вслед. Увидя, что Дункан смотрит на него, он быстро вошел в дом и захлопнул за собой дверь.

Глава 3

Когда машина директора полиции исчезла в конце аллеи, Сеан О'Бриен медленно вернулся в салон и сел. Через несколько минут к нему присоединилась Гилда.

— О! Наконец-то он уехал! — воскликнула она. — Что он хотел?

Сеан взял руку Гилды, заставил сесть на ручку его кресла и обнял за талию.

— Это первый раз, когда он приходит сюда. Станный тип, — он прижался головой к руке Гилды. — Он принес мне плохие новости.

Тело Гилды напряглось.

— Ты помнишь Фей Карсон? — спросил он, подняв на нее глаза.

Тонкие ноздри молодой женщины задрожали, и взгляд стал жестким.

— Да. Что с ней?

— Она была любовницей твоего брата, да?

Она приняла удар.

— Почему ты вспоминаешь об этом? Это старая история.

Он решительно встал и отошел от нее, заложив руки за спину.

— Не такая уж старая. Перед тем, как говорить еще о Джонни, внесем ясность. Мне нет необходимости говорить тебе, что я схожу по тебе с ума и сделаю для тебя все, что угодно. Мы скоро поженимся. Но, как тебе известно, я руковожу здесь в городе политическими действиями, в которых каждый пытается перегрызть другому горло. И ничто так не способствует тому, чтобы опрокинуть целую политическую организацию, как скандал, раздутый прессой. Избиратели сразу же станут возражать, понимаешь?

Пристроившись на ручке кресла, бледная, испуганная, Гилда внимательно слушала его, нервно сжимая руки.

— Я не вижу тут никакой связи с Джонни.

Он прямо посмотрел на нее.

— Я только что сказал тебе, что Говард принес мне плохие новости: прошлой ночью Фей Карсон была убита.

Наступило тяжелое молчание. Наконец О'Бриен стал продолжать:

— Знаешь ли ты, что Джонни вчера вечером вернулся? Один из моих людей видел его около Парадиз-клуба. Он приходил к тебе?

Она замаялась, потом кивнула, не глядя на него.

— Я знала, что он в городе, — сказала она с опущенными глазами.

— Ты допускаешь, что это он ее убил? — прямо спросил О'Бриен.

Она подняла голову, ее глаза расширились.

— Конечно, нет! Как ты можешь говорить такие вещи?

Но ее возмущение явно было неискренним. Они посмотрели друг на друга, и Гилда снова отвела глаза.

— Будем играть в честную игру, малышка, — сказал О'Бриен. — Ты так же хорошо, как и я, знаешь, почему я спрашиваю тебя об этом. Прежде чем его заключили в тюрьму, он угрожал, что убьет ее, и не прошло и двух часов, как он вышел, и Фей оказалась убитой. Надо смотреть правде в глаза.

Гилда не шевелилась. Он видел, как она старалась совладать с собой, и, подойдя к ней, обнял ее.

— Послушай, не волнуйся. Ты ведь не одна, чтобы переживать так. Я с тобой. И есть мало вещей, какие бы я не мог сделать.

— Это не он, — проговорила она одним дыханием. — Он не способен на это!

Хорошо зная Джонни, О'Бриен думал как раз наоборот.

— Это твоё мнение, — сказал он с нежностью. — Потому что он твой брат, и ты его любишь. Но представь себе, что подумают другие, кому известна его репутация...

— Я тебе говорю, что это не он! — закричала она, вставая, чтобы посмотреть на него прямо. — Можно подумать, что у тебя есть доказательства, — она поднесла руку к губам. — Этот тип из полиции ведь подозревает не его!

— Он не подозревает даже о существовании Джонни.

— Тогда почему ты говоришь мне все это?

— Ты вчера не видела его?

— Нет, он звонил по телефону.

— И ты от меня это скрывала?

— Я должна была бы сказать тебе об этом, но он просил меня этого не делать. Он просил денег, чтобы уехать в Нью-Йорк. Я отправлялась в казино, когда он позвонил. Я сказала ему, чтобы он пришел ко мне туда, и обещала принести ему нужную сумму денег. Но он не пришел туда, вероятно, нашел деньги в другом месте.

— У Фей?

— Нет. Он не знал ее адреса и не взял бы у нее денег. Он был у Фей вчера вечером.

— Будем думать, что так, — сурово проговорил О'Бриен. — Итак, ты его не видела?

— Нет.

Он был достаточно проницателен, чтобы понять, что она ему лгала. Она его видела и так же, как и он, была уверена, что Джонни убил Фей.

Дело было серьезным. Нужно было сделать все возможное, чтобы Джонни не попал в руки полиции. Его действия должны были быть настолько же быстрыми, как и действенными. Но где мог находиться Джонни?

— Значит, ты веришь, что он уехал в Нью-Йорк? — безразличным тоном спросил он, внимательно наблюдая за ней.

— Да. Я скоро получу от него сведения, я уверена в этом, — ответила Гилда.

— Понимаю.

Она опять лгала ему. Ему вдруг пришла в голову мысль, что она прячет своего брата, что он, вероятно, находится у нее в настоящее время.

— Раз он уехал... — проговорил он и взглянул на свои часы-браслет.

— Черт! Мне нужно позвонить по телефону. Подожди меня здесь, я сейчас же вернусь. — Он вышел из комнаты и заперся в библиотеке. Набрав номер, он проговорил вполголоса:

— Позовите мне Такса.

На другом конце провода твердый и резкий голос произнес:

Да, патрон!

— Ты хорошо ~~распорядился~~ на Лесингтон авеню, 25? А теперь я хочу дать тебе другую работу. Беги на Маддокс Курт, 45 к мисс Дорман. Ты заглянешь туда, не обнаруживая себя. Я полагаю, что Джонни Дорман там. Если он там, ты заберешь его и спрячешь в надежном месте. Это будет не так легко, но ты ведь не новичок. Возьми с собой Вайти, так как Джонни парень несговорчивый.

— О'кэй, я займусь этим, — ответил Такс.

— Отвези его в такое место, где бы я легко мог его найти. Чтобы никто его не видел. И не слишком бей его. Во всяком случае не бей его по голове, у него не очень твердый купол.

— Можете довериться мне, — сказал Такс. — Я сообщу вам.

О'Бриен повесил трубку, закурил сигарету и вернулся в салон. Увидев глаза Гилды, он понял, что она плакала, и сел с ней на диван.

— Не нужно так расстраиваться, — осторожно и нежно начал он. — Но я должен узнать то, что произошло между тобой, Фей и Джонни. У меня есть недруги, они занимают высокие посты и знают, что мы собираемся пожениться. Если они смогут поймать Джонни, они сделают все, чтобы навредить мне. Скажи мне, что произошло между вами?

— Если у тебя могут быть неприятности из-за Джонни, тогда тебе не стоит жениться на мне.

— Я женюсь на тебе, — возразил О'Бриен, пристально глядя на нее. — Это единственная вещь, в которой я уверен. Но я хотел бы избежать неприятностей и потому прошу тебя рассказать обо всем.

Она пожала плечами.

— Естественно, это грязная история, но мне нечего скрывать от тебя. Фей и я были близкими подругами и жили вместе. Я занималась пеннем, а у нее был номер с партнером Морисом Вардом. Она сходила по нему с ума, а он был бессовестным эгоистом. Однажды она привела его к нам и познакомила нас. Он сразу же стал ухаживать за мной. Потом Фей ни за что не хотела верить, что я не переспала с ним, и стала устраивать мне сцены. Тогда я разъехалась с ней, но она не оставляла меня в покое. Морис продолжал преследовать меня. В конце концов я покинула город. Он был до такой степени зол на Фей, что бросил ее с танцевальным номером и тоже уехал. Когда я узнала, что его больше там нет, я вернулась обратно. Фей не захотела меня больше видеть, что меня, по правде говоря, не очень опечалило, так как Фей пошла по кривой дорожке. Она бросила танцевать и стала зарабатывать своими прелестями. Однажды она встретила Джонни. Он вернулся с войны, где ему пришлось очень много пережить. Он был совершенно выбит из колеи. Он слишком много пил и часто приходил в бешенство. Я была единственным человеком, который мог его успокоить. Он влюбился в Фей, а она решила мне отомстить. Он вбил себе в голову, что женится на ней.

Однажды один из его друзей дал ему адрес Фей и сказал, что она отличная партнерша, с которой приятно провести ночь. Джонни побежал к Фей и сильно ударил ее. Если бы не подоспел Сэм Дарси, он убил бы ее. Сэм связал его и послал за мной.

Я поместила Джонни в психиатрическую больницу. Продолжение этой истории ты знаешь.

О'Бриен потер себе щеку.

— Значит, Сэм Дарси в курсе дела?

— Он знает, что Джонни побил ее и угрожал убить.

— Как ты думаешь, ходил ли Джонни к нему? Знает ли Дарси, что Джонни вернулся?

— Я не знаю.

— Ладно, — сказал О'Бриен. — Теперь я знаю, как мне держаться. Кстати, Говард сказал мне, что у них есть описание типа, который покинул квартиру Фей в час преступления. Он не похож на Джонни.

— Но ведь я тебе уже сказала, что Джонни тут ни при чем.

— Безразлично, что ты или я можем думать. Факт тот, что он угрожал ей, и едва он успел выйти, как ее убили. Разве только они поймают этого высокого типа в сером костюме? В этом наша единственная надежда.

— Полиция, безусловно, найдет его, — проговорила Гилда.

— Будем надеяться.

Потом с легкой улыбкой он добавил:

— Забудем все это, теперь время завтрака.

Она покачала головой.

— Я хочу вернуться к себе. У меня дела.

— Ты будешь завтракать со мной, — твердо проговорил он.

И, взяв под руку, он увлек ее по коридору по направлению к столовой.

Часом позже, когда она уже уехала, сидя за рулем своей большой спортивной машины, О'Бриен услышал телефонный звонок и снял трубку.

— Это говорит Такс, — проговорил резкий голос. — Все идет хорошо, патрон. Он был там, и я его забрал.

Лицо О'Бриена стало жестоким.

— Куда?

— На «Виллу Понт».

— Хорошо. Я буду там через час, — сказал О'Бриен. — Не выпускай его, Такс.

Он повесил трубку.

Кен Холанд закрыл входную дверь и на ватных ногах прошел через вестибюль. Всем своим весом он оперся на спинку стула. Сердце его еще колотилось. Он не мог избавиться от страха, который его обуял при виде обоих полицейских, идущих по саду.

«Странная у меня манера спасать себя,— подумал он.— Заметили ли они мой ужас? Мне необходимо успокоиться. Если я еще раз буду вынужден иметь с ними дело, то выдам себя».

Потом он подумал о Паркере. Нужно было предупредить его.

Он поспешил к телефону, набрал нужный номер и стал прислушиваться к звонкам.

«Пошевелитесь! — мысленно торопил он.— Они сейчас будут у вас. Отвечайте же».

Наконец раздался шелчок. Потом холодный голос миссис Паркер спросил, кто у телефона.

— Кен Холанд. Я хотел бы поговорить с Максом.

— Он, вероятно, в саду. Я посмотрю, сможет ли он подойти. Не вешайте трубку.

Кен ждал, терзаемый беспокойством.

— Вы еще здесь? — спросила миссис Паркер после долгого перерыва.— Я сказала ему, чтобы он позвонил вам. В настоящее время он разговаривает с какими-то мужчинами, которых я не знаю, но думаю, что это надолго.

— Спасибо,— сказал Кен и повесил трубку.

Он подошел к бару и налил себе виски, которое выпил залпом. Потом закурил сигарету, сел и стал ждать. Он не мог делать ничего другого.

Что произойдет с Паркером? Удастся ли ему опять обмануть Донована? Создается ли он, что посещал Фей? Скажет ли он Доновану, что дал ему номер телефона Фей? Вспомнит ли он о том, что у Кена есть серый костюм?

Невозможно было сидеть на месте, тогда как разум его был полон ужаса. Кен встал и отправился в сад. Дойдя до ограды, он посмотрел на улицу, не смея дойти до перекрестка, чтобы убедиться, стоит ли полицейская машина у дома Паркера. Он боялся, что его могут увидеть инспектора. Вскоре он снова вернулся в дом.

Неожиданная мысль мелькнула в его мозгу. А что он сделал с блокнотом, похищенным у ночного сторожа на стоянке машин?

Его лицо сменило все оттенки от самого бледного до багрового, когда он понял, что не в состоянии вспомнить, куда мог деться этот блокнот. Он совершенно забыл о нем.

Он помнил, что сунул его в карман брюк, разговаривая со сторожем, но потом совершенно не помнил, что мог сделать с ним. Во всяком случае, он не оставил его в костюме, так как перед тем, как отнести его к «Газе», опорожнил все карманы.

Где он мог быть?

Потерял на улице?

Если найдут, то скоро узнают его, проверяя всех владельцев машин, которые были там записаны.

Он с безнадежным видом посмотрел вокруг себя. Если бы он потерял его в доме, Керри могла поднять его и положить, как обычно, ему на стол. Он стал усиленно искать повсюду, но безрезультатно.

Когда он удостоверился в том, что блокнота нигде в доме нет, уже наступила ночь. Он с огорчением смотрел на беспорядок в своем салоне.

Блокнот мог выпасть из его кармана, когда он вел машину. Какой дурак! Первое, что он должен был сделать, это посмотреть в машине.

Он вышел и направился к гаражу, как вдруг заметил Паркера около ограды. Он замер на месте. Паркер с опущенной головой медленно брел по дороге.

— Мне нужно поговорить с вами,— сказал он, подойдя к нему.

— Войдите,— сказал Кен, пройдя вперед в салон и зажигая свет.— Простите за беспорядок. Я кое-что искал и все тут перевернул.

Паркер упал в кресло. Его толстое лицо, обычно цвета спелого помидора, было бледным и осунувшимся. Его руки, лежащие на кресле, дрожали.

— У вас нет ничего выпить? — спросил он.

— Ну, конечно же, есть,— ответил Кен и наполнил два больших стакана виски.— Флики только что приезжали ко мне, спрашивали ваш адрес. Я пытался позвонить вам, но они меня опередили.

Паркер бросил на него инквизиторский взгляд. Кен протянул ему стакан и, почувствовав себя очень скверно, отошел и сел в кресло.

— Что такое произошло? — спросил он после долгого молчания.

— Они ничего не смогли вытянуть из меня,— ответил Паркер беззвучным голосом.— Я держался своей версии. Не без успеха. Сержант уверял, что я ему лгу и что я звонил Фей. Я сказал ему, что это надо еще доказать. Он страшно ругался, но под конец сказал мне, что не думает, что я могу быть убийцей. Ведь это очень любезно с его стороны, вы не находите? Но он надеялся, что я знаю некоторых клиентов. Во что бы то ни стало я не хочу, чтобы они знали, что я бывал у Фей. Я поклялся, что не звонил ей. Он настаивал, что другого телефонного звонка к ней не было, кроме того, который последовал из банка. И как раз в то время, когда я, как утверждал, звонил Мези. Я сказал ему, что мог ошибиться во времени и что, может быть, звонил Мези раньше или позже, чем я думал. Тогда он решил спросить у Мези.

Паркер сделал большой глоток и уставился на свои ноги.

— Я провел десять ужасных минут в саду наедине с другим полицейским, пока сержант разговаривал с Мези. Она просто умница. Она почувствовала, что я попал в скверное положение и подтвердила, что я звонил ей вскоре после девяти часов, а не в десять часов. Ей удалось убедить сержанта, который извинился передо мной.

Кен вытянулся в своем кресле.

— Вы знаете, я в восторге...

Паркер снова бросил на него испытующий взгляд.

— После их ухода я все рассказал Мези,— медленно проговорил он.— Она очень плохо восприняла это.

— Вы сказали ей, что ходили к этой девице?

— Это нужно было сделать. Она знала, что я солгал сержанту. Я не мог смотреть ей в лицо и лгать, ей тоже... Она прямо спросила меня, виделся ли я с ней. Я ответил, что да.

Кен почувствовал, что если бы Ани задала ему тот же вопрос, он был бы не в состоянии скрыть от нее правду.

— Я огорчен...

— Да,— Паркер провел по лицу рукой.— Она восприняла это очень плохо. Естественно, что мать все слышала и тотчас же вмешалась. Это может разбить нашу семью.

— Не могу передать, как я огорчен.

— Я должен винить в этом лишь себя. Это смешно, но я чувствовал себя в такой безопасности с Фей, в стороне от любой опасности...

Неожиданно он поднял глаза и посмотрел на Кена твердым взглядом.

— Довольно говорить обо мне и о моих неприятностях. Мне нужно сказать вам кое-что другое. Сержант описал мне того, кого они ищут и которого подозревают в совершении преступления. И это заставило меня задуматься.

Он наклонился вперед и продолжал:

— Вы совершенно уверены, Холанд, что не ходили к Фей прошлой ночью?

Сердце Кена остановилось, потом стало биться со страшной силой. Кену показалось, что он изменился в лице. Он сделал отчаянное усилие, чтобы посмотреть на Паркера прямо в лицо, но это ему не удалось. Чтобы скрыть свое положение, он взял сигарету, закурил и проговорил глухим и нетвердым голосом:

— Я не понимаю, к чему вы клоните, Макс? Я уже говорил, что провел вечер дома.

Паркер не спускал с него глаз.

— У меня ощущение, что вы лжете,— сказал он.— Вы ходили к ней?

— Я вам сказал, что нет! — закричал Кен, вставая.

— Боже мой,— сказал Паркер, бледнея.— Когда они дали мне это описание, которое полностью подходит к вам, я сомневался, были ли это вы, но я не хотел этому верить. Теперь я в этом уверен.

Ужас Кена был так велик, что он не смог его скрыть.

— Они ищут высокого темноволосого, красивого парня, лет тридцати,— продолжал Паркер с горечью,— одетого в серый костюм и серую фетровую шляпу, владельца старого «линкольна». — Он с большим трудом встал.

— Боже мой, это, конечно же, вы, это видно по вашему лицу.

Мужчины смотрели друг на друга дрожа: Кен от ужаса, Паркер от страха.

— Это не я! — воскликнул Кен. — Нужно мне верить, Макс. Я клянусь вам, что это не я!

— Я ничего не хочу слышать, — быстро проговорил Паркер. — Я не знаю, что вы такое сделали, но, во всяком случае, оставьте меня в покое, вы поняли? Я вам дал ее номер телефона, но ради господ бога, не говорите этого полиции. Вы уже разрушили мой семейный очаг. Если узнают, что я вам дал номер телефона, я потеряю службу. Газеты пропечатают про меня и вываляют в грязи. Не впутывайте меня в эту историю!

— Я же вам говорю, что это не я, — сказал Кен, хватаясь за руку Паркера. — Вы должны мне верить.

Паркер с силой вырвал свою руку и отступил на шаг.

— Безразлично, считаю я вас виновным или нет. Это решит полиция. Рано или поздно, но на вас наложат руки. Они располагают описанием вашей внешности. Им понадобится немного времени, чтобы вас найти, и с этого момента я вас прошу не произносить моего имени. Вы поняли?

— О! Довольно говорить о вас! — закричал с неожиданной яростью Кен. — Вы только говорите о себе. А я что же?

— Выкарабкивайтесь сами, — заявил Паркер.

— Вот еще! Не забывайте того, что вы ответственные. Это вы толкнули меня на это. А я как идиот прислушался к вашим отвратительным инсинуациям. Без вас я не пошел бы.

Кен остановился, но, видя страх Паркера, не мог не продолжать дальше.

— Да, я признаюсь, что был с ней в прошлую ночь. Я пошел к ней, но не убивал ее. Она была в спальне, а я был в салоне, когда...

— Остановитесь! — вскричал Паркер с искаженным лицом. — Вы не понимаете, что говорите. Я не хочу вас слышать. Вы пытаетесь сделать из меня сообщника, рассказывая мне это. Я ничего не хочу слушать. Не впутывайте меня в это, больше я ничего от вас не прошу. Это дело касается вас, меня оно не касается. Я прошу вас, только не говорите им, что это я дал вам номер ее телефона.

Перед бледным и искаженным от страха лицом Паркера Кен неожиданно обрел мужество.

— Будьте спокойны, — сказал он. — Я не впутываю вас ни во что. Но не забывайте о своей моральной ответственности в этом деле. Это по вашей вине я пошел туда. Это вы втянули меня в такое грязное дело. Для вас будет хуже, если вы забудете об этом. А теперь убирайтесь!

Паркер не нуждался в повторении. Он поспешил в вестибюль, открыл входную дверь и тяжелыми шагами пошел по дорожке к выходу из сада.

Кен из окна смотрел, как он уходил.

«Этот, по крайней мере, будет молчать,— подумал он.— Он еще больше напуган, чем я».

Но машина завертелась. С замиранием сердца он подумал о предстоящем. Он должен будет остерегаться Свитинга, избегать блондинок и работать каждый день рядом с Паркером, который считает его убийцей. С Паркером, который знает, что он ходил к Фей. Через шесть дней вернется Ани, и новый кошмар начнет для него. Он смотрел в окно, ничего не видя, на грани нервного кризиса. У него, казалось, не было выхода, и его вспышка мужества быстро угасла.

Тогда он сделал то, что не делал с детства. Он пошел в спальню, встал на колени около кровати и начал молиться.

Лейтенант Гарри Адамс прошел по темному проходу, ведущему в «Голубую Розу», сгорбив худые плечи под дождем. Он позвонил, когда открылось смотровое окошко, сказал: — Я хочу повидать Сэма.

После небольшого колебания дверь открыли.

— Я пойду поищу его, лейтенант.

Адамс закурил сигарету, бросил взгляд на убранство вестибюля. Служащая гардероба начала приближаться к нему, но, увидев, с кем она имеет дело, остановилась как вкопанная, как будто она неожиданно увидела змею. Потом она быстро проскользнула в туалет.

Адамс привык к такой реакции. Это его даже забавляло.

Рыжая девица с большим вырезом на платье вышла из умывальной и посмотрела на него. Ее сильно накрашенные губы сложились в профессиональную улыбочку, которая сразу же исчезла под ледяным взглядом Адамса.

Она быстро спустилась по лестнице к ресторану, встретившись по дороге с Сэмом Дарси, который поднимался.

— Здравствуйте, лейтенант,— сказал Дарси с беспокойством во взгляде.— Вас не часто можно увидеть здесь. Вы кого-нибудь ищите или просто решили развлечься?

— Я пришел по служебному делу, Сэм,— ответил Адамс, разглядывая огромного негра. Он едва достигал высоты, на которой был приколот бриллиант на галстук Дарси, но огромные размеры собеседника его совсем не смущали.— Мне нужно поговорить с вами в спокойной обстановке.

— Понятно,— сказал Дарси без малейшего энтузиазма.— Пойдемте в мой кабинет.

Он пошел по коридору и привел Адамса в большую, роскошно обставленную комнату, в которой стоял письменный стол, а окна были закрыты шторами.

Клодетт, жена Дарси, занималась подсчетом денег на письменном столе. Расширив глаза при виде Адамса, она с беспокойством посмотрела на мужа.

— Уходи, дорогая,— сказал Дарси.— Лейтенант хочет со мной поговорить.

Она бросила на Адамса удивленный взгляд, быстро сунула деньги в ящик и вышла, закрыв за собой дверь.

Адамс сел.

— Что вы хотите выпить, лейтенант?

— Ничего, я на службе.

Сэм Дарси налил себе немного виски с содовой и сел за письменный стол.

— Что-то идет не так, как вы хотите?

— Пока все идет неплохо,— ответил Адамс, разглядывая носки своих ботинок.— Я пришел поговорить с вами о Фей Карсон.

Дарси не удивился. Он молча ждал.

— Донован приходил? — спросил Адамс.

— Да, два часа назад.

Адамс наклонил голову.

— Если вы его снова увидите, не говорите ему про наш разговор. Мне нужно вести это дело очень аккуратно. Могут быть политические инциденты, и я должен действовать осторожно.

У Дарси было такое же мнение, когда он узнал про смерть Фей, но он держал свои мысли при себе.

— Понятно, лейтенант.

— Я всегда был очень доброжелателен по отношению к вам, Сэм,— продолжал Адамс.— Я мог причинить вам серьезные неприятности тогда, когда эта курочка демонстрировала свою наготу в вашей коробке. Многие клубы были закрыты после такого скандала! Потом эта девка в сентябре... Я вас вызволил и из этого дела. Настал момент, когда вы можете отплатить мне добром.

— Я сделаю все возможное,— просто сказал Дарси.

Адамс стряхнул пепел на пол.

— Я хочу побыстрее закончить это дело. Я сомневаюсь, чтобы Донован особенно продвинулся в этом,— его синие, холодные глаза встретились с глазами Сэма...

— Может повезти и можно случайно напасть на след. Но я не думаю этого, и, во всяком случае, не вы должны помогать ему.

— Я этого не делал до сих пор,— ответил Дарси.

— Линдзей Барт может быть призван руководить муниципальными делами через несколько месяцев и уж, во всяком случае, через год точно,— продолжал Адамс.— Муниципалитет, по сути дела, скомпрометирован. Вы и я должны предвидеть будущее. Барт, сев на это место, может закрыть вашу коробку, с него станет. Но если вы покажете себя понятливым, он будет чувствовать себя обязанным и оставит вас в покое.

— Я понимаю, лейтенант.

— Хорошо,— Адамс раздавил свою сигарету и закурил другую, бросив спичку в пепельницу.

— Вы видели маленькую Карсон вчера вечером?

— Да.

— С кем она была?

— Высокий, темноволосый мужчина в сером костюме.

Адамс кивнул головой.

— Вы раньше видели его?

— Нет.

— Он назвался?

— Нет.

— Это был друг или клиент?

— Я не знаю. Казалось, им было очень хорошо вместе. Насколько мне известно, она не приводила своих клиентов сюда.

— Значит, это был друг?

— Я этого не знаю, лейтенант. Она мне его не представила, как она это сделала бы, если бы это был ее друг. Я не знаю, что и думать.

— Был ли у него такой вид, что он способен заколоть девушку ножом?

Дарси покачал головой.

— Безусловно, нет. Я нашел его очень симпатичным.

— Вот как,— проговорил Адамс, недовольно поморщившись.— Однако все улики против него. Его видели уходящим из здания в час совершения преступления. Но какая причина у него была, чтобы убить ее? Какая она была, Сэм? Не могла бы она пытаться заставить его плясать под свою дудку?

— Нет,— Дарси был категоричен.

— Это совсем не того рода женщина, лейтенант. Возможно, что она и сошла с пути истинного, но не до такого состояния. Шантажом она не занималась.

— Тогда почему бы ему убивать ее? Может быть, он был ненормальным?

— У него не было такого вида. У меня большой опыт в определении людей. Я даже был очень рад видеть Фей рядом с ним. У него не такой вид, какой бывает у мужчин, которые бегают по курочкам.

Адамс на несколько секунд углубился в свои мысли.

— Вы давно знаете Фей?

— Четыре года.

— По вашему мнению, кто мог нанести ей удар, если не тот тип, о котором идет речь? У вас, наверняка, есть свои соображения на этот счет.

Дарси заерзал в своем кресле, сделал глоток виски, потом откинулся назад, сделал решительный жест рукой и сказал:

— Я бы никому другому не сказал, лейтенант,— медленно проговорил он.— Но раз вы меня спрашиваете, то вот вам мой ответ. Конечно, я могу ошибаться...

— Тем хуже, если вы ошибетесь! Говорите!

— В прошлом году Фей и Джонни Дорман были неразлучны. Их повсюду видели вместе. А потом, когда он узнал, что она про-

давала свое тело, он стал избивать ее. Я вовремя пришел, чтобы вырвать ее из его рук. Без меня он убил бы Фей. Фей была очень серьезно больна, он сильно ударил ее по черепу. Что касается Джонни, то его ярость была настолько сильна, что я ничего не смог сделать с ним. Я позвал его сестру, и Джонни поместили в лечебницу, где он пробыл один год. Он вышел вчера, вылечившись. Один тип, которого я знаю, видел его прошлой ночью у Парадиз-клуба. Он слышал, как Джонни спрашивал о том, где проживает Фей. Я подумал, что он может доставить Фей неприятности, и позвонил Фей по телефону, но не получил ответа.— Он внимательно посмотрел на Адамса.

— Я не удивлюсь тому, что Джонни ее нашел.

Адамс сидел неподвижно, смотря на свои руки.

Джонни Дорман. Он хорошо его помнил. Красивый блондин, высокий, стройный, который околачивался по билиардным Шестьдесят шестой улицы.

— Вы рассказывали об этом Доновану?

Дарси покачал головой.

— Он не спрашивал моего мнения об этом деле.

Адамс потер свою щеку.

— Дорман... Да, это возможно. Хорошо, я проверю. Нужно будет узнать, что он делал в часы совершения преступления.

— Может быть, вы не знаете,— спокойно проговорил Дарси,— что сестра Дормана собирается выйти замуж за О'Бриена.

Адамс раздавил свою сигарету, но не дрогнул.

— Я действительно не знал этого,— он встал.

— Это меняет ситуацию. Спасибо за свидание. Держите это про себя, я хочу, чтобы никто об этом не знал.

— Никто этого не узнает,— сказал Дарси.— Знает только тип, который сказал мне это, и Луи, но я устрою так, чтобы они молчали.

Адамс стал медленно ходить по комнате.

— Мы наткнулись на препятствие,— сказал он.— Если О'Бриен узнает, что я хочу поговорить с Джонни, он начнет вставлять мне палки в колеса. Вы не знаете, где скрывается Джонни?

Дарси отрицательно покачал головой.

— Он может прятаться у своей сестры. Она была к нему очень привязана раньше.

Адамс сделал гримасу.

— Это меня не устраивает. Да, он без сомнения у нее. Вы не хотели бы убедиться в этом, Сэм? Мне лучше не показываться там. Попробуйте его найти для меня.

Дарси стал колебаться.

— Вы не пожалеете об этом,— продолжал Адамс, наблюдая за ним.— Когда Барт будет в силе, я прослежу за тем, чтобы вам было бы лучше.

— Хорошо,— сказал Дарси.— Я попытаюсь, но ничего вам не

обещаю. Не стройте никаких иллюзий, лейтенант. Возможно, он и не ходил к Фей прошлой ночью.

— Конечно. Все, о чем я прошу, — это десятиминутный разговор с ним. Побыстрее найдите его мне, Сэм. Это важно.

Под проливным дождем Адамс шел по темному проходу к своей машине. Он устроился за рулем, опустил стекло и закурил сигарету, задумчиво уставившись в щиток приборов.

Итак, сестра Дормана выходит замуж за О'Бриена. Если Дорман убил Фей, О'Бриен будет скомпрометирован.

Адамс глубоко затянулся дымом и выпустил его из ноздрей.

Он мог сыграть игру двумя способами. Длинным следствием и коротким. Пойти повидаться с О'Бриеном и сговориться с ним или, что было предпочтительнее, подождать, а потом поговорить с Бартом. Но прежде чем общаться с тем или другим, необходимо было удостовериться, что Джонни Дорман убийца.

Он нажал на стартер, и мотор заурчал.

«В этой истории, — думал он, — если хорошо за нее взяться, Монтли рисковал вылететь, и О'Бриен мог потерять свои позиции. Вот удачный случай, которого я ожидал, и, черт возьми, воспользуюсь им!»

Он быстро взял с места и вскоре уже был в помещении полиции.

Глава 4

Сеан О'Бриен за рулем своего шикарного «кадиллака» ехал по пустынной дороге вдоль берега реки. Дорога была грязной и пыльной. Ею больше уже никто не пользовался с тех пор, как закрылась фабрика консервов. Тем не менее вдоль реки можно было видеть старые саран и пристань в полуразрушенном состоянии. Но там все же можно было держать машину, и Таксу не составляло труда держать там свою моторную лодку, нечто среднее между катером и яхтой.

Устремившись по каменной дорожке, которая вела к обветшалому ангару, О'Бриен вскорости сбросил газ и остановил машину. Пройдя на пристань, он подошел к лодке, которая ожидала его.

«Вилло Понт», солидная яхта двадцати четырех метров в длину, стояла на якоре в полумиле от загрязненной зоны. Открыто используемая Таксом для рыбной ловли, она служила пристанищем для друзей Такса, у которых случались неприятности.

О'Бриен влез в лодку, сделал знак мулату, который находился у мотора, и сел на переднее сиденье.

Мулат включил мотор, оттолкнулся от причала и направил лодку по загрязненной полосе к «Вилле Понту».

Такс стоял у перил, когда лодка подошла к носу яхты. Это был колосс исключительной силы, загорелый, со светло-голубыми глазами, которые беспрестанно бегали. Его лицо было твердым,

грубым, мясистым и плохо выбритым. На нем была надета черная рубашка с открытым воротником, белые грязные брюки и каскетка яхтсмена, надвинутая на правый глаз.

Он был единственным из банды торговцев наркотиками, руководимой О'Бриеном, которого он взял с собой. Это был опасный человек, особенно когда у него был нож или огнестрельное оружие. О'Бриен умел использовать его и платил ему хорошо, и не было еще случая, чтобы Такс не справился с порученным ему делом, каким бы опасным оно ни было.

Такс небрежно поднес два пальца к своей фуражке при виде поднимающегося на борт О'Бриена.

— Где он? — спросил О'Бриен.

— Внизу, — ответил Такс, указывая на лестницу.

Сидя на пустом бидоне, крупный негр, голый до пояса, сторожил выход. Он улыбнулся О'Бриену, встал и отошел от двери.

— Что же произошло? — спросил О'Бриен.

— Небольшая драка, — ответил Такс не задумываясь, так как его жизнь была непрерывной дракой. — Я был вынужден его немного кокнуть, чтобы заставить вести себя спокойно, хотя никто нас не видел. Он еще по дороге ерепенился, и Сэм тоже немного двинул ему.

— Он ранен? — сухим тоном спросил О'Бриен.

— Он получил немного.

Такс был большим мастером по части драк и знал, как надо наносить удары.

— Ничего особенного. Вы хотите с ним поговорить, патрон?

— Да.

Такс проводил О'Бриена во внутренность судна, провел его по коридору и остановился перед дверью каюты. Он повернул ключ, отодвинул засов и вошел первым. О'Бриен следовал за ним.

Джонни Дорман лежал на койке, свесив одну ногу. Он открыл глаза, когда О'Бриен подошел к нему.

О'Бриен посмотрел на него, ничем не высказав своих чувств.

Джонни был похож на свою сестру, но без ее шарма. Нос имел тот же рисунок, глаза были того же зеленого цвета, волосы такой же густоты и цвета, как у Гилды.

«Красивый подонок, — подумал О'Бриен. — Мне везет, что у нее брат такой породы».

— Салют, Джонни! — сказал он.

Джонни не шевелился, наблюдая за О'Бриеном своими зелеными глазами.

— Что это с ним сделалось, Сеан? — спросил он. — Гилда будет в восторге, когда я расскажу ей про это.

О'Бриен подвинул к себе стул и сел. Одним жестом он приказал Таксу выйти, и тот закрыл за собой дверь. Потом он достал из кармана золотой портсигар и протянул его Джонни. После короткого колебания Джонни взял сигарету и закурил.

— Мы будем говорить не о Гилде, — сказал О'Бриен, — а о вас. Как вы себя чувствуете, Джонни?

— Я чувствую себя превосходно, особенно после того, как ваш негр ударил меня по голове кулаком. Не воображайте, что вы так просто отделаетесь от этого!

— Я прекрасно могу отделяться от всяких вещей, — возразил О'Бриен. — Похоже на то, что врачи выдали вам удостоверение о вашем хорошем здоровье?

— И что же? Они могли сделать это и раньше. Но пока из меня можно было вытянуть что-нибудь... — ответил Джонни смеясь. — Все одинаковы, они думают лишь о наживе.

— У меня ощущение, что это ваша сестра платит по счету, — спокойно проговорил О'Бриен. — Это очень мило с вашей стороны, что вы так близко к сердцу это принимаете.

Джонни стал смеяться.

— Вы меня этим не проймете, — сказал он. — У Гилды сейчас есть монеты и столько, сколько она хочет, а у меня нет. Если бы ей нужно было лечиться в клинике, я занялся бы добыванием для этого денег. К тому же, после замужества с вами, у нее будет не один миллион. И то, что ей пришлось платить за мое лечение, — это совсем пустяки.

О'Бриен почувствовал, что его начинает раздражать эта болтовня:

— Вы и в самом деле совершенно бессовестный человек, Джонни, — сказал он. — Я очень счастлив, что у меня нет такого брата.

— Но я буду вашим шурином, — усмехнулся Джонни, — если, конечно, Гилда согласится выйти за вас замуж после того, что вы со мной сделали. Вы промахнулись! И подумать только, что вы решились на подобный трюк! Может быть, я ничего не скажу Гилде, но я хочу две тысячи долларов за свое молчание. Для вас это маленькая сумма.

— Действительно, самая малость, — тихо проговорил О'Бриен, — но вы ничего не вытащите из меня. Я удивляюсь, что вы не спрашиваете, почему вы здесь.

Небольшое смущение промелькнуло в зеленых глазах.

— Ну, что ж! Скажите мне, что я здесь делаю?

— По всей видимости, ваше выздоровление еще не закончилось. Вы еще очень нервный, Джонни.

Джонни побледнел, и глаза его засверкали.

— В самом деле? Знаете, вы меня не испугаете! Вы воображаете, что сможете жениться на Гилде, если будете так со мной обращаться. Так вот, вы сами себе портите дело! Доктора сказали, что я поправился, и я это знаю.

— Тогда почему же вы убили Фей Карсон? — спросил О'Бриен. — Ведь не скажете же вы мне после этого, что вы в ясном уме и твердой памяти?

Джонни отвел взгляд.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — смущенно проговорил он.

— О! Напротив, вы очень хорошо знаете. Прошлой ночью вы ходили к Фей Карсон и закололи ее ножом.

— Вы сошли с ума! Прошлой ночью я был с вами. Не стоит об этом говорить, Сеан.

О'Бриен покачал головой.

— Так не пойдет. Я был на приеме вчера вечером. Почему вы ее убили?

— Кто вам сказал, что это я? — спросил Джонни.

— Не пытайтесь обмануть меня, — резко оборвал его О'Бриен. — Вы угрожали убить ее перед вашим уходом в лечебницу, и в первый же день вашего выхода оттуда она была убита. И вы воображаете, что сумеете выкрутиться из этого?

— Я знаю, что я могу выкрутиться.

— Значит, вы признаетесь? — сказал О'Бриен.

— Согласен, признаюсь, — ответил Джонни. — Я сказал, что удавлю эту шлюху, а обычно я держу свои обещания. Я предупредил ее, но она продолжала свою игру.

О'Бриен ни секунды не сомневался, что Джонни убил Фей, но его рассуждения все же удивили его.

— И сколько времени вы рассчитываете скрываться от полиции?

Джонни стал смеяться.

— Что за ребячество? Когда ты — шурин влиятельного политического деятеля, то, я думаю, можно позволить себе пустить кровь шлюхе, которая заслужила это. Я облегчу вам задачу. У нее был один тип, когда я ее убил. Он оплатит убытки. Вам совсем не трудно будет свалить все на него. Начальник полиции у вас в кармане, вы диктуете ему свои условия.

— Вы принимаете свои желания за реальность, — сказал О'Бриен, не теряя своего спокойствия. — А если я не пошевелюсь?

— Вы будете вынуждены это сделать, — уверенно проговорил Джонни. — Вы не сможете позволить, чтобы полиция схватила меня. Вы безумно влюблены в Гилду, Сеан, и я отлично понимаю вас: она восхитительна, но если ее имя будет замарано, на ней нельзя будет жениться. С тех пор, как вы стали тайным хозяином города, вы только и думаете, чтобы избежать гласности. Значит, вам есть что скрывать. Вы не заставите меня думать иначе, Сеан, вы больше всего избегаете гласности.

О'Бриен долго рассматривал его, не показывая, что в нем бушевала злоба.

— Я хотел бы знать, вы на самом деле убили ее? — медленно проговорил он.

Джонни опять засмеялся.

— Хотите верьте, хотите нет, — равнодушно сказал он. — Это было не особенно трудно. Так как она часто забывала свой ключ, у нее всегда был запасной под ковриком. Я пришел к ней,

взял ключ, заперся изнутри и спрятался в ванной комнате. Она пришла с этим типом, — продолжал он, и взгляд его неожиданно стал жестким. — Я держал нож наготове. Она так испугалась, что даже не могла кричать. Хотел бы я, чтобы вы видели ее лицо. Она разделась и смотрела на себя в зеркало. Я появился позади нее, и она увидела меня в зеркале и обернулась с таким выражением ужаса, которого я никогда не видел у человеческих существ. Я заколол ее. Это было совсем просто. Она упала поперек кровати с глазами, устремленными на меня. Я с удовольствием распотрошил бы ее, но у меня не было времени. Тип орал в соседней комнате. Он хотел знать, долго ли она еще будет отсутствовать. Я выключил свет и удрал. Вот и все.

— А вас кто-нибудь видел выходящим из квартиры? — спросил О'Бриен.

— Разумеется, нет. Вы принимаете меня за дурака? Я постарался, чтобы меня никто не видел.

— Гилда знает, что вы в городе. Есть еще кто-нибудь, кто знает.

— Нет.

— А откуда вы узнали про новый адрес Фей?

Джонни снова отвел глаза.

— Я знал, что она часто ходит в «Голубую Розу». Я пошел туда, видел, как она вышла, и проследовал за ней.

— Не лгите, — нетерпеливо сказал О'Бриен. — Вы только что сказали, что ждали у нее в квартире. Как вы могли последовать за ней и оказаться раньше в ее квартире?

Джонни засмеялся.

— Какой вы замечательный флик, Сеан! Ну если вы так настаиваете, то знайте, я спрашивал, где она живет, у Луи из Парадиза.

— Он знает теперь, что вы искали ее. Идиот! И вы воображаете, что он заткнется?

— Это зависит только от вас, — развязно проговорил Джонни. — Вам стоит только отправиться к Луи и договориться с ним.

О'Бриен уставился в пол, погруженный в размышления.

— Я не тронул бы ни единого волоска на ее голове, если бы не был уверен в вашей протекции, — продолжал Джонни. Он сел на койке. — Мне осточертела эта гнусная каюта. Мы отправимся в банк за двумя тысячами долларов, и потом я удеру в Нью-Йорк.

О'Бриен поднял голову.

— Вы верите в Деда Мороза, Джонни, — сказал он. В его голосе звучала ярость.

Он встал и подошел к двери, открыл ее и сделал знак Таксу, который ожидал снаружи.

— Входи!

Такс молча вошел в каюту, закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Джонни бросил на него испуганный взгляд и отшатнулся.

— Послушайте меня хорошенько, Сеан,— сказал он.— Вы уже достаточно поиздевались надо мной. Если вы опять начнете это делать, то клянусь вам, вы пожалеете об этом.

О'Бриен не обратил никакого внимания на это заявление.

— Джонни останется здесь,— сказал он Таксу,— до того времени, когда я подам знак. Если он попробует протестовать, ты дашь понять, что ему лучше слушаться. Я поручаю его тебе, Такс. Если он будет плохо вести себя, тебе останется лишь разбить ему морду.

— Понятно, патрон! — сказал Такс, и его грубое лицо оживилось.

— Вы не имеете права держать меня здесь! — возмутился Джонни.— Если вы меня сейчас же не отпустите, я разрушу вашу карьеру!

— Бедный кретин! — усмехнулся О'Бриен.— Вы останетесь здесь столько времени, сколько я найду нужным. И я советую вам помолчать, если не хотите, чтобы вас успокоили.

Джонни бросился к О'Бриену со сжатыми кулаками, но Такс быстро вмешался, остановил его порыв, откинув назад.

— Вы мне за это заплатите! — кричал Джонни, с искаженным лицом уставившись на О'Бриена.— Гилда не выйдет за вас замуж, гнусное отродье!

О'Бриен посмотрел на Такса, сделал ему знак головой и открыл дверь каюты.

Такс бросился вперед, заставил Джонни повернуться и ударил его кулаком по лицу. Голова Джонни ударилась о стенку, и он упал на четвереньки.

О'Бриен на пороге двери наблюдал эту сцену.

— Дай ему еще немного,— сказал он,— только не слишком.

Ударом ноги в бок Такс заставил Джонни повернуться на спину, потом схватил его за перед рубашки, поставил его на ноги, прислонив к стене. Из носа Джонни текла кровь, глаза были вытаращены. Такс держал его одной рукой, а другой рукой стал наносить ему серию пощечин.

О'Бриен закрыл дверь, поднялся наверх и снова сел в лодку. С лица его не сходила жесткая усмешка.

Рафаэл Свитинг ожидал у перехода возможности перейти улицу. Он держал под мышкой свою болонку, и пес следил за проходящими машинами с таким же нетерпением, как и его хозяин.

Дождь перестал, и влажная жара заставила Свитинга потеть. Наблюдая за потоком проходящих машин, он мечтал о том дне, когда сможет купить себе машину. В настоящий момент он имел всего два доллара и шестьдесят центов, и, несмотря на свой оптимизм, совершенно необъяснимый, он не видел никакой возможности увеличить эту сумму на этой неделе.

В это утро с небольшими перерывами из-за следствия, проводимого полицией, и с увозом тела Фей, за которым он наблюдал с нездоровым любопытством из-за занавесок, он написал и отправил пятьдесят писем с просьбой о помощи. Он по опыту знал, что ответа не стоило ждать ранее чем через дюжину дней.

В течение многих лет Свитинг жил за счет благотворительности и легковерности людей. Его письма, в которых говорилось о его бедственном положении и в которых он просил «совсем не много», адресовались наследникам состояний или видным артистам, имена которых он вычитывал в газетах и журналах. Это позволяло жить ему с достаточным комфортом.

Когда приходили неудовлетворительные ответы, он перекидывался на шантаж или карманное воровство, но в этой своей последней специальности он имел несчастье попасться на глаза полиции. Восемь лет он провел в тюрьме, и у него не было никакого желания возвращаться туда.

Ожидая на краю улицы, он думал о том, что ему придется обратиться к кому-нибудь, если он хочет оплатить свою квартиру в конце недели.

Утренняя суета и визит сержанта Донована здорово нарушили его спокойствие, и теперь он искал возможности менее рискованного получения денег.

Он вышел на шоссе и тут заметил человека высокого роста, который вышел из служебного входа Национального банка. Свитинг сразу же узнал его. Это был тот клиент, который поднялся вместе с Фей прошлой ночью. Очень возбужденный, Свитинг поспешно перешел улицу и последовал за ним.

Свитинг уже давно знал, что ему совершенно неинтересно давать сведения полиции. Совсем наоборот. Так что когда Донован спросил его, не видел ли он кого-нибудь выходящим от Фей, он остерегался информировать его.

Если бы он захотел, он смог бы дать Доновану целую серию очень интересных сведений. Он отлично видел, как Кен ушел от Фей. Но двадцатью минутами раньше он слышал, как из квартиры Фей вышел кто-то и стремительно сбегал по лестнице. Он устремился к своей полуоткрытой двери, но тот был уже далеко, и он не смог увидеть, кто это был. Сперва он подумал, что пропустил Кена, но когда тот стал спускаться, придерживаясь стены, он понял, что кто-то другой побывал в квартире, кроме Кена и Фей.

Узнав от Донована об убийстве Фей, он догадался, что неизвестный, бежавший по лестнице, должен быть убийцей, и очень пожалел, что не успел увидеть его.

Но не все еще было потеряно. Этот молодой человек, который сейчас шагал перед ним и который находился в квартире в момент совершения преступления, должен был страшно опасаться полиции. Все те, которые не были уверены в себе, представляли для Свитинга источник дохода, так что он быстро переставлял свои ноги, стараясь не потерять из виду свою жертву.

Свитинг решил, что ему улыбнулась удача. Нужно было действовать осторожно, но нужно также было убедить типа выложить ему кругленькую сумму в обмен на обещание молчать.

— Нечего торопиться, — сказал он себе, устраивая Лео рядом с собой на скамье. Он снял шляпу и вытер свой потный лоб. — Прежде всего надо узнать, что это за человек. Женат ли он. Если у него есть дети, это облегчит операцию.

Он с удовлетворенной улыбкой закинул ногу на ногу. Он будет наблюдать за этим домом в течение часа. Вечер холодный, но ясный и если ему повезет, то жена, может быть, выйдет в сад.

Свитинг был очень терпелив. Всю свою жизнь он ожидал деньги, которые должны были прийти к нему, и никогда не делал ни малейшего усилия, чтобы их заработать. Так и сейчас он ждал, глядя на заходящее солнце и поглаживая своими жирными пальцами шелковистую шерсть Лео.

Через четверть часа он увидел быстро подъехавшую к дому машину. Узнав водителя, он сделал гримасу: полиция! Он развернул газету и спрятался за нее.

Его мечта о легких деньгах постепенно улетучивалась когда он увидел сержанта Донована, выходящего из машины.

— Какое огорчение! — с горечью подумал он. — Каким образом они смогли так быстро обнаружить моего клиента? Его счастье, что он стал ждать здесь. Ему пришлось бы туго, если бы Донован застал его там, внутри дома.

Оба детектива прошли по дорожке и позвонили у двери. Дверь отворилась, и молодой человек появился на пороге. Трое мужчин о чем-то поговорили, потом, к великому удивлению Свитинга, оба полицейских повернулись и пошли к своей машине.

Так как он покидал банк через служебный вход, значит, он работает в нем и, не будучи богатым, все же достаточно зарабатывает себе на жизнь. Будет лучше сдирать с него по тридцать долларов в месяц вместо того, чтобы сразу потребовать крупную сумму. У этих людей всегда есть сбережения, так что он потребует первый взнос в несколько сот долларов, а потом уже по тридцать долларов в месяц.

Но все его мечты были разрушены приездом полицейских. «Что же это означает? Почему они его не задержали?» — спрашивал себя Свитинг, глядя поверх своей газеты.

Когда полицейская машина исчезла за поворотом, Свитинг схватил Лео и побежал, чтобы убедиться, что полицейские действительно покинули квартал. Он видел, как машина замедлила ход и остановилась перед садиком одного дома, и оба полицейских вышли из нее. Они стали разговаривать с мужчиной плотного телосложения, который находился в саду. Через несколько минут Донован вошел в дом, в то время как толстяк остался в саду с другим инспектором.

Все это заинтересовало Свитинга. Опираясь на дерево, он наблюдал за происходящим, стараясь быть незамеченным ими.

Через довольно продолжительное время Донован вышел и сделал знак мужчине. Они все вошли в дом и закрыли дверь.

Свитинг находился на своем наблюдательном посту добрых полчаса. Наконец дверь отворилась, оба детектива вышли и сели в машину.

Огорченный тем, что они никого не задержали, Свитинг вернулся на свое место на скамейке напротив бунгало.

Кто такой был этот толстяк и какое дело могло быть у фликов к нему? Почему они не задержали молодого, который, как было видно даже издали, не смог скрыть своего ужаса при виде полицейских. Удалось ли ему уверить их, что он не ходил к Фей? Вернутся ли они?

Свитинг решил еще немного подождать. Уже наступил вечер, когда он увидел идущего толстого человека, совершенно деморализованного. Молодой человек встретил его у двери и пригласил в дом.

Свитинг ждал. Прошло полчаса, потом дверь резко распахнулась, толстый тип вышел, пошел по дорожке быстрым шагом с бледным и расстроенным лицом.

Свитинг не в состоянии был ждать больше. Он встал, взял Лео на руки и перешел через улицу. Около двери он бросил взгляд направо и налево. Он чувствовал беспокойство при мысли, что флики могли снова появиться каждую минуту. Если бы он не нуждался в деньгах, он, вероятно, отложил бы свой визит на следующий день, но он не мог позволить себе упустить такую возможность.

Он открыл калитку и легким шагом прошел по дорожке до двери павильона. Опустив Лео на землю, он нажал кнопку звонка.

Рафаэл Свитинг был не единственным в Флинт Сити, который любил легкие деньги.

Луи Парадиз, настоящее имя которого было Луис Манчини, тоже имел пристрастие к быстро заработанным деньгам.

Прочитав в газетах новости последнего часа, он сразу же догадался, что Джонни Дорман убил Фей.

Джонни приходил к нему накануне, чтобы узнать адрес Фей. А Фей не так давно отвергла предложение Луи, а женщина, которая отказала Луи, не замедлит пожалеть об этом. При других обстоятельствах Луи не дал бы ее адреса Джонни, но он считал, что в данном случае будет естественно удовлетворить любопытство этого помешанного с дикими глазами.

Луи думал, что Джонни хорошенько разделается с Фей, как он это сделал до его помещения в больницу. Он не представлял себе, что он может убить ее. Эта новость ошеломила его.

Он положил газету на свой пыльный стол, отодвинул стул и закурил сигарету.

Луи было тридцать семь лет. Он был худым, загорелым, его черные волосы вились. Тонкие усики украшали его верхнюю губу, а щеки, тщательно выбритые утром, отливали синевой.

Если он сообщит фликам, что Джонни интересовался адресом Фей, они не замедлят понять, несмотря на свою обычную неповоротливость, что это Джонни убил ее. Следовательно, сведения, которыми он обладал, имели определенную ценность. Ему выбирать, кому выгоднее сообщить их. Было маловероятно, чтобы Джонни оставался в городе. К тому же он всегда был без денег, деньги были у его сестры.

Луи улыбнулся.

Если хорошо продумать, то эта история может дать отличные результаты. Гилда была прекрасна. Она хорошо зарабатывала, напевая пластинки и выступая в ночном баре, где пользовалась бешеным успехом. Она, без сомнения, позволит себя уговорить не только разделить свой заработок, но и стать любовницей Луи.

Луи жил за счет женщин. Он имел у них большой успех, но он хорошо представлял себе, что его победы, в общем, были посредственны. А у Гилды был высший класс. Он может извлечь из создавшегося положения очень много для себя нужного.

Он встал, подошел к засиженному мухами зеркалу и стал пристально рассматривать свой подбородок. «Немного бритвы и чистый воротничок необходимы», — решил он. Гилда должна была появиться вечером на спектакле в казино. Он заскочит туда и скажет ей несколько слов о деле. Без сомнения, она даст ему проводить ее домой. Ему казалось, что он ей очень нравится, и был уверен, что не встретит особых трудностей. Он даже не станет требовать от нее денег, если ему удастся устроиться с ней таким образом. Если он договорится с ней об одной ночи в неделю, это позволит ему забывать хоть на мгновение тех ужасных особ из Парадиз-клуба. В конце концов деньги он всегда сумеет найти, в то время как переспать с такой шикарной девицей не всегда представляется возможным.

Несколько часов спустя он входил в парадный холл казино... Метрдотель проводил его к маленькому, плохо поставленному столику позади колонны. Дирекция казино не собиралась представлять лучшие столики типам, подобным Луи, но тот не стал возражать. Он не хотел ничем выдавать себя. Он довольствовался тем, что пристально посматривал на метрдотеля, и заказал ему сухое вино и виски. Потом он удобно расположился и стал ждать номера Гилды. Она появилась минут через двадцать, одетая в обтягивающее шелковое платье с золотыми блестками, открывающее роскошные плечи.

Он жадно смотрел на нее. «Какой кусочек! — подумал он. — Черт возьми! И что произойдет сегодня ночью между мной и этой мисс, никого не касается».

Ее пение оставило его холодным. Он предпочитал певичек из своего клуба, которые выпускали пронзительные вопли и весело горлачили мало приличные песни. А этот нежный голос, ровный и глубокий, оставил его равнодушным.

После многочисленных вызовов она исчезла позади занавеса. Тогда Луи оттолкнул свой стул и прошел в помещение артистов. Он увидел в конце коридора на двери ее имя и постучал в нее.

Гилда открыла дверь. Она переоделась в легкий пеньюар, не скрывающий ее форм, и Луи был вынужден сделать над собой усилие, чтобы не схватить ее в объятия.

Она холодно и спокойно посмотрела на него своими зелеными глазами.

— Что надо?

Луи вспомнил, что он уже видел у нее такой взгляд, когда в начале своей карьеры она пела в его клубе и когда он делал ей некоторые предложения.

Ироническая улыбка появилась на его губах. Он научит ее жить, эту курочку! Ему доставит большое удовольствие сперва немного встряхнуть ее перед тем, как она сделает то, что он хочет.

— Я видел Джонни вчера вечером, — сказал он, опираясь о косяк двери. — Не хотите ли немного поговорить об этом?

— А зачем об этом говорить? — агрессивно спросила она.

— Есть зачем, моя курочка, — заявил он, сделав шаг вперед и вынуждая ее отступить вглубь комнаты. Он закрыл дверь и прижался к ней спиной. — Садитесь, и мы дружески поговорим.

— Я не хочу с вами говорить. Уходите!

— Вы странно говорите со мной, — сказал он, устраиваясь в единственном кресле. — Большинство мышек считают, что во мне что-то есть.

Она довольно долго смотрела на него, потом подошла к дивану и села.

— Так в чем дело?

— Джонни приходил ко мне вчера вечером. Он хотел знать, где он может найти Фей. Я ему это сказал. Если бы я знал, что он пойдет и убьет ее, я бы воздержался от этого. Я решил, что будет лучше, если сперва повидаясь с вами перед тем, как говорить с фликами.

Гилда побледнела, и ее блестящие глаза застыли.

— Это не он убил ее.

— У фликов будет другое мнение, — с улыбкой проговорил Луи. — И так как они хотят как можно скорее ликвидировать это дело, Джонни их вполне устроит...

Она долго смотрела на него.

— Сколько? — спросила она, сжимая кулаки.

— Вы быстро поняли, моя курочка, — с восторгом проговорил он. — Есть курочки, которые...

— Сколько?!

— Вот что, я полагаю, что смогу проводить вас сегодня вечером к вам домой. И в другие вечера тоже. Мне кажется, что мы отлично сговоримся друг с другом.

— Значит, вы хотите не денег? — гневно спросила она.

Ему показалось, к большому его удивлению, что она испытывала некоторое облегчение.

— Деньги у меня есть! — небрежно проговорил он. — А то, чего у меня нет, так это вас. Если это не получится, как я хочу, я всегда успею потребовать от вас денег, моя душечка, но сперва мы попробуем кое-что другое, идет?

Она взяла сигарету, закурила и бросила спичку в пепельницу.

— Я подумую, Луи.

— Речь идет о сегодняшнем вечере, малышка. Так что вы должны решать скорей!

Она опустила взгляд на свои руки.

— И вы не станете говорить о Джонни?

— Ни одного слова, девочка. Я буду хорошим игроком, если вы будете играть со мной.

— Дайте мне немного времени. Ведь вы не считаете, что я так сразу...

— И последняя деталь: нужно, чтобы вы решили это до своего ухода из клуба, малютка...

Она неожиданно пожала плечами.

— В конце концов я же не умру от этого.

— Так значит, согласие достигнуто!

Луи радостно улыбнулся. Кто-нибудь другой был бы не совсем убежден в своей неотразимости. Но он считал, что ни одна женщина не может устоять перед ним, и причислял к их числу и Гилду.

— Ты просто прелесть, моя душечка, — сказал он, вставая и подходя к ней. — Сегодня начинается наша прекрасная и долгая дружба.

Он обнял ее и хотел поцеловать.

— Осторожнее с моей косметикой. Не трогайте меня! — сухим тоном сказала она.

— Как вы хотите, малютка, — с недовольной улыбкой проговорил он. — Но никаких трюков сегодня ночью!

Она опять некоторое время не шевелилась, смотря на него.

— Вы встретите меня через час у артистического входа, — сказала она, проходя в комнату и открывая дверь. — Я должна переодеться и отдохнуть.

— Без шуток! Я совершеннолетний и опытный. Я останусь и подожду здесь.

— Вы уйдете! — резким тоном проговорила она. — Я еще не принадлежу вам, Луи, и я не хочу, чтобы в моем помещении здесь находился мужчина.

— Вы еще не моя, но скоро станете моей, — сказал он.

Он подошел к дорожке, обернулся и прибавил со смехом:

— Если вы будете такой же прелестной, как сейчас, я не пожалую об этом.

Дверь захлопнулась за его спиной. Гилда оставалась некоторое время неподвижной, с трудом переводя дыхание. Потом она приоткрыла дверь, чтобы убедиться, что он на самом деле ушел. Она закрыла дверь, заперла ее на ключ и бросилась к телефону. Она позвонила в клуб Сеану О'Бриену, где он, как она знала, находился в это время. Через минуту он подошел к телефону.

— Сеан, у меня неприятности, — сказала она.

— Тем лучше, душечка, для этого существую я. Что я могу для тебя сделать?

Она облегченно вздохнула. Какое счастье быть опекаемой таким могущественным человеком! Он все мог выполнить. Его беспредельная власть в некоторых случаях просто пугала ее.

— Луи Манчини только что вышел от меня. Это он вчера сообщил адрес Фей Джонни. Он пытается «заставить меня петь»*. Если я не возьму его сегодня вечером к себе домой, он выдаст Джонни полиции.

— О чем ты беспокоишься, моя прелесть? — спросил с подчеркнутой нежностью О'Бриен. — Это не у тебя неприятности, а у Манчини. Я займусь им. Забудь его! Он больше не будет надоедать тебе. Он в клубе?

— Он будет у артистического входа через час.

— Отлично. Будь спокойна. Я приеду к концу твоего номера. Мы выйдем с тобой через главный вход. И не думай больше о Манчини.

Его странное спокойствие неожиданно испугало ее.

— Ты не будешь его злить, Сеан? Он опасен. Если он скажет полиции...

— Все будет хорошо, — сладким голосом сказал О'Бриен. — Я знаю, как заткнуть ему глотку. Забудь его, моя девочка. До скорого!

Он повесил трубку.

Без двадцати одиннадцать Луи вышел из казино и медленно обошел его кругом до двери артистического входа. Он был в восторге! Завтра ему будет что рассказать своим друзьям. Луи любил рассказывать о своих победах и на этот раз ему будет чем похвастаться.

Дойдя до лампы, освещающей вход, он посмотрел на свои часы. Было минутой больше назначенного времени. Было бы лучше, если бы она не заставляла себя ждать. Парень может быть нежным или грубым с курочкой. Это она должна вести себя так, чтобы он не был бы грубым.

Такс, который скрывался в тени, приблизился, держа руки в карманах.

* То есть шантажировать.

— Эй, Луи! — сказал он. — Что ты тут вынюхиваешь?

Луи бросил на него злобный взгляд. Откуда мог взяться этот костолом?

— Я жду тут одну курочку, — недовольно ответил он. — Мне нужно место, топай, Такс, не становись мне на дороге.

Такс улыбнулся, но улыбкой, лишенной теплоты, и Луи внезапно стало как-то не по себе.

— Это не о Гилде Дорман ты случайно говорил? — спросил Такс.

— Разве это тебя касается? — сказал Луи, отступая назад.

— Это меня страшно интересует, дружок, — сказал Такс, вынимая руку из кармана. Револьвер оказался направленным прямо на Луи. — Ну, иди. Разве ты не знаешь, что она подруга О'Бриена?

Луи отшатнулся, побледнел и почувствовал себя плохо. У него пересохло в горле. Как загипнотизированный, он смотрел на черное дуло револьвера.

— Иди, — повторил Такс. — Не следует играть со спичками.

— О'Бриен... — хриплым тоном проговорил Луи. — Почему она мне об этом не сказала?

— А почему бы ей говорить тебе об этом? — засмеялся Такс, приставляя оружие к пояснице Луи. — Ну, топай, дружок!

Луи проследовал по дорожке неверным шагом. Он слишком хорошо знал Такса, чтобы пытаться убежать.

В конце аллеи стояла машина. Вайти, здоровый детина, жизнерадостный, плохо выбритый, с прядями волос, падающими ему на уши, сидел за рулем.

— Эй, Луи! — сказал он, гримасничая. — День пропал, когда тебя не видишь!

Луи влез в машину и сел на заднее сиденье, подталкиваемый Таксом. Он дрожал.

— Куда мы поедem, Такс? — спросил он слабым голосом.

— Тебя отвезут к себе, дружок, — любезно ответил Такс.

— Но это не та дорога, — простонал Луи. — Послушай, Такс, ведь я не знал, что эта курочка О'Бриена.

— Ты живешь на свете и должен был знать это, — возразил Такс. — А что это за разговоры о том, как к тебе вчера вечером приходил Джонни Дорман?

Луи посмотрел на него и почувствовал, как холодный пот стекает у него по спине.

— Это глупости, Такс. Я хотел ее испугать, эту курочку. Ничего плохого в этом нет.

— Патрон не любит, когда пугают его курочек, — сказал Такс. — Хорошо, Вайти, остановись здесь.

Вайти затормозил, и машина заскользила перед тем как остановиться.

Луи с ужасом увидел пустынное место, которое простиралось до самой реки.

— Такс, послушай! Я клянусь тебе...

— Не утруждай себя, дружок, — сказал Такс, вылезая из машины. — Ну, выходи! — Он угрожал Луи револьвером. — Стой и молчи!

Вайти уже был снаружи. Он взял из своей машины цепь от велосипеда и стал старательно оборачивать ее вокруг своей правой руки.

Луи вышел из машины. Его ноги дрожали так сильно, что он не мог удержаться на них.

Такс спрятал свой револьвер и, в свою очередь, тоже достал велосипедную цепь, которую, по примеру Вайти, стал оборачивать вокруг своей руки.

— Я хорошо убью тебя, дружок, — тихо проговорил он, — но патрон не любит, когда убивают клиентов. Он сказал мне, чтобы я немного смягчил твои мозги, чтобы ты не смог больше надоедать его девочке или рассказывать сказки фликам. Если с тобой это все же случится, я возьму свою пушку и утихомирю тебя.

— Не подходите ко мне! — завопил Луи, подняв руки, чтобы защитить лицо.

Двое приблизились к нему одновременно.

И никто не слышал страшного крика, когда кулак, утяжеленный цепью, раздавил ему лицо.

Глава 5

Кен находился в спальне, когда раздался звонок. Он долгое время стоял, парализованный страхом. Неужели опять вернулись флики? Этот сержант снова будет расспрашивать его? Может быть, он выдал себя своим страхом?

Будильник на ночном столике показывал десять часов десять минут. Это могла быть лишь полиция.

Он осторожно подошел к окну, чтобы взглянуть. Снаружи не было никакой машины, значит, то были не полицейские. Но кто тогда? Он вышел из спальни и пошел по коридору. Через стеклянную входную дверь он мог видеть сам, не будучи видимым своим визитерам.

Что-то шевелилось посредине коридора и остановилось. Подняв глаза на Кена, сидела рыжая болонка.

Кен остановился, остолбенев от удивления. Легкие шаги слышались в вестибюле, и в конце коридора появился Свитинг. После осторожного взгляда на Кена он нагнулся, чтобы взять собачку.

— Я прошу прощения за Лео, — сказал он. — Он не должен был врываться к вам. Но мне начинает казаться, что вы ему очень симпатичны.

Кен хотел ответить, но снова посмотрел на собаку, и слова застряли у него в горле.

— Я хотел с вами поговорить, — продолжал Свитинг. — Так

как вы на самом деле мистер Холанд, не так ли? Я бросил взгляд на письма, которые лежат в вестибюле. Если не ошибаюсь, то они адресованы вам, да?

У Кена больше не было сил притворяться. Он был охвачен паникой, которая заставила его не чувствовать ни рук, ни ног.

— Что вы хотите? — наконец проговорил он задумчивым голосом.

— Несколько минут беседы, — ответил Свитинг, глядя голову Лео концом своего пальца. — У меня был очень трудный день. Я задержу вас ненадолго, — он бросил взгляд в гостиную.

— У вас комфортабельная обстановка. Вы не возражаете, если мы зайдем туда?

Не дожидаясь ответа, он проник в салон и стал рассматривать обстановку.

— Очень хорошо устроено! Восхитительно! — сказал он. — Я завидую вам, мистер Холанд, что у вас такая обстановка, — его маленькие глазки уставились на фотографию Ани. — Это ваша жена? Какое очаровательное лицо! Она очень красива!

Кен следил за взглядом этого человека, который осматривал все и чувствовал себя как дома. Он немного начал приходить в себя от изумления при виде этого старика в своем доме. Каким образом Свитинг обнаружил его? Что же произойдет? Попробует ли он шантажировать его?

— Вот как, я вижу, что у вас есть виски, — сказал Свитинг, останавливаясь около шкафчика с ликерами. — Я всегда мечтал иметь шкафчик для ликеров, мистер Холанд. Это очень удобно и красиво. Боюсь, что я пропустил много хороших вещей в своей жизни. Некоторым больше в жизни везет, чем другим. Будет нескромно, если я попрошу у вас стаканчик? С виски в руке, сидя в удобном кресле, гораздо приятнее говорить о делах. Вы согласны со мной?

Он посадил Лео на диван, налил себе хорошую порцию виски, поднес свой стакан к креслу и сел. Потом он снял шляпу, положил ее около себя и сделал глоток.

Кен медленно вошел в комнату и сел.

— Что вы хотите? — спросил он.

— Это относительно прошлой ночи. В квартире надо мной была убита молодая женщина. Я располагаю сведениями, которые могут заинтересовать полицию, — Свитинг замолчал, чтобы наблюдать за реакцией Кена. — Я не особенно жажду извещать полицию, мистер Холанд. Я прекрасно понимаю, что мой долг сообщить им все, что я знаю, но они никогда не бывают нам благодарны. В конце концов каждый заботится о своих интересах.

Кен дрожащей рукой взял сигарету и закурил.

— Я не имею ничего общего с убийством, — твердо сказал он.

Свитинг наклонил голову.

— Я совершенно уверен в этом. Если бы я считал вас вино-

ватым, я не пришел бы сюда. Я не путаюсь в авантюры. Я никогда не рискую быть обвиненным в укрывательстве преступника. Нет, конечно, преступление было совершено не вами. Но остается тот факт, что вы находились в квартире мисс Карсон в момент совершения преступления, это бесспорно.

Кен ничего не ответил.

— Вы слишком рассудительны, чтобы не понять этого, — продолжал Свитинг после небольшого молчания. — Я заметил время. — Он огорченно покачал головой. — Вы попали в неприятное положение. У вас нет никакой возможности убедить полицию в вашей невиновности. А они неразборчивы и ухватятся за подозреваемого, который попадет им в руки.

Кен почувствовал, как в нем подымается страшная злоба против этого мерзкого человека, который даже не пытается скрыть свой триумф.

— Отлично. Я признаю все это, — резко проговорил он. — Перейдем к фактам. Какие у вас намерения?

— Это полностью зависит от вас, мистер Холанд.

— Значит, шантаж?

Свитинг улыбнулся.

— Есть люди, которые употребляют это слово. Скажем, чтобы оплатить мою скромность, вы дадите мне небольшое вознаграждение.

— Сколько вы хотите?

Свитинг не мог скрыть своей радости. Беседа развивалась именно так, как он предполагал и надеялся.

— Я бедный человек, мистер Холанд, и если честно, мне крайне необходимы сейчас деньги. Вы можете сейчас дать мне двести долларов, а потом каждый месяц небольшую сумму.

— Какую сумму? — спросил Кен сдавленным голосом.

— Тридцать или тридцать пять долларов, примерно.

Кен понимал, что если он согласится давать деньги Свитингу, тот высосет из него все до капли. Ему теперь надо было держаться твердо, думая об Ани. Кроме того, ему придется выложить все до последнего цента своему защитнику.

— Я этим только выиграю время, — спокойно ответил он. — Полиция меня обнаружит и без ваших показаний, так что идите и расскажите им все, что вам известно. От меня вы не вытянете ничего.

Свитинг, который уже совсем надеялся поправить свои денежные дела еще на этой неделе, был удивлен решением Кена, учитывая его шаткое положение. Но это было не в первый раз, что его жертва начинала сопротивляться до того, как надевала на себя петлю.

— Обсудим положение спокойно, мистер Холанд. Мое свидетельство может отправить вас на электрический стул. В общем, я единственный, видевший вас у нее в квартире в тот момент, когда там было совершено преступление. Если я буду молчать...

— Вы допускаете ошибку, — сказал Кен вставая. — Кто-то другой еще меня видел: женщина, которая живет на первом этаже. Ваше свидетельство не имеет такой цены, которую вы просите.

Свитинг смущенно поднял на него глаза.

— Минутку, мистер Холанд. Не делайте так быстро выводов. Эта женщина не знает, кто вы такой, а я знаю. Было бы странно рисковать вашей жизнью ради нескольких долларов. И потом, подумайте о вашей жене. Подумайте о том горе, которое вы причините ей, если она узнает, что вы сделали.

— Не впутывайте сюда мою жену, — закричал Кен вне себя от злости. — Вы не получите ни цента. Убирайтесь!

Сладкая улыбка сползла с лица Свитинга. Лицо его стало жестким и злобным.

— Не говорите со мной таким тоном, мистер Холанд. У вас слишком тяжелое положение, чтобы быть упрямым. Я пойду в полицию без малейшего колебания, если мы не сговоримся. Итак, я хочу получить двести долларов. Я удовлетворюсь ими. Я отказываюсь от помесичной оплаты. Нельзя быть более сговорчивым, чем я. Двести долларов и все.

Долго сдерживаемый гнев Кена все возрастал. Он подошел к Свитингу и вырвал у него из рук стакан с виски. Его искаженное гневом лицо привело в ужас Свитинга, который очень боялся насилия.

— Мистер Холанд, — пробормотал он, задыхаясь и откидываясь назад в своем кресле, — бесполезно...

Лео, который, казалось, понял, что угрожает его хозяину, поджав хвост, направился к двери.

Кен схватил Свитинга за отвороты пиджака и заставил встать.

— Проклятый паразит! — закричал он вне себя от злости. — Вы не вытащите у меня ни гроша, я сыт по горло всем этим. Ни вы, ни полиция не будете считать меня козлом отпущения!

— Мистер Холанд! — задыхаясь, прошипел Свитинг с выпученными глазами. — Ведь не будем же мы драться. Если таково ваше намерение...

Кен выпустил его, сделал шаг назад и изо всех сил ударил его кулаком по правому глазу. Он получил огромное удовольствие, когда его пальцы погрузились в лицо Свитинга.

Свитинг издал ужасный вопль, споткнулся и упал на пол с шумом, который заставил задрожать весь бунгало.

— Убирайтесь! — кричал Кен. — Если я вас снова увижу, то берегитесь!

Свитинг встал на четвереньки и поднялся, держась рукой за глаз. Одним махом он достиг двери и быстро сбежал по ступенькам вниз.

Лео был уже на улице, и его хозяин последовал за ним.

Кен, задыхаясь, прислонился к окну, чтобы посмотреть, как они будут уходить. Вне всякого сомнения, Свитинг отдаст его

полиции, и через несколько часов его придут арестовывать. Полный страха, он все же знал, что надо сделать в этом случае.

Не могло быть и речи о бегстве. Довольно глупостей. Настало время предоставить все судьбе. Не было другого выхода, кроме того, чтобы сдаться, сказать правду, надеясь, что полиция ему поверит. Он не питал особенных иллюзий на этот счет, но все же это было лучше по сравнению с тем страхом, в котором он провел все эти часы. Нужно было опередить Свитинга.

Он окинул взглядом свой салон и подумал, увидит ли он его опять. При виде фотографии Ани сердце его сжалось. Какой это будет для нее удар! Он вел себя как идиот. Он подумал о том, чтобы написать ей, но времени у него не было. Он должен был немедленно поехать в полицию. Он быстро прошел в вестибюль, взял свою шляпу, запер на ключ входную дверь. Выйдя на улицу, остановил жестом проезжавшее мимо такси и быстро открыл дверцу машины.

— В полицию! И побыстрей! — сказал он изумленному шоферу.

Детектив Дэйв Дункан посмотрел на свои наручные часы и вздохнул. Было немногим более девяти часов. Он надеялся пойти домой обедать, но эта надежда давно развеялась, как дым. Он с мрачным видом думал, как там его жена. Каждый раз, когда он поздно возвращался домой, она обвиняла его в том, что он провел вечер в приятной компании. Ему никогда не удавалось убедить ее, что часы работы полиции не ограничены. Может быть, она будет немного сговорчивее, если узнает, что его задержало следствие по уголовному делу.

Он посмотрел на черновик записей, лежавший перед ним. Сержант Донован поручил ему подготовить рапорт начальнику полиции по делу Карсон. Теперь ему еще понадобится минут сорок, чтобы отпечатать его на машинке. Потом Донован прочтет его, внесет свои поправки и снова придется его перепечатать. У Дункана будет возможность вернуться домой в половине первого ночи для того, чтобы его изругали, тогда как он будет падать от усталости.

Он закурил сигарету и, откинувшись в жестком и неудобном кресле, перечитал написанное.

В середине рапорта он обнаружил одну деталь, приковавшую его внимание и наполнившую его восторгом. Но у него не было времени подумать об этом. Отворилась дверь, и вошел Донован.

— Знаете, у меня есть новости, — сказал Донован, захлопнув дверь и садясь за свой письменный стол. — У нас есть серый костюм. На нем пятна крови.

С трудом преодолевая свое волнение, Дункан отодвинул рапорт и закурил сигарету, прежде чем спросить:

— Где вы его нашли?

— Просто повезло. Я разговаривал с сержантом охраны комиссариата, и тут, совершенно случайно, он рассказал мне о находке в магазине «Газа» серого костюма с пятнами в отделе готового мужского платья. О'Мелли отправился зарегистрировать заявление продавца. Пока он был там, в отделе ботинок нашли пару изношенных ботинок, изрядно запачканных. О'Мелли заставил сделать анализ этих пятен, и это оказались пятна крови. Продавец вспомнил типа, который приходил покупать серый костюм. У него был с собой пакет, когда он пришел, но его не было у него, когда он уходил. Его описания подходят под те, которые мы имеем о парне, выходившем из дома Карсон, и кровь на костюме принадлежит к той же группе крови, что у Карсон. Вот рапорт О'Мелли со всеми анализами. Нам надо поторапливаться. Патрон хочет меня видеть перед уходом домой.

Дункан указал на листки.

— У меня есть кое-что для вас, сержант. Я готов держать пари на пятьдесят долларов, но я знаю, кто совершил убийство.

Красивое лицо Донована переменяло окраску. Он нахмурил брови и посмотрел на Дункана.

— Что вы хотите сказать?

— Что Холанд убил ее.

— Вы что, спятили? — спросил Донован со злостью. — Вместо того, чтобы придумывать ерунду, займитесь лучше рапортом. Я хочу сегодня вернуться домой.

— Как хотите. Если мне удастся доказать это, вся слава достанется мне.

Донован стал багровым.

— Нет, пожалуйста, не стесняйтесь, — злобно начал он.

— Я вам говорю, что это тот тип, которого мы ищем. Я могу доказать.

Донован снова обрел хладнокровие.

— Ну, валяйте! Доказывайте! — проговорил он с усмешкой.

— Вы помните, какое волнение выказал Холанд, когда мы пришли к нему?

Донован фыркнул.

— А что это доказывает? Вы так же хорошо, как и я, знаете, что только один вид флика повергает многих в ужас. Если это все, что вы нашли, лучше бы помолчали.

— У этого парня был не только страх. Я наблюдал за ним, когда вы с ним говорили, — спокойно проговорил Дункан. — У него совесть беспокойна, и это заставило меня задуматься. Он полностью отвечает приметам типа, которого мы ищем: он высок, темноволос, красив, лет тридцати. Но вот еще что. Вы помните розы? У него в саду только розы, и они великолепны. Вы помните это?

Донован насмешливо улыбнулся.

— Какое отношение могут иметь розы к этому делу, которым мы занимаемся?

Дункан взял написанный им рапорт.

— Послушайте заявление сторожа стоянки для машин:

«Этот тип сказал мне, что за последние десять дней в первый раз идет дождь. Я ответил: Да, это так, и спросил, выращивает ли он розы. Он ответил, что выращивает одни только розы, что он их очень любит. Розы и газон».

Дункан торжествующе посмотрел на Донована.

— Похоже на то, что это он, а?

Донован оставался недвижим, в то время как его мозг пытался проанализировать эту неожиданную ситуацию.

— Но не хотите же вы сказать мне, что это доказательство! — заявил он, уставившись на Дункана.

— Этот тип подыхает от страха. Описание соответствует его внешности, и выращивание роз также подтверждает это, — кратко проговорил он. — Этого, я считаю, достаточно, чтобы заинтересоваться им поподробнее. Нужно узнать, какая у него машина, и если это окажется старый зеленый «линкольн», то не надо будет искать дальше.

— Если у него зеленый «линкольн», то это наш человек, — сказал Донован, пожав плечами. — Но меня бы это очень удивило!

Дункан отодвинул кресло и встал.

— Не хотите поехать посмотреть?

— Ладно, сделаем этот крюк, — с неохотой проговорил Донован.

Двадцать минут спустя Дункан остановил машину в ста метрах от виллы Кена.

— Пойдем пешком? — предложил он. — Совершенно лишне предупреждать его, что мы интересуемся им.

— Да.

Донован, в свою очередь, вылез из машины, и оба полицейских быстро направились к ограде сада. Донован быстро прошел через лужайку к гаражу.

Ночь уже наступила, и в бунгало не было видно света. Двойная дверь гаража была закрыта. Пока Донован возился с замком, Дункан обошел строение, чтобы посмотреть через окошко, и направил луч своего фонаря на машину, стоящую внутри.

— Подумайте только, сержант, это зеленый «линкольн»! — с восторгом закричал он.

— Мы его поймали! — радостно воскликнул Донован. — Этот подонок Адамс обалдеет. Мы разделились с этим делом в течение восемнадцати часов!

— Мне бы очень хотелось бросить взгляд на машину, — сказал Дункан.

— А что вам мешает сделать это? — Донован вернулся к задней двери. — В моей машине есть домкрат, принесите его!

Он ждал возвращения Дункана, прислонившись к двери гаража:

— Адамс будет поражен. Начальник тоже.

Простое везение. Он не станет писать рапорта, он прямо пойдет к начальнику и выложит все. К чему это ему делиться славой с Дунканом? Ведь у Дункана впереди еще много лет, чтобы получить повышение. Если он не будет упоминать о Дункане, патрон подумает, что он один так блестяще провел это дело.

Дункан вернулся с домкратом. Они сломали замок и вошли в гараж. Донован включил свет, и оба они стали рассматривать салон машины.

— Вот! — неожиданно сказал Дункан. — Вещественное доказательство!

Он протянул Доновану замусоленную книжку. Это была регистрационная тетрадь, в которую сторож заносил номера стоящих на стоянке машин.

Донован сделал гримасу:

— И номер его машины тоже фигурирует. Да, это именно та!

— Пошли поговорим с ним, сержант.

Оба детектива пошли по дорожке к дому. Донован нажал пальцем кнопку звонка и держал ее долгое время. Они ждали, прислушиваясь к звонку. Потом Донован отступил и произнес недовольным тоном:

— Нужно полагать, что он вышел.

Дункан уже обходил вокруг бунгало, заглядывая внутрь через окно.

— Мне кажется, что внутри пусто.

Донован посмотрел на часы. Было почти девять часов.

— Он исчез...

— Вы думаете, что он испугался и удрал?

— Это вполне возможно. Я пойду и распоряжусь, чтобы расширили его описание. Его станут искать. А сейчас попробуем войти внутрь.

Дункану быстро удалось найти одно неплотно закрытое окно. Он проскользнул в дом и открыл дверь Доновану.

— Я пойду брошу взгляд на комнату, пока вы будете звонить по телефону в бригаду.

Когда Донован окончил свои распоряжения, он вышел из вестибюля и отправился на поиски Дункана.

Дункан с улыбкой выходил из спальни. Он нес серый костюм и пару ботинок.

— Что вы на это скажете, сержант? Это только что вынуто из коробки, это от «Газа». Этот тип совсем готов для электрического стула.

Донован проворчал что-то. Ему уже было достаточно успехов Дункана.

Они вошли в салон, и Дункан прямо направился к корзине для бумаг. Он перевернул ее под неприязненным взглядом Донована.

— Это попало мне прямо готовеньким! — неожиданно про-

говорил Дункан. — Посмотрите на это! — Он положил на письменный стол два обрывка визитной карточки.

— У нас есть все, — сказал он. — Я знал, что я прав. Вот номер телефона Карсон на обратной стороне карточки, которая принадлежит Паркеру. Я держу пари, что это Паркер рекомендовал девочку Карсон Холанду. Вот повеса, правда?

Лейтенант Адамс откинулся на спинку своего кресла, зевнул и решил, что день может закончиться на этом. Ему нечего было делать, пока у него не будет копии рапорта Донована по следствию этого дела. Также нужно было подождать, пока Дарси удастся узнать что-нибудь о Джонни Дормане. Ничего нового, казалось, не могло быть раньше завтрашнего утра.

Он собирался выйти из кабинета, когда зазвонил телефон. Нахмутив брови, он вернулся к столу и снял трубку телефона. В ухо пролаял голос:

— Говорит дежурный сержант. Тут пришел один тип, который хочет поговорить с инспектором, занимающимся следствием по делу Карсон. Сержант Донован вышел. Вы хотите его видеть?

— Да, пусть войдет, — сказал Адамс, который повесил снова свою шляпу на вешалку и вернулся к письменному столу.

Через несколько минут в дверь постучали и вошел агент в сопровождении высокого темноволосого мужчины, бледность и выражение отчаяния на лице которого пробудили любопытство Адамса.

— Чем могу быть вам полезен? — спросил он.

— Я Кенвай Холанд, — угасшим голосом проговорил Кен.

Он подождал, пока агент вышел, и продолжал:

— Я человек, которого ищут. Я находился с Фей Карсон прошлой ночью.

Адамс выпрямился, вытаращил глаза и, резко отодвинув кресло, встал. Его удивление было настолько велико, что он несколько секунд раздумывал, как ему поступить, но потом быстро овладел собой.

Он внимательно посмотрел на Кена. Да, описание было правильным. Этот тип был слишком взволнован, чтобы быть симулянтом.

— Вы сказали дежурному сержанту, кто вы? — быстро спросил он.

— Нет, — удивленно ответил Кен. — Он меня не спрашивал об этом.

Адамсу полностью вернулось его хладнокровие. «Какое впечатление! — подумал он. — А если бы этот дурак Донован был тут, я бы узнал об этом слишком поздно, чтобы действовать. Что мне делать с этим типом? Если Донован завладеет им до того, как я поймаю Дормана, они устроят так, чтобы отстранить меня, и этот

несчастный даже не успеет понять, что с ним случилось, как окажется на электрическом стуле.

В несколько секунд его решение было принято.

— Почему вы не пришли раньше,— резким голосом спросил он.

— Я... я думал, что меня не тронут,— ответил Кен.— Но теперь я понял, что это невозможно. Я хочу, чтобы вы знали, что я не убивал ее. Я расскажу вам подробно обо всем, что произошло.

— Хорошо,— сказал Адамс.— Но тут не совсем подходящее место для разговоров: звонит телефон, входят агенты,— он взял шляпу и надел ее на голову.— Вы пойдете со мной.— Потом он неожиданно с беспокойством спросил:

— Вы приехали на своей машине?

Ошеломленный Кен смотрел на него.

— Я взял такси.

Адамс удовлетворенно кивнул. Еще одна удача. Если бы его клиент остановил свой зеленый «линкольн» перед зданием полиции, кто знает, какой прохвост не оповестил бы об этом.

— Идите за мной! — сказал Адамс, направляясь по коридору.

Кен покорно плелся позади него. Они вышли на улицу.

— Садитесь,— сказал Адамс, указывая на машину.

— Но я не понимаю,— начал недоуменно Кен.

— Вам нечего и понимать. Садитесь!

Кен уселся рядом с Адамсом, который повел машину к своему дому, и не раскрывал рта во время дороги. Подъехав к зданию на Крамбурн авеню, Адамс затормозил.

— Вот здесь я живу,— сказал он, выходя из машины.— У меня вы сможете все совершенно свободно рассказать, не рискуя быть потревоженным.

Кен последовал за ним в уютный, со вкусом обставленный салон.

— Будьте совершенно спокойны,— сказал Адамс, бросая свою шляпу на стул.— Что вы пьете?

— Я ничего не понимаю,— сказал Кен, прямо смотря на него.— Почему вы привезли меня сюда? Я хочу сделать заявление инспектору, занимающемуся следствием. Кто вы?

Адамс улыбнулся и приготовил два стакана.

— Я лейтенант Адамс из уголовной бригады. Вы не можете этого знать, но было бы очень рискованно для вас довериться инспектору, занимающемуся следствием по делу Карсон. У него очень тугой ум. Садитесь и, не теряя времени, расскажите мне вашу историю. Я хочу знать, кто вы, как вы встретились с Фей Карсон и что произошло прошлой ночью, во всех деталях, которые вы сможете вспомнить.

Кен рассказал ему все, ничего не скрывая. Дойдя до конца, он почувствовал прилив надежды, видя выражение лица лейтенанта.

— Я сознаю, что напрасно ходил к этой девице, но я плачу

очень дорого за мою ошибку, ведь это не я убил ее. Если я не пришел раньше, то только потому, что я очень боялся, и не столько за себя, сколько за жену. Я хотел бы избавить ее от этого горя, но не вижу теперь этой возможности.

Адамс долго смотрел на него, потом, задумчиво поглаживая свой нос, сказал:

— Если бы я был женат, а я имею счастье не быть таким, то действовал так же в подобных обстоятельствах.

— Значит, вы мне верите? — настаивал Кен.

Адамс пожал плечами.

— Это не важно, верю ли я вам или нет. Это дело будет решать суд. Скажите мне, кроме вас двоих, еще кто-то мог находиться в квартире, пока не погас свет?

— Я не знаю.

— А вы не видели этого человека?

— Нет. Было темно, как в пещке. Я слышал, как он проходил по комнате, очень быстро сбежал по лестнице, но мне не удалось увидеть его.

— Вы не слышали криков Фей?

— Нет. С теми раскатами грома, которые тогда гремели, я не думаю, что это можно было услышать.

— Так-так...

Адамс скрестил ноги и спросил:

— Этот толстый тип с болонкой, он плешистый, с крючковатым носом и торчащими ушами?

Кен казался удивленным.

— Да. Очень точно. Вы его знаете?

— Я его знаю, — сказал Адамс. — Вам нечего беспокоиться. Он не сможет доставить вам неприятности. Он вышел из тюрьмы шесть месяцев назад. Не думайте о нем.

— Вы думаете, что он меня просто пугал?

— Я уверен в этом. Вы больше ничего не вспомнили?

— Кажется, нет, — ответил Кен.

Он подумал и вспомнил о высоком блондине, который ненадолго показался, когда они с Фей вышли из «Голубой Розы».

— Я заметил одного типа напротив «Голубой Розы», который, казалось, не желал, чтобы его заметили. Высокий блондин, очень красивый парень. Когда он увидел, что я заметил его, он сразу же спрятался.

Адамс нахмурил брови.

— Высокий блондин, очень красивый парень? — спросил он, подумав о Джонни Дормане. — Вы бы его узнали?

— Я полагаю, что да.

— Ваша история звучит правдоподобно, — сказал Адамс, — но не воображайте, что она делает вас невиновным. У вас очень скверное положение. Гораздо хуже, чем вы предполагаете.

Кен собирался спросить, почему, но тут зазвонил телефон.

Адамс снял трубку.

— Да. Что такое? — спросил он.

Он слушал в течение добрых пяти минут. Голос на другом конце провода казался очень возбужденным. Наконец Адамс сказал:

— Ладно. Я приеду, — он повесил трубку, посмотрел на Кена и скорчил недовольную гримасу. — Описание вашей внешности разослано всюду. Нашли ваш костюм и ботинки у «Газа». Мои два блестящих ассистента обнаружили также вашу машину и карточку, которую вам дал Паркер, с номером телефона Карсон. В сущности, нет ни одного флика в городе, который бы вас не разыскивал.

Кен замер.

— Но ведь они не могут доказать, что я убийца. Вы мне верите, вы можете помочь мне доказать мою невиновность.

Адамс закурил сигарету, вытянул свои короткие ноги и покачал головой.

— Вы даже не представляете себе, что происходит. Будет лучше, если я введу вас в курс дела. Человек, который держит в руках весь муниципалитет, зовется Сеаном О'Бриеном. Он хочет жениться на одной девице из ночного кабаре, Гилде Дорман. О'Бриен богат и могуществен. Он достигает всего, что хочет. Брат Гилды, Джонни Дорман, был влюблен в Фей до того, как был помещен в лечебницу, где он пробыл около года. Он вышел оттуда вчера, и это, безусловно, он убил Фей, в чем я могу поклясться, но пока я не могу представить к тому доказательства. Вы понимаете, что О'Бриен не позволит осудить его и что он будет защищать его. Они ищут козла отпущения, и этим козлом отпущения будете вы.

— Вы шутите? — спросил Кен, похолодев всем телом.

— К несчастью, нет. Вы сами поймете это. О'Бриену стоит только сказать, чтобы исполнили то, что он приказал в нашем городе. Сержант Донован подаст свой рапорт. Начальник полиции покажет его О'Бриену. У них достаточно власти, чтобы сделать вас виноватым. Все, что будет говорить в вашу пользу, они скроют и устроят так, что вы будете приговорены к смерти.

Кена охватила паника.

— Почему вы рассказываете мне все это вместо того, чтобы задержать меня? — спросил он, ничего не понимая.

Адамс развел руками.

— Потому что я нахожусь в противоположном лагере. Если бы я сумел устроить ловушку под ногами О'Бриена, то был бы в восторге. И вы представляете мне эту возможность. Если мне удастся доказать, что это Дорман убил девицу Карсон, я смогу тем же ударом помочь уничтожению О'Бриена. Я хочу, чтобы вся полиция устремилась на ваши поиски. А я тем временем спокойно займусь Дорманом. Вот почему я привел вас сюда, чтобы вас не арестовали раньше, чем я нападу на след настоящего убийцы. Оставайтесь здесь. Мне нужно время, чтобы поймать его. Запа-

сайтесь терпением, ~~это~~ вопрос дней, но, может быть, и недель. Не выходите на улицу. Мои люди вас ищут и, если вы покажетесь, они вас схватят.

— Но моя жена должна вернуться в конце недели, — с беспокойством проговорил Кен. — Мне также надо подумать о своем положении. Ведь вы не думаете, тем не менее...

Адамс поднял руку.

— Не все сразу! Как я вам уже сказал, вы попали в скверное положение. Все остальное не важно. Вопрос идет о вашей жизни. Если вас схватят, вы пропади, не забывайте этого!

— Но это невероятно! А если вы не найдете Дормана, что же со мной будет тогда?

— Мы подумаем об этом потом. Сейчас я отправлюсь в полицию, я хочу знать, на чем они остановились.

— Я забыл вам сказать, что я видел Гилду Дорман в «Голубой Розе». Они с Фей когда-то жили вместе.

Адамс надел шляпу.

— Это не имеет никакого значения в вашей проблеме. По крайней мере, я так думаю. В общем, не расстраивайтесь и рассчитывайте на меня.

— А если я обращусь к адвокату? — робко спросил Кен.

— У вас еще будет время для этого. Отдыхайте. Здесь вы в безопасности. Ложитесь спать. Комната для гостей рядом. А мне нужно идти.

Адамс кивнул ему головой и вышел из квартиры.

Кен встал, подошел к окну и смотрел, как отъезжала машина лейтенанта. Голова у него горела и то, что он узнал о политических играх, в которых его хотели использовать, его устрашало, в особенности, если дело повернется плохо.

Он представил себе возвращение Ани в пустой дом. Он не желал сидеть здесь сложа руки. Ему нужно будет обратиться к адвокату самого высшего класса и передать дело в его руки.

Он размышлял, к кому бы ему обратиться, когда раздался телефонный звонок. Он колебался, снимать ли ему трубку, потом он подумал, что это, может быть, Адамс звонит ему, и снял трубку.

— Это вы, лейтенант? — спросил глубокий и теплый голос, который Кен моментально узнал. Это был голос Сэма Дарси.

— Лейтенант вышел. Он в своем кабинете.

После небольшого молчания Дарси спросил:

— Вы можете передать ему одно известие?

— Я полагаю, да.

— Ладно, тогда скажите ему, что типа, который похож на Джонни Дормана, видели на яхте Такса «Вилла Понт». Мой человек заметил его, но он не вполне уверен, что это был Дорман.

Кен ликовал.

— Я передам ему.

— Яхта стоит на якоре в лимане. Он поймет, где это.

— Хорошо, — сказал Кен и повесил трубку.

Он долго думал, потом набрал номер телефона полиции.
— Соедините меня с лейтенантом Адамсом, — сказал он дежурному сержанту.

— Его здесь нет. Кто его спрашивает?

— Он должен был сейчас подъехать сюда.

— Он уже был и уехал. Кто его спрашивает?

Кен положил трубку на место.

А если Дорман покинет яхту раньше, чем ему удастся увидеть Адамса? Если... Кен хотел найти выход из этого положения. Он поедет и будет следить за яхтой до приезда Адамса.

Он написал про сообщение Дарси и прибавил, что попытается посторожить «Виллу Понт», и умолял приехать туда как можно скорее. Оставив записку на столе, он надел свою шляпу и вышел.

Дождь и темнота на улице давали ему ощущение безопасности. Он спустился по ступенькам и, повернув налево, направился к реке почти бегом.

Глава 6

Прежде чем подняться в свой кабинет, Адамс прошел в комнату дежурных.

— Ничего нового? — спросил он у дежурного сержанта, который шелкнул каблуками при его появлении.

— Нет. Патрон и капитан должны прийти сюда. Еще не нашли Холанда. Дункан и несколько наших людей находятся у него в доме, чтобы арестовать его, когда он вернется. Сержант Донован вернулся. Он ждет начальника.

Адамс проворчал:

— Если начальник меня спросит, я буду в своем кабинете. Больше ничего?

— Больше ничего, что может вас интересовать. Парадиз Луи позволил себя избить. Его подобрали минут десять тому назад на пустыре возле Вест-стрит. Что такое с ним произошло? О'Солливан считает, что он вряд ли оправится. Тот, который его отдал, был не из слабых.

Адамс вспомнил о сведениях Дарси. Парадиз Луи объяснил Джонни, где находится Фей Карсон. Странное совпадение!

— Куда его отвезли? — быстро спросил он.

— В местный госпиталь. Комната 6.

— Если начальник меня спросит, вы ему скажите, что я буду через час, — сказал Адамс, затем повернулся и быстро вышел, направляясь к своей машине.

Через пять минут он достиг госпиталя.

— Увы, — сказал ему дежурный хирург, когда Адамс спросил, может ли он поговорить с ним. — Безнадежный случай. У него не очень крепкий череп. Его разбили ударами велосипедных цепей. Ему остается час жизни.

— Он в сознании?

— Нет, но может прийти в себя с минуты на минуту. Поднимитесь, если хотите. Мы больше ничего не сможем сделать для него.

Парадиз Луи был распростерт на кровати, и его лицо, изувеченное и страшное, казалось еще блее, чем бинты.

Инспектор Ватсон с недовольной миной сидел около него. Он быстро встал при появлении Адамса, так что чуть не опрокинул стул, на котором сидел.

— Он пришел в себя? — спросил Адамс.

— Нет еще. Он пошевелился два или три раза.

Адамс нагнулся над неподвижным телом.

— Луи, проснись! — прокричал он, тряся его за руку.

Луи пошевелился, глаза его были закрыты.

— Проснись! — закричал Адамс, снова тряся его.

— Ему очень плохо, — сказал Ватсон, которому было не по себе. — Вы рискуете его убить, тряся таким образом.

— А какое вам дело до этого? — пролаял Адамс, уничтожающе глядя на своего подчиненного. — Закройте пасть. — Он взял спичечный коробок, зажег одну спичку и поднес пламя к руке Луи, не обращая внимания на остолебеневшего Ватсона.

Луи проворчал, пошевелил рукой, открыл глаза и посмотрел на Адамса, не видя его.

— Послушай, Луи. Ты умираешь. Кто тебе сделал это?

Ватсон автоматически достал свой блокнот.

— Где я? — спросил Луи.

— Наплевать на это. Кто это сделал?

Адамс зажег другую спичку.

Луи открыл глаза и, увидев неумолимую физиономию, склонившуюся над ним, быстро ответил:

— Такс и Вайти. Теперь оставьте меня в покое.

— Почему они сделали это?

— Я не помню, — ответил Луи. Но, увидев, что Адамс приближает к нему спичку, сказал:

— Хорошо, я скажу вам!

Он рассказал Адамсу, как он решил использовать свои сведения, чтобы сделать Гилду своей любовницей. Это продолжалось несколько минут, и Ватсон записал все, что слышал.

— Ты дал Джонни адрес Фей Карсон? — спросил Адамс.

— Я сказал ему, что она ходила в «Голубую Розу» почти каждый вечер.

— Ты не дал ему ее адрес?

— Я его не знал.

— В котором часу ты видел его?

— Около одиннадцати часов.

— Значит Такс работает на О'Бриена, — сказал Адамс, чувствуя, что сделал немаловажное открытие.

— Да, О'Бриен его начальник уже давно.

Адамс посмотрел на Ватсона.

— Вы хорошо все записали?

— Да, сэр.

— Луи, ты подпиши мне это.

Он прочитал Луи написанное, потом заставил его расписаться внизу на каждой странице. Потом он приказал Ватсону также подписаться на каждой странице.

— Я унесу это с собой,— сказал он Ватсону, кладя блокнот в карман.— Пошли! Нечего больше мучить этого беднягу.

Выйдя в коридор, он добавил:

— Не говорите никому о тех признаниях, которые мы услышали. Это может вызвать некоторые политические осложнения и доставить мне неприятности. Поняли?

— Понял,— ответил Ватсон дрожа. Он ничего не понимал, но он уже давно знал, что Адамсу лучше не задавать вопросов, чтобы потом не грызть себе локти.

— Хорошо. Идите со мной. У меня для вас есть работа. Ватсон покорно последовал за Адамсом по лестнице.

Кену понадобилось двадцать минут, чтобы достигнуть воды. Адамс сказал ему, что его разыскивает полицейское управление, и он не хотел рисковать добираться автобусом или такси. Он пробирался маленькими улочками, придерживаясь стен домов, стараясь все время находиться в тени, и быстро сворачивал в боковые улицы, если видел агента полиции.

Дойдя до берега реки, он обнаружил, что дождь, который шел непрерывно, теперь перестал. Берег реки простирался далеко. Сырой, туманный, он издавал запахи гниения, вызывающие тошноту. По другую сторону дороги видны были кафе, тир, лавки с принадлежностями для рыбной ловли, балаганы и прочее.

Встав на берегу реки, Кен смотрел на огромное пространство мутной воды, которое отделяло его от лимана. В такую темную ночь нельзя было различить судно, стоящее на якоре, но Кен верил Дарси, указавшему местонахождение яхты. Ему нужна была лодка, чтобы достигнуть ее, но у него не было возможности оплатить проезд. То небольшое количество денег, которое было при нем, нужно было сберечь. Значит, ему надо будет одолжить одну из лодок. Но прежде чем приступить к поискам свободных лодок, он должен был удостовериться в точном расположении «Виллы Понт».

Он посмотрел на ярко освещенный павильон игровых автоматов, подошел к нему и бросил взгляд внутрь.

Несколько молодых людей играли перед автоматами за несколько центов. Блондинка в белой блузке полировала себе ногти. У нее было бледное лицо, и, хотя ей вряд ли было больше восемнадцати лет, она уже хлебнула горькой жизни. Кожаная сумка свисала с ее плеча.

Кен вошел в зал и стал играть у одного из автоматов неподалеку от девушки, бросая один за другим шарики в отверстие и смотря на зажигающиеся цветные огни.

Когда первая партия завершилась, он остановился, чтобы закурить сигарету. Он чувствовал любопытный взгляд девушки на себе и постарался встретиться с ней взглядом. Он улыбнулся ей.

— Нужно же заняться чем-нибудь, чтобы убить время, не так ли, красотка?

Она безразлично пожала плечами.

— Никто вас не заставляет.

Оставив автомат, он подошел к ней.

— Вы знаете суда, которые стоят поблизости на якорях? — спросил он. — Я ищу яхту «Вилла Понт».

Она с подозрением посмотрела на него.

— Это ваше дело, — сказала она, без тени смущения засунув руку под блузку, чтобы почесаться.

— Вы знаете, где оно стоит?

— Может быть. А для чего вам?

— Мне нужно его найти.

— Совершенно напрасно, — сказала она, прислонясь к автомату. — Вы знаете владельца «Виллы Понт»?

Он покачал головой.

— Это Такс, — сказала она. — Парень, с которым лучше не связываться.

— Тем не менее мне нужно найти судно.

Она долго смотрела на него.

— Послушайте, мальчик, лучше возвращайтесь к себе. С Таксом у вас будут лишь неприятности.

— У меня они уже были.

— Да, в сущности, это не мое дело, — сказала она.

Она пошла обменивать билеты к какому-то толстяку, который нетерпеливо хлопал по автомату.

Кен закурил другую сигарету, не переставая наблюдать за девушкой краем глаза.

Она обошла весь зал, потом неспешно вернулась на свое место. Она оперлась на автомат Кена и снова стала полировать свои ногти.

— Вы не хотите оказать мне услугу, сказав, где находится «Вилла Понт»? — тихо спросил Кен.

Она слегка пожала плечами.

— Последний раз, когда я ее видела, она стояла на пространстве Норч-Энд.

— Это мне ничего не говорит. Я не знаю реки. Это далеко отсюда?

— В восьмистах метрах. Норч-Энд — это маяк, который виден отовсюду и с берега тоже.

Он поднял глаза и улыбнулся.

— Спасибо.

Она покачала головой.

— Даю слово, что вы спрашиваетесь, чтобы вам набили морду. Такс отвратительный тип.

Он бросил шарик и сказал:

— Но мне нужна лодка, чтобы доплыть туда, а мне нечем заплатить за нее.

— А что вы хотите, чтобы я сделала? Чтобы я украла ее для вас?

— Это я сделал бы сам, если бы знал, где ее найти.

— Такс знает, что вы собираетесь к нему?

Он отрицательно покачал головой.

— А что вас пугает? Флики?

— Что-то вроде этого.

— Вы найдете лодку у мола. Хозяин берет ее обычно в пять часов утра, так что постарайтесь вернуться к этому времени.

— Спасибо,— сказал Кен.

— Будьте осторожны, мой красавец. Такс не любит неожиданных визитов. Он сердитый.

— Я буду осторожен,— ответил Кен. Он направился через туман к молу и скоро обнаружил там лодку. Удочка, коробка с наживками, непромокаемый плащ и весла лежали на полу.

Кен вскочил в лодку, отвязал ее и стал грести по направлению к маяку, на который ему указала девушка.

Он грел в течение нескольких минут, которые ему показались часами, и наконец достиг места, где ясно обрисовывались контуры судна на фоне темного неба.

Кен бросил весла и стал рассматривать судно, пытаясь определить, действительно ли это «Вилла Понт». Лодка тихонько качалась на волнах. Неожиданно Кен услышал шум мощного мотора лодки.

Он посмотрел в сторону берега, удаленного приблизительно на пятьсот метров, и увидел, как мощная моторная лодка отплыла от берега и направилась в его направлении. Охваченный тревогой, он подумал, не полицейская ли это лодка, и стал грести изо всех сил, чтобы удалиться из опасной зоны. Наконец он сложил весла и укрылся под тенью судна, стараясь скрыть свою голову и плечи. Моторная лодка приблизилась. Она приближалась очень быстро к Кену, и он с горечью вздохнул, поняв, что она проедет в трехстах метрах от него, если не изменит своего направления. Катер не изменил своего направления, и волны, которые он поднял, заставили запрыгать лодку Кена. Вскоре мотор ее перестал работать, и Кен увидел, как катер остановился в зоне тени, окружающей корабль.

Кен выпрямился и огляделся. Лодку его отнесло от судна, и он стал грести в его направлении. Минут через десять он приблизился на расстояние тридцати метров от яхты. Он снова бросил весла и стал внимательно всматриваться в надежде обнаружить признаки жизни на яхте. Он увидел катер, стоящий у ее борта, но

палуба казалась пустынной. Тогда он стал грести, чтобы приблизиться к корпусу судна. Он присматривался к яхте и старался уловить какие-либо звуки. Ему показалось, что он слышит слабые звуки голосов, и даже одно мгновение он подумал, не подняться ли ему на борт, но сразу же отказался от этого намерения. Его лодка была бы слишком заметна с палубы. Он обогнул судно и остановился у левого борта. Одея иллюминатор был освещен, и Кен стал бесшумно маневрировать, чтобы остановиться под ним, наконец он услышал, как чей-то голос проговорил:

— Нам пора объясниться, Джонни, вы слишком в плохом положении, чтобы диктовать мне условия. Если вы не согласитесь на мое предложение, вы останетесь здесь до тех пор, пока не перемените решение.

Кен убрал весла, опасаясь, как бы они не стукнули о борт яхты, и, схватившись за железную скобу, торчащую внизу иллюминатора, бросил быстрый взгляд внутрь каюты.

Красивый молодой блондин, которого он заметил тогда напротив «Голубой Розы», лежал на койке. Крепкий темноволосый мужчина в безукоризненном костюме курил сигарету, прислонившись к стене.

Кен быстро откинулся назад и, держа свою лодку неподвижной, стал прислушиваться к разговору.

Солли поймал конец каната, брошенный О'Бриеном, и придерживал катер, пока О'Бриен влезал на борт.

— Такс тут? — спросил О'Бриен.

— Да, патрон.

Солли казался удивленным, увидев О'Бриена одного. Такс, которого разбудил шум мотора, появился на палубе, застегивая рубашку. Он провел О'Бриена в свою каюту и там, удерживая зевоту, сел на койку и вопросительно посмотрел на О'Бриена.

— Ты занимался Луи?

— Да, — недовольным тоном ответил Такс. — Вайти ударил его слишком сильно.

О'Бриен внимательно посмотрел на него.

— Что это значит?

— Я сомневаюсь, чтобы Луи чувствовал себя хорошо в настоящее время, — осторожно ответил Такс. — У него череп не намного толще яичной скорлупы.

— Он умер?

— Это весьма возможно. Он оказался совсем хлипким.

О'Бриен потер свою щеку.

— Тем хуже! События нас опередили, — сказал он, беря сигарету и откусывая ее кончик зубами. — Может быть, даже будет лучше, если он сдохнет.

Такс облегченно вздохнул.

— Во всяком случае, меня бы удивило, если бы он пришел в себя.

— Он не должен заговорить.

— Никакой опасности. Он был слишком оглушен, когда мы его оставили на земле.

О'Бриен зажег свою сигарету и выпустил дым в потолок. После спокойной жизни в течение четырех лет снова посыпались удары. Ничего нельзя было сделать, нужно было оставаться хозяином положения, а люди, могущие помешать, должны были быть устранены.

— Я решил уничтожить Джонни, — заявил он, понизив голос.

Такс удивился, но не показал вида.

— К вашим услугам, начальник, — сказал он.

— Труп должен исчезнуть без следов.

— Я могу устроить это, — сказал Такс. — У меня на борту есть бочка, которая сгодится для этого. У меня есть также запас цемента. Его не найдут.

— Не задерживайся с этим, Такс. Сейчас я хочу с ним поговорить, и я скажу тебе, когда надо будет действовать.

— Этой ночью? — спросил Такс, подумав, что опять ему не удастся выспаться.

— Да, этой ночью. Начинай немедленно готовить бочку и цемент.

— Я скажу Солли...

— Делай сам, — сухим тоном сказал О'Бриен. — Солли не в курсе дела. Я увезу его с собой.

Такс сделал гримасу.

— Бочка будет очень тяжелой. Мне нужен Солли. Я не смогу сделать все один.

О'Бриен взял сигарету двумя пальцами и посмотрел на ее светящийся кончик.

— Как хочешь, но если ты посветишь в это дело Солли, тебе придется потом уничтожить и его таким же образом.

Такс очень держался за Солли, который был силен, как бык, и быстр, как гремучая змея.

— Он закроет свою пасть, не беспокойтесь, — сказал он.

— Если ты не хочешь выполнять мои распоряжения, то так и скажи, Такс.

Голос был угрожающим, и Такс не стал настаивать. Он посмотрел на О'Бриена и пожал плечами.

— Хорошо, я справлюсь сам.

— Сделай одолжение.

— Можете рассчитывать на меня.

О'Бриен встал и вышел в коридор. Дойдя до каюты Джонни, он повернул ключ, торчащий в замке, и вошел.

Джонни дремал. Услышав шум ключа, он открыл глаза, зажмурился и сел.

«Этот подонок давно уже должен быть наказан», — подумал О'Бриен, открывая дверь. Он вошел в каюту и прислонился спиной к двери.

Джонни мрачно посмотрел на него.

— Что вы хотите?

— Я хочу сделать вам предложение, — ответил О'Бриен.

— Да ну? — удивился Джонни. — Это будет стоить вам дорого.

— Настало время нам объясниться, Джонни. Вы слишком в плохом положении, чтобы диктовать мне свои условия. Если вы не согласитесь на мое предложение, вы останетесь здесь, пока не перемените решение.

— Послушаем ваше предложение, — сказал Джонни, потирая свое опухшее от сна лицо.

— Вы уедете сегодня ночью. Вы отправитесь в аэропорт, чтобы сесть на самолет, летящий в Нью-Йорк, а там один из моих агентов посадит вас на самолет, летящий в Париж. В Париже один из моих агентов даст вам пристанище, и вы останетесь там до тех пор, пока я не разрешу вам вернуться.

— А за это время вы женитесь на Гилде? — со смехом спросил Джонни. — И вы верите, что она выйдет за вас замуж без моего совета?

— Вы напишете ей, что вы отправляетесь в Париж сегодня ночью и что вы не рассчитываете вернуться скоро. Она знает, что у вас неприятности, и не удивится.

Джонни сделал гримасу.

— Если вы прибавите немного денег к моему балансу, может быть...

— О! Я не рассчитываю дешево отделаться от вас. Вы получите десять тысяч долларов в обмен на письмо к Гилде и обещание остаться в Париже до тех пор, пока я не разрешу вам вернуться.

— Десять тысяч? — повторил Джонни, не веря своим ушам. — Вы можете дать и больше. Скажем, пятьдесят, и торг окончится.

— Двадцать пять, не больше.

— Я не тронусь с места меньше чем за тридцать, — заявил Джонни, наклонясь вперед.

— Согласен. Тридцать. Мой агент в Нью-Йорке даст вам половину, вторую половину получите в Париже.

— Никаких трюков! Если не будет денег, я вернусь, Сеан.

— С полицией по вашим следам. Вы забыли, что убили женщину прошлой ночью?

— Как я могу это забыть! Это вас достаточно тревожит. Я хочу деньги сейчас же. И мое место в самолете. Итак?

— Мой агент займется этим, — осторожно проговорил О'Бриен. — Он открыл бумажник и вытащил из него триста долларов, которые положил на стол. — Вот, возьмите пока.

Джонни не заставил себя повторять это два раза. Спрыгнув с койки, он схватил деньги и сунул их в карман.

— Вы, видимо, очень хотите получить ее! — с иронической улыбкой заметил он. — Никакая женщина на свете не заставила бы меня действовать так!

О'Бриен с трудом подавил ярость, которая бушевала в нем.

— В ящике есть почтовая бумага. Напишите Гилде, что вы отправляетесь в Париж и что не вернетесь обратно раньше определенного времени.

— О! Вы мне надоели с этим! — нетерпеливо закричал Джонни. — Вы сами скажите ей это. Мне незачем писать ей.

— Без письма соглашение не состоится.

— Что вы такое замышляете? — спросил Джонни, подозрительно глядя на него. — Вы боитесь, что она подумает, что вы треснули меня по голове и бросили в воду?

— Не говорите глупостей! — сказал О'Бриен, внутренне ужасаясь догадливости Джонни. — Она вас любит и предпочтет узнать новости лично от вас.

— Ну, ладно! Я позвоню ей из аэропорта.

— Вы воображаете, что будете разгуливать по аэропорту, чтобы дать возможность фликам захватить вас?

Джонни пожал плечами.

— Ладно, ладно! А если я ей сообщу, что я был избит вашим наемным убийцей? Сомневаюсь, что она поблагодарит вас.

— Так вы напишете ей письмо? — закричал О'Бриен, поворачиваясь спиной к Джонни, чтобы скрыть свое искаженное злостью лицо.

Джонни сел и написал несколько слов на листке бумаги. Потом он подал бумагу О'Бриену.

— Вот. Теперь остается покинуть этот отвратительный корабль.

О'Бриен взял письмо, прочитал, кивнул головой и указал на конверт.

— Напишите адрес.

Джонни послушался. О'Бриен сунул листок в конверт, заклеил его и сунул в бумажник. Он был доволен. Теперь у него были развязаны руки, и подозрения Гилды не будут разбужены.

— Вы поедете не со мной, — сказал он. — Я не хочу рисковать и не хочу, чтобы меня видели в вашем обществе. Я уверен, Солли вернется на этой моторной лодке. А вы сделаете то, что я вам сказал, в противном случае вы пожалеете.

— А если я уеду первым? — злобно проговорил Джонни. — Я сидел на этом вонючем стуле дольше, чем вы.

— Закройся! — зло проговорил О'Бриен. — Грязная скотина, меня тошнит от твоих разговоров.

Встретив его взгляд, Джонни удивился.

— Не раздражайтесь, Сеан, — смущенно проговорил он. — Я пошутил.

— В самом деле? Так вот знайте, я не люблю шуток, и вы скоро в этом убедитесь.

О'Бриен вышел, запер дверь на ключ и поднялся на палубу. Теперь, когда у него было письмо, ему хотелось поскорее избавиться от Джонни. Через некоторое время он скажет Гилде, что

во время драки в Парике Джонни был убит, и она никогда не узнает, что ее муж был виновником смерти Джонни.

Солли ждал около шлюпки и, увидев О'Бриена, спустился в катер.

Такс подошел к О'Бриену.

— Ты можешь начинать, — тихо сказал О'Бриен. — Ты уверен, что справишься с ним? Я не хочу никакого риска.

— Все будет хорошо, — ответил Такс. — Я покачу бочку, здесь очень глубоко, он сразу опустится на дно.

— Когда Солли вернется, поезжай на берег и позвони мне. Скажи Солли, что ты отвез Джонни на надувной лодке. Я задержу его на час. Тебе хватит этого времени?

— Безусловно! — безразличным тоном проговорил Такс. — Я сразу же разделаюсь с ним, как только вы уедете. Это не сложно. Бочка большая. Он там отлично разместится, и я залью его цементом. Одного часа мне хватит.

— И никакого огнестрельного оружия, Такс. Выстрел могут услышать с берега.

— Я возьму свой нож.

— Действуй осторожно, — посоветовал О'Бриен, проходя через палубу.

Он расположился в лодке. Солли отвязал ее и включил мотор. Лодка устремилась в темноту.

Глава 7

Кен, прицепившись к борту яхты, ясно расслышал те несколько слов, которыми обменялись О'Бриен и Такс, но ему потребовалось несколько минут, чтобы сообразить, что ожидало Джонни.

Они собирались убить Джонни и отправить его труп на глубину десяти метров.

Кен задрожал.

Если Джонни будет находиться на дне реки, как ему удастся убедить людей в своей невинности? Необходимо было спасти Джонни, отвезти его на берег и привезти к Адамсу. В противном случае он пропал.

Но при одной только мысли о нападении на Такса у него перехло в горле и страшно забилося сердце. У Кена не было темперамента чемпиона. Он знал, что борьба с Таксом означает очень сильное физическое напряжение, но у него не было выбора. Если он хочет быть оправданным, он должен первым делом спасти Джонни.

Прикрепив свою лодку к железному крюку на яхте около иллюминатора каюты Джонни, он стал решать, не будет ли осторожнее привлечь внимание последнего.

Но Такс, который находился где-то на палубе, мог услы-

шать его. Было лучше влезть на борт. Если бы ему удалось незаметно и тихо проскользнуть позади Такса и оглушить его, остальное было бы просто.

Уцепившись обеими руками за нижнюю перекладину перил, он осторожно подтянулся до уровня палубы.

В сумерках на другом конце палубы он увидел силуэт человека, четко видимый на фоне неба. Такс стоял к нему спиной и занимался тем, что выбивал у огромной бочки дно.

С бьющимся сердцем Кен взобрался на борт, потом пополз на четвереньках, не спуская глаз с широкой спины Такса.

Шум, который производил Такс, стуча молотком по бочке, был достаточным, чтобы заглушить треск палубных досок под тяжестью Кена.

Кен наблюдал за каждым движением своего врага. Десять метров отделяли их друг от друга, но этого было слишком много, чтобы застать его врасплох. Потом, он не располагал оружием, и у него не было ни малейшего желания атаковать Такса голыми руками.

Ему удастся это сделать лишь с помощью Джонни. Они вдвоем, может быть, одолеют Такса. Кен стал ползти к лестнице, ведущей внутрь судна.

Вдруг Такс поднял голову, выпрямился и неожиданно обернулся.

Кен распластался на палубе и не шевелился, сердце бешено колотилось у него в груди.

Такс исчез за такелажем и, прежде чем Кен успел сделать хоть малейшее движение, вернулся с мешком цемента на плече. Он высыпал его в бочку и отправился за следующим мешком.

Кен как стрела промелькнул через палубу и нырнул в дыру лестницы как раз в тот момент, когда Такс снова появился.

Вскоре Кен оказался в узком и плохо освещенном коридоре. В него выходили четыре двери. В одной из них торчал ключ. Слыша шаги Такса на палубе, Кен подумал, что ему следует поторопиться. Он повернул ключ в замке, открыл дверь и вошел в маленькую каюту.

Джонни, развалившись на койке, поднял на Кена удивленный взгляд.

— Кто вы такой? — сухим голосом спросил он.

Кен закрыл дверь и прислонился к косяку. Он был в таком нервном состоянии, что с трудом мог совладать со своим дыханием.

— Я находился около судна и слышал, о чем они говорили. Они хотят убить вас, — пояснил он дрожащим голосом. — Они хотят засунуть вас в бочку и бросить в воду.

Джонни выпрямился.

— Опять штучки О'Бриена, — со злостью сказал он. — Может быть, вы думаете меня напугать? Дурак! Убирайтесь вон!

— Нам нельзя терять ни секунды. Такс уже готовит бочку.

4 Нам двоим, может быть, удастся одолеть его, но надо напасть на него внезапно.

Джонни неожиданно понял, что безумно испуганный человек, стоящий перед ним, не устраивал ловушку. Он помнил об убийственном взгляде О'Бриена, когда тот требовал, чтобы он написал письмо Гилде. И, конечно, в интересах О'Бриена было отделаться от него.

Он встал со своей койки с лицом, покрытым холодным потом.

— У него есть оружие, — сказал Джонни. — У нас нет ни малейшего шанса против него.

— Нужно его оглушить, — убежденно проговорил Кен. — Пошли, мы не сможем сделать это здесь.

— Дайте мне ключ, — сказал Джонни с приступом недоверия. — Я запрусь на то время, пока вы съездите за полицией.

— Вы сошли с ума! Вы думаете, что он не сможет выставить дверь? Нужно покончить с этим делом нам самим.

Сердце Кена упало при виде робости его компаньона и его бледности. Он даже не удивился, когда услышал решение Джонни.

— Я не хочу в это вмешиваться. Я не пойду наверх.

Такс с минуты на минуту должен был спуститься сюда. Кену нужно было найти оружие. Быстрым взглядом он окинул каюту и убедился, что тут нет ничего, кроме легкого стула. Он вернулся в коридор, открыл дверь каюты напротив, нашарил выключатель и включил свет. Единственное оружие, которое он нашел, была бутылка, наполовину наполненная виски. Он заткнул пробку и приготовился. Когда он подходил к двери, он услышал, как Такс спускается по лестнице.

У него уже не было времени вернуться к Джонни. Кен увидел его сквозь щель в двери, и рука его сжалась на горлышке бутылки.

Джонни тоже услышал приближение Такса и быстро заперся на ключ.

Такс остановился за дверью Джонни и, найдя ее запертой, перестал напевать.

Кен, который наблюдал за ним, задержал дыхание, видя, как тот достал из кармана револьвер с подпиленным дулом. Такс нажал на ручку двери и сильным ударом ноги вышиб замок. Из-за плеча Такса Кен увидел Джонни, который отшатнулся к стене, и лицо его приняло восковой оттенок.

— Скажи-ка мне, Джонни, — ласковым тоном спросил Такс. — Кто это открыл тебе дверь?

— Я ничего не знаю, — хриплым голосом ответил Джонни, загибриотизированный видом револьвера. — Может быть, О'Бриен забыл запереть ее. А что это может значить, раз я уезжаю?

— Это верно, — сказал Такс, сунув револьвер в карман брюк. — Я даже скажу, что ты совершишь не совсем обычное путешествие.

Кен проскользнул в коридор.

— Мой патрон больше не может выносить тебя, и я его понимаю, — продолжал Такс. — Я приготовил тебе комфортабельную бочку с матрасом из цемента.

— Вы не посмеете сделать это со мной! — закричал Джонни с выпученными от страха глазами. — О'Бриен не способен на такое! Не подходите ко мне!

Кен бросился вперед, чтобы ударить Такса по голове, но у того был тонкий слух и быстрая реакция. Услыша открывающуюся позади дверь, он нагнулся в сторону, и бутылка разбилась о его правое плечо, осыпав его осколками стекла и облив виски.

Охваченный неопишущим ужасом, Кен попытался изо всех сил ударить его кулаком по лицу, но тот уклонился и ответил ему ударом в солнечное сплетение, заставив Кена зашататься.

Джонни подбежал к двери, но Такс ударом ноги по колену опрокинул его на пол. Тем временем Кен прыгнул на Такса и схватил его за руку, но с тем же успехом можно было одолеть гориллу! Встряхнув массивными плечами, Такс отделался от него, одним прыжком перелетел через каюту и прижался спиной к стене.

Джонни встал и отступил в то время, как Кен, стоя около двери, не спускал глаз с Такса.

— Значит, ты нашел дружка? — спросил Такс со злобным огоньком в глазах. — Но это ничего, моя бочка достаточно велика, чтобы поместить двоих, — его рука исчезла за спиной и появилась, вооруженная ножом.

Кен и Джонни были оба испуганы видом ножа. Такс с саркастической улыбкой медленно приближался.

Кен схватил стул и ударил им Такса, который нагнулся и избежал удара, хотя стул все-таки задел одной ножкой по его лицу. Страшно ругаясь, он левой рукой, в свою очередь, схватился за ножку стула, стараясь достать Кена острием своего ножа.

Его сила была такова, что Кен выпустил стул. Тогда Такс отбросил его и прыгнул вперед. Кен ударил вслепую, и его кулак вдавился в лицо Такса в то время, как нож молнией метнулся к нему. Он почувствовал, как лезвие вонзилось в его пиджак, и бросился в сторону. Упав на Такса, он обеими руками ухватился за его кулак, заставив нож уклониться в сторону. Он давил всем телом на руку Такса.

— Хватайте его! — в отчаянии крикнул он Джонни, который вместо того, чтобы прийти на помощь, пытался убежать.

Так как он старался проскочить мимо сцепившихся мужчин, то Такс одной рукой схватил его и прижал к стене.

Кен навалился всем весом на руку Такса, пытаясь оторвать его пальцы от рукоятки ножа.

Такс просунул ногу между ногами Кена и, приподняв его, заставил опрокинуться.

Снова мелькнул нож, но Кен обеими руками схватился за

штанины Такса, рванув изo всех сил и заставил Такса упасть на него.

Джонни, немного осмелев, стал колотить Такса по голове каблуком. Он попал по виску, и Такс осел, выпустив нож.

Кен сразу же схватил нож и отбросил его на другой конец каюты, потом, откинув Такса, начал вставать на ноги.

Такс оказался на ногах одновременно с ним. Ссадина, которая была у него на виске, кровоточила. Убийственная злоба искажала его лицо.

Не давая времени Кену опомниться, Такс выдал ему левой в лицо, заставил его упасть на спину. Но Джонни, который завладел стулом, обломал его о голову и плечи Такса.

Джонни, казалось, обрел наконец мужество. Его бледное и осунувшееся лицо имело то же выражение смертельной ненависти, как и у Такса. Ударяя настойчиво стулом по голове, он заставил упасть его на колени в то время, как Кен с трудом вставал на ноги. Такс хотел закрыть свою голову, но Джонни одним ударом откинул его руку и снова стал бить по лицу. Спинка стула сломалась, и Такс упал лицом вниз.

Тогда Джонни выскочил вперед, обеими руками схватил Такса за волосы, приподнял голову и стал ударять ею об пол.

У Такса вырвалось приглушенное ворчание, и он потерял сознание.

Оба задыхались, стоя около него.

— Нам нужно спастись! — прошептал Кен. — Пошли.

Джонни еще раз злобно ударил Такса ногой по уху, потом наклонился над ним и вытащил из его кармана автоматический револьвер.

— Пошли! — настаивал Кен.

Следом за ним Джонни прошел коридор и поднялся по лестнице.

На щитке приборов машины Адамса светящиеся часы показывали одиннадцать часов двенадцать минут, когда Адамс остановился около дома № 25 по Лесингтон авеню.

После отъезда из госпиталя он не произнес ни слова, нагнувшись над рулем. И Ватсон, сидевший рядом с ним, напрасно ждал объяснений.

Адамс вышел из машины, и Ватсон последовал за ним. Они поднялись по входным ступенькам, открыли дверь и поднялись по лестнице, чтобы дойти до квартиры Рафаэла Свитинга.

На площадке, прежде чем позвонить, Адамс сказал своему подчиненному:

— Этот тип сделает заявление. Вы запишете его.

— Понятно, — ответил Ватсон, спрашивая себя, о ком идет речь.

Адамс нажал на кнопку звонка и услышал звон.

После продолжительного времени дверь осторожно приоткрылась, и Свитинг, держащий мокрую салфетку у своего глаза, посмотрел на Адамса, потом на Ватсона. Под взглядом Адамса он съежился и отступил назад.

Оба полицейских вошли в квартиру.

— Так вот где вы скрываетесь?! А как идут твои дела, Рафаэл?

— Послушайте, лейтенант, — степенно проговорил Свитинг. — Я теперь придерживаюсь прямого пути. А как вы думаете, может человек вести нормальную жизнь, если флики не дают ему покоя?

— Мне бы очень хотелось знать, — мягко проговорил Адамс, усаживаясь на стул, — как твои планы относительно шантажа, по-прежнему процветает?

— Я не знаю, о чем вы говорите, — беспокоило проговорил Свитинг. — Вот уже много времени, как я этим не занимаюсь.

— Вот как! Тогда что же у тебя с глазом? Тебе не отдали того, что ты хотел получить, а?

— Это несчастный случай, — мрачно ответил Свитинг. — Оставьте меня в покое, лейтенант. Я хочу честно зарабатывать себе на жизнь.

— Но это трудно, да? — спросил Адамс, закуривая сигарету. — Может быть, ты предпочтешь вернуться в тюрьму на два года?

— У вас ничего нет против меня, вы хорошо это знаете.

— Я очень легко это могу тебе устроить, Рафаэл. Но я оставлю тебя в покое, если ты сделаешь то, что я тебе скажу. Мне нужны лишь сведения.

Свитинг сел. Что за день! У него болел глаз, и он чувствовал себя усталым и больным. Он с тоской посмотрел на кровать в другой стороне комнаты, на которой, свернувшись клубочком, спал Лео, и вздохнул.

— Что вы хотите узнать, лейтенант?

— То, что произошло вчера вечером. Ты сказал Доновану, что ты ничего не видел и ничего не слышал. Ты солгал. Мне ты скажешь правду.

— С вами это совсем другое, я всегда готов говорить.

Адамс посмотрел на Ватсона и бросил ему свой блокнот.

— Пишите! — коротко сказал он.

— Скажи нам все. Я в курсе дела, так что рассказывай детально. С того момента, как ты первый раз увидел Холанда на лестнице.

Свитинг побледнел.

— А! Вы его задержали, лейтенант? — спросил он, ерзая на стуле. — Не верьте тому, что рассказывает тот тип. Я уверен, что он обвиняет меня в намерении шантажировать.

— Он сказал мне, что дал тебе по глазу, — сказал Адамс уверенно. — Теперь говори.

И Свитинг стал говорить.

Получасом позже Адамс закурил свою четвертую сигарету, потянулся, зевнул и потряс головой.

— Это кажется мне достаточно приемлемым. Ты уверен, что не видел типа, который покинул квартиру Карсон до ухода Холанда?

— Я его не видел,— жалобно простонал Свитинг.

Он отдал даром сведения, стоимость которых была велика.

— Это хорошо. Вы все записали? — спросил Адамс у Ватсона.

— Да, сэр.

— Подпишите, Рафаэл, на каждой странице,— сказал Адамс,— а вы подтвердите, Ватсон.

Когда оба мужчины покончили с подписанием, Адамс забрал обратно свой блокнот.

— Вы можете идти домой,— сказал он Ватсону,— и ни одной душе не говорите об этом.

Когда Ватсон ушел, Адамс закурил пятую сигарету, устроился в кресле и затаился, потом задумчиво посмотрел на Свитинга.

— А ты, Рафаэл, что об этом думаешь?

— Ничего, лейтенант,— ответил Свитинг, прикладывая тампон к глазу.— Я ничего не знаю.

— Послушай,— сказал Адамс, вытягивая ноги.— Если я тебе скажу, что это Джонни Дорман ухлопал эту курочку, что ты на это скажешь?

Свитинг казался удивленным.

— Джонни? Убить кого-нибудь?! Он не убил бы ее. Он порвал с ней. В последний раз, когда я играл с ним в бильярд, а это было до того, как его поместили в больницу, он мне клялся, что она его больше не интересуется.

— Я тоже не верю, что это он, так как Холанд заметил его выходящим из «Голубой Розы», и ведь он не знал адреса Фей Карсон. Он не мог бы попасть к ней в комнату раньше их.

Свитинг удовлетворенно кивнул головой.

— Действительно, вы, скорее всего, правы.

— А если это не Дорман и не Холанд, то кто же тогда?

Свитинг нахмурился.

— Вы у меня спрашиваете это?

— У тебя, Рафаэл. Ты прожил свою жизнь, занимаясь делами других. Не вздумай мне говорить, что ты не совал носа в дела Карсон.

Свитинг колебался.

— Я очень хотел бы быть вам полезным, лейтенант, но я действительно не знаю. Если бы я был на вашем месте, я пошел и переговорил с Морисом Вардом, может быть, у него есть мысль.

— Кто это?

— Бывший партнер Фей до тех пор, пока она не поссорилась с ним.

— А почему они поссорились?

— Фей и Гилда жили вместе. Вард влюбился в Гилду. Он бросил танцевальный номер с Фей и уехал с Гилдой в Лос-Анджелес. Она вернулась оттуда одна через шесть месяцев. Он вернулся на несколько дней позже. Он приходил к Фей. Они ссорились. Я слышал, как Вард говорил ей: «Я задушу тебя!».

Адамс снял шляпу и провел пальцами по своей густой белой шевелюре.

— Ты уверен, что Гилда уезжала с Вардом?

Свитинг кивнул.

— Джонни рассказал мне это. Ему это не нравилось. Вард гнусный тип, особенно с женщинами.

Адамс потер щеку. Ситуация прояснялась. Он с удовольствием остановился бы на Джонни, но так как это не выходило, то и Вардом вполне можно было заинтересоваться.

— Где находится этот Вард? — спросил он.

— Обычно он болтается около Вашингтон-отеля. Возможно, он там.

— Хорошо, Рафаэл. Держи рот закрытым, живи спокойно и никуда не исчезай. Ты можешь мне понадобиться как свидетель. Если ты сделаешь то, что я тебе сказал, у тебя не будет неприятностей.

Как только Адамс ушел, Свитинг погрузился в размышления. К завтрашнему дню надо было достать денег. Он пойдет к Гилде Дорман. Ей будет интересно узнать, что ее бывший любовник Морис Вард вернулся. Интересно также узнать, что лейтенант Адамс считает, что ее брат убил Фей. У нее имеются большие возможности. А так как эти певицы кабаре ложатся поздно, он сможет застать ее на ногах, если поторопится.

Он посмотрел в справочник.

— 145, Маддокс Курт, — пробормотал он. — Это в пяти минутах ходьбы отсюда. Он взял из шкафа шляпу, опустил с одной стороны поля, чтобы скрыть подбитый глаз, взял под руку Лео и вышел из дома.

У Вашингтон-отеля была плохая репутация. Комнаты там снимались по часам. Зажатый между игорным залом и пивной, его фасад выходил на реку. Подвал был отведен для курильщиков опиума и был удачно закамуфлирован. На верхних этажах размещалась разношерстная публика, занимавшая прекрасно обставленные комнаты. Большинство клиентов приходили после тюрьмы и привыкали там к вольной жизни в ожидании какого-нибудь дела.

Здание принадлежало О'Бриену, и полиция, по распоряжению капитана Монтли, опасалась трогать его обитателей.

Директор отеля Сеч Кутлер, коренастый, как бы высеченный из скалы человек, был удивлен, увидев Адамса, входящего в холл.

Опираясь локтями на письменный стол, внимательно глядя на него, он ждал его не шевелясь.

— Добрый вечер, лейтенант, — сказал он, когда Адамс остановился перед ним, — мы целый век не виделись!

— Да, — сказал Адамс. — Покажите-ка мне свою регистрационную книгу, я хочу взглянуть в нее.

Кутлер поднял брови, сунул маленький палец в ухо, потом внимательно посмотрел на своего собеседника.

— Ну, скоро?! — неожиданно жестким тоном проговорил Адамс.

— Простите меня, лейтенант, — сказал Кутлер, — но вы, вероятно, ошиблись адресом. Мы в хороших отношениях с полицией.

— Вашу книгу! — повторил Адамс.

Кутлер пожал плечами, вытащил на свет книгу, сдул пыль, которая покрывала ее, и положил на стол.

Последняя запись была в ней сделана 19 июня 1941 года.

— Вам везет, что вы еще на этом месте, — сказал Адамс, отпихивая книгу. — Я ищу Мориса Варда.

— Я не знаю, кто это такой, лейтенант. Я огорчен. Я всегда готов оказать вам услугу.

Адамс покачал головой.

— Жаль! Нам придется осмотреть все комнаты, пока я его не найду.

— Я не люблю, когда тревожат мою клиентуру, лейтенант. Капитан Монтли сможет устроить это.

— Я стану проверять клиентов, начиная с подвала и кончая чердаком. И не пытайтесь помешать мне. Если другие клиенты страдают, это будет ваша вина.

— Он на самом верху, в десятом номере, — покраснел Кутлер.

— Благодарю.

Адамс прошел к лифту и нажал на кнопку. Он вздохнул с облегчением, когда вышел из этого допотопного подъемника на верхнем этаже.

Перед ним был длинный коридор с множеством дверей. Адамс остановился перед номером 10 и прислушался. Он не слышал никакого шума внутри помещения и постучал. Никто не ответил. Он постучал еще раз. Напротив открылась дверь.

Девушка в розовом шелковом пеньюаре и рыжими волосами, падающими на плечи, опиралась о дверной косяк, позволяя видеть длинную ногу и округлое бедро.

— Он вышел, — сказала она. — Если вы захотите подождать в моей комнате, я предложу вам стул.

— Вы разговариваете с офицером полиции, — осторожно сказал Адамс.

Девушка поморщила нос и пожала плечами.

— Я не могу сделать ничего другого. Все равно входите. Адамс подошел к ней.

— А когда Вард ушел?
— Вчера вечером. У него неприятности?
— Я этого не думаю. А в котором часу вечером?
— В восемь часов. Вы идете? Вы заставляете меня терять время!

— Я ведь вам сказал, что я офицер полиции, — терпеливо повторил Адамс. — Ведь вы не хотите, чтобы вас задержали, не так ли?

Девушка расхохоталась.

— Он забавен! Вам разве не сказали, что эта хижина под покровительством фликов?

Адамс задумчиво потер подбородок, вернулся к комнате № 10, покрутил ручкой и с силой толкнул дверь. К его удивлению, она отворилась. Он нашел выключатель и зажег свет.

В комнате царил страшный беспорядок. Можно было подумать, что здесь пронесся циклон. Простыни и одеяла, содер-
жимое матрацев и перья подушек покрывали пол. Два маленьких
кресла были разломаны на кусочки, картины сорваны со стен и
перед открытыми дверьми шкафа валялись костюмы, ботинки,
рубашки и нижнее белье. Все было перевернуто и перемешано.

Адамс снял телефонную трубку и в ответ на вопрос Кутлера приказал:

— Вы нужны мне, поднимитесь!

В ожидании его он осмотрел комнату, но ничего интересного не нашел.

Когда Кутлер увидел этот беспорядок, он был поражен.

— Черт побери! — воскликнул он. — Что здесь произошло?

— Откуда я могу это знать? Я нашел комнату в таком виде. Отсюда можно выйти по другому выходу, не через главный вход?

— Да, в конце коридора есть пожарная лестница.

— Значит, тот, кто сделал все это, поднялся по ней?

— Возможно.

Адамс проворчал:

— Приведите мне сюда девушку, которая занимает комнату напротив. Может быть, она что-нибудь знает или заметила.

Испуганный стальным взглядом Адамса Кутлер открыл дверь напротив.

— Эй, Милли, приди-ка на минутку!

Девушка появилась. Увидев беспорядок, ее глаза заблестели.

— Боже мой! Можно подумать, что кто-то что-то искал.

— Вард ушел вчера вечером по пожарной лестнице? — спросил Адамс.

— Я должна отвечать этому флику? — спросила она.

Управляющий кивнул.

— Все люди пользуются пожарной лестницей.

— Не могли же перевернуть все в комнате без шума. Вы ничего не слышали?

— У меня было включено радио. Я слышала, как двигали мебель, но не обратила на это внимания.

— В котором часу?

— Приблизительно в половине одиннадцатого.

— Вы не видели незнакомых людей в коридоре?

— Если бы я увидела кого-нибудь, я сообщила бы об этом Кутлеру.

— А вам не показался странным этот шум в комнате Варда после его ухода?

— Я не знала, что это было в его комнате. Я слышала шум, вот и все.

— А откуда вы знаете, что Вард ушел вчера в половине девятого? Вы его видели?

— Да.

— Он вам сказал, куда идет?

— Он мне сказал, что отправляется за добычей.

— Вот как, он вам так сказал?

— Да. Я потребовала с него десять долларов, которые он у меня занял. Он сказал, что у него при себе нет денег, но что он отдаст их мне по возвращении, — ее глаза блеснули и взгляд бегал по комнате. — После этого, вы думаете, он вернется?

— Хватит, — сказал Адамс, махнув рукой. — Вы можете идти.

— Спасибо, флик, вы очень любезны! — со смехом проговорила она и вернулась к себе.

— Вы понимаете, что произошло? — спросил Адамс у Кутлера.

Тот покачал головой.

— Если Вард появится, скажите ему, что я хочу с ним поговорить. Его ни в чем не обвиняют и у него не будет никаких неприятностей, но они будут, если он не даст о себе знать.

— Я передам ему это. Вы хотите спуститься по пожарной лестнице?

— Это будет лучше вашего лифта.

Кутлер открыл дверь в конце коридора, и Адамс вышел на металлическую платформу, откуда были видны набережная и склады. Как раз под ней проходила темная улочка, она вела мимо отеля и упиралась в набережную.

— До следующего раза, лейтенант, — сказал Кутлер.

Но внимание Адамса было приковано к двум мужчинам, которые, казалось, прятались в тени. Напротив них находился агент. Более высокий из двух неожиданно отступил и пошел в сторону, в то время как агент обратился к его компаньону. Вдруг спокойствие ночи было нарушено выстрелами.

Агент отступил на шаг и упал на колени. Человек, который стрелял, схватил своего товарища за руку и увлек его за собой.

Адамс сунул руку в пиджак, вытащил специальный полицейский «кольт-38» и выстрелил в более высокого из двух. Он с удовольствием увидел, как тот зашатался. Он собирался выстре-

лить еще раз, но Кутлер, как бы пошатнувшись, уцепился за него. Пуля ушла мимо.

Оба человека теперь исчезли из вида.

Оттолкнув Кутлера, Адамс стал быстро спускаться по лестнице.

Глава 8

Плывя по темной и илистой воде лагуны, Кен думал, как ему удастся, не вызывая подозрений, передать Джонни в руки Адамса. Но никак не мог найти подходящего способа.

Джонни с револьвером в руке сидел сзади. Он смотрел, как силуэт «Виллы Понт» исчезал в темноте.

— Мне надо было убить этого человека, — неожиданно произнес он. — Он нам потом оплатит. Я был идиотом, что не свел с ним счеты, когда мог.

Потом внимательно посмотрел на Кена, освещенного бледным светом луны, и спросил:

— А кто вы такой? Вы появились очень вовремя!

— Меня зовут Холанд, — ответил Кен. — Мне сказали, что в случае неприятностей можно обратиться к Таксу. Мне было необходимо надежное убежище. Подплыв к судну и услышав разговор двух мужчин о том, что вас хотят убить, я подумал, что вы нуждаетесь в помощи, и кинулся к вам.

— Тут нечего говорить. Вы пришли в самый раз, но вы не знаете, в какое положение вы себя поставили. Такс никогда вас не забудет. Я хочу покинуть город, и вы должны мне помочь и поехать со мной.

— Куда ехать?

— Я знаю одного типа, который одолжит мне машину. Мы уедем в Лос-Анджелес. У меня там друзья.

— Я далеко не уеду, — сказал Кен. — Меня разыскивает полиция.

— Я вас увезу, — сказал Джонни. — можете мне довериться. Вы меня выручили, и я вас выручу. Флики здесь совсем отупели. — Он сунул револьвер в карман брюк. — Подвиньтесь, я возьму одно весло.

Минут через двадцать они причалили к пустынному берегу.

Осторожно причаливая, Кен услышал шум от моторной лодки. Джонни тоже услышал его и, взглядываясь в темноту, сказал:

— Это возвращается Солли. Нам нужно действовать быстро. Эти два подонка кинутся нас искать, а они гораздо опаснее фликов.

Бросив лодку, они направились по тропинке, которая шла от берега.

— Если мы встретимся с фликами, предоставьте это мне, — сказал Джонни.

Через десять минут они достигли того места, откуда Кен взял лодку.

Шоссе казалось пустынным. Игральный зал был погружен в темноту. Единственный свет виднелся наверху Вашингтон-отеля, световая надпись которого то зажигалась, то гасла.

Неожиданно в темноте возник полицейский.

Джонни и Кен сразу же остановились.

— Послушайте, — сказал флик, протягивая свою дубинку по направлению к Кену. — Мне нужно сказать вам два слова.

— Что такое? — спросил Кен, чувствуя, как замирает его сердце.

— Вы отвечаете приметам Кенвая Холанда, разыскиваемого полицией. Вы Холанд?

Кен видел, как Джонни слегка переместился и опустил руку в карман брюк.

— Нет! — крикнул Кен, — только не это!

Агент сделал скачок, но слишком поздно. Шум выстрела нарушил тишину. Кен с ужасом смотрел, как полицейский упал на колено, а потом на землю. Он хотел нагнуться над ним, но Джонни схватил его за руку и увлек в темный переулок.

— Прячьтесь, — прошипел Джонни. — Идите, не будьте идиотом. За нами будут охотиться.

В это время над ними просвистела пуля, выпущенная из револьвера. Кен почувствовал, как пуля пролетела совсем рядом с ним, около его лица, и увидел зашатавшегося Джонни.

— Бегите! — закричал Джонни, восстанавливая равновесие.

Охваченный страхом, Кен бежал со всех ног по переулку позади Джонни, в то время как сзади раздавались полицейские свистки.

Они не пробежали и пятидесяти метров, как Джонни зашатался и упал на руки и колени.

Кен нагнулся над ним.

— Куда вас ранило? — задыхаясь, спросил он.

— В руку, — простонал Джонни. — Я истекаю кровью.

Кен безумно огляделся. Он слышал, как кто-то шумно спускался по металлической лестнице отеля, а вдалеке слышались крики и свистки полицейских. Он попытался поднять Джонни, который тяжело повис на нем.

— Куда ведет этот проход? — спросил Кен.

— Не знаю. Оставьте меня. Они могут появиться каждую минуту.

— Нет.

Кену очень хотелось удрать, но он не мог себе позволить бросить Джонни потому, что тот нужен был Адамсу.

Он прислонил Джонни к стене около двери ветхого домика. Неожиданно эта дверь отворилась, и на пороге появилась женская фигура.

— Входите, быстрее! — тихо сказала она.

Кен услышал глухой шум шагов. Он больше не колебался. Схватив Джонни, он потащил его через порог, а девушка заперла дверь на ключ и задвинула засов. Почти сразу же кто-то быстро пробежал мимо.

— Он ранен? — спросила девушка.

— Пуля в руке.

— Оставляйтесь здесь. Я принесу лампу.

— Женщины — замечательные создания, — прошептал Джонни. — Каждый раз, когда я нахожусь в затруднительном положении, они оказываются рядом, чтобы вытащить меня, — он еще тяжелее оперся на Кена. — Мне плохо. Мне кажется, что я подыхаю.

Он упал и растянулся на полу, по чистой случайности не увлекая за собой Кена.

Девушка спустилась по лестнице с крутыми ступеньками, держа над головой зажженную свечу.

— Мне кажется, он потерял сознание, — сказал Кен.

— Вы сможете его поднять? Моя комната наверху.

Кен с трудом взвалил Джонни себе на плечи и, шатаясь, поднялся по лестнице вслед за девушкой.

— Положите его на кровать.

Когда, уложив Джонни на кровать, Кен обернулся, чтобы посмотреть на девушку, то, к своему великому удивлению, узнал в ней служашую из зала игр.

— Послушайте, мой красавец, — с улыбкой сказала она. — Ваши неприятности еще не кончились, как я вижу! — она протянула ему лампу.

— Подержите, пока я взгляну на него.

Она быстро разрезала рукав пиджака и рубашки. Кену стало нехорошо при виде крови и разорванных мышц.

— Могло быть и хуже, — сказала она. — Необходимо остановить кровь.

С совершеннейшим спокойствием она наполнила чашу водой, взяла из шкафа полотенце и вернулась к кровати. Она очень быстро остановила кровотечение и перевязала руку Джонни.

— Вот дело и сделано, — сказала она, убирая запачканное кровью белье. — Теперь он почувствует себя лучше.

Кен поставил лампу на стол. Пока девушка ухаживала за Джонни, он прислушивался к далеким свисткам полиции, к крикам, к завыванию сирен и догадался, что полиция окружает этот квартал.

Ему было необходимо предупредить Адамса.

Когда девушка все убрала, он спросил ее:

— У вас здесь есть телефон? Мне необходимо кое-кому позвонить.

— Вы соображаете, где находитесь? — раздраженно спросила она. — В конце переулочка есть телефонная будка, но я не советую вам выходить.

— Мне нужно увести дружка. Если его найдут у вас, вам могут доставить немало огорчений.

Девушка засмеялась.

— Не будьте ребенком, красавчик! — ответила она. — Неприятности, только они у меня и есть!

— Но послушайте! Он стрелял в полицейского и, возможно, убил его.

— Ну и что? Мой брат убил двоих фликов. Это правильно: око за око, зуб за зуб. Будьте спокойны. Снаружи, как на пожаре. Садитесь, я сварю вам кофе.

Кен сел, озабоченный создавшейся ситуацией. Пока она готовила кофе, он прислушивался к шуму снаружи.

— Они, безусловно, придут сюда, — сказал он, ерзая на стуле. — Они начнут шарить по домам.

— Довольно! — нетерпеливо проговорила она. — Они еще здесь.

Прячась в тени, Свитинг наблюдал за ночным сторожем в Маддокс Курт, который небрежно перелистывал журнал. Если служащий его заметит, он не позволит ему подняться, а если он скажет, чтобы о нем доложили Гилде, она не примет его в такой час.

Прижимая Лео к себе, он с поразительным терпением более двадцати минут ждал удобного случая в тени колонны.

Наконец дежурный посмотрел на часы, бросил свой журнал и убрался в помещение рядом с холлом.

Быстро, как молния, Свитинг толкнул дверь, бесшумно промчался через холл, покрытый ковром. Прыгая через несколько ступенек, он поднялся по лестнице и исчез за поворотом в тот момент, когда дежурный выходил из комнаты в холл.

Свитинг подождал, прислушиваясь. Потом, не услышав сигнала тревоги, стал продолжать подъем по лестнице.

Было без десяти минут двенадцать, когда он достиг шестого этажа и позвонил у двери с номером 45. Через несколько секунд Гилда открыла ему дверь. Она попыталась закрыть дверь, но Свитинг, наученный долгим опытом, успел просунуть в дверь ногу.

— Не беспокойтесь, мисс Дорман! — проговорил он с вежливой улыбкой. — Я приехал по поводу Мориса Варда и вашего брата.

Он с удовольствием увидел, что она побледнела. А испуганная женщина легко соглашается на все.

— Меня зовут Рафаэл Свитинг, Я друг Джонни, — сказал он.

— Я не могу вас сейчас принять. Уходите!

Свитинг улыбнулся.

— Я не хотел бы противоречить вам, мисс Дорман, но я уверен, что сведения, которые я вам принес, очень важные.

— Какие сведения?

— Это касается вашего брата.

После секундного колебания она отстранилась, чтобы дать ему пройти. Свитинг последовал за ней в роскошно обставленную комнату. Он снял шляпу и сел в кресло. Лео поместился у него на коленях.

— Что вы от меня хотите? — спросила она.

— У меня есть сведения относительно вашего брата, которые я хочу продать.

— Вы собираетесь «заставить меня петь»? — спросила она, открывая серебряный портсигар и доставая оттуда сигарету.

— Это нельзя назвать шантажом. Мои сведения стоят пятьсот долларов.

— Вы воображаете, что я держу такие деньги у себя дома? — презрительно проговорила она.

— А почему бы и нет? У вас все признаки большого богатства, и для вас это небольшая сумма. Но если у вас их нет, вы можете дать мне какую-нибудь драгоценность, которую завтра обменяете на деньги.

— Посмотрим, что это за сведения, — сказала она.

Свитинг довольно улыбнулся.

— Ведь не думаете же вы, что я так вам все и выложу, не получив предварительно денег или драгоценность? Женщины не держат слова, я знаю их повадки.

— Ладно! Тем не менее я хочу знать, что это такое. Подождите минутку!

В ее спокойствии было что-то такое, что заставило Свитинга забеспокоиться.

Она пошла в соседнюю комнату в то время, как Свитинг прикладывал носовой платок к больному глазу.

Разве его техника стала хуже прежней. У него не встречалось никогда особых затруднений, как теперь. Даже Холанд вышвырнул его за дверь в порыве ярости, а теперь эта девица так говорит с ним!

Но когда Лео соскочил с колен хозяина, чтобы устроиться на диване, Свитинг понял, что совершенно проиграл партию.

Он быстро посмотрел поверх плеча. Гилда, стоя на пороге своей спальни, наставила на него автоматический «кольт-38».

Оледнев при виде револьвера, Свитинг, страшно боявшийся огнестрельного оружия, опрокинулся назад в своем кресле.

Гилда подошла и встала перед ним.

— Что это за такие сведения? Если вы мне не скажете, я выстрелю вам в ногу и скажу ночному сторожу, что вы ворвались ко мне. Что вы знаете о моем брате?

— Осторожнее! — сказал он дрожащим голосом. — Ваш револьвер может выстрелить. Положите его!

— Вы будете говорить? — спросила она голосом, который прозвучал, как свист бича.

— Ну, так вот. Дейтенант Адамс приходил сегодня вечером ко мне, — начал Свитинг, прижимаясь к спинке кресла, чтобы отдалиться от револьвера, который она держала в двадцати сантиметрах от его глаза. — Он уверял, что это Джонни убил Фей Карсон. Я ему сказал, что он ошибается и что Морис Вард нанес удар.

Гилда выпрямилась.

— Почему вы это сделали?

— Потому, что Вард приходил к Фей Карсон накануне дня убийства, и я слышал его угрозы.

— И вы рассказали об этом Адамсу?

— Да. Я не хотел, чтобы у Джонни были неприятности. Я симпатизирую ему, и без меня Адамс считал бы его убийцей.

— И вы считаете, что это стоит пятьсот долларов?

Свитинг провел языком по губам.

— Я предоставлю это решить вам. Джонни ваш брат, и я спас ему жизнь.

Она с отвращением посмотрела на него, но, к его большому облегчению, отодвинулась от него.

— Я думал, что вам будет интересно узнать, что Вард вернулся. Но, быть может, вы уже это знаете?

Она смотрела на него своими большими зелеными глазами.

— Я этого не знала, и меня это не интересует.

Она открыла ящик и достала из него пачку денег, из которых отделила две банкноты по пять долларов.

— Возьмите это! Ваши сведения большего не стоят. А теперь убирайтесь.

Свитинг с трудом поднялся и дрожащей рукой взял брошенные ему деньги.

— Вы не могли бы дать мне побольше? — простонал он. — Я в ужасном положении.

— Уходите, — сказала она.

Он направился к двери вестибюля и Лео следом за ним, когда раздался звонок в дверь. Свитинг испуганно остановился, уставившись на Гилду.

— Идите за мной! — сухо бросила она, снова наставив на него револьвер. — И поторапливайтесь.

Испуганный мыслью, что револьвер может неожиданно выстрелить, Свитинг поднял Лео на руки и прошел через дверь, которую она открыла и которая выходила в коридор.

Она указала ему на дверь в конце коридора.

— Там служебная лестница — воспользуйтесь ею, чтобы спуститься, и никогда больше не возвращайтесь.

Свитинг направился туда, волоча ноги. Когда он открывал дверь, звонок у входной двери прозвенел снова. Он бросил взгляд из-за плеча. Ему очень хотелось знать, кто этот поздний посетитель.

Под нетерпеливым жестом Гилды он переступил порог и открыл дверь. Там он стал ждать, приложив ухо к двери. Гилда

заперла дверь в коридор, но в кармане его брюк всегда находилась универсальная отмычка. Он сунул ее в замок, открыл дверь, оставив Лео на площадке, тихонько прошел в коридор и прижал ухо к двери, ведущей в салон Гилды.

Не успев войти, О'Бриен заметил, что Гилда чем-то взволнована. Он спросил:

— Что с тобой, дорогая? Ты огорчена чем-то?

— Еще бы! — резко ответила она. — Джонни исчез. Ты знаешь, где он?

— Я только для этого и пришел сюда. Я нашел его у себя, вернувшись домой. Он хотел сделать мне предложение.

— Какое предложение?

— Ты же знаешь Джонни: его интересуют только деньги. Он просил меня оплатить его поездку в Европу.

— Сеан! Ты не должен этого делать. Я не хочу, чтобы он тянул из тебя деньги.

— Это уже сделано. По крайней мере, мы избавились от него на некоторое время.

— Как так? Он уже уехал?

— Я проводил его в аэропорт. Мне пришлось здорово потрудиться, чтобы достать ему место в самолете.

— Как это он уехал, не попрощавшись со мной? — спросила Гилда, недоверчиво глядя на него.

— У него не было времени заезжать сюда. Он написал тебе письмо.

Он вынул из бумажника конверт и протянул его Гилде.

— Он хотел позвонить тебе по телефону, но все телефонные кабины в аэропорту были заняты. Вот он и написал тебе.

— Я бы хотела пожелать ему доброго пути, Сеан.

— Не думай больше о нем, дорогая. Он не вернется сюда раньше определенного времени. А мы поженимся. Я думаю, что все будет готово к концу недели.

Лицо Гилды прояснилось.

— Когда ты захочешь, Сеан.

Он встал.

— Хорошо. Ложись спать и ни о чем не беспокойся. Я позвоню тебе завтра утром.

Свитинг слушал этот разговор с живейшим интересом. Итак, Джонни удрал, а Гилда собирается выйти замуж. Кто мог быть этот тип? Она называет его Сеан? Сеан О'Бриен? Ему очень хотелось приоткрыть дверь и бросить взгляд на визитера Гилды, но он боялся рисковать.

Он слышал разговор на площадке лестницы, потом входная дверь закрылась. Гилда прошла через салон в спальню и закрылась там.

Свитинг вздохнул. Нужно было уходить. Во всяком случае он располагал десятком ^цдолларами, которые он заплатит за свое жилище. Но когда он заплатит, у него ничего больше не останется. Он вдруг почувствовал себя очень голодным. Он весь день ничего не ел, и Лео тоже не будет отказываться, если ему что-нибудь перепадет на зубок.

Крадучись, он прошел по коридору до кухни, повернул ручку двери, нашел выключатель и включил свет.

Он увидел перед собой огромный холодильник, и голодный огонек зажегся в его глазах. Осторожно передвигаясь по блестящему полу, он нажал на ручку холодильника и потянул к себе. Дверца отворилась. Он не мог удержаться от вопля ужаса, отскочил назад и остановился, дрожа всеми членами.

Внутри холодильника находился скрюченный, с окровавленным лицом и губами, искаженными в смертельной гримасе, Морис Вард.

Глава 9

Моторная лодка стремительно неслась к берегу, оставляя позади себя длинный белый след.

Такс сидел сзади, Солли держал руль. Впервые за многие годы Таксу было страшно. Приказ, который отдал ему его хозяин, не был выполнен, а он знал, что О'Бриен не выносит таких вещей.

Такс облизнул губы. У него был еще один шанс исправить свою ошибку: ему было необходимо найти Джонни, уничтожить его, заставить его тело исчезнуть так, чтобы О'Бриен и не узнал о его бегстве.

— Что там такое происходит? — закричал он таким громким голосом, что перекрыл шум мотора.

Солли повернул к нему свою голову.

— Кажется, облава. На набережной стоит полицейский фургон.

— Так причаль у мыса. Нельзя, чтобы нас увидели эти парни.

Солли изменил направление движения лодки. Через несколько минут они причалили к пристани.

Они взобрались по лестнице и пошли по набережной.

— Здесь опасно, — сказал Такс, — надо убираться отсюда. Сеч, может быть, скажет нам, что здесь происходит?

Он углубился в улочку, следом за ним Солли. Такс так же хорошо, как собственный корабль, знал всю топографию местности, окружающую пристань. Но он был удивлен при виде того, что некоторые проходы охранялись фликами.

После того, как они перелезли через одну стену и прошли внутренними дворами, они подошли к служебному входу отеля «Вашингтон».

Кутлер вернулся в конторку. Он курил и все время смотрел в окно, выходящее на набережную.

Он вздрогнул, увидев входящего Такса.

— Что тут произошло? — спросил Такс.

— Джонни Дорман спустил флика.

— Что?.. Он его убил?

— Ты когда-нибудь видел, чтобы Джонни сделал что-нибудь путное, — усмехнулся Кутлер. — С фликом ничего не случилось, он просто умер от страха.

— Откуда ты знаешь, что это был он?

— Я видел эту битву сверху. Сюда приходил Адамс искать Мориса Варда, и мы с ним находились на платформе, когда я заметил на берегу Джонни с другим типом. Пока флик обращался к его товарищу, Джонни вынул револьвер.

— Они его поймали? — быстро спросил Такс.

— Еще нет, но не замедлят это сделать. Адамс вытащил свой револьвер и ранил Джонни. Я его толкнул, чтобы помешать выстрелить во второй раз.

— Мне необходимо найти Джонни.

— Ну, что ж! Ты не один его ищешь. Район кишит фликами. Я никогда не думал, что их столько.

— Куда он пошел? — проворчал Такс.

— Он укрылся у Розы Литл.

— Роза Литл? Кто это?

— Девочка из квартала, которая работает в Кермоссе и занимается проституцией в свободное время.

— Откуда ты знаешь, что он там?

— Я видел, как она открыла им дверь. Если бы Адамс так не торопился спуститься с лестницы, он это увидел бы так же, как и я.

— А как туда попасть?

— Об этом не может быть и речи! Квартал окружен со всех сторон.

— Я сейчас вернусь, — сказал Такс и отошел, чтобы свистком вызвать Солли.

Когда быстро и бесшумно подошел Солли, Такс тихо сказал ему:

— Я знаю, где он. Теперь его надо накрыть.

Оба подошли к Кутлеру.

— Мы пойдем посмотрим, что можно сделать. Иди и покажи нам, где это.

Кутлер пожал плечами.

— Как хотите, но это бесполезно. Флики уже все организовали.

Все трое вошли в кабину лифта, который медленно, со страшным скрежетом пополз на верхний этаж.

— Чего ты не заменишь свой старый подъемник? Он же совсем допотопный! — сказал Такс, когда кабина, протяжно скрипнув, остановилась.

— Это совершенно верно, — заявил Кутлер, — но другого нет, а я предпочту подохнуть, чем два раза в одну ночь подниматься по лестнице.

Он зажег в коридоре свет и открыл дверь, выходящую на широкую лестницу.

— Держись в стороне. Даже флику иногда удается метко стрелять.

Такс пополз на четвереньках. Оказавшись на платформе, он лег плашмя на живот. Кутлер расположился рядом с ним.

— Это там внизу, — сказал он, указывая на темный дом справа по улице.

— Хорошо, — тихо ответил Такс. — Возвращайтесь в контору. Солли и я посмотрим, что можно будет сделать.

Всматриваясь в темную улицу, они различили фигуру полицейского, который медленно прохаживался взад и вперед мимо двери, которая их интересовала.

— Хочешь, я пойду и прикончу его? — спросил Солли. — После этого ты сможешь войти.

— Нет, — ответил Такс, — мы сделаем по-другому. Наша единственная возможность — это пробраться туда по крышам. Мы вернемся туда, откуда пришли, пройдем к Дэйву и влезем на его крышу. Это займет некоторое время, но это будет надежнее.

Солли не спорил. Это был человек действия. Он охотно выполнял инструкции.

Джонни открыл глаза, заморгал веками и приподнял голову. Кен, который сидел в другом конце комнаты, встал.

— Я наделал много шума, — сказал Джонни с гримасой боли, немного приподнимаясь. — Моя рука болит. Сколько времени мы здесь?

— Двадцать минут.

— А где девушка?

— Внизу. Она пошла за молоком.

Джонни с болезненным стоном снова упал на подушку.

— Я чувствую себя опустошенным. Что происходит снаружи?

— Судя по шуму, они окружают дом.

— Мне далеко не уйти в таком состоянии. Вы считаете, что мы здесь в безопасности?

— Это меня бы удивило. Они прочешут все дома. Они не сомневаются, что мы прячемся в этом углу.

— Да, — Джонни закрыл глаза. — Вы могли бы убежать, если бы были один.

— Не теперь, по крайней мере.

— Загасите свет и посмотрите в окно.

Кен опустил фитиль лампы, задул пламя и стал отодвигать тяжелую штору.

— Осторожнее! — простонал Джонни.

Кен осторожно приподнял край шторы и быстро взглянул в темноту. Сперва он ничего не увидел, потом разглядел два силуэта, которые держались в тени под окном.

— Там двое снаружи.

Дверь отворилась.

— Что случилось с лампой? — спросила Роза из темноты.

— Я сейчас зажгу ее, — поспешно проговорил Кен. — Я посмотрел в окно. Полиция около дома.

Джонни посмотрел на девушку.

— Как дела? — спросила она, подходя к нему.

— Плохо, — ответил Джонни, сясь улыбнуться. — Спасибо за помощь.

— А чего вы ждете? — спросила она, поворачиваясь к Кену. — Если вы хотите избавиться от них, вам нужно уйти по крышам. Я займусь этим парнем.

Кен не колебался. Если ему удастся удрать, позвонить Адамсу и сообщить ему об убежище Джонни, он разрешит проблему, которая не переставала беспокоить его с момента бегства с «Виллы Понт».

Он повернулся к Джонни.

— Что вы об этом думаете?

— Бегите! — сказал Джонни.

— А вы?

— Вы сделаете для меня кое-что, — сказал Джонни. — Приблизьтесь.

Кен нагнулся над ним.

— Все улицы будут под наблюдением. Вам нужно будет спрятаться. Идите прямо к моей сестре, Маддокс Курт, 45. Она будет держать вас у себя до тех пор, пока все улицы не опустеют от фликов, и все уладится. Скажите ей, что О'Бриен обдурил меня, заставил написать ей письмо, что я уехал в Париж. Расскажите ей о бочке. Я хочу, чтобы она знала, за какого типа собирается замуж. Вы сделаете это для меня?

И видя, что Кен колеблется, добавил:

— Вы от этого ничего не потеряете. Она даст вам монет и поможет выбраться отсюда.

— Хорошо, — без особого энтузиазма ответил Кен. — Я пойду к ней, если смогу.

— Она, быть может, найдет способ вызволить и меня отсюда. Она очень изобретательна. Остерегайтесь, чтобы вас не увидел ночной сторож. — Он жестом руки указал на свой пиджак, висевший на стуле. — Дайте мне мой бумажник.

Кен вынул кожаный бумажник из внутреннего кармана пиджака и протянул его Джонни. Тот вытащил из него старый конверт с адресом.

— У вас есть карандаш?

Кен дал ему ручку, и Джонни что-то написал на обороте конверта.

— Дайте ей это. Она будет знать, что это я вас послал. Кен взял конверт и сунул его себе в карман.

— Желаю удачи! — сказал Джонни. — Я оставлю себе пушку. Мне он, возможно, больше понадобится, чем вам.

Роза проводила Кена по коридору до слухового окна.

— Постарайтесь добраться до кино «Парамаунт». Там вы найдете пожарную лестницу, которая приведет вас к парку машин. Оказавшись там, вы перелезете через стену и очутитесь в проходе, который выходит на Денкс-стрит. Там вы уже выберетесь.

— Спасибо, — сказал тронутый Кен. — Я вам страшно обязан. Если мне удастся спастись, я вас не забуду.

— Вы спасетесь, мой красавчик. Быстрее убегайте! Я позабочусь о вашем дружке.

Он протянул ей руку.

Она слегка засмеялась, глядя на него.

— Вы большой ребенок, мой красавчик, — сказала она, подходя к нему. Она обняла его за шею и поцеловала в губы. — Идите быстрее, Ромео! Вы тратите время.

Он опустил стекло и подтянулся на руках, а затем выглянул наружу. Там не было никакого движения, и он выскользнул на крышу. Сognувшись пополам, он быстро и бесшумно прошел через открытое пространство и притаился в тени трубы. Оттуда он стал изучать топографию крыш, которые простирались перед ним. Некоторые были плоскими, другие с более или менее крутыми скалами.

Выбрав нужное направление, он осторожно покинул свое укрытие и стал перелезать через двухметровую стену, чтобы попасть на соседнюю крышу. Когда он спускался по второй крыше, он услышал справа от себя крик. Он посмотрел в том направлении через плечо и с бьющимся сердцем увидел на другой стороне улицы на балконе мужчину и женщину. Мужчина изо всех сил кричал, показывая на него пальцем.

— Эй! Там на крыше какой-то тип!

Кен быстро соскользнул по скату и с глухим шумом перепрыгнул на другую крышу. Он зашатался, восстанавливая равновесие, в то время как внизу, разрывая тишину ночи, надрывались сирены полицейских машин. Он побежал, но неожиданно остановился перед кирпичной трехметровой стеной.

Шум от его поспешных шагов был услышан внизу, и кто-то стучал в дверь как раз под ним. Пробегаю вдоль стены, Кен наконец обнаружил металлическую лестницу.

— Эй! Там! — кричал голос.

Но Кен не остановился. Он взобрался по лестнице, сдирая кожу с ладоней и коленей. Он достиг верха, когда вдруг раздался выстрел. Осколки черепицы пролетели совсем рядом с ним. Кен снова нырнул в темноту и перелез на другую крышу.

— Там только один! — кричал мужской голос. — Он удаляется направо.

Кен посмотрел назад. Кроме мужчины и женщины, на балконе был еще полицейский. Кен вовремя растянулся на крыше. Пуля, выпущенная агентом, пролетела на двадцать сантиметров выше его головы. Не покидая тени, он побежал, в отчаянии надеясь укрыться за трубами. Снова раздался выстрел, но в другом направлении, и Кен не услышал даже свиста пули. Под прикрытием нескольких труб он присел, чтобы перевести дух.

Кинотеатр был еще далеко. Теперь он не надеялся его достигнуть. Плохо или хорошо, но он должен был спуститься вниз и попытаться счастье на улицах.

Сзади него послышался шум. Кен посмотрел между трубами и увидел выделяющиеся на фоне неба четыре фигуры, которые осторожно двигались в его направлении. Их разделяло четыре крыши, но они двигались быстро. Разглядев скобы, которые вели к односкатной крыше, он стал быстро спускаться по ним. Вскоре он увидел слуховое окно и приблизился к нему, подняв стекло, но ничего внутри рассмотреть не смог. Шаги его преследователей приближались. Кен стал на край окна, спустил ноги и осторожно соскользнул внутрь, закрыл за собой окно на задвижку.

Когда он немного отдышался, он услышал перестрелку, крик, потом опять выстрелы. Ему показалось, что полицейские стреляли друг в друга. Он прижался к стене, парализованный страхом. До него донесся возглас:

— Там их двое, около трубы! Я их вижу.

Снова залаяли револьверы крупного калибра.

Ошеломленный, Кен чиркнул спичкой и быстро огляделся. Он находился на пыльном чердаке, полном всякого хлама. Он быстро прошел к двери, вышел из дома и проскользнул в маленькую темную улочку.

Такс и Солли старались добраться по крышам до слухового окна Розы. Им пришлось пережить несколько опасных минут, прежде чем попасть на крышу, но теперь они чувствовали себя свободными.

Неожиданно Солли схватил за руку Такса.

— Посмотри туда, — сказал он, указывая на тень, которая двигалась по крыше на некотором расстоянии от них.

— Здесь кто-то есть, — прошептал Такс. Он достал свой револьвер 45-го калибра из кармана, и они остановились.

Силуэт на соседней крыше стал красться вдоль стены.

— Ты думаешь, что это Джонни? — спросил Солли.

— Джонни ранен. Это, вероятно, другой, — сказал Такс. — Он может убираться. Мне нужен Джонни.

Они видели, как человек перелез через другую крышу.

Мужской голос раздался в тишине ночи, и Такс выругался.

— Флики сейчас появятся, торопись! Мне нужно пристукнуть Джонни, — сказал Такс.

Низко пригнувшись, он быстро пересек незащищенное место и спустился на соседнюю крышу. Солли следовал за ним.

Послышался выстрел.

Через четыре крыши отсюда видно было слуховое окно Розы.

— Флики,— прошептал Солли, проскользнув за трубы. Такс после секундного колебания последовал за ним.

В то время как они, сложившись пополам, продвигались в тени, они увидели, как четыре полицейских вылезли из ближайшего к ним чердачного окна. Полицейские разделились и настороженно и внимательно стали продвигаться вперед.

— Они идут прямо на нас,— прошептал Такс.

Солли достал из кармана пиджака свой «кольт» 38-го калибра.

— Да-а... Нужно их пристукнуть раньше, чем они пристукнут нас. Я возьму того, с правого края, а ты левого.

Оба выстрелили. Два агента упали, а двое других упали плашмя и стали стрелять по ним.

Флик на балконе орал:

— Там двое около большой трубы. Я их вижу.

Такс, резко обернувшись, поднял револьвер и выстрелил. Флик на балконе зашатался и упал на перила, а через секунду полетел вниз головой на улицу.

Такс почувствовал удар и жгучую боль в руке. Снова раздался выстрел. Он с проклятием выронил револьвер и схватился за запястье. Солли все время стрелял. Один из агентов подпрыгнул и схватился за бок.

— Спусти другого,— сказал Такс, подбирая револьвер левой рукой.

Солли и агент выстрелили одновременно. Агент вздрогнул, пробежал несколько шагов и осел.

Такс почувствовал, как Солли дернулся, когда пуля полицейского вонзилась в его тело. Солли издал хриплый стон и выронил оружие.

Такс не пытался узнать, серьезное ли у него ранение, ему нужно было найти Джонни. Он истекал кровью и с каждой минутой боль усиливалась. Его раненая рука беспомощно висела, но тем не менее он стал продвигаться дальше. Несмотря на все предосторожности, он потерял равновесие и тяжело упал на соседнюю крышу. Он потерял сознание на несколько секунд. Потом, едва придя в себя, он встал и, шатаясь, направился к чердачному окну Розы.

Один полицейский, которого он не видел и который вышел из-за трубы, бросился к нему, крича:

— Руки вверх!

Такс пошатнулся и выстрелил, держа револьвер на высоте бедра.

Агент закачался, упал на одно колено и выстрелил в Такса, попав ему в живот. Такс еще раз разрядил свой пистолет, и агент упал замертво.

Тогда Такс согнулся вдвое и отступил. Он сделал неверный шаг, пошатнулся и с треском провалился в какое-то окно, оказавшись в темном коридоре.

Джонни и Роза слышали перестрелку. Роза прислонилась к стене с бледным лицом и расширенными от страха глазами. Джонни, сидя на краю кровати с перекошенным лицом, держал на коленях оружие.

— Ему не удалось уйти. Это моя вина, — с ужасом в голосе говорила Роза. — Они убьют его.

— Закройся! — закричал Джонни. — Дай мне послушать. Над ними раздались еще новые выстрелы.

— Я не знал, что у него есть петарда, — сказал Джонни.

— Можно подумать, что это стреляют двое.

— Это верно...

Два револьвера. Джонни сразу же подумал о Таксе и Солли. Они могли, бог знает, каким образом узнать об этом убежище и встретиться по дороге с фликами.

Ему удалось слезть с кровати и с трудом встать на ноги.

— Мне надо уходить, — дрожащим голосом проговорил он.

— Вы не можете сейчас уйти, — сказала Роза. — Послушайте-ка...

Неожиданно послышался звон разбитого стекла и шум от падения тяжелого тела. И все это совсем рядом, за дверь.

Джонни вздрогнул, зашатался и растянулся на полу.

— Кто это такой? — прошептала Роза, прижимая руку ко рту.

— Кто-то вошел, — с ужасом прошептал в ответ Джонни. — Загаси лампу.

Роза подбежала к столу, опустила фитиль и задула лампу. Она остановилась в темноте, дрожа от страха, так как слышала, что кто-то полз по коридору.

— Закрой дверь на ключ, — бросил ей Джонни.

Она подпрыгнула к двери, стала нащупывать ключ, но в это время дверь стала отворяться. Резкий крик сорвался с ее губ.

Она навалилась на дверь всей тяжестью, но что-то мешало ей. Она протянула руку, шаря в темноте, и холодные пальцы замкнулись как клещи на ее запястье. Она дико закричала, стараясь освободиться, но сила ледяных пальцев не уменьшалась.

Джонни встал на четвереньки, но оставался по-прежнему неподвижен. По лицу его струился холодный пот.

Роза, которую кто-то пытался впихнуть внутрь комнаты, размахнулась, и ее кулак ударил по лицу неизвестного.

Мужской голос выругался. Роза была подтянута резким рывком и упала на человека, лежащего на полу. Такс выпустил ее руку и обхватил ее ногой, прижав к себе.

У него была только одна рука, но этого ему было достаточно. Не обращая внимания на удары, которые сыпались на его лицо,

он схватил девушку за горло и изо всех сил нажал на сонную артерию, перехватив ее дыхание.

Джонни, пригвожденный к полу, с ужасом слушал эти приглушенные звуки, которые раздавались в темноте.

Тело девушки замерло около Такса. Кровь, которая текла из ее рта, облила руку убийцы. Он с силой оттолкнул Розу, взял револьвер и насторожился, задыхаясь и стараясь разглядеть Джонни в темноте.

Джонни слышал тяжелое дыхание Такса. Он находился в метре от него, но был слишком парализован страхом, боялся стрелять. Он знал, что если промахнется, то он пропадет.

Такс чувствовал боль в животе, как будто его жгли раскаленным железом. Он знал, что его хватит ненадолго.

— Ты тут, Джонни, — прошептал он, держа наготове «сорок пятый» и прислушиваясь.

Джонни задержал дыхание. Холодный пот заливал ему глаза, и сердце билось с такой силой, что с каждым ударом он боялся потерять сознание.

Тяжелые шаги раздались в коридоре, оповещая о прибытии полиции.

Джонни знал методы полиции. Он знал, что они откроют дверь резким ударом ноги и начнут поливать пулями комнату, пока всех не убьют. И тогда он потерял контроль над своими действиями.

— Осторожнее! — закричал он. — Не стреляйте.

«Сорок пятый» Такса выстрелил, и пуля попала Джонни в лоб, выбив у него мозги.

Такс повернулся к двери, но у него уже не хватило сил поднять свое оружие, и шквальный огонь автоматов раздробил его грудь.

Глава 10

После того, как ему удалось убежать, пробираясь по внутренним дворам, от полицейских, контролирующих все входы и выходы улиц, Кен наконец оказался вдалеке от места облавы.

Из телефонной кабины какого-то кафе он позвонил в управление полиции, но Адамс отсутствовал. Он подумал, что тот, вероятно, наблюдает за операцией около реки, и решил прямо направиться на Маддокс Курт, но предварительно он позвонил по телефону. Но там тоже никого не было. Тогда он снова позвонил в полицию.

Дежурный сержант был явно не в настроении.

— Я не знаю, когда он вернется. Вы можете оставить для него извещение.

Кен немного подумал.

— Да, скажите ему, что особа, которую он оставил у себя,

теперь находится на Маддокс Курт, 45. Он поймет, что я хочу этим сказать.

— Хорошо, — равнодушно сказал сержант и повесил трубку.

Кен вышел из кафе и потратил десять минут, чтобы попасть на Маддокс Курт. Ночного сторожа не было в холле. Кен прошел через дверь и устремился вверх по лестнице.

Дойдя до двери квартиры Гилды, он посмотрел на часы: было без двадцати минут час. Ему хотелось знать, легла ли молодая женщина спать и, если уже легла, то не позовет ли она ночного сторожа, чтобы выбросить его вон.

Он нажал на кнопку звонка и стал ждать. Вскоре он услышал шум шагов по другую сторону двери, и высокий голос строго спросил:

— Кто там?

— Я принес известие от вашего брата, — ответил Кен. Он вытащил из кармана конверт, который ему дал Джонни, и просунул его под дверь.

Наступило молчание, потом дверь широко распахнулась. Перед ним стояла высокая блондинка, которую он видел в тот злополучный вечер в «Голубой Розе». На ней была красная блузка и черные брюки.

— Что это значит? Что случилось с Джонни? — спросила она.

— У него неприятности. Он просил меня пойти к вам.

Кен не знал, узнала ли она его. Она невозмутимо стояла в стороне.

— Входите!

Он проследовал за ней в салон.

— Садитесь, — резко сказала она. — Что это за история?

— Полиция разыскивает вашего брата. Он стрелял в полицейского.

— В полицейского? — повторила Гилда с вытянутым лицом. — Он его не убил?

— Ваш брат ранен в руку.

— Расскажите мне, что произошло, — нетерпеливо проговорила она.

Пока он рассказывал, она с удивлением смотрела на него, потом, сжимая грязный конверт, который ей дал Кен, спросила:

— Как вы получили это?

— Это дал мне ваш брат. Он подумал, что тогда вы поверите, что я пришел от него.

— Он написал, чтобы я помогла вам, и не пишет о том, что ранен.

— Ему было трудно писать, у него очень болит рука.

Она посмотрела на него с недоверием и неприязнью.

— А вас не удивило бы известие о том, что мой брат в настоящее время находится в самолете, летящем в Париж?

— Это ложь. О'Бриен хотел его убить. Он заставил вашего

брата написать вам письмо, чтобы убедить, что он уехал в Париж.

— Что дальше, тем сложнее, вы не находите? — спросила она, подходя к буфету. — И вы собираетесь заставить меня поверить, что Сеан О'Бриен хотел смерти Джонни?

— Я понимаю, что это кажется невероятным, — сказал Кен, огорченный недоверием Гилды, — но если я вам все расскажу...

— Это бесполезно, — сказала она, открывая ящик буфета. Она сунула туда руку и повернулась, наставляя на Кена револьвер:

— Не двигайтесь! Вы лжете. Я знаю, кто вы. Вы тот человек, которого разыскивает полиция. Вы убийца Фей Карсон.

В тот момент, когда О'Бриен вошел к себе в салон, раздался телефонный звонок.

— Снимите трубку, — сказал он Солливану и направился к бару, чтобы налить себе виски.

— Солливан снял трубку, послушал, сделал гримасу и повернулся к О'Бриену, который уже пил виски.

— Это капитан Монтли. Вы поговорите с ним, патрон?

О'Бриен допил виски и подошел к телефону.

— Что произошло? — спросил он.

— История, которая может наделать много шума. Джонни Дорман позволил себе стрелять.

О'Бриен выпрямился и переменился в лице.

— Рассказывайте!

— Один из моих людей, который искал Холанда, увидел его с Джонни Дорманом.

— Но нет, это невозможно. Он не мог быть вместе с Джонни.

Он замолчал, ничего не понимая.

— Это был действительно Джонни, — уверял Монтли. — Агент хотел задержать Холанда, а Дорман выстрелил в него. Холанд и Дорман скрылись в одном доме около набережной. Адамс велел окружить район, а Холанд удрал по крышам. Адамс бросил в погоню за ним своих людей, а те напали на Такса и Солли.

О'Бриен чуть не выронил трубку.

— Что?!!

— Не спрашивайте меня, что они делали, — сказал Монтли. — Эти дураки открыли огонь. Они убили у меня пять человек. Такс проник в дом, в котором находился Дорман, и спустил его до нашего прихода.

— А что случилось с Таксом? — с дрожью спросил О'Бриен.

— Мои люди изрешетили его.

Значит, Такс проморгал, и Джонни удалось бежать с «Виллы Понт»! Что скажет Гилда, когда прочтет завтрашние утренние газеты?

— Холанд удрал, — продолжал Монтли. — Мы его продолжаем искать. Газетчики у нас в лапах.

— Поймайте Холанда. Вы слышите?! — заорал О'Бриен. — Это приказ!

Он резко повесил трубку и вышел в холл, где его ждал Солливан.

— Я уйду, — сказал О'Бриен. — Подождите меня здесь.

Он вывел из гаража «кадиллак» и направился к Маддокс Курт. В течение десяти минут езды он все обдумал. Он объяснит Гилде, что самолет из-за поломки мотора был вынужден вернуться и что Джонни снова в городе. Какой это будет для нее удар!

Он сел в лифт, поднялся наверх и позвонил.

Через несколько секунд голос Гилды спросил через дверь:

— Кто там?

— Сеан. Отвори, малышка.

Она открыла дверь. Он был удивлен, видя, как она повернулась к нему спиной, чтобы, казалось, наблюдать за открытой дверью в салон. В руках у нее был револьвер.

— Что происходит?

В салоне он увидел мужчину, сидящего в кресле с бледным лицом, со страхом смотрящего на него.

— Грабитель? — спросил О'Бриен. — Дай мне ствол.

Он взял револьвер из рук Гилды и прошел в салон.

— Это тот человек, который убил Фей Карсон, — с придыханием проговорила Гилда. — Он пришел сюда.

О'Бриен напрягся.

— Вы Холанд? — резко спросил он.

— Да, — ответил Кен, — но я не убивал ее.

— Вот как?! — спросил О'Бриен. — А что вы здесь делаете?

— У него, вероятно, помутились мозги. Он пришел сюда с мыслью, что я помогу спастись ему. Он уверяет, что Джонни стрелял в полицейского и что он ранен. Он сказал, что ты хотел убить Джонни и что он спас ему жизнь.

— Какая ерунда! — сказал О'Бриен. — Вызови полицию, — сказал он, указывая на телефон. — Они будут в восторге увидеть вас, Холанд.

— Подождите, — сказал Кен Гилде. — Попробуйте поверить мне. Я слышал, как этот человек...

— Заткни свою пасть! — закричал О'Бриен, угрожая ему револьвером. — Если ты ее раскроешь, я тебя спущу.

Он повернулся к Гилде и произнес:

— Вызови Монтли, он займется им.

Она подошла к телефону, но в этот момент у входной двери раздался звонок. Гилда вопросительно посмотрела на О'Бриена.

— Ты кого-нибудь ждешь? — спросил он. В это время опять зазвонили.

— Нет.

— Возьми револьвер и посторожи этого типа. Я*посмотрю, кто там.

Он отдал ей оружие и пошел открывать дверь. Лейтенант Адамс стоял у порога, опустив руки в карманы. Его лицо не выразило никакого удивления при виде О'Бриена, хотя он очень удивился.

— Что вы пришли сюда вынюхивать? — проворчал О'Бриен.

— Холанд здесь, не так ли? — тихо спросил Адамс.

— Откуда вы знаете?

— Мне передали об этом.

— Входите и заберите его, — сказал О'Бриен, пропуская его вперед.

Адамс прошел в салон, заметил в руках Гилды оружие и заговорщически подмигнул Кену.

— Вот человек, который убил Фей Карсон, — заявил О'Бриен. — Вы должны арестовать его и увезти.

Адамс покачал головой.

— Это не убийца, — сказал он.

— Но ведь я вам сказал, что это он! — запальчиво повторил О'Бриен. — У начальника полиции имеются все доказательства. Бесполезно спорить дальше. Арестуйте его и увезите.

— Начальник получил сведения от сержанта Донована, который, как известно, слабо соображает, — сказал Адамс, глядя на Гилду, которая положила револьвер на буфет.

— Если Холанд оправдается, меня это не касается. Я вам приказываю задержать этого человека.

— Но он не виновен. Мне тоже поручили произвести следствие, и я вел его независимо от других. Я получил другой результат. Этот человек не виновен.

— Вы мне скажете, что это Дорман убил ее, не так ли? — злобно спросил О'Бриен.

— Нет. Это не он.

О'Бриен сделал нетерпеливый жест.

— Кто же тогда?

— Это целая история. Факты...

— Я не могу его слушать, — сказала Гилда. — Сеан, пусть он уйдет и уведет этого человека. Я устала и хочу лечь спать.

— Но, между тем, это должно вас интересовать, мисс Дорман, — сказал Адамс, не давая О'Бриену вставить слово. — Фей Карсон была убита, потому что вы были замужем за Морисом Вардом. Это не может вас не интересовать.

— Что вы говорите!? Замужем за Морисом Вардом? — повторил О'Бриен с покрасневшим лицом.

Гилда повернулась к нему.

— Он лжет, Сеан, не слушай его. Пусть он уйдет.

— Вы не можете этого отрицать, мисс Дорман, — продолжал Адамс, сядя рядом с Кеном. — Я получил подтверждение из Лос-Анджелеса десять минут назад. Вы прожили с ним четыре месяца, потом бросили его. Это зарегистрировано в гражданском суде.

Гилда сделала усилие, чтобы взять себя в руки, пожала плечами и отвернулась.

— Хорошо, — хриплым голосом проговорила она, — это есть в регистрационных книгах. Но это не ваше дело.

— Напротив, — сказал Адамс, скрестив ноги. — Ваше замужество объясняет убийство Фей Карсон.

— Не верь ему, Сеан, он выдумывает.

— Думайте о ваших словах, — проговорил О'Бриен.

— Я смогу представить доказательства того, что я сказал, завтра утром, — заявил, не смущаясь, Адамс.

О'Бриен подошел к Гилде, взял ее за руку и впился взглядом в ее лицо.

— Ты замужем за Вардом?

Она заколебалась, потом, пожав плечами, произнесла:

— Да. Я огорчена, Сеан. Я должна была сказать тебе об этом. Я потребую развода. Я сделала глупость, выйдя за него, и я дорого заплатила за это. Мне очень стыдно говорить об этом.

О'Бриен улыбнулся краем губ.

— Не думай больше об этом, все мы совершаем ошибки, — он погладил ее по руке. — Все к лучшему, малышка.

Потом он повернулся к Адамсу.

— Вы сунули свой нос во многие дела, которые вас не касаются. Вы уведете этого Коко и обвините его в убийстве Фей Карсон. Вы все устроите так, чтобы основательно заполнить его досье. И если я обнаружу, что вы противоречите мне, я заставлю вышвырнуть вас из кадров полиции.

Встретив взбешенный взгляд О'Бриена, Адамс потер себе кончик носа.

— Не может быть и речи о том, — сказал он. — Он ее не убивал.

— Тогда, кто же убийца?

— Она, — ответил Адамс, указывая на Гилду.

— Боже мой! — воскликнул О'Бриен. — Вы заплатите мне за это! Я вас...

Но он замер, увидев лицо Гилды. Она была такая бледная.

Ее внимание привлекло что-то. Она прижала руку к горлу. О'Бриен посмотрел в том направлении. На пороге комнаты с глазами, устремленными на нее, сидела рыжая болонка.

Не колеблясь, пес прошел через комнату и остановился перед дверью на кухню. Он стал царапать дверь, визжал и снова царапал.

Гилда закричала пронзительным голосом:

— Уходите! Уходите!

— Гилда! — воскликнул О'Бриен, ошеломленный такой сильной реакцией. — Что с тобой?

Адамс поднялся с кресла, двумя прыжками пересек комнату и открыл дверь на кухню. Пес как стрела влетел туда. Адамс увидел, как он устремился к Свитингу, лежащему на полу в

луже крови. Между лопатками у него торчал нож. Животное остановилось около него, обнюхало его лицо и стало жалобно визжать, а потом забилося под кухонный стол.

Адамс выразительно указал взглядом Кену на дверь, ведущую в вестибюль. Тот встал и прислонился к ней. Он видел, как Гилда сразу же упала на стул с посеревшим лицом.

— Подойдите и посмотрите, — сказал Адамс О'Бриену.

О'Бриен зашел в кухню, ударом ноги перевернул Свитинга и, разглядывая лицо мертвого, спросил:

— Кто это?

Адамс понял, что он был напуган.

— Рафаэл Свитинг, шантажист, — пояснил Адамс, не переставая наблюдать за маневрами пса, который вылез из-под стола и со странной настойчивостью стал обнюхивать холодильник.

Пес встал на задние лапы и с визгом стал царапать дверцу холодильника.

— Ведь не может же он быть там, — пробормотал Адамс, как бы говоря с собой.

— Что вы такое бормочете? — агрессивно спросил О'Бриен.

Адамс взял ручку холодильника и потянул на себя.

О'Бриен не мог сдерживать вопль ужаса, который вырвался у него при виде скрюченного тела Мориса Варда на полу холодильника.

— Черт возьми! А это кто такой?

— Это ее муж, Морис Вард. А я-то думал, куда он подевался?

О'Бриен восстановил свое хладнокровие и вернулся в салон.

— Это не я, Сеан, — сказала ему Гилда. — Я их нашла там. Я тебе клянусь.

Он слегка погладил ее по плечу.

— Не огорчайся, дорогая, я с тобой. — Потом посмотрел на Адамса, прислонившегося к двери кухни, и добавил:

— Займитесь этим тоже.

— Я обвиняю мисс Дорман в тройном убийстве: она убила Фей Карсон, Мориса Варда и Рафаэла Свитинга, — произнес Адамс. — Мы детально разберемся в этом в бригаде.

— Мы разберемся в этом здесь и немедленно, — коротко заявил О'Бриен. — Мисс Дорман настаивает на своей невинности. А у вас нет доказательств.

— У меня достаточно доказательств, чтобы обвинить ее в убийстве Карсон.

— Какие у вас доказательства?

— В этом деле у нее не было кажущейся причины для убийства. Сперва я думал, что виновным был Дорман. У него не очень крепкая голова, и он угрожал смертью жертве. Но я понял, что это не мог быть он, так как он находился недалеко от «Голубой Розы» в момент выхода оттуда Фей Карсон и Хо-

ланда. И так как он не знал ее адреса, то не мог опередить ее и оказаться раньше в ее квартире. Я узнал также, что Морис Вард угрожал Фей Карсон. Я был у него и обнаружил в его комнате полный хаос. Мебель была перевернута и обшарена. И я понял, что искали какой-то документ, может быть, свадебное свидетельство. Я затребовал из Лос-Анджелеса все сведения о Морисе Варде, и тогда я узнал, что он женился на мисс Дорман тринадцать месяцев тому назад.

Адамс ходил взад и вперед по комнате, держа руки в карманах. О'Бриен смотрел на него с жестким выражением лица.

— Мне сказали, что мисс Дорман собирается выйти замуж за вас. Для нее вы прекрасная партия. Я подумал, не попыталась ли Фей Карсон, извещенная Морисом Вардом о его женитьбе, отомстить мисс Дорман, с которой у нее были старые счеты. Я стал проверять алиби мисс Дорман в ночь преступления. Ее видели покидающей «Голубую Розу» за полчаса до ухода оттуда Фей Карсон и Холанда. Проживая раньше с Фей, она знала ее привычку оставлять ключ под ковриком у двери. Благодаря этому, она вошла в квартиру, так как замок не был взломан. Здешний служащий сказал мне, что она вернулась домой в два часа. Требуется только двадцать минут, чтобы оттуда добраться сюда. А теперь сами сделайте заключение. Кроме того, сторож сказал мне, что Вард поднимался к мисс Дорман после девяти часов вечера и что он не видел его выходящим. Она не упустила возможности отделаться от Варда. За это время она убила его и затиснула в холодильник. Возможно, Вард сказал ей, что Фей в курсе дела. Мисс Дорман ходила к нему, чтобы найти брачное свидетельство. Она его нашла и уничтожила. Потом она направилась к «Голубой Розе», где увидела Фей Карсон в компании Холанда. Она подумала, что если Фей приведет Холанда к себе, то в таком случае на него падут все подозрения. Итак, она опередила Фей Карсон и оказалась в ее квартире раньше. Она убила свою бывшую подругу и выкрутила пробки, а потом вернулась к себе домой.

О'Бриен встал, вынул из портсигара сигарету и подошел к буфету, чтобы взять зажигалку.

— Все это ваши домыслы,— сказал он закуривая.— И хороший адвокат быстро разобьет вашу гипотезу. К тому же Джонни признался, что убийца он.

— Конечно,— сказал Адамс, качая головой,— это ведь не на нем вы собирались жениться. Вы, безусловно, не поколебались бы взять себе в жены мисс Дорман, даже если бы и считали ее виновной. Джонни Дорман тоже был заинтересован в том, чтобы свадьба состоялась. Ему были нужны деньги.

— Ваши обвинения не выдерживают критики,— заявил О'Бриен с напряженным лицом.— Вы должны бросить это дело.

— Я ничего не собираюсь бросать. Через неделю я представлю неопровержимые доказательства.

О'Бриен положил зажигалку и взял свой револьвер, наставив его на Адамса.

— Не двигайтесь или я буду стрелять,— свистящим голосом проговорил он.

Потом он посмотрел на Кена, опирающегося на дверь.

— Подойдите и сядьте рядом с ним.

Кен послушался.

Адамс не казался огорченным.

— Это ни к чему не приведет, О'Бриен. Как она сможет выкрутиться с двумя мертвецами на кухне?

— Вы говорите так потому, что не знаете моей организации. Вы, может быть, и хитрый, но вам надо еще многому научиться.

Гилда вскочила с места.

— Вызови Вайти, Спидвей 57778,— сказал О'Бриен, не спуская глаз с Адамса.— Скажи ему, чтобы он привел с собой четырех человек. Есть дело.

Она направилась к телефону.

— На вашем месте я бы этого не делал,— тихо проговорил Адамс.— Это ничего не изменит.

— В самом деле? Хотите я вам скажу, что произойдет? — закричал О'Бриен, бешено сверкая глазами.— Мы убьем вас, а также Холанда и ночного сторожа. Парни унесут обоих мертвецов, которые нам мешают, и навсегда их уничтожат. Вас же найдут внизу убитым из револьвера Холанда, а тот будет на лестнице, убитый из вашего револьвера. Что касается сторожа, он будет убит случайно.

— Может быть,— сказал Адамс.

— Безусловно, все, что касается убийства Фей Карсон, будет отнесено за счет Холанда,— сказал О'Бриен, обнажая зубы в злой улыбке.

Гилда дрожала так, что с трудом держала телефонную трубку.

— Я не могу, Сеан,— простонала она.

— Брось! — нетерпеливо сказал он.— Я займусь этим сам. Иди в свою комнату. И не беспокойся, дорогая, ты спасена.

Гилда, шатаясь на каждом шагу, ушла в спальню и закрыла за собой дверь.

О'Бриен повернулся к Адамсу.

— Руки вверх, хитрец! — сказал он.

Он не видел Лео, вышедшего из кухни. Пес подошел к нему, встал на задние лапы и положил передние на колено О'Бриена.

О'Бриен вздрогнул, опустил взгляд и ударил ногой животное.

Рука Адамса нырнула под пиджак и вернулась, вооруженная пистолетом.

О'Бриен выстрелил, но секундой позже. Пистолет Адамса пролаял раньше, и кровавое пятно появилось вместо правого глаза О'Бриена. Он выронил оружие и зашатался. Адамс выстре-

лил еще. О'Бриен отшатнулся к стене, потом упал головой вперед.

— Мерзавец! — проговорил Адамс со вздохом. — Сознаюсь, ну и натерпелся же я страху! А вы?

Кен не ответил. Он упал в кресло, обхватив голову руками.

— Кончено представление! — сказал Адамс Гилде, войдя к ней в спальню. — Теперь вам придется выкручиваться одной. Пошли, моя красавица, мы отправимся в полицию, и там вы все расскажете.

Гилда отшатнулась.

— Этот пес заставил взлететь на воздух все его замечательные проекты. Он все продумал, кроме появления животного. Если бы я не спустил О'Бриена, я был бы сейчас на его месте. Идите, девочка, не заставляйте себя ждать.

— Не подходите ко мне! — закричала она с искаженным от ужаса лицом.

— Судьи будут к вам снисходительны, поглядев на ваши ноги, — насмешливо проговорил Адамс. — Вы отделаетесь двадцатью пятью годами. Вы будете там в полной безопасности, так что вам еще повезет.

Гилда повернулась и бросилась к окну. Она не остановилась. С той же скоростью она проскочила через стекло. И Адамс услышал крик, долгий и жалобный, пока она летела в темноте, потом услышал глухой стук о тротуар шестью этажами ниже.

Он пожал плечами, вернулся в салон и, не обращая внимания на Кена, по-прежнему сидящего, обхватив голову руками, вызвал главное отделение полиции.

— Пришлите санитарную карету и патрульную машину, Маддокс Курт, 45, — сказал он в аппарат, — и срочно, вы поняли, да?

Он подошел к Кену и встряхнул его.

— А вы убирайтесь! Разве вам не хочется вернуться домой?

Кен ошеломенно смотрел на него.

— Идите, живо! — крикнул Адамс. — Вы не в деле. Держите рот закрытым, и вы никогда не услышите разговоров об этой истории. Бегите, живо!

Слишком взволнованный, чтобы произнести хотя бы слово, Кен, пятясь, направился к двери.

— Скажите-ка, — спросил Адамс, указывая на пса, который устроился под буфетом, — вы не хотели бы усыновить его?

— Нет, — дрожащим голосом ответил он, — все, о чем бы я мечтал, это никогда в жизни не видеть больше болонки.

С трудом держась на ногах, он стал спускаться по лестнице.

На следующее утро около восьми часов Кен остановил свою машину на углу авеню Маршалл. Через несколько минут Паркер вышел из дома и направился к Кену.

Походка Паркера потеряла свою твердость. Бледный, осу-

нувшийся, расстроенный, он шел тяжелым шагом, волоча ноги.

— Я подвезу вас к банку? — спросил он с фальшивой развязностью.

Паркер вздрогнул и уставился на своего товарища.

— Ну и нахал же вы! — гневно сказал он. — Вы не можете идти в банк. Полиция вас ищет. Я не могу вас видеть около себя целый день, зная, что каждую минуту могут появиться флики и арестовать вас.

— Ну, не расстраивайтесь так! — сказал Кен. — Я ходил в полицию сам. Они этой ночью нашли убийцу, и я вне подозрений.

— Они нашли убийцу? Значит, это не вы?

— Ну, конечно же, нет! Вам просто нездоровится.

— Ну, ладно. Но при всех обстоятельствах я не могу больше иметь с вами дела. Вы разбили мою семейную жизнь.

Кен рискнул задать ему вопрос, который мучил его в продолжение всей ночи.

— Вы говорили своей жене, что я ходил к Фей?

— Моей жене? Думайте, о чем вы спрашиваете! Не стану же я рассказывать ей, что занимался рекламой этой девки!

Кен глубоко и облегченно вздохнул. Он улыбнулся и хлопнул Паркера по плечу.

— Ну, что ж! Не говорите об этом Ани, пожалуйста.

— Почему вы думаете, что я могу поставить вас в такое тяжелое положение? Учтите, что это был хороший урок. Но я ничего не скажу.

— А как сегодня Мэзи?

— Она похожа на великомученицу. Подчеркнуто спокойна, исключительно вежлива и холодна. Мне понадобятся месяцы, чтобы восстановить наши отношения...

— Купите ей хороший подарок, например, меховое манто.

— Так, так! Уже распоряжаетесь моими деньгами?

— Мораль: никогда не признавайтесь, что бы ни случилось... Но ведь не стоять же нам здесь весь день?! Вы поедете со мной или нет?

Устраиваясь в машине, Паркер бросил на Кена любопытный взгляд. Кен, казалось, за прошедшую ночь обрел необычную для него энергию. Его характер закалился.

— Что же произошло? Расскажите мне, — попросил Паркер.

— Я знаю столько же, сколько и вы. Я пришел вчера в полицию и признался лейтенанту, что провел часть ночи с Фей. По правде говоря, я думал, что он меня задержит, но он мне сказал, что они обнаружили убийцу и что мне остается лишь вернуться к себе. Я не заставил повторять это дважды.

— Вы расскажете Ани, что с вами произошло?

Кен покачал головой.

— Вы вели себя как мальчишка, и у меня нет желания делать то же самое.

Через пять дней Кен ожидал на вокзале поезд, который должен был вернуть ему Ани. Он чувствовал себя удовлетворенным проделанной работой. Последние четыре вечера он работал в доме и в саду. Все маленькие поручения, которые Ани давала ему за последние месяцы, были выполнены.

В газетах много шумели о происшедшем. Авторитетные городские деятели были опозорены и некоторые из них, руководившие полицией, были после этого смещены: среди них и капитан Джон Монтли. Линдзей Барт, казалось, должен был перейти во время ближайших выборов на руководящий пост в правительство, и пресса также оповестила о том, что лейтенанту Адамсу прочат капитанские погоны.

Когда поезд медленно подходил к перрону, Кен увидел светловолосую головку Ани, высунувшуюся из окна. Она махала ему. Через несколько секунд она была в его объятиях.

— О, Кен!

— Дорогая, как мне не хватало тебя!

— Все было хорошо? — спросила Ани, заинтересованная осунувшимся лицом мужа и более твердой линией его губ, которую она нашла очень привлекательной.

— Я в хорошей форме, — улыбнулся Кен.

— Между тем, ты изменился! Ты не скучал, по крайней мере? Ты похудел. Ты выходил... выходил по вечерам?

— У меня не было на это времени. Я покрасил кухню, работал в саду.

— Это странно. Ты уверен, что не наделал глупостей?

— До чего же ты можешь быть подозрительной!

По дороге она рассказывала ему о своем путешествии в Лондон. Катясь в зеленом «линкольне» рядом с женой, Кен чувствовал себя счастливым и спокойным.

Они подъехали к дому.

— Посмотри на сад, — сказал он. — Разве я не хорошо поработал? А ты заметила, что калитка исправлена?

— Дорогой, я думаю, что мне снова надо уехать, — сказала Ани, любясь у ограды очищенным от сорняков садом, ухоженными клумбами и посыпанными песком дорожками.

— Это восхитительно! Ты даже помыл окна!

— К вашим услугам, миссис! — сказал Кен, вынимая из машины чемодан.

Неожиданно Ани издала восторженный возглас:

— О, Кен, дорогой! Какой сюрприз! Он очарователен.

Кен проследил за ее взглядом.

На пороге дома с блестящими глазами, устремленными на Кена, сидела рыжая болонка...

Патриция Макгер

ВСЕ ОСТАЕТСЯ ПОБЕДИТЕЛЮ

Филипп Уэйд сидел за столом в своем кабинете и читал только что написанное им письмо:

Дорогая Лаура.

Мой поступок удивит тебя и, вероятно, причинит боль. Но я знаю, что ты любишь другого, а ты мне дороже жизни. Поэтому сегодня я в последний раз подниму за тебя рюмку коньяка с ядом. Не горюй обо мне, дорогая. Я был счастлив с тобой все эти четыре года, когда ты была моей женой. Я поступаю так, чтобы освободить тебя ради твоего счастья.

Твой до конца дней своих

Филипп.

Да, письмо не из лучших моих творений, подумал он, слишком sentimentalno, пожалуй, даже слащаво, но непременно заставит всплакнуть некоторых читателей утренней почты, если его когда-нибудь напечатают. Если... вслух проговорил он, глубоко вздохнул. Неужели завтрашние газеты опубликуют некролог обо мне? Он закрыл глаза и представил себе заглавие: Покончил с собой известный романист в возрасте 54 лет. Что они напишут обо мне? Какие произведения им понравятся? Как оценят мой талант? Или они будут обсуждать не это, а мой неудачный брак с молодой девушкой, которая годится мне в дочери? Печально улыбнулся, отменяя все эти вопросы. Во всяком случае ему даже не придется читать последние критические заметки о самом себе. Но ведь не поздно раздумать. Когда впервые появился Дон Тальбот, его секретарь, у него и в мыслях не было об этой игре в цинистую рулетку. Что же произошло? Они снова стали встречаться, как и шесть дней назад, когда он стал свидетелем измены. Он мог бы развестись с женой и уволить Тальбота. Тогда Уэйд жил бы в богатстве и одиночестве, а они были бы вместе, но в бедности. Такое решение не удовлетворяло ни ту, ни другую сторону, поэтому Тальбот предложил сегодняшний вариант.

— Давайте встретимся, — предложил он, — и поставим две рюмки, одна из которых будет с ядом. Мы с вами, мистер Уэйд, выпьем, и один из нас умрет, другой же получит Лауру.

— И мое состояние, — грубо оборвал его Уэйд. — Ведь это главное, не так ли? Если я использую улики и начну дело о

разводе, она останется ни с чем. Но если я умру, она будет богатой вдовой.

— Верно,— согласился молодой человек.— Она ведь привыкла жить в роскоши с вами, и я не хотел бы ее этого лишать. Но мы полюбили друг друга, вышло как-то само по себе, так уж случилось...

Взглянув на Тальбота, Уэйд с болью осознал его превосходство. Он не мог полностью обвинять Лауру, но не мог он и допустить, чтобы она жила в нужде.

Неделю спустя они стали обдумывать детали. Тальбот должен был достать яд — концентрат для уничтожения насекомых. Его вкус и запах удачно маскировались коньяком.

Испытание было назначено на воскресенье в 8 часов вечера. Мужчины должны были написать предсмертную записку, чтобы полиция не затевала дела об убийстве или разговоров о нем. И вот уже почти 7.30.

— Это я, Фил,— Лаура проскользнула в комнату и закрыла за собой дверь.— Я тут одна просто начинаю с ума сходить от ожидания и неизвестности.

— Все будет в порядке,— сказал он явно невпопад. При виде ее он еще раз убедился в правильности своего решения. Маленькая, нежная, хрупкая, рыжеволосая, словно котенок, она подошла к нему, присела на колени у стула и преданно посмотрела на него. Все еще ребенок, подумал он, и мягко потрепал ее по щеке. Даже сейчас он не мог осудить ее за неверность.

— Я боюсь, Фил,— сказала Лаура.— Пока вы тут с Доном говорили, мне вдруг показалось, будто это... игра. Но ведь это не игра, все это на самом деле будет?

— Да, на самом деле. И все же это игра с высокой ставкой. Мое письмо готово. Хочешь прочитать? Он протянул бумагу. Лаура стала читать, а он наблюдал не без чувства гордости за свое сочинение, как ее глаза засияли, и она с восторгом воскликнула:

— О Фил, как трогательно, и ты так добр ко мне, даже после того как я дурно с тобой поступила.

— Ничего подобного, просто ты встретила человека своего возраста и полюбила его.

— Неправда, я люблю только тебя. А к Дону я чувствую низменное влечение, гадкое и пошлое, ничего похожего на любовь. Я была ослеплена и не могла оценить твою доброту и великодушие. И только сейчас, когда я представила себе, что могу потерять тебя, я поняла, как сильно люблю тебя, как ты мне нужен. Фил, ты не должен умереть.

— Если ты так думаешь,— улыбнулся он, на душе посветлело, и он сразу воспрянул духом,— то и умирать никому не нужно. Мы попросим молодого человека собрать нас в дорогу и устроим по этому случаю праздник.

— Если бы это было так просто.

Она склонила голову, коснувшись его колен, и сказала приглушенным голосом:

— Ты не представляешь, что он значит для меня. Это не любовь, вовсе не любовь, но я испытываю к нему неудержимое влечение. Я пыталась порвать с ним... не смогла. Когда он до меня дотрагивается или даже просто смотрит, меня бросает в жар. Ужасно говорить о таких вещах, дорогой, и я ненавижу себя за то, что причиняю тебе боль, но хочу, чтобы ты понял все. Сколько бы обещаний я тебе ни давала, я бы не смогла их сдержать до тех пор, пока Дон жив и добивается меня.

— А если бы он не был жив?

— Тогда мы с тобой снова были бы счастливы, как когда-то.

Она подняла голову и посмотрела на него:

— Пожалуйста, Фил, давай устроим так, чтобы умер он.

— Боюсь, все в руках судьбы.

— Мы не должны этого допустить. Я все время думала об этом. Ты ведь первый возьмешь рюмку, правда? И тогда ему придется выпить другую.

— Мы так и собирались сделать.

— Но это потому, что ты не доверял мне, а Дон доверяет, и ему никогда не придет в голову, что мы с тобой замыслим заговор против него.

— В самом деле? — Он ждал, что она еще скажет.

— Вы уже решили, какие рюмки вы должны взять?

— Да, вот те, что побольше, с изображениями богов и богинь, они всегда казались тебе такими забавными.

— Ну тогда все гораздо проще.

Она поднялась на ноги, быстро прошла к алькову, где был небольшой бар, на крышку которого Уэйд поставил графин с коньяком, небольшой серебряный поднос и полдюжины коньячных рюмок. Каждая была украшена мифологическим сюжетом. Лаура выбрала две рюмки и поставила перед ним на стол.

— Ты знаешь, что я сделаю? — Ее лицо вдруг зажглось вдохновением молодости. — Я налью тебе вот в эту, — она показала на рюмку с изображением бородатого Зевса. — А яд положу вот сюда, — она стукнула слегка ноготком пальца по рюмке — как раз по кудрявой головке Аполлона — дзинь!

— Да, нетрудно запомнить, — криво усмехнулся Уэйд. — Старик и юноша.

— Он никогда не заподозрит, — прошептала Лаура. — Даже если он почувствует, что выпил яд, он подумает, что ему просто не повезло. И тогда, о дорогой! Тогда все будет еще лучше, чем прежде.

Лаура убежала, а Уэйд, медленно передвигаясь, положил рюмки на место и пошел открывать дверь. Он был слегка ошеломлен столь необычным поворотом событий. Она любит меня, подумал он.

Тем не менее, когда он открыл дверь своему молодому сопернику, фигуры Зевса и Аполлона невольно встали перед его глазами, и снова его охватили сомнения.

— Думаю, не стоит терять времени, — Тальбот явно нервничал. Он вынул из кармана пальто небольшой пузырек с темной жидкостью. Пройдя к бару, положил его рядом с рюмками. Затем снял перчатки, сунул их в карман, повесил пальто на вешалку в углу.

— Вы написали письмо? — спросил Уэйд.

— Да, вот оно, — Тальбот протянул Уэйду конверт с письмом.

— Мое на столе, — Уэйд прочитал надпись на конверте: «Тому, кто будет иметь отношение к этому делу». Он вынул сложенный лист: «Женщина, которую я люблю, не любит меня, а я жить без нее не могу и потому решил принять яд. Прощайте. Дональд Тальбот».

Стиль оставляет желать лучшего, критически подумал Уэйд, но главное сказано. В любом случае Тальбот не настолько известен прессе, чтобы докапываться до истины.

— Все ясно, — подтвердил Тальбот, прочитавший, в свою очередь, письмо Уэйда. — И если вас устраивает мое, будем считать, что с этим улажено. А, Лаура, входи, мы ждем тебя.

Она молча вошла, опустив глаза, не взглянув на молодого любовника. Боятся, что я увижу предательство в ее глазах, подумал Уэйд, или же, наоборот, опасается, что взглядом может выдать наш заговор?

— Я тоже положу свое письмо на стол, — Тальбот взял его у Уэйда, положил в конверт. — Вы можете подтвердить, что я дал его вам, прежде чем выпить яд. И, конечно, когда... когда все это кончится, тот, кто останется жив, должен уничтожить свое письмо.

— Ты... ты принес? — спросила Лаура, все еще не глядя на Тальбота.

— Да. Пузырек в баре. Вылей его в одну из рюмок и долей коньяком. Рюмки должны быть налиты до одинакового уровня. А теперь мы повернемся к тебе спиной.

— Когда ты кончишь разливать, — добавил Уэйд, — поставь рюмки на маленький поднос и положи его на мой стол. Мы сами решим, какую рюмку выпить.

Они проводили ее взглядом до алькова, затем повернулись лицом к двери.

— Яд должен подействовать очень быстро, — прошептал Тальбот, — и, я надеюсь, безболезненно.

Уэйд не проронил ни слова. В его мозгу кружились мысли, не давая покоя. Лгала ли она? Могу ли я поверить ей?

У них за спиной послышались легкие шаги Лауры. Она приблизилась к столу, и мужчины повернулись. Руки молодой женщины дрожали, когда она ставила поднос.

— Налей и себе, — посоветовал Тальбот. — Ведь по нашему замыслу мы все трое должны пить, значит, нужны три рюмки. — Она послушно вернулась за третьей рюмкой. Уэйд внимательно присматривался к двум приборам на серебряном подносе. В каждом было одинаковое количество жидкости и никакой разницы в цвете. Различались они лишь по рисункам. Зевс и Аполлон. Аполлон и Зевс. По заверениям Лауры, яд был в рюмке с изображением Аполлона, Зевс, стало быть, безвреден. А если Лаура обманула его?..

Он снова взглянул на Дона Тальбота, который внимательно следил за тем, как Лаура налиwała третью рюмку. Шесть месяцев она была его любовницей. По сравнению с ним я стар и ничего не могу ей предложить, кроме денег. Если бы она положила яд в рюмку с Зевсом, то у нее были бы и деньги и молодой любимый муж. Но, взяв Аполлона, я разрушу их планы, разоблачу Тальбота и буду снова с ней.

А если она сказала правду? Ведь она была добра ко мне, когда мы поженились, и, я уверен, она не притворялась. Более трех лет она была верна мне. А ее связь с Тальботом могла быть просто заблуждением. Она ведь сама понимает свою слабость и уверена, что только его смерть может освободить ее от этого рабского чувства. Поверить ей?

Лаура подошла к ним с рюмками, посмотрела на мужа долгим, полным обещаний взглядом, отчего его пульс забился чаще.

— Готовы, мистер Уэйд? — прервал тишину Тальбот. — Выбирайте.

— Да, я готов.

Он приблизился к подносу, протянул руку и заколебался. Зевс или Аполлон? Аполлон или Зевс? Он чувствовал, как эти двое, затаив дыхание, ждут, и он наконец принял решение. Лучше умереть, поверив ей, чем жить, зная, что она обманула. Хуже всего умереть от недоверия.

Он выбрал рюмку с изображением Зевса. По привычке он подержал ее в руке, чтобы согреть коньяк, и поднес к носу, ощущая приятный запах миндаля. Неужели это горький запах цианида? Еще раз глубоко вдохнув запах, он ощутил лишь аромат своего любимого коньяка.

Тальбот взял другую рюмку, поднял ее и взглянул из-за края рюмки на Уэйда.

— За женщину, которую мы оба любим.

— За Лауру, — вторил ему Уэйд.

Мужчины поднесли рюмки к губам одновременно, выпили содержимое одним залпом и тихо стояли в ожидании. Уэйд вдруг почувствовал холодок в желудке и слабость в ногах. В его мозгу тут же возникли панические вопросы: отравлен? Что значат эти симптомы? Скоро ли подействует яд?

Ему хотелось взглянуть на Лауру, увидеть ответ на ее

лице, но он не мог повернуть головы. И тогда закричал Тальбот.

— О, боже! Мое горло в огне! — Рюмка выпала из рук и покатилась под стол. Одной рукой он сжал горло, другой закрыл рот и упал на колени. Его тело изогнулось дугой.

— Пожалуйста, помогите мне кто-нибудь... — Тальбот медленно сползал на пол, плечи его конвульсивно вздрагивали, он упал и затих.

— Ну вот и все, — сказала Лаура. — Кончено.

— Да, — Уэйд поставил пустую рюмку на поднос и коснулся языком пересохших губ. Стараясь не смотреть на распростертое на ковре тело, он неуверенно попятился назад, чтобы сесть в кожаное кресло у стола. Все его тело покрылось холодным потом.

— Дорогой, возьми себя в руки. — Лаура приблизилась к нему. — Мы должны привести все в порядок до прихода доктора.

Он посмотрел на нее, поражаясь ее выдержке. Она отправила на тот свет своего любовника и была совершенно спокойна. И все же она права: надо собраться с мыслями до прихода властей.

— Я готов, — сказал он, хотя с трудом мог сжать челюсти, чтобы не стучали зубы.

— Выпей, — она предложила ему свою нетронутую рюмку, — ты должен держаться.

Он взял рюмку, быстро опорожнил и попытался улыбкой ободрить ее. Но тут в ее взгляде появилось нечто такое, что заставило его еще больше похолодеть.

— Все в порядке, Дон, — спокойно сказала она, — вставай, он выпил его.

К великому изумлению Уэйда, человек, лежащий на полу, поднял голову и стал вставать. Затем в глазах Уэйда помутилось, комната закачалась, и острая боль пронизала желудок. Они выиграли, подумал он. Неважно, какую рюмку я бы выбрал, Лаура положила яд в свою.

Он опустился в кресло, голова его наклонилась к рюмке, которую он держал на коленях. Последнее, что он увидел, — фигурку на стекле: полуобнаженная нимфа с луком и стрелой, Диана — богиня охоты.

СОДЕРЖАНИЕ

СМЕРТЬ ШЛА ВМЕСТЕ С НИМИ 3

ПОЙМАТЬ ТИГРА ЗА ХВОСТ 181

П. Макгер

ВСЕ ОСТАЕТСЯ ПОБЕДИТЕЛЮ 327

ИБ 2237

Джеймс Хэдли Чейз

Библиотека зарубежного криминалистического и приключенческого романа. Выпуск № 1. Издано при содействии кооперативного предприятия "Мелор". Художественный редактор А. Саяпин. Технический редактор Л. Зайкина. Корректор Шполянская В. С. Сдано в набор 01.09.90. Подписано в печать 30.10.90. Формат бумаги 60 × 90/16. Бумага писчая. Гарнитура литературная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 20,4. Заказ № 2726

Тираж 100 000 экз. Цена 15 руб. Заказное. "Библиотека "Леоминг", 200001, г. Таллинн, ул. Харьу, 1. Отпечатано на Смоленском полиграфкомбинате. 214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

От составителя

Уважаемый читатель!

**В следующем сборнике Вашему вниманию
будет предложен роман Анны и Сержа Голон из
серии «Анжелика».**

До скорой встречи!

С уважением

А. Саяпин

Уважаемый читатель!
Часть средств от продажи
этой книги пойдёт
в Детский фонд
и на другие
благотворительные цели

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

1

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

